ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

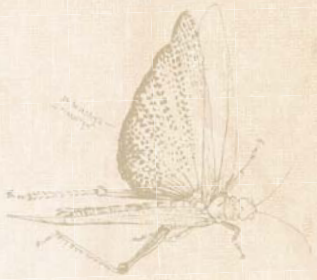
Хроника путешествий
XIX – первой половины XX в.

Русские географы в Латинской Америке

Аванта

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОСНОВАНО В 1845 г.

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»

Аванта

Авторы

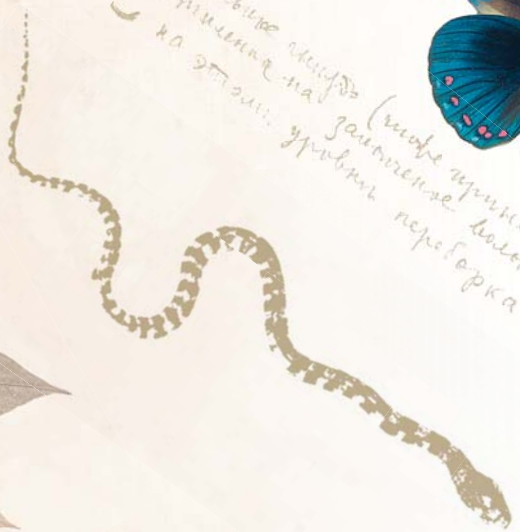
Д. В. Белов, А. В. Бредихин, С. А. Добролюбов,
Б. Н. Комиссаров, А. С. Наумов, А. И. Сизоненко,
Д. В. Соколова, В. Н. Танасийчук, В. Н. Холина

Научный редактор

А. С. Наумов

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

РУССКИЕ ГЕОГРАФЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Хроника путешествий XIX — первой половины XX в.

Москва
АСТ

УДК 910.4 (8=6)
ББК 26.89(70)
В27

Заведующая редакцией «Аванта» *В. Чемякина*
Ответственный редактор *С. Мирнова*
Литературный редактор *С. Курчина*
Макет и оформление *Л. Ковальчук*

В27 **Великие русские экспедиции. Русские географы в Латинской Америке: хроника путешествий XIX — первой половины XX в.**/ под ред. А. С. Наумова. — М.: АСТ, 2014. — 376 с. : ил.
ISBN 978-5-17-083909-4 (Великие русские экспедиции)
ISBN 978-5-17-080801-4 (Русские географы в Латинской Америке)

Книга посвящена экспедициям русских географов в Латинскую Америку. Она рассказывает о выдающихся путешественниках прошлого, открывавших для своей страны — России далёкие латиноамериканские страны и внёсших ценный вклад в изучение географии этого региона мира. Хроники экспедиций охватывают период от первых русских кругосветных плаваний до поездок в Латинскую Америку выдающегося биолога и географа Н. И. Вавилова в 1930-е гг. При работе над книгой авторы широко использовали архивные материалы, некоторые из них впервые введены в научный оборот. В книге опубликованы карты маршрутов путешествий и иллюстрации — рисунки и фотографии, сделанные в ходе экспедиций, копии документов. Книга подготовлена к изданию благодаря гранту Русского географического общества.

УДК 910.4 (8=6)
ББК 26.89(70)

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953004 — литература научная и производственная

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Публикация осуществлена при финансовой поддержке
Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»

ISBN 978-5-17-083909-4 (Великие русские экспедиции)
ISBN 978-5-17-080801-4 (Русские географы в Латинской Америке)

© Русское географическое общество
© текст: Д. В. Белов, А. В. Бредихин, С. А. Добролюбов, Б. Н. Комиссаров, А. С. Наумов, А. И. Сизоненко, В. Н. Танасийчук, В. Н. Холина
© карты: Д. В. Соколова
© ООО «Издательство АСТ»

Обращение к читателям

Бóльшая часть территории Латинской Америки находится одновременно в Западном и в Южном полушариях — в противоположной по отношению к России части глобуса. Тем не менее наши соотечественники очень много сделали для исследования этого далёкого региона. Посещая берега Америки во время первых российских кругосветных плаваний, а позднее — проникая в глубь её неизведанных территорий в ходе многодневных экспедиций, русские географы собирали ценную информацию о природе, населении и хозяйстве этой малоизученной части света. Из своих странствий они привозили гербарии, энтомологические и этнографические коллекции, которые бережно сохраняются в российских музеях и поистине уникальны. Русские моряки и путешественники составили карты многих территорий, бывших на то время практически «белыми пятнами» как для России, так и для остального мира.

Особую роль в исследованиях Латинской Америки сыграло основанное в 1845 году Русское географическое общество (РГО) — одна из старейших в мире национальных организаций географов. Достаточно сказать, что четверо из путешественников, которым посвящена эта книга, — Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель и П. А. Чихачёв были учредителями РГО, а Н. И. Вавилов в 1931—1940 годах возглавлял географическое общество нашей страны.

И. К. Айвазовский. Два корабля в море. 1863 г.

До сих пор не все материалы, собранные в прошлом русскими географами во время путешествий по странам Латинской Америки, введены в научный оборот. Не всегда о совершённом ими научном подвиге, а по сравнению с современными путешествиями такие экспедиции: на небольших парусных судах, речных лодках, лошадях, пешком, были настоящим подвигом, знают и помнят в России и за рубежом. Например, в Морском музее Чили в городе Вальпараисо в экспозиции о моряках, обогнувших в первой половине XIX века мыс Горн, не упомянут ни один из прошедших «ревущими сороковыми» широтами в обход Южной Америки русский мореплаватель!

Идея написания книги, которую вы держите в руках, родилась во время экспедиции РГО «Русские географы в Латинской Америке», проходившей в 2011—2012 годах. Эта экспедиция была организована учёными географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. На основе собранных во время экспедиции материалов, данных Научного архива Русского географического общества и других фондов участники экспедиции вместе с исследователями, изучающими историю отношений России со странами Латинской Америки, написали книгу о русских географах, которые посетили этот регион в XIX — первой половине XX века.

Надеюсь, что эта книга, изданная на средства гранта РГО, будет полезна всем, кому интересна история отечественной географической науки. Быть может, знакомство с маршрутами выдающихся русских географов побудит кого-либо из читателей отправиться в путешествие по Латинской Америке. Насколько я могу судить на основании собственного опыта, а мне пришлось побывать на Кубе, в Мексике, Чили, эти страны не только отличаются притягательной экзотикой, но и крайне интересны для современных географических исследований.

Первый вице-президент РГО,
декан географического факультета МГУ
Академик Н. С. Касимов

Предисловие

Замысел написать книгу о вкладе отечественных исследователей в изучение географии Латинской Америки возник в ходе подготовки экспедиции Русского географического общества (РГО), которая отправилась в ноябре 2011 г. в Чили и Уругвай. Одной из целей этой экспедиции был поиск информации о деятельности русских географов, побывавших в южноамериканских странах на рубеже XIX—XX вв. В феврале — марте 2012 г. экспедиция «Русские географы в Южной Америке» продолжила работу на территории Перу. Участники экспедиции вели научные наблюдения за природой и хозяйством, оценивали состояние окружающей среды, а также проводили просветительскую работу, пропагандируя традиции и современные достижения российской географии. При этом особое значение они уделяли истории русских географических исследований в Южной Америке, ведь, к сожалению, известны далеко не все факты, связанные с посещением этого континента русскими географами в прошлом. Их имена мало знакомы нашим современникам, живущим в южноамериканских странах, да и молодое поколение россиян плохо представляет себе, какую важную роль сыграли в открытии и исследовании далекой Южной Америки наши соотечественники.

О том, как проходила экспедиция РГО 2011—2012 гг., подробный рассказ ещё впереди, анализ её результатов не закончен: из Южной Америки привезено множество интересных материалов (только

Мачу-Пикчу — древний город инков в Перу.

фотографий более 3000), пока полученные материалы обрабатываются. Но с рассказом о роли русских географов в изучении стран, по которым проходил маршрут нашей экспедиции, мы решили не медлить и написали эту книгу. В неё вошли очерки, посвящённые выдающимся географам и путешественникам XIX–XX вв., в жизни и деятельности которых был «латиноамериканский период». Поначалу мы планировали рассказать только о путешествиях русских географов в Южную Америку. Потом «место действия» героев книги было расширено: им стала вся Латинская Америка, ведь страны, протянувшиеся на тысячи километров от границы Мексики с США до окраин Чили и Аргентины на Огненной Земле, связывает общность истории, культуры, языка (за исключением Бразилии и ещё нескольких государств — бывших колоний Англии, Франции и Нидерландов, везде говорят на испанском). К тому же многие русские путешественники побывали не только в Южной Америке, но и на территории Мексики и стран Центральной Америки, поэтому мы не стали искусственно разделять их маршруты, резать по живому путевые заметки.

Обоснования заслуживает временной период, выбранный для наших очерков. Он начинается с первого русского кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, под командованием которых шлюпы «Надежда» и «Нева» в 1803–1804 гг. обогнули Южную Америку, и заканчивается экспедициями начала 30-х гг. XX в., которые совершил в Латинскую Америку Н. И. Вавилов — выдающийся учёный-биолог, президент Государственного географического общества (название Русского географического общества в 1926–1938 гг.). Все герои нашей книги сформировались как учёные и стали профессиональными путешественниками в основном до советского периода; они были яркими представителями русской

Патагония. Аргентина.

Боливийские Анды.

географической науки и носителями её традиций. Во второй половине XX в. развитие пассажирской авиации значительно упростило поездки по миру и изменило характер путешествий, сделав их менее опасными и более комфортными. Начиная с 1960-х гг. поездки отечественных географов в дальние страны стали более частыми, к тому же многие из тех, кто побывал в Латинской Америке, ещё здравствуют и сами могут рассказать о своих путешествиях.

Стоит сказать и о том, что мы понимаем под термином «русские географы». Большинство героев книги получили признание и вошли в историю науки именно как учёные-географы, трудившиеся на благо нашей страны. Многие из них были членами Русского географического общества, а некоторые занимали в нём ключевые посты. Среди тех, кому посвящены наши очерки, несколько членов-учредителей РГО (Ф. П. Врангель, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке, П. А. Чихачёв), президент Географического общества Н. И. Вавилов, председатель метеорологической комиссии общества А. И. Воейков. Поскольку география — в классическом определении — это землеописание, мы сочли возможным поставить в ряд географов и тех, кто путешествовал с иными профессиональными целями, но оставил подробные географические описания, представляющие большой интерес и с точки зрения современной географии (дипломат А. С. Ионин, морской врач А. В. Вышеславцев). Следуя традициям энциклопедизма географии, комплексности географических исследований, мы не отделяем от географов биологов и этнографов (С. К. Патканова, Г. Г. Манизера, И. Д. Стрельникова, С. М. Букасова, Ю. Н. Воронова и других), тем более что многие из них были признаны отечественными географами как члены своего профессионального сообщества и даже удостоены его высших наград — медалей Русского географического общества.

Необходимо сказать несколько слов и об авторах книги. Очерки написаны современными путешественниками, которые хорошо знают Латинскую Америку, неоднократно там бывали. Четверо — гео-

графы А. В. Бредихин, С. А. Добролюбов, А. С. Наумов, В. Н. Холина — участники уже упомянутой экспедиции РГО 2011–2012 гг. Двое историков — Б. Н. Комиссаров и А. И. Сизоненко давно занимаются изучением биографий, вклада в науку и в практику российско-латиноамериканских межгосударственных отношений выдающихся русских географов и путешественников. Один из авторов — Д. В. Белов, географ по образованию. Он состоял на российской дипломатической службе в латиноамериканских странах, следовал заветам героя своего очерка А. С. Ионина и много путешествовал, вёл путевые заметки, публиковал статьи по итогам поездок. Наконец, в подготовке очерка об экспедиции 1914–1915 гг. принял участие сын одного из её участников — известный биолог В. Н. Танасийчук, написавший об экспедиции своего отца отдельную книгу.

При подготовке очерков использовались различные материалы. Это и опубликованные путевые заметки путешественников, и материалы из различных архивов, в которых хранятся их полевые дневники, фотографии, документы. Благодаря усилиям историков географической науки в научный оборот ранее уже были введены многие из этих архивных материалов, что значительно упростило нашу работу. Вместе с тем авторы книги были первыми, кто изучал архивы некоторых путешественников, например архивы И. Д. Стрельникова и С. М. Букасова. Работа с этими материалами стала возможной благодаря помощи заведующей архивом Русского географического общества М. Ф. Матвеевой. Мы уверены, что это далеко не последние «открытия»; в РГО и других архивах ещё будут обнаружены новые материалы, которые помогут дополнить историю русских географических исследований в Латинской Америке.

Особо следует сказать о том, что многое в этой истории становится ясным в результате повторения маршрутов героев нашей книги, поисков следов, оставленных ими в латиноамериканских странах. Где-то память русских путешественни-

На северо-восточном побережье Бразилии.

В посёлке Ольянтайтамбо. Перу.

ков до сих пор чтят и хранят свидетельства их пребывания в далёких землях. Одна из таких реликвий — фотография, на которой Н. И. Вавилов запечатлён с местными коллегами в декабре 1932 г. на опытной сельскохозяйственной станции «Ла-Эстансуэла» в Уругвае, опубликована в нашей книге. Кое-где о русских географах забыли, и наш долг напомнить о том, какой вклад они внесли в изучение Латинской Америки. Например, в Морском музее в чилийском порту Вальпараисо, на стендах, посвящённых плаваниям иностранных моряков вокруг Южной Америки, нет ни одного упоминания о наших соотечественниках.

В ходе работы над книгой нам удалось исправить некоторые неточности, встречавшиеся ранее в описаниях. Составлены карты маршрутов русских путешественников в странах Латинской Америки. Картограф Д. В. Соколова в качестве основы использовала географические карты тех лет, к которым относятся описываемые нами путешествия. Этот приём представляется нам оправданным: по таким картам лучше следить за маршрутом, у читателя есть возможность путешествовать по ним вместе с героями книги. Государства и их границы показаны на наших картах в соответствии с реальной обстановкой того времени, а звучащие ныне забавно географические названия: Лапац (Ла-Пас), Порто-Рико (Пуэрто-Рико) и многие другие на самом деле соответствуют топонимическому ряду, которым пользовались в своё время русские путешественники.

Скажем также о некоторых главных выводах, к которым мы пришли в ходе написания книги. Они касаются как особенностей развития географической науки, так и персональных качеств тех, кто её развивал, — русских географов, жизненный путь которых проходил через Латинскую Америку.

Прежде всего стоит задуматься, для чего русские путешественники отправлялись к этим далёким берегам и стремились как можно дальше проникнуть в глубь малоосвоенных земель. В начале XIX в. Российская империя стремилась, вдогонку за сделавшими это несколькими веками ранее

Испанией и Португалией и ведущими колониальными державами того времени — Великобританией и Францией — утвердить своё влияние в Мировом океане. На пути кругосветных плаваний лежала Южная Америка, там суда ремонтировались, пополняли запасы еды и провизии. Морским путём — вокруг мыса Горн — Россия сообщалась со своими колониями в Северной Америке; Форт-Росс в Калифорнии и поселения на Аляске снабжались чилийским и мексиканским зерном.

Предпринимались, по примеру других европейских держав, и попытки российского участия в хозяйственной колонизации Латинской Америки. Г. И. Лангсдорф превратил своё имение Мандиока под Рио-де-Жанейро в «опытную модель» европейского поселения. Ф. П. Врангель вынашивал планы создания большой сельскохозяйственной колонии вблизи крепости Форт-Росс, на землях, которые в то время принадлежали Мексике.

После освобождения стран Латинской Америки от колониальной зависимости на первый план вышла задача наладить хозяйственные связи Российской империи с молодыми государствами региона. Географическая наука играла при этом вспомогательную роль: для обеспечения навигации были необходимы сведения об океане и побережьях, для успешной торговли нужна была информация о хозяйстве и населении стран. Большое внимание путешественники уделяли оценке геополитической обстановки и военного потенциала: в своих путевых заметках они характеризовали состав и вооружение местных гарнизонов, боеспособность армий и флотов (не будем забывать, что в XIX в. почти все путешественники были военными моряками или недавно вышедшими в отставку офицерами).

Позднее на первый план вышли путешествия с научными целями: знание географии Латинской Америки требовалось учёным для обоснования своих научных теорий. Так, А. И. Воейков собирал данные об особенностях климата, Н. И. Вавилов — о центрах зарождения и распространения земледелия. Путешественники проводили различные измерения. Ф. П. Литке первым измерил величину магнитного склонения на чилийском побережье у порта Вальпараисо. Н. Н. Миклухо-Маклай измерял у берегов Южной Америки температуру океанской воды, опровергая распространённую в то время теорию о том, что её температура с глубиной не изменяется. Г. И. Лангсдорф и его спутники собрали не имеющий равных гербарий тропической флоры.

Поражает присущая большинству героев нашей книги подробность, добросовестность ведения дневников, вызывающая уважение современных географов. Все исследователи были энциклопедистами и, посвящая основное время сбору информации по определённой «узкой тематике», не забывали в лучших традициях путешественников описывать в своих заметках всё увиденное. Моряки писали о населении стран Южной Америки, климатолог А. И. Воейков оставил подробную характеристику социально-экономического уклада жизни в Мексике, биолог Н. И. Вавилов задумывал на основе дневников написать книгу о странах, которые он посетил. Благодаря этой традиции, похоже, увы, уходящей в прошлое, мы имеем прекрасные образчики страноведческих описаний, дающие подробную географическую картину разных периодов времени.

Во время путешествия, на больших привалах, раньше было принято делать «списки» с дневников, а по возвращении

домой — публиковать составленные на их основе путевые заметки в виде журнальных статей и отдельных изданий. Многие такие прижизненные публикации русских путешественников, побывавших в Латинской Америке, впоследствии выдержали не одно переиздание; они использовались нами при написании этой книги.

Путешественники не только вели записи в дневниках. Географы в прошлом были хорошими рисовальщиками, во многих экспедициях принимали участие профессиональные художники. Когда рассматриваешь, например, дневники И. Д. Стрельникова, участника экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг., диву даёшься, как можно было столь детально зарисовывать насекомых и их гнёзда, находясь в сыром и удушливо жарком тропическом лесу и отмахиваясь от насекомых, которые откладывали свои личинки под кожу путешественнику, причиняя ему невыносимые муки. На новый уровень экспедиционная работа географов вышла с появлением фотографии. Любопытно, кстати, что, по одной из версий, фотография была изобретена спутником и помощником героя нашей книги — Г. И. Лангсдорфа.

Когда изучаешь архивные материалы, хорошо видно, как эволюционировала фотографическая техника. С каждым годом становилось всё больше фотоснимков, привезённых географами из путешествий, изменялось их качество. В архиве РГО хранится альбом фотографий, подаренный Л. Тиленом великому князю Константину Николаевичу, в то время бывшему председателем Русского географического общества. Эти фотографии, по-видимому, сделаны в ходе кругосветного плавания. На огромных — полметра в ширину — листах городские пейзажи Рио-де-Жанейро и Монтевидео, статичные (тяжёлую камеру фиксировали на треноге) фотографии людей. Позднее, когда фотокамеры стали значительно легче, появилась возможность брать их с собой в самые удалённые и труднодоступные уголки. Не всегда при этом сделанный путешественниками выбор фотокамеры был удачным. Так, моло-

Дети у каньона р. Колка в Перу.

дые учёные из Петербурга взяли с собой в экспедицию 1914–1915 гг. в Южную Америку стереоскопическую камеру, в которой изображение сохранялось на стеклянных пластинках. Это оборудование оказалось тяжёлым и хрупким, мало соответствовало походным условиям. Прекрасным фотографом был Н. И. Вавилов, который не только много фотографировал сам, но и давал профессиональные советы по фотографии своим сотрудникам.

Путешествуя вместе с героями книги, переживая в воображении их многочисленные приключения, авторы сделали для себя во время работы над книгой несколько «открытий».

Прежде всего далёкая Латинская Америка, оказывается, не была такой уж и далёкой для наших предшественников. Маршруты путешествий русских географов XIX — первой половины XX в., как хорошо видно на картах, охватывают почти все страны этого региона, на них практически не остаётся белых пятен. Собранные нами факты показывают, что Латинская Америка в то время была одним из приоритетных направлений в зарубежных путешествиях русских географов, которые заслуженно стоят в ряду наиболее выдающихся исследователей из других стран (французский географ и историк Э. Реклю, высоко оценивая результаты путешествия Ф. П. Врангеля по Мексике, ставил его в один ряд с А. фон Гумбольдтом).

Невзирая на многочисленные трудности, которыми путешествия неизбежно сопровождались ранее, до появления самолётов, автомобилей, спутниковой навигации, мобильных телефонов, Интернета, географы добирались, порой рискуя жизнью, до самых отдалённых уголков. Их путешествия не были увеселительными прогулками. Тропики заставили многих героев нашей книги поплатиться здоровьем. Тяжело и необратимо заболел в пути Г. И. Лангсдорф. Перенёс жёлтую лихорадку А. И. Воейков. Болели тропической лихорадкой Н. Н. Миклухо-Маклай и, по-видимому, Н. И. Вавилов. Экспедиционной повседневностью тех лет была «экзотика», которая и не снилась подавляющему большинству современных путешественников; были встречи с «нецивилизованными» индейцами, грабителями, ядовитыми змеями и насекомыми.

Мало кто из современных путешественников способен, как герои нашей книги, неделями трястись в неудобной повозке, провести десятки дней в седле лошади или мула или просто прошагать пешком. Что касается мореплавателей, достаточно сказать, что водоизмещение многих судов, на которых они плавали вдоль берегов Латинской Америки и огибали штормовой мыс Горн, было меньше, чем у прогулочных яхт современных нуворишей.

Ещё одно сделанное нами «открытие» — как «тесен» был мир во времена путешествий героев нашей книги. Молодые офицеры Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель служат вместе на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головнина. Русские моряки посещают Г. И. Лангсдорфа в бытность его российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро и пользуются его помощью и советами. Ф. П. Врангель в Мексике узнаёт о путешествии П. А. Чихачёва. Н. И. Вавилов в музее Рио-де-Жанейро знакомится с экспонатами, собранными во время экспедиции 1914–1915 гг. этнографом Г. Г. Манизером, а потом, уже в Ленинграде, изучает его дневники, пролежавшие без внимания более двух десятков лет в архиве, и заго-

рается идеей их опубликовать... Русские учёные не отделяли себя от мирового научного сообщества (пока не оказались за «железным занавесом»). Ф. П. Врангель сокрушался, что из католической миссии в мексиканской Калифорнии исчез портрет французского мореплавателя Ж.-Ф. Лаперуза, который он видел там во время своего первого кругосветного плавания. К Г. И. Лангсдорфу в его превращённое в лабораторию и музей бразильское имение приезжают выдающиеся натуралисты из многих стран мира. Н. И. Вавилову помогают в его поездках, водят по опытным полям, принимают у себя дома учёные из разных стран Латинской Америки. Научные путешествия всегда служили главным средством для налаживания отношений между странами, наука часто оказывается сильнее политики.

Авторам очень хочется, чтобы так было и в наше время, когда путешествовать стало гораздо проще! Надеемся, что наш рассказ о русских путешественниках, побывавших в XIX — первой половине XX в. в Латинской Америке, привлечёт внимание к странам этого региона и окажется полезен для тех, кто их изучает и ещё только собирается посетить.

А. С. Наумов

ГЛАВА I

Плавания русских моряков к берегам Южной Америки в первой половине XIX в.*

* Здесь будет рассказано только о русских мореплавателях, которые одними из первых оказались у берегов Южной Америки во время кругосветных плаваний в начале XIX в. и стали авторами первых географических описаний этого континента, выполненных нашими соотечественниками.

Иван Фёдорович Крузенштерн

(Адам Йоханн фон Крузенштерн)

8(19) ноября 1770 — 12(24) августа 1846

Российский мореплаватель, начальник первой русской кругосветной экспедиции, один из основоположников отечественной океанографии, адмирал, почётный член Петербургской академии наук, один из основателей Русского географического общества.

Юрий Фёдорович Лисянский

2(13) августа 1773 — 22 февраля (6 марта) 1837

Первый российский кругосветный мореплаватель, исследователь Тихого океана, капитан 1-го ранга.

И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский: кругосветное плавание 1803–1806 гг.

Перед первой русской кругосветной экспедицией Крузенштерна — Лисянского стояло несколько задач: привезти на Камчатку грузы Российско-американской компании, продать меха этой компании в Китае, закупить там на вырученные деньги товары для Европейской России, а также доставить в Японию посольство Н. П. Резанова[1] для установления торговых сношений. В пути экспедиция должна была производить наблюдения по географии, метеорологии, океанологии, биологии, этнографии. Для экспедиции в Англии закупили два корабля: один водоизмещением 450 т, названный «Надеждой», и другой водоизмещением 350 т, названный «Невой». Этот тоннаж примерно соответствовал водоизмещению судов Дж. Кука[2] (350 и 470 т) и Ж.-Ф. Лаперуза[3] (по 500 т), совершавших кругосветные экспедиции в конце XVIII в. Командование «Надеждой» принял капитан-лейтенант Иван Фёдорович Крузенштерн, а «Невой» — капитан-лейтенант Юрий Фёдорович Лисянский.

Команды обоих кораблей были составлены из военных моряков-добровольцев. Крузенштерну советовали взять в первое кругосветное плавание несколько иностранных матросов, но он не последовал этому совету, вспоминая впоследствии: «Я, зная преимущественные свойства

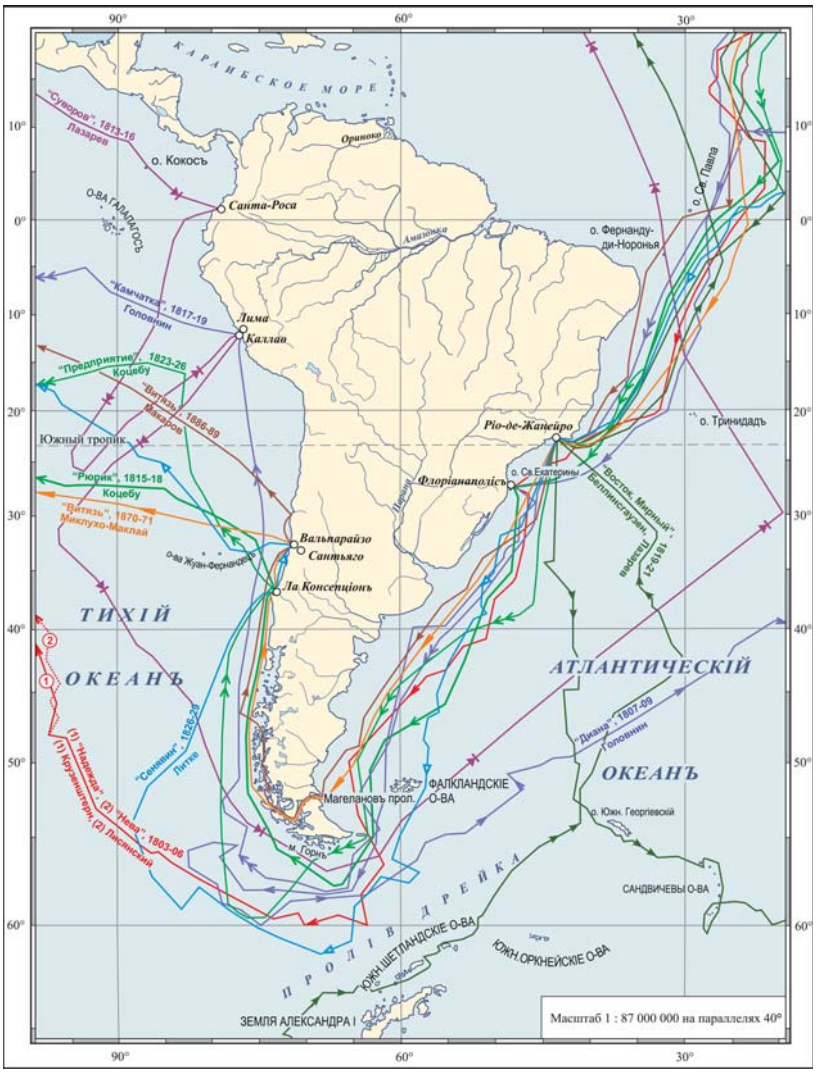
Побережье острова Огненная Земля.

[1] Николай Петрович Резанов (1764–1807) — русский государственный деятель, камергер, один из основателей Российско-американской компании. Миссия Резанова в Японии не увенчалась успехом, заключить с ней торговый союз ему не удалось.

[2] Джеймс Кук (1728–1779) — английский мореплаватель. Возглавлял три кругосветные экспедиции, во время которых совершил ряд географических открытий. Обследовал и нанёс на карту малоизвестные части Ньюфаундленда и восточного побережья Канады, Австралии, Новой Зеландии, западного побережья Северной Америки, Тихого, Индийского и Атлантического океанов. Многие из составленных им карт были столь точны и подробны, что служили мореплавателям вплоть до второй половины XIX в.

3 Жан-Франсуа де Гало, граф де Ла Перуз (1741–1788) — французский мореплаватель. В 1785 г. отправился на поиски Северо-Западного прохода, командуя судами «Астролябия» и «Буссоль». В 1786 г. экспедиция Лаперуза подошла к берегу Аляски, затем пересекла Тихий океан и у побережья Азии открыла пролив между Сахалином и Хоккайдо (названный в его честь) и пролив Цугару (Сангарский) между Хоккайдо и Хонсю, а также побывала на Гавайских островах, в Макао и на Филиппинах. В 1787 г. большая часть экипажа «Астролябии» была перебита на островах Самоа. В 1788 г. Лаперуз посетил бухту Ботани в Новом Южном Уэльсе, где экспедицию видели в последний раз. Только в 1826 г. останки судов Лаперуза были обнаружены на острове Ваникоро в группе островов Санта-Крус (севернее Новых Гебрид).

➲ *Карта маршрутов И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, В.М. Головина, М.П. Лазарева, Ф.П. Литке, О. Е. Коцебу, С.О. Макарова, Н.Н. Миклухо-Маклая.*

российских, коих даже английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился». Несмотря на то что «Надежда» и «Нева» принадлежали не военно-морскому флоту, а Российско-американской компании, император Александр I разрешил им поднять военный Андреевский флаг. Всего в плавании участвовало 124 человека, в том числе астроном И. Горнер, естествоиспытатели В. Тилезиус[1] и Г. Лангсдорф[2]. Экспедиция была снабжена лучшими для того времени астрономическими и навигационными приборами, термометрами для измерения температуры воды. На «Надежде», кроме обычных измерений температуры поверхностного слоя океана, впервые для глубоководных исследований использовали изобретённый в 1782 г. термометр Сикса, он предназначался для измерения наибольшей и наименьшей температуры.

7 августа 1803 г.[3] «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта, проследовали через порты Копенгаген, Фалмут[4], Санта-Крус[5] на острове Тенерифе и 26 ноября 1803 г. впервые в истории русского флота пере-

[1] Вильгельм Готтлиб Тилезиус фон Тиленау (1769–1857) — немецкий естествоиспытатель и врач, художник-иллюстратор и гравёр. До 1814 г. на русской службе, член Петербургской академии наук.

[2] О Г. Лангсдорфе см. далее в нашей книге.

[3] Здесь и далее все даты по старому стилю.

[4] Порт в Англии.

[5] Полное название Санта-Крус-де-Тенерифе; место нахождения парламента Автономной области Испании Канарские острова. Население 222 тыс. человек (2005).

секли экватор. Из всех офицеров и матросов экспедиции экватор пересекали ранее только сами командиры судов, служившие до того волонтёрами на английском флоте.

12 декабря экспедиция приблизилась к берегам Южной Америки. Крузенштерн выбрал для первой стоянки не главный город Бразилии Рио-де-Жанейро[1], а лежащий на 400 миль южнее остров Св. Екатерины[2]. Причиной послужили более мягкий климат этого острова (к берегам Бразилии корабли подошли в разгар лета Южного полушария), наличие хорошей пресной воды и дешёвой провизии, а также снисходительное отношение к путешественникам местных чиновников. Крузенштерн пишет:

«Корабли, идущие к мысу Горн... не могли бы желать лучше здешней пристани в случае нужды. Она гораздо преимущественнее Рио-де-Жанейро (у Крузенштерна «Рио-Янейро». — С. Д.), где с иностранцами, а особливо на купеческих кораблях приезжающими, поступают с такою же оскорбительной предосторожностию, как и в Японии. Даже Кук и Банкс должны были сносить обиды, о коих одно только рассказывание возбуждает в каждом справедливое негодование».

Кроме того, владельцы кораблей, подходящих к острову Св. Екатерины, должны были платить меньшую пошлину, чем в других бразильских портах. Об этом свидетельствовал известный нашим морякам побывавший здесь восемнадцатью годами ранее Ж.-Ф. Лаперуз.

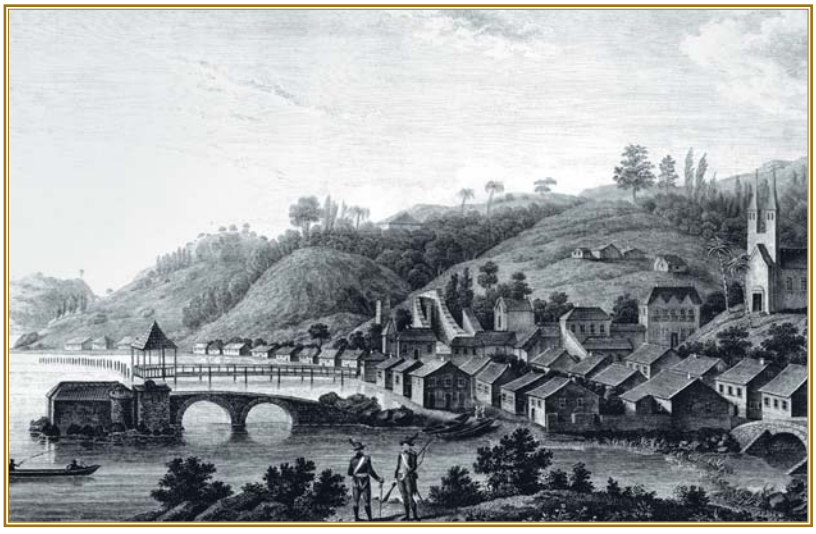
21 декабря суда вошли в пролив, отделяющий остров Св. Екатерины от материка. Там на небольшом скалистом островке среди отмелей находилась крепость, на рейде которой «Надежда» и «Нева» встали

[1] С 1764 г. Рио-де-Жанейро был столицей принадлежавшего Португалии вице-королевства Бразилия.

[2] Современное название на русскоязычных картах — остров Санта-Катарина.

Фрагмент карты Южной Америки. XVII в.

Вид города Ностра-Сеньора-дель-Дестерро на острове Св. Екатерины. По рисунку И. Горнера. 1814 г.

Ж.-Б. Дебре. Охота на ягуара. Литография. XIX в.

на якорь. На следующий день Крузенштерн нанёс визит губернатору острова, резиденция которого находилась в городе Ностра-Сеньора-ду-Дестеро[1], расположенном в 10 милях[2] от места якорной стоянки. В те времена Бразилия была португальской колонией. Крузенштерна поразила бедность португальских солдат:

«Солдаты, несмотря на то что из Бразилии посылают в Лиссабон ежегодно множество алмазов, уже многие годы сряду не получают жалованья».

В городе Ностра-Сеньора-ду-Дестеро было всего несколько сотен домов и жили две-три тысячи португальцев и чёрных невольников. Все дома были покрыты черепицей, окна лишены стёкол и закрывались деревянными решётками. Жители острова, по словам русских моряков, часто подвергались набегам «природных американцев» (так у Крузенштерна названы аборигены Бразилии), угонявших у них скот.

Крузенштерн отметил плодородность земли:

«Здесь родятся отменный кофе и сахарный тростник. Ром... однако, делается гораздо лучше, чрез продолжительное время и плавание, как то мы узнали собственным опытом, и может равняться с ромом, делаемым на острове Св. Креста»[3].

При этом местным жителям было запрещено отправлять произведённые ими товары в Европу. Там, где нет торговли, не могло быть и промышленности — товары производились только для собственного потребления и для загрузки двух малых судов водоизмещением 70—80 т, отправлявшихся ежегодно в Рио-де-Жанейро для обмена на европейские товары.

Вот что пишет о причинах недостаточной развитости хозяйства Бразилии — страны с богатейшей природой лейтенант Ф. Ромберг, плававший под началом Крузенштерна:

«...Бразилиею владеют Португальцы. Ежели бы они были так трудолюбивы, как русские; ежели бы правительство их дозволило иметь здесь торговлю и другим народам: тогда бы число жителей умножилось в Бразилии, и скоро превзошла бы она своим богатством обе Индии; но Португальцы ленивы и заставляют работать одних негров. О городе говорить нечего, но вне его все пленяет чувства: леса плодовитых деревьев, множество цветов, гряды, усеянные ананасами, ароматический запах, множество разноцветных попугаев, колибриев и других красивых птиц; все это прелестно: но вдруг остановит вас ползущая у ног змея или

[1] Ныне — город Флорианополис, столица бразильского штата Санта-Катарина; переименован в 1893 г. в честь президента Бразилии Флориану Пейшоту. Население 430 тыс. человек (2011).

[2] 1 морская миля равна 1852 м.

[3] Современное название этого острова — Санта-Крус, относится к Американским Виргинским островам (территория США). В начале XIX в. остров принадлежал Дании и назывался Сент-Круа.

другое ядовитое насекомое: следственно, приятности сопряжены отчасти и с опасностию. Натуралисты наши торжествуют, видя себя в царстве её великолепия».

Губернатор острова, потомок выдающегося португальского мореплавателя Васко-да-Гама[1], оказал российским морякам чрезвычайно гостеприимный приём. Он распорядился отпустить всё необходимое для экспедиции, разрешил устроить на небольшом островке[2] обсерваторию для сверки хронометров и производства астрономических наблюдений и даже «...заставил своих людей рубить для нас дрова... потому что работа сия, по причине великих жаров крайне тягостная, могла нанести вред здоровью наших служителей».

Крузенштерн рассчитывал пробыть на острове Св. Екатерины не больше десяти дней, но случилась непредвиденная задержка: понадобилось заменить фок- и грот-мачты на «Неве», так как после перехода через океан они дали трещины. На время ремонта основная часть русских моряков поселилась на берегу. Для посольства Резанова и офицеров кораблей губернатор предоставил свой загородный дом, а самого посла поселил в своей резиденции в городе. Благорасположение португальцев объяснялось не только их гостеприимством, но и надеждой на Россию как на сильного союзника в возможной войне с Наполеоном.

По свидетельству Крузенштерна, «бразильские португальцы» выходили из дома лишь после пяти часов вечера, когда спадала жара. Тогда начинались прогулки и визиты. Жители собирались семьями, пели под гитару и танцевали; в танцах участвовали и молодые русские офицеры. Русские моряки, отмечая радушие местных жителей, удивлялись отсутствию каких-либо угощений. Давая ответные балы, Крузенштерн распорядился подать гостям напитки и угощения.

Учёные, принимавшие участие в экспедиции, воспользовались длительной стоянкой на острове для изучения его природы, остальные моряки гуляли по окрестностям и отдыхали. Судя по оставленным ими заметкам, остров Св. Екатерины представлялся русским морякам одним из живописнейших мест Южной Америки из-за удивительно богатой и разнообразной растительности. Крузенштерн собрал на острове более 80 образцов пород деревьев, отличавшихся наиболее красивыми цветами и крепостью древесины. Один из офицеров «Надежды», Е. И. Левенштерн[3], писал:

«Красивая страна Бразилия! В изобилии растения и цветы, которых никто из нас раньше не видел. Из-за неисчислимого количества всего нового было даже немного не по себе».

Ж.-Б. Дебре. Вид на город Итy. Литография. XIX в.

[1] Жоакин Хавьер Курадо (1746–1830) — бразильский военный и государственный деятель, в 1800–1805 гг. губернатор капитании Санта-Катарина. Крузенштерн в своих заметках называет его «подполковником доном Иозеф-де-Курада».

[2] Скорее всего имеется в виду один из двух островов Ратонес; на соседнем острове располагалась крепость Сан-Антониу, которую упоминает Крузенштерн. В его записках этот остров именуется «Атомирис».

[3] Ермолай Иванович (Герман Людвиг) Левенштерн (1777–1836) — военный моряк, в 1816 г. вышел в отставку капитаном 2-го ранга.

Муравьед пестрохвостый [носуха]. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

Члены команды Крузенштерна отмечали и чрезвычайное разнообразие животного мира острова Св. Екатерины. Лес был населён млекопитающими, птицами, кишел змеями. Левенштерн вспоминал в опубликованных им впоследствии путевых заметках:

«Картина Бразилии: при вступлении в неё мы приняли её за землю обетованную. Ананасы, бананы, апельсины, арбузы и т. д., благовонные травы, красивые горы, покрытые растительностью, чудесные рощицы. Всё в природе, кажется, соревнуется в том, чтобы околдовать человека. Колибри, попугаи всяких видов, множество птиц с красивейшим оперением и бабочек порхают кругом. Климат и красивая природа приводят в восхищение. Внезапно: какой ужас! Стоишь, окаменев, окружённый ядовитыми змеями, ящерицами, жабами, крокодилами, сколопендрами и... ягуарами, и думаешь только о бегстве. Потому очень охотно предоставляешь португальцам их Бразилию и, весёлый и довольный, отправляешься на дружеский корабль».

Бразильская жаба. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

Во время прогулок по острову моряки часто встречали различных представителей семейства енотов, броненосцев, морских свинок, обезьян-ревунов. Громкими криками оглашали лес попугаи богатой расцветки. Попугаев моряки поместили в специально устроенные на кораблях птичники, где содержались и другие птицы, пойманные или купленные у туземцев. Впоследствии моряки меняли попугаев на разные «туземные редкости» на островах Тихого океана.

В реках и озёрах водилось много аллигаторов. Вечером в воздухе летали светляки — «светящиеся мухи», при свете которых можно было читать даже ночью. Естествоиспытатели Тилезиус и Лангсдорф собрали огромные коллекции бабочек, насекомых и растений, но из-за очень большой влажности воздуха большинство растений, собранных в пер-

Колибри. Фрагмент рисунка Э. Теккеля. XIX в. .

Остров Святой Екатерины. Литография. XIX в.

вые дни, полностью заплесневели и сгнили за несколько дней, проведённых на острове. Прежде чем учёные смогли уберечь собранные ими коллекции от муравьёв, много самых красивых насекомых пало жертвой их ночных набегов.

Офицеры «Надежды» и «Невы» составили точные карты острова и прилегающих частей материка. Ими долгое время пользовались не только российские, но и иностранные моряки.

В конце января наконец доставили новые мачты для «Невы», и корабельные плотники начали их устанавливать. Скоро всё было готово к дальнейшему походу. Губернатор на прощание устроил парад гарнизонного полка. Русские моряки салютовали одиннадцатью пушечными выстрелами; из португальской крепости произвели ответный залп.

Император Александр I впоследствии остался очень доволен приёмом, оказанным губернатором русским морякам, и пожаловал ему перстень с бриллиантом.

4 февраля 1804 г. «Надежда» и «Нева» покинули остров Св. Екатерины и устремились к югу. Крузенштерн очень торопился. В те годы мыс Горн на парусных судах можно было обойти только в летние месяцы — декабрь, январь и февраль; в остальное время года здесь свирепствуют ураганы. Длительная задержка из-за поломки мачты нарушила первоначальные планы экспедиции. Ещё перед отплытием, в Кронштадте капитаны условились, что местом встречи в случае, если корабли потеряют друг друга из виду, станут порты Сан-Хулиан[1] в Патагонии и Вальпараисо[2] на тихоокеанском побережье.

Однако, уже находясь вблизи Патагонии, Крузенштерн выбрал в качестве следующей остановки остров Пасхи[3] в Тихом океане. Вероятно, он хотел быстрее уйти из сложных для навигации парусника прибрежных вод Южной Америки. Могло сыграть роль и любопытство; Крузенштерн пишет:

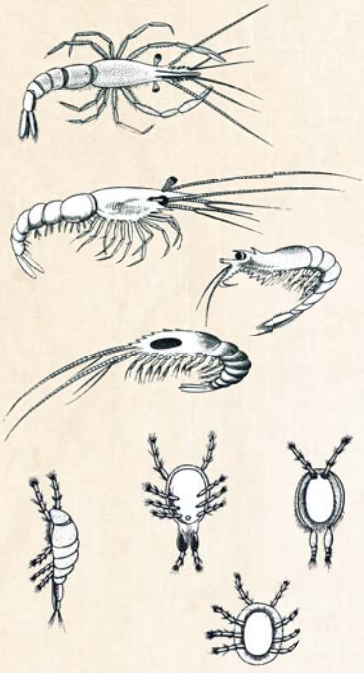

Жгучая кубышка — «фрегат». По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

[1] Порт в аргентинской провинции Санта-Крус, город с населением 8 тыс. человек (2011). В путевых записках Крузенштерна назван «портом Сан-Жульен».

[2] Порт в Чили.

[3] Остров в южной части Тихого океана, принадлежит Чили; местное название — Рапа-Нуи.

Ракообразные светящиеся морские животные. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

«Я желал... разведать, какой успех имело преполезное намерение Лаперуза, который для распространения между жителями сего острова хозяйства оставил им овец, коз и свиней».

Пока же корабли успешно двигались к югу, несмотря на усиливающуюся зыбь, 25 февраля на расстоянии 35 миль открылось побережье Огненной Земли. Здесь морякам удалось даже спустить за борт термометр Сикса, он показал 10° у поверхности и 8,5° на глубине 55 саженей[1]. 28 февраля поднялся жестокий шторм; на другой день он усилился дождём, снегом и градом. Трое суток на кораблях не определяли широты и долготы, не варили горячей пищи. Люди коченели от холода.

«И только на четвёртый день наступил день прекраснейший. Мы чувствовали такое удовольствие, какое может представить себе только тот, кто терпит на море подобное возмущение, но на которое морской человек не должен никак жаловаться, если бы оно не сопровождалось холодом, угнетавшим нас до крайности: в моей каюте в продолжение двух недель ртуть в термометре стояла почти всегда на трёх градусах тепла».

Наконец, утром 3 марта «Надежда» и «Нева» обошли мыс Горн и вошли в Тихий океан. Через шесть дней в спокойный день при выходе из пролива Дрейка в Тихий океан у южных берегов Чили Крузенштерн смог определить температуру воды — на поверхности $2^{3}/_{4}$°, на глубине 60 саженей — $2^{1}/_{2}$°, а на 100 саженях — $1^{1}/_{2}$°.

24 марта во время продолжительной бури и тумана корабли разлучились. Однако в пути Крузенштерн переменил своё намерение идти к острову Пасхи, до которого оставалось всего 500 миль. Причиной послужил, по его словам, «назначенный богатый груз Американской компании», который не был застрахован.

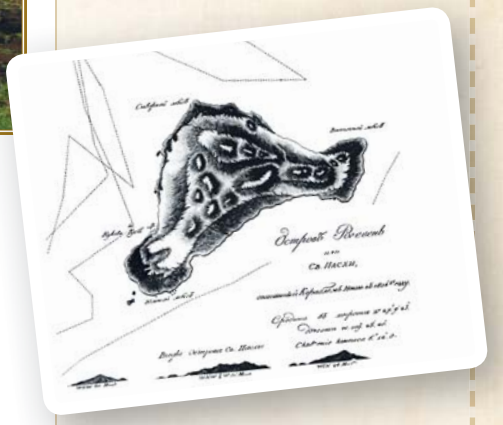

Мыс Горн — крайняя южная точка архипелага Огненная Земля.

[1] 1 сажень до 1835 г. равнялась 2,16 м.

Каменные изваяния Моаи на острове Пасхи.

Остров Рогевен или Св. Пасхи, описанный кораблём Невою в 1804-м году. Из собрания Ю.Ф. Лисянского.

«Находившиеся на корабле нашем товары... должен был я неминуемо доставить в Камчатку в возможной скорости».

«Надежда» отправилась к Маркизским островам[1] и 7 мая стала на якорь у острова Нуку-Хива[2]. «Нева», не подозревая о перемене маршрута, направилась к острову Пасхи. Её командир Ю. Ф. Лисянский надеялся встретиться у этого острова с «Надеждой». «Нева» обошла вокруг острова Пасхи, но «Надежду» не обнаружила. Из-за сильного ветра «Неве» не удалось стать на якорь — грунт был ненадёжен, и корабль могло снести на скалы. При вторичном подходе к восточной стороне острова «Нева» легла в дрейф. С корабля, как пишет Лисянский, были хорошо видны знаменитые каменные статуи:

«Почти на самой середине восточного берега стоят две высокие чёрные статуи, из коих одна казалась вдвое выше другой. Они, по мнению моему, составляют какой-нибудь один памятник, ибо находятся одна подле другой близко и обе обнесены одним палисадом».

Лисянский приказал спустить шлюпку и послал лейтенанта с шестью гребцами на берег за фруктами и провизией. Для обмена на продукты взяли ножи, бутылки, гвозди и другую мелочь. Шлюпка подходила к берегу осторожно, измеряя глубину; островитяне показывали знаками, где удобнее пристать, и помогли причалить к берегу. Моряки подарили каждому островитянину по гвоздю, бутылке, куску железа и медные пятаки на цепочке, которые они тотчас надели себе на шею. В ответ моряки получили множество бананов, сладкого картофеля и сахарного тростника. Нагрузившись фруктами и овощами, шлюпка вернулась на корабль. По описанию командовавшего шлюпкой офицера,

[1] Архипелаг в Полинезии, в составе современного государства Французская Полинезия.

[2] Остров в Северной группе Маркизских островов, в составе современного государства Французская Полинезия.

Секстант. XIX в.

остров был населён диким бедным племенем («человек девятьсот»), питавшимся преимущественно рыбой и фруктами. Так состоялось первое знакомство россиян с островом Пасхи.

Не дождавшись Крузенштерна у острова Пасхи, Лисянский направился к острову Нуку-Хива, куда «Нева» пришла всего на четыре дня позже «Надежды», 11 мая 1804 г.

Плавание вне акватории Южной Америки продолжалось ещё более двух лет. Лишь 19 августа 1806 г., после 1108 дней плавания, «Надежда» вернулась в Кронштадт, где её уже две недели дожидалась «Нева».

Первое русское кругосветное плавание ознаменовалось значительными географическими результатами. Командиры «Надежды» и «Невы» как в совместном, так и в одиночном плавании старались прокладывать курс таким образом, чтобы пройти по ещё не изведанным маршрутам либо обследовать «сомнительные острова», показанные на картах. Таких островов в Тихом океане в начале XIX в. было множество. Те, кто наносил их на карту, пользовались примитивными навигационными инструментами. Неудивительно поэтому, что один и тот же остров помещали под разными названиями в разных местах карты. Особенно велики были ошибки в долготе, которую тогда определяли только по счислению[1].

На «Надежде» и «Неве» имелись секстанты и хронометры[2]. Кроме того, незадолго до плавания Крузенштерна и Лисянского был изобретён способ определения долготы на кораблях по угловым расстояниям Луны от Солнца (иначе — «способ лунных расстояний»), что значительно облегчило определение координат в море. И на «Надежде», и на «Неве» не упускали ни одного случая для определения координат; гео-

[1] Метод определения текущих координат корабля по известным исходным координатам и параметрам движения; основной метод определения места, когда недоступны внешние ориентиры.

[2] Навигационные измерительные инструменты. Секстант используется для определения широты посредством измерения высоты солнца над горизонтом в астрономический полдень. Хронометр — особо точные часы, по которым можно вычислить долготу по разнице между местным временем астрономического события (восхода или захода солнца) и его временем на долготе известной обсерватории.

В проливе Дрейка.

Остров Огненная Земля. Порт Ушуайя.

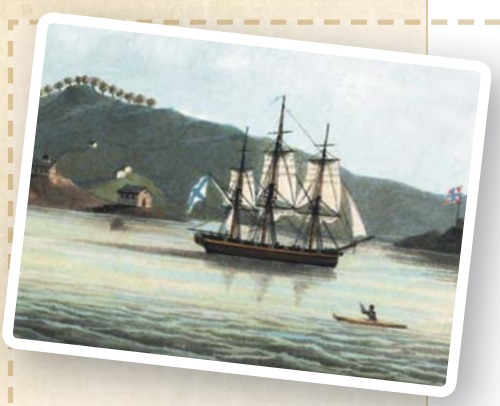

Лес на острове Огненная Земля.

графические координаты пунктов, которые посетили или увидели участники экспедиции, стали большим вкладом в географическую науку. Благодаря точности счисления, опирающегося на частые и точные определения широт и долгот, штурманам обоих кораблей удалось по разности вычисленных и наблюдаемых («обсервованных») мест определить направления и скорости морских течений во многих районах их плавания. Были также «стёрты с карты» многие несуществующие острова.

На обоих кораблях велись непрерывные и тщательные метеорологические и океанологические наблюдения. С помощью термометра Сикса в семи местах было исследовано вертикальное распределение температуры в океане. Всего же температура воды до глубины 400 м была определена в девяти местах; в мировой практике это было сделано впервые. Особое внимание отводили наблюдениям состояния моря. В частности, описывали полосы и пятна взволнованного моря (так называемый сулой) у берегов Патагонии, возникающие при встрече морских течений. Отмечали также свечение моря, в то время ещё не имевшее научного объяснения. Крузенштерн так описывал попытку участника его экспедиции изучить причины этого явления:

«Сии опыты, казалось, утверждали, что морская вода светится не от движения и трения частиц оной, но что действительною виною того суть органические вещества. ...Брали чашку... покрывали её белым тонким, вдвое сложенным платком, на который тотчас лили почерпнутую из моря воду, причём оказалось, что на белом платке оставались многие точки, которые при трясении платка светились; процеженная же вода не оказывала ни малейшего света... Доктор Лангсдорф, испытывавший сии малые светящиеся тела посредством микроскопа... открыл, что многие... были настоящие животные...»

Шлюп «Нева» у берегов Америки. Рисунок XIX в.

Во время плавания в Тихом океане Лисянский описал остров Пасхи, открыл и нанёс на карту остров, названный впоследствии его именем[1], а также рифы Невы и Крузенштерна[2].

И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский были не только отважными моряками и исследователями, но и прекрасными писателями, оставившими подробные описания своих плаваний. В 1809–1812 гг. был издан труд Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве» в трёх томах с приложением альбома рисунков и атласа карт». Интересно, что почти все карты, вошедшие в атлас, были составлены и вычерчены участвовавшим в рейсе в звании мичмана Ф. Ф. Беллинсгаузеном, впоследствии руководившим кругосветной экспедицией, в ходе которой была открыта Антарктида. В 1812 г. был опубликован труд Лисянского «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева» с приложением атласа карт и рисунков». Книги Крузенштерна и Лисянского были переведены на иностранные языки и долгое время служили навигационными пособиями для кораблей, плавающих в Тихом океане.

Плавания «Надежды» и «Невы» преследовали прежде всего практические цели, научные наблюдения путешественники проводили лишь попутно. Тем не менее результаты этих наблюдений сделали бы честь многим научным экспедициям.

Первое русское кругосветное плавание стало успешным экзаменом на профессиональную зрелость для российского военно-морского флота. Офицеры и матросы показали прекрасную выучку и бесстрашие, штурманская служба — высокое навигационное искусство. В возрасте 14 лет на «Надежде» ушёл в плавание кадет О. Коцебу, который за три года путешествия стал грамотным и энергичным морским офицером.

[1] Необитаемый остров в Тихом океане в составе Северо-Западных островов Гавайского архипелага.

[2] Риф-«призрак» в Тихом океане к югу от атолла Мидуэй.

Иван Фёдорович Крузенштерн (Адам Йоханн фон Крузенштерн)

8 (19) ноября 1770 — 12 (24) августа 1846

Российский мореплаватель, начальник первой российской кругосветной экспедиции, один из основоположников отечественной океанографии, адмирал, почётный член Петербургской академии наук, член-учредитель Императорского Русского географического общества.

Потомок обрусевшего немецкого дворянского рода, Иван Крузенштерн был сыном судьи. В возрасте 15 лет он поступил в Морской кадетский корпус в Кронштадте. В мае 1788 г. по причине войны со Шве-

цией его досрочно выпустили из корпуса и назначили на 74-пушечный корабль «Мстислав»; Иван Крузенштерн отличился в Гогландском сражении (1788), в 1789–1790 гг. участвовал в морских боях при Эланде, Ревеле, Красной Горке и в Выборгской бухте, после чего был произведён в лейтенанты. В 1793 г. его послали изучать морское искусство в Англию; с английским флотом он отплыл к Северной Америке, где участвовал в сражениях с французскими судами; посетил Барбадос, Суринам, Бермудские острова, Индию и Китай; ходил в Бенгальский залив.

Заинтересовавшись меховой торговлей России с Китаем, Крузенштерн в 1799 и 1802 гг. представил правительству проекты кругосветных плаваний для прямого торгового сообщения между российскими портами на Балтике и на Аляске. В 1802 г. его назначили начальником первой русской кругосветной экспедиции. Она состояла из двух кораблей: «Надеждой» командовал Крузенштерн (на борту находилась миссия в Японию во главе с Н. П. Резановым), а «Невой» командовал капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский. 26 июля (7 августа) 1803 г. корабли отплыли из Кронштадта. Пройдя Атлантический океан и обогнув мыс Горн, экспедиция направилась в северную часть Тихого океана. В сентябре 1804 г. «Надежда» прибыла в Нагасаки, здесь Крузенштерн вынужден был оставаться до апреля 1805 г. из-за недоверчивости японцев, отказавшихся принять российского посла Резанова. Затем Крузенштерн отплыл на Камчатку Японским морем, в ту эпоху почти неизвестным мореплавателям. Летом 1805 г. он впервые исследовал и картографировал около 1000 км берегов Сахалина, ошибочно приняв его за полуостров; открыл несколько проливов между Курильскими островами. Из Петропавловска осенью того же года Крузенштерн направился в Кантон, а в конце лета 1806 г. вернулся в Кронштадт. По возвращении Крузенштерн был прикомандирован к Петербургскому порту для создания труда о кругосветном плавании. В течение 1809–1812 гг. он опубликовал трёхтомное «Путешествие вокруг света...», переведённое в семи странах Европы, а позднее — «Атлас Южного моря» с приложением гидрографических записок. Атлас был удостоен полной Демидовской премии.

В 1811 г. Крузенштерна назначили инспектором классов Морского кадетского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 г. он пожертвовал на народное ополчение треть своего состояния (1000 рублей). В 1813 г. его избрали членом академий и научных обществ Англии, Франции, Германии и Дании. И. Ф. Крузенштерн был организатором кругосветных экспедиций О. Е. Коцебу (1815–1818), М. Н. Васильева — Г. С. Шишмарева (1819–1822), Ф. Ф. Беллинсгаузена — М. П. Лазарева (1819–1821), М. Н. Станюковича — Ф. П. Литке (1826–1829).

В 1827 г. Крузенштерна назначили директором Морского кадетского корпуса и членом адмиралтейств-совета. По ходатайству Крузенштерна в кадетском корпусе открыли музей, библиотеку, астро-

Хронометр. XIX в.

номическую обсерваторию и офицерские классы, превратившиеся впоследствии в Морскую академию. В 1842 г., уже в звании адмирала, он ушёл в отставку и уехал к себе в имение, но трудиться не прекращал. В 1845 г. вместе с Ф. П. Врангелем, Ф. П. Литке, К. М. Бэром и другими крупными исследователями Иван Крузенштерн принял участие в создании Русского географического общества.

Имя Крузенштерна увековечено в названиях 13 географических объектов, в числе которых мыс на побережье Северной Америки у входа в залив Коцебу, остров в Беринговом проливе, пролив Курильской гряды, гора на Новой Земле, губа на полуострове Ямал, атолл в архипелаге Маршалловых островов, мыс на острове Парамушир в Охотском море, гора в Антарктиде.

Основные печатные труды: «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”»; «Атлас Южного моря с приложением гидрографических записок, под заглавием: “Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря”».

Юрий Фёдорович Лисянский

2 (13) августа 1773 — 22 февраля (6 марта) 1837

Первый российский кругосветный мореплаватель, исследователь Тихого океана, капитан 1-го ранга.

Юрий Лисянский родился в семье священника, обучался в Морском кадетском корпусе. В 1786 г., не достигнув 13 лет, он досрочно окончил корпус и поступил гардемарином на фрегат «Подражислав» Балтийского флота. На нём Юрий Лисянский получил боевое крещение во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1789 г. его произвели в мичманы, в 1793 г. — в лейтенанты. Императрица Екатерина II в числе 16 лучших офицеров направила его в Англию. Там несколько лет он совершенствовался в мореходной практике, участвовал в боях англичан против республиканской Франции (отличился при пленении французского фрегата «Элизабет», был контужен), сражался с пиратами, путешествовал по США, затем был в Вест-Индии, сопровождал английские караваны у берегов Южной Африки и Индии. В 1797 г. (по другим сведениям — позднее) он вернулся в Россию, был произведён в капитан-лейтенанты и назначен командиром фрегата «Автроил».

Морское министерство назначило Лисянского одним из руководителей первой кругосветной экспедиции и командировало его в Англию для закупки двух шлюпов. Руководство всей экспедицией и ко-

мандование шлюпом «Надежда» было поручено капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну, однокласснику Лисянского по Морскому корпусу. Лисянский командовал шлюпом «Нева». Летом 1803 г. экспедиция вышла из Кронштадта. В Атлантике Лисянский вместе с Крузенштерном открыл тёплое Межпассатное противотечение, в Тихом океане выполнил первое детальное описание острова Пасхи.

Почти две трети времени путешествия «Нева» двигалась самостоятельно. Лисянский в июле 1804 г. пришёл к острову Кадьяк и более года находился у берегов Северной Америки. Моряки помогли жителям Русской Америки защитить свои поселения от нападения индейских племён, участвовали в строительстве крепости Ново-Архангельск (Ситка), вели научные наблюдения и гидрографические работы.

В августе 1805 г. Лисянский вышел на «Неве» с грузом пушнины в Китай (Макао), где вновь соединился с Крузенштерном. Корабли на пути домой двигались самостоятельно, 22 июля (3 августа) 1806 г. «Нева» на две недели раньше «Надежды» вернулась в Кронштадт, установив при этом мировой рекорд по длительности плавания без захода в порт: за 140 дней корабль преодолел почти 26 тыс. км между Макао и Портсмутом.

Но слава кругосветного мореплавателя досталась Крузенштерну, сумевшему опубликовать описание путешествия на три года раньше, чем это сделал Лисянский, считавший задания по службе более важными, чем публикация отчёта. Офицеры и матросы шлюпа, перенесшие вместе с ним тяготы плавания, подарили ему на память золотую шпагу с надписью «Благодарность команды корабля “Нева”».

В 1807–1808 гг. Лисянский командовал кораблями «Зачатие Святой Анны», «Эмгейтен» и отрядом из девяти судов, ходил в крейсерство к Готланду и Борнхольму для наблюдения за английскими военными судами. В январе 1809 г. в чине капитана 1-го ранга он вышел в отставку и занялся приведением в порядок своих путевых записей, которые опубликовал за свой счёт в 1812 г., после чего лично перевёл свой труд на английский язык и издал его в Лондоне в 1814 г.

Коллекция одежды, оружия, горных пород и других редкостей, привезённых Лисянским из дальних стран, впоследствии поступила в Румянцевский музей.

В честь Ю. Ф. Лисянского названы: остров, открытый им в архипелаге Гавайских островов; мыс, пролив и полуостров в Александровском архипелаге у побережья Аляски; полуостров на побережье Охотского моря; подводная гора в Охотском море и гора на Сахалине.

Основной печатный труд: «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах».

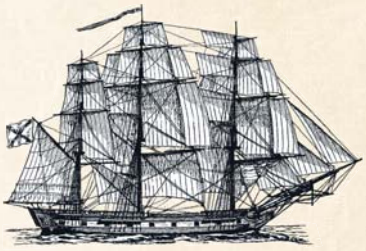

Василий Михайлович Головнин

8 (19) апреля 1776 — 29 июня (11 июля) 1831

Российский мореплаватель и путешественник, вице-адмирал;
член-корреспондент Петербургской академии наук.

В. М. Головнин: 1807–1809 и 1817–1819 гг.

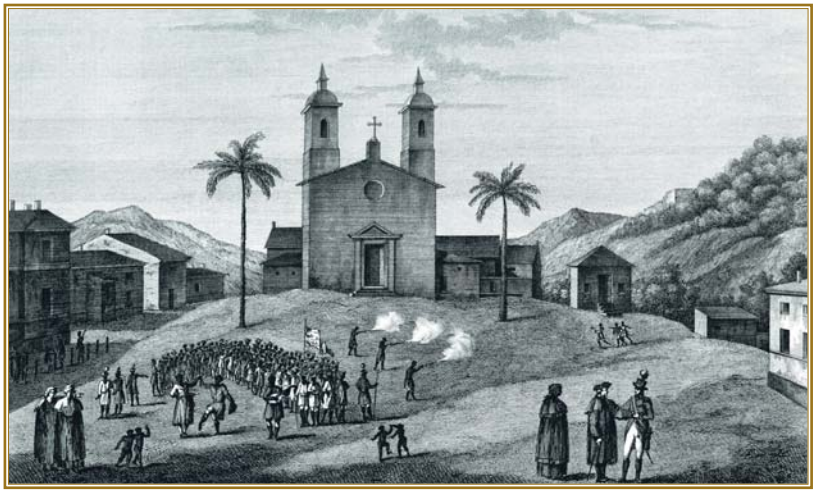

Парусный шлюп начала XIX в.

Успешное плавание И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского подтвердило эффективность снабжения Русской Америки морским путём. Корабли этой экспедиции, хотя и плавали под военным Андреевским флагом и были укомплектованы военной командой, принадлежали не государству, а Российско-американской компании[1]. Первым русским военным кораблём, построенным на российской верфи и совершившим плавание из Балтийского моря в Тихий океан, стал военный шлюп «Диана» водоизмещением 300 т.

Командиром «Дианы» был назначен лейтенант Василий Михайлович Головнин, уже имевший опыт дальних плаваний. До назначения на «Диану» он три года прослужил волонтёром в английском флоте, побывал в Вест-Индии и участвовал в морских сражениях с французами, где неизменно отличался смелостью и находчивостью. После ночного абордажного боя капитан одного из фрегатов в судовом журнале о Головнине отметил: «Дрался с необыкновенной отвагой и был счастлив, что остался невредим». После возвращения в Россию Головнин представил морскому министру П. В. Чичагову[2] докладную записку о сравнительном состоянии русского и английского флотов и составил таблицу военно-морских сигналов. Эти труды принесли Головнину известность, и его избрали начальником морской экспедиции, которой надлежало пройти вокруг света на военном корабле для научных исследований и открытия неизвестных земель в северной части «Восточного Тихого океана» (так у Головнина).

Шлюп «Диана» вышел из Кронштадта 25 июля 1807 г., зайдя по пути в Данию, он уже в сентябре прибыл в Портсмут. Здесь из-за чинимых английской таможней задержек при закупке и погрузке на борт

Пляска арапов в праздник на о. Св. Екатерины. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

[1] Полугосударственная колониальная торговая компания; основана в 1799 г., прекратила деятельность в 1867 г. после продажи Аляски.

[2] Павел Васильевич Чичагов (1767–1849) — адмирал, морской министр Российской империи в 1809–1811 гг.

Ж.-Б. Дебре. Интерьер колониального дома в Бразилии. Литография. XIX в.

провизии, снаряжения и приборов «Диана» простояла до 1 ноября. Выйдя наконец в море, корабль 20 декабря пересёк экватор и направился к острову Св. Екатерины, куда прибыл 9 января 1808 г., через четыре года после экспедиции Крузенштерна и Лисянского.

Берега этого острова казались совершенно пустынными. Наконец прибыл унтер-офицер из крепости, помнивший приход «Надежды» и «Невы». Вскоре последовало приглашение к губернатору в город Дештерру (у Головнина — Ностра-Сеньора-дель-Дестеро[1]). Губернатор, призвав одного из городских купцов, поручил ему организовать снабжение «Дианы» всем необходимым. Головнин вручил ему рекомендательное письмо к вице-королю в Рио-де-Жанейро, которым его снабдил португальский министр (посол) в Лондоне.

Впечатления об острове Св. Екатерины Головнин отразил в своих заметках, судя по которым он был весьма внимательным наблюдателем. Головнина поразило удручающее состояние крепости и солдат на острове:

«Крепостные строения гавани, будучи оставлены в небрежении, находятся в очень дурном состоянии. ...Пушки, которые стоят на некоторых батареях, я не думаю, чтобы были годны к службе. Мундиры [солдат гарнизона] нищенские; солдаты почти босые; ружья у часовых покрыты ржавчиной. ...Нельзя бы язвительнее и сильнее написать сатиры на воинское звание...»

[1] Название города Флорианополис в Бразилии до 1893 г.

Карта рейда острова Санта-Катарина, составленная И.Ф. Крузенштерном. 1804 г.

Тем не менее, по мнению капитана «Дианы», эта гавань наиболее удобна на пути к мысу Горн:

«Географическое положение сей гавани есть одно из главных её преимуществ...

...Сей порт есть один из самых безопаснейших в целом свете; он способен вместить величайший военный или торговый флот. По всему пространству оного дно состоит из ила; нет никаких подводных каменьев или скрытых мелей, и глубина к берегам уменьшается постепенно. Гавань закрыта от всех ветров... крепких ветров здесь никогда не бывает.

...К сему надобно присовокупить и ту ещё выгоду, что выход из неё никогда не может быть нисколько затруднителен.

...Самая же главная выгода, какую мореплаватели здесь иметь могут и которую они не должны терять из виду, есть великое изобилие разного рода свежих провизий и умеренная цена оных.

...Гавань Св. Екатерины имеет ещё одно преимущество, а именно: добросердечный и смирный нрав жителей, обитающих по берегам её. Они суеверны, ленивы и бедны, но честны, ласковы и услужливы».

Ж.-Б. Дебре. Бродячий музыкант. Литография. XIX в.

Как ранее на «Неве», на «Диане» оказалась повреждена мачта — пришлось издалека доставлять дерево для замены стеньги[1]. К счастью, замену провели быстро, и «Диана», простояв в гавани Св. Екатерины всего 10 дней и выполнив ряд астрономических наблюдений на берегу, 19 января продолжила путь на юг. 26 января шлюп миновал устье реки Ла-Платы, а 12 февраля обогнул мыс Горн.

Но на север вдоль берегов Чили «Диана» идти не смогла. В продолжение 14 дней шлюп выдерживал жестокие штормы. По опыту других мореплавателей Головнин знал, что в этом районе улучшение погоды может и не наступить, поэтому, не желая утомлять команду и напрасно терять время в борьбе со штормами, он принял решение идти на Камчатку более длинным, но безопасным для парусных судов путем — вокруг Африки. 21 апреля «Диана» стала на якорь у мыса Доброй Надежды, вблизи английской эскадры. Несмотря на то что Головнин на случай войны России с Англией запасся специальным пропуском от английского правительства, «Диану» задержали. После тринадцати месяцев ожидания Головнин, которому англичане чинили всяческие препятствия даже в приобретении провизии, решил тайком увести корабль из порта. В сумерках обрубили якорные канаты, и под штормовыми парусами «Диана» вышла в море. Это был исключительно смелый и искусный маневр. Опасаясь преследования, Головнин по-

[1] Продолжение верхнего конца мачты.

вел «Диану» в обход Австралии с юга; в Петропавловск шлюп прибыл только 25 сентября 1809 г.

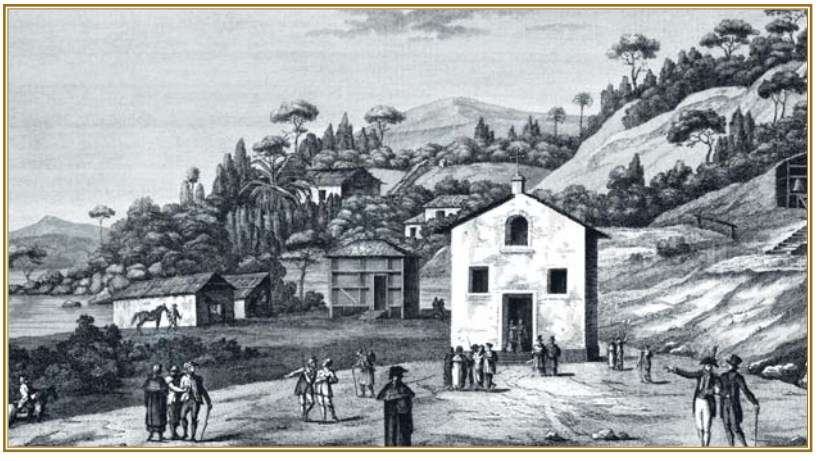
После прихода на Камчатку Головнин на «Диане» занялся описью Курильских островов и на острове Кунашир вместе с несколькими членами команды шлюпа был захвачен японцами. В плену они провели два года и три месяца, освободившись лишь в октябре 1813 г. По суше — на собаках, оленях, лошадях — в июле 1814 г. он добрался до Петербурга. Это сухопутное путешествие заняло 7 месяцев и 20 дней и завершилось ровно через 7 лет после выхода «Дианы» из Кронштадта.

В 1817 г. уже в звании капитана 2-го ранга В. М. Головнина вновь назначили начальником кругосветной экспедиции. Ему поручили отвезти в Петропавловск военные грузы, расследовать действия Российско-американской компании, притеснявшей туземцев, и описать северо-западные берега русских владений в Америке. На этот раз Головнину был предоставлен шлюп «Камчатка» водоизмещением 900 т, в три раза больше «Дианы». На новом корабле имелось 32 пушки. В составе экипажа, насчитывавшем 130 человек, находились ставшие впоследствии известными мореплавателями молодые офицеры Ф. П. Врангель, Ф. П. Литке и Ф. Ф. Матюшкин[1], художник М. Т. Тихонов[2]. Запасшись по пути в Портсмуте всем необходимым, шлюп направился к Рио-де-Жанейро, куда и благополучно прибыл 5 ноября 1817 г.

Через два дня Головнина посетил королевский адъютант и от имени короля Жуана VI поздравил его с благополучным приходом.

«Он объявил мне, что его величество рад видеть здесь военное судно российского императора, столь много им уважаемого, и что он повелел оказать нам всякое вспомоществование, какого только я пожелаю».

Головнин попросил лишь помочь запастись пресной водой, но реальной помощи от властей так и не дождался.

➲ *Вид местечка Св. Михаила в Бразилии. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.*

[1] Фёдор Фёдорович Матюшкин (1799–1872) — адмирал, полярный исследователь, сенатор. Отправился в плавание с Головниным сразу после окончания Царскосельского лицея, в котором он учился вместе с А. С. Пушкиным.

[2] Михаил Тихонов (Тиханов) (1789–1862) — из крепостных крестьян, окончил с золотой медалью Петербургскую академию художеств. После возвращения из плавания на «Диане» лишился рассудка.

Российский консул в Бразилии Г. И. Лангсдорф, участник кругосветного плавания на «Надежде» в 1803–1806 гг., показал офицерам шлюпа Рио-де-Жанейро. Больше всего путешественников поразил рынок негров. Головнин писал в своих путевых заметках:

Ж.-Б. Дебре. Сценка у церкви. Литография. XIX в.

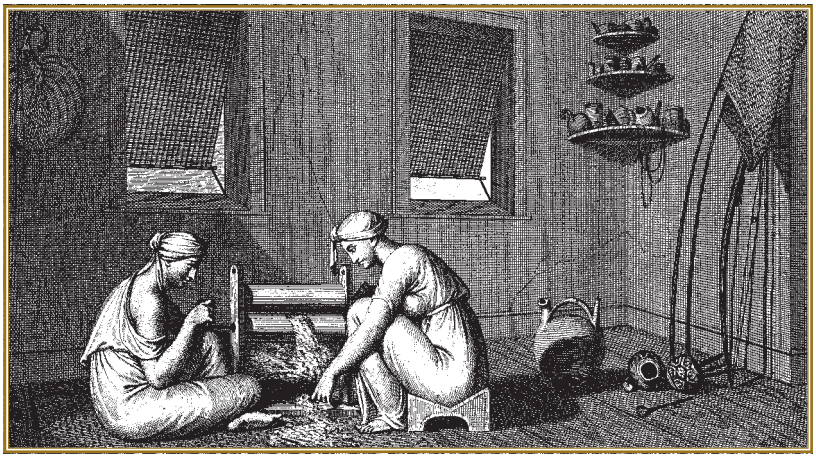
«...Это одна длинная улица, называемая «волонга», где в каждом доме внизу есть лавка, в которой нет никаких товаров, кроме негров на продажу. Они все сидят кругом на лавочках, и тут приходят покупатели, осматривают их, щупают, узнают, здоровы ли они, торгуют и покупают, как какой-нибудь домашний скот».

17 ноября 1817 г. Головнина и офицеров «Камчатки» в загородном дворце принял король Португалии и Бразилии Жуан VI[1], бежавший ещё в 1807 г. от наполеоновских войск. Головнин свидетельствует о его благорасположении к русским морякам:

«Король стал говорить со мною о нашем путешествии, о фрегате, каково нам нравится здешний климат и город, и, сделав вопросов десять, поклонился, пожелав благополучного плавания».

В своих заметках Головнин о бразильской столице отозвался весьма сдержанно, без особого восхищения, обычно свойственного путешественникам.

«Дома в нём кирпичные, выбеленные; большая часть в два этажа... здешние жители любят украшать свои дома: кругом окон и дверей делают они резьбу или разноцветные бордюры, а наверху по углам ставят какие-нибудь вазы и фигуры. Это придаёт улицам их, вообще чрезвычайно узким, какую-то странную пестроту.

Интерьер дома в Бразилии. По рисунку Лангсдорфа. 1812 г.

[1] Жуан (Иоанн) VI (1767–1826) — король Объединённого королевства Португалии, Бразилии и Алгарве в 1816–1826 гг., до 1821 г. находился в Бразилии.

Бабочки Бразилии: Noctua odora, Sphinx labriscae, Satyrus Iria. По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

...Как из общественных, так и из частных зданий нет во всём городе ни одного, которое бы достойно было внимания европейца по огромности или красоте архитектуры. Дворец, стоящий на берегу у самой главной пристани, походит на дом частного человека. Церквей и монастырей огромных вовсе нет; одни лишь крепости хорошо построены, да и в тех, говорят, внутри большой беспорядок.

...Жителей в Рио-Жанейро считается 120 тысяч; в том числе полагается 15 негров на одного белого.

...В Рио-Жанейро можно запастись всеми жизненными потребностями, из коих многие, однако ж, привозятся из Европы и дороги...»

Строгие правила, ограничивавшие свободу находившихся в Бразилии иностранцев, были отменены после переезда в Рио-де-Жанейро португальского короля и его окружения. Все запреты в перемещениях и досмотры были отменены, не запрещалось ездить и на рудники, где добывали золото и алмазы. Головнин пишет, что «всякому разрешено мыть золото, платя пятую часть королю». Полностью принадлежала государству только добыча алмазов, хотя и в этой отрасли из-за коррупции чиновников процветал их нелегальный вывоз в Европу.

Головнин подмечает особенности снабжения судов продовольствием в порту:

Клубни маниока (кассавы) — растения семейства Молочайные.

«...Говядина и баранина очень нехороши, потому что скот пригоняют из областей Св. Екатерины и Рио-Гранде чрез большое пространство и, не дав ему времени поправиться, убивают. ...И потому здешнее мясо сухо и жёстко. Довольно много есть вкусных птиц... которые, однако ж, дёшевы. Рыбою здешнее место изобильно.

...Лук, картофель и кокосы здесь привозные и потому недёшевы.

...Выгодно можно запастись... сарачинск[им] пшено[м][1] (так тогда называли рис. — С. Д.) и ромом. Здесь ещё есть одно произведение... это крупа, делаемая из корня маниока и называемая тапиока. Маниок — растение очень известное, из коего корня делается мука, употребляемая в пищу негров, а тапиока есть лучшая часть сего корня».

В Рио-де-Жанейро к Головнину с неожиданной просьбой обратился испанский посланник. В то время отношения Португалии и Испании обострились, португальские войска даже заняли Монтевидео и не собирались его возвращать испанской короне[2]. Судно нейтральной страны представлялось испанскому посланнику единственным способом пере-

[1] Сарачинское пшено — употреблявшееся в России в XIX в. название риса.

[2] Территория современного Уругвая, освободившаяся в 1814 г. от испанского колониального владычества; в 1816 г. оккупирована Португалией и удерживалась ею до 1821 г.

дать важные бумаги вице-королю в Перу, и он попросил об этом одолжении Головнина. Просьба была поддержана российским консулом Лангсдорфом; так появился предлог для захода шлюпа «Камчатка» в Перу.

23 ноября 1817 г. «Камчатка» вышла из Рио-де-Жанейро и устремилась к югу. Двадцать пять дней шлюп следовал в обход мыса Горн, борясь с сильными штормами, но на этот раз всё завершилось для Головнина удачно. «Камчатка» встретила в этих бурных водах новый, 1818 год. В ознаменование новогоднего праздника матросам роздано было, по заграничному положению, жалованье, составившее около 30 рублей золотом на человека, — сумма весьма значительная по тем временам.

7 февраля 1818 г. «Камчатка» бросила якорь в Кальяо (у Головнина — Каллао. — С. Д.), главном портовом городе испанского вице-королевства Перу[1].

«Камчатка» пришла в Кальяо в самое тревожное время; Верхнее Перу (ныне — Боливия) и Чили в 1817 г. объявили себя независимыми, создали армию и вооружили несколько корсарских судов. По соседству, в Буэнос-Айресе, на территории бывшего вице-королевства Ла-Плата, правительство повстанцев также раздавало местным судовладельцам корсарские патенты. Корсары охотились на испанские купеческие суда, брали их в плен и делили добычу. Военно-морские силы испанского правительства в этих отдалённых краях были слишком слабы, чтобы противостоять им. Два корсарских судна приближались и к «Камчатке», но напасть на неё не решились.

В результате этих событий прекратились поставки в Перу продовольствия, и Головнину пришлось покупать всё необходимое для продолжения плавания по высоким ценам. Перестали привозить из чилийского Вальпараисо и рабов-негров, из-за чего богатейшие рудники Перу не разрабатывались. Остановилась чеканка монеты, казна опустела, не хватало средств на содержание армии для защиты колонии.

Солдаты в крепости Кальяо. Перу.

[1] Крупнейшее из четырёх вице-королевств в испанской Америке, просуществовало с 1542 по 1821 г.

Перуанские Анды.

Головнин посетил с визитом начальника порта Кальяо и выехал по приглашению перуанского вице-короля в Лиму. Вице-король прислал за ним свою карету, запряжённую шестью мулами в дорогой сбруе. Карету сопровождали два гусара верхами и подполковник Плато — начальник конной гвардии. В беседе с ним выяснилось, что тот сражался в испанских войсках против Наполеона и попал в плен, а когда в 1814 г. во Францию вошёл русский армейский корпус, вступил в его ряды. Полковник Плато был знаком со многими русскими офицерами и сохранил о них самые приятные воспоминания.

Спустя час карета въехала через красивые ворота в город и подкатила к подъезду двухэтажного просторного дворца. Головнин с офицерами был приветливо встречен вице-королем, который приказал оказать русскому кораблю всевозможное содействие, а также помог Головнину сравнительно выгодно и быстро запастись провизией и всем необходимым для дальнейшего плавания. После обеда, который состоял из большого количества жирного жареного мяса, дичи, зелени и плодов, россияне, узнав, что испанцы в это время дня отдыхают, откланялись и уехали.

Интересны заметки Головнина о необходимости знания иностранных языков русскими морскими офицерами:

«В путешествия такого рода необходимо нужно назначать офицеров и гардемаринов, знающих чужеземные языки, но, к несчастию... из служащих во флоте весьма мало таких, которые знали бы один или два языка, хотя им часто случается быть за границей. Если бы кадеты морского корпуса понимали, как стыдно и больно офицеру, находящемуся в чужих краях, не знать никакого иностранного языка, то употребляли бы всевозможное старание на изучение оных».

Статуэтка ламы из Музея золота Перу в Лиме.

Все последующие дни «Камчатка» была открыта для посещения местным населением. Многие приезжали с дамами, на борту пели, танцевали. В свою очередь, и офицеров корабля пригласили на берег в дом к богатому испанцу. Между хозяевами и гостями из далёкой России

быстро установились непринужденные дружеские отношения. Головнин вспоминал:

«Мы вообще заметили, что испанцы весьма учтивы и приветливы, и кажется, что они особенно хорошо расположены к русским. <...> Россия никогда ни в чём им не вредила, а напротив того, последнею войной с Францией она содействовала избавлению их от чужеземного ига».

В отличие от горожан, общий вид Лимы того времени Головнину решительно не понравился:

«Я очень много обманулся в своих ожиданиях, думая найти Лиму красивым городом; но теперь увидел, что нет большего города в целом свете, который бы имел столь бедную наружность: улицы длинны и прямы, но крайне узки и нечисты; домики все одноэтажные и двухэтажные, низенькие, со смешными деревянными балконами, оштукатурены и выбелены, но так дурно, что все они кажутся запачканными в грязи».

Из записок Головнина мы узнаём интереснейшие сведения о Лиме и тогдашнем Перу. Головнин, несмотря на краткость своего пребывания в Лиме, успел многое в ней осмотреть, побывать в кафедральном соборе, нескольких монастырях, артиллерийском арсенале, на пороховом заводе, монетном доме, в Коллегии медицины и хирургии и других местах перуанской столицы. Его поразили богатые серебряные алтари церквей, убранство и «старомодное великолепие» частных домов. Из-за частых землетрясений все здания города строились тогда из дерева или имели деревянный каркас. Ещё видны были последствия сильнейшего землетрясения 1746 г., разрушившего большую часть города. В записках командира «Камчатки» встречается и упоминание о цунами в Перу (Головнин наверняка слышал о таком явлении, находясь несколькими годами ранее в японском плену):

«То же самое землетрясение залило порт Каллао, разрушило в оном крепости и каменный мол, выкинуло на берег и погубило

Ритуальный нож. Золото, серебро, инкрустация бирюзой. Музей золота Перу в Лиме.

Монастырь Св. Франциска в Лиме.

множество судов со всеми их экипажами и причинило во всей провинции ужасные опустошения».

[1] 1 верста равна 1066,8 м.

Лима в начале XIX в. была обнесена высокой стеной из высушенных на солнце глиняных блоков с пятью воротами, тот же материал употреблялся для ограды дворов. Необожжённая глина применялась из-за полного отсутствия дождей, хотя совсем недалеко, всего лишь в 25–30 вёрстах[1] от города в горах дожди шли часто. Как пишет Головнин, за все время с основания города в 1535 г. и до 1818 г. грозы отмечались в Лиме всего три раза. Он считает климат Лимы благоприятным:

«...Местные свойства не только делают климат здешний сносным, но даже и приятным. Почти беспрестанные туманы, покрывающие здешние берега, и каждый день с моря дующие ветры уничтожают действие вертикальных лучей солнца и прохлаждают воздух. <...> Дождей здесь никогда не бывает, но выпадающая всякую ночь большая роса доставляет прохлаждение воздуху и плодотворную силу полям, которые в окружности Лимы производят в изобилии разных родов огородные растения и древесные плоды».

Маис (кукуруза). Рисунок из атласа растений. XIX в.

Не обошёл вниманием Головнин и главную продовольственную культуру Перу:

«Земля здешняя производит в изобилии маис, или индейскую пшеницу, которую жители наиболее сеют, потому что она употребляется в пищу индейцами. Они составляют из неё и питьё, весьма похожее на наш квас, которое, однако же, сильно слабит; также кормят маисом... домашний скот и птиц».

При этом он отмечает, что испанцы вместо того, чтобы использовать все богатства страны, сосредоточили своё внимание только на одной добыче серебра. Головнин резко критикует колониальные власти за их запрет иностранным кораблям привозить товары в Перу. Он

Террасное земледелие в предгорьях Анд.

Исторический центр Лимы.

пишет, что весь торг происходит на испанских судах, причём за испанские товары пошлина в три раза меньше, чем за иностранные.

Головнин не удержался и от оценки политических настроений в тогдашнем Перу:

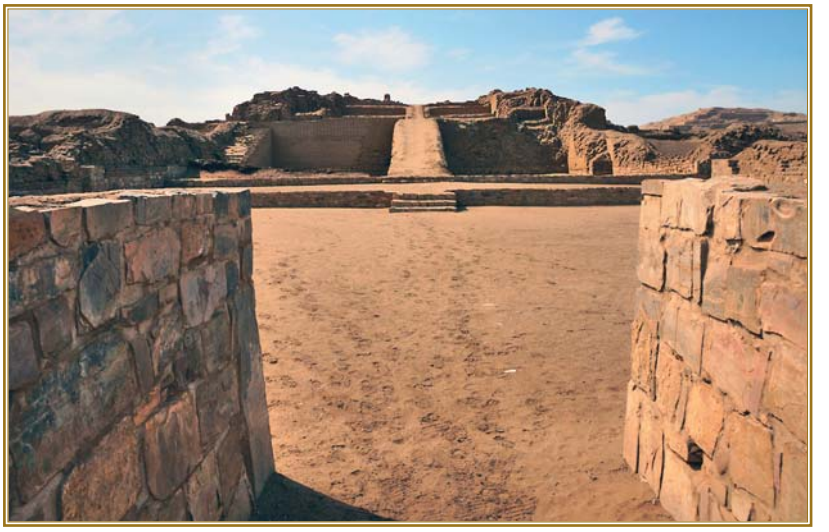
«Всему свету известно, что жители испанской Америки имеют полное право жаловаться на политику своего кабинета. Притеснения сии они чувствуют в полной мере, говорят о них открыто и, имея перед глазами пример Буэнос-Айреса и Хили[1], готовы всякую минуту объявить себя независимыми. Ненависть и презрение их к нынешнему правительству простираются до чрезвычайности. Они говорят, что Перу рано или поздно должен отпасть от Испании. ...Если республиканцы возьмут верх в [Хили], Перу немедленно провозгласит свою независимость.

...Королевское правление в Перу весьма слабо: вице-рой (вице-король. — С. Д.) каждую минуту страшится возмущения; пленных республиканцев, которых Испания признаёт бунтовщиками и изменниками, содержит он как военнопленных, опасаясь сделать им малейшее насилие, чтоб народ не взбунтовался.

...Весьма сомнительно, чтобы Испания когда-либо в состоянии была покорить опять Америку. Вопрос только остаётся, будут ли начальники возмутившихся провинций так умны и единодушны, чтоб удержать целость всех своих владений, дабы из оных составить одну республику или королевство, а не раздробляться на разные независимые одна от другой области».

Так Головнин безошибочно предсказывает скорое обретение независимости южноамериканскими колониями Испании. Перу стало независимым государством всего три года спустя после посещения Головнина.

[1] Так Головнин называет Чили.

Стены города инков Пачакамак недалеко от Лимы.

Головнин отмечает и особенности положения индейцев в Перу:

«Индейцы, живущие между испанскими селениями, смирны и покорны, но не забывают древнего своего состояния».

Жан-Батист Дебре. Охотник кабокло. Литография. XIX в.

Ему рассказали об одном старике слуге из рода инков, которому на индейском рынке при покупке провизии оказывают почтение как принцу — потомку государей.

«Индейцы живут все по маленьким селениям в хижинах, из сухой глины сложенных. Прежних их городов едва следы приметны: в 5 лигах (27 вёрстах) от Лимы находятся развалины древней их столицы Пачакамы[1], ...но в продолжение двух с половиною веков испанцы беспрестанно там рылись в надежде сыскать сокровища, в земле спрятанные, и не оставили камня на камне».

Но, как пишет Головнин, ссылаясь на испанцев, в Перу есть и гораздо более воинственные племена:

«Между Перу и Бразилиею обитает варварский лютый народ, который почитается самым злым и жестоким во всей Америке и который причиняет много вреда жителям внутренних стран в Перу. Если сии индейцы поймают испанца, то он в их руках никогда ранее трёх или четырёх дней не умирает; в сие время они держат его привязанного и рвут в разных частях его тело маленькими кусочками, чтоб более продлить мучение его. <...> Правительство против сего народа также не принимает никаких мер, потому что такие меры были бы сопряжены с большими издержками и трудами, а управляют страною испанцы,

[1] Пачакамак — бывший город инков вблизи Лимы, архитектурный памятник.

которые и не думают о Перу, в благоденствии коего они не принимают ни малейшего участия».

Корабли на рейде Кальяо. Гравюра XIX в.

Десятидневная стоянка «Камчатки» в Кальяо подходила к концу. 16 февраля 1818 г. вице-король дал в честь Головнина прощальный обед, на котором капитану была вручена трость из черепаховой кости с золотыми набалдашником и наконечником. На следующий день, 17 февраля «Камчатка» покинула берега гостеприимного Перу, направившись в Петропавловскую гавань.

Шлюп вернулся в Кронштадт только в следующем, 1819 г. Этим путешествием закончилась деятельность Головнина на море. В 1822 г., спустя три года после возвращения из плавания, он опубликовал свои путевые заметки, вышедшие в Петербурге под названием «Путешествие на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах». Большая часть этой книги посвящена тому, что он увидел в Южной Америке.

В. М. Головнин оставил о себе прекрасные воспоминания у современников, которые уважали его глубоко и искренне. Он был скромен в обращении, никогда не говорил о своих успехах по службе и о своих подвигах. Твёрдость духа, сообразительность, терпеливое перенесение страданий и лишений, настойчивость и решимость были отличительными чертами его характера. Выдающийся мореплаватель, В. М. Головнин был весьма образованным человеком, обладал большими знаниями в разных областях науки, несомненным литературным и административным талантом.

О том, как проходило плавание Головнина в 1817–1819 гг., можно судить не только по его путевым заметкам, но и по дневникам членов его команды. Особый интерес представляют записки о Латинской Америке выпускника Царскосельского лицея Фёдора Фёдоровича Матюш-

Британские корабли «Ганг» и «Сапфир» на рейде Пернамбуко, Бразилия. Рисунок Э. Видаля. 1829 г.

кина, которые он вёл во время кругосветного плавания с Головниным на шлюпе «Камчатка». Как писал первым исследовавший эти записки Л. А. Шур, они заметно отличаются от официального отчёта В. М. Головнина и от дневников Ф. П. Литке. Матюшкин, попавший на корабль сразу после выпуска из Царскосельского лицея и ещё мало знакомый с морской службой, пишет в основном не об особенностях плавания и не о наблюдениях за океаном и вычислении координат судна, а о природе, быте, культуре тех стран, которые он посетил на «Камчатке». Его записки весьма поэтичны, чувствуется, что их писал романтически настроенный 18-летний юноша. Однако, по словам самого Головнина, Матюшкин «исправлял должность наравне с офицерами».

«Журнал» Матюшкина весьма объёмен. Приведём лишь несколько примеров его записей, относящихся к Бразилии и Перу. Вот каким был первый выход Матюшкина в Рио-де-Жанейро:

«7 ноября [1817 г.] к нам на судно приехал наш генеральный консул Гр. Ив. Лангсд[1]. <...> С ним я съехал в первый раз на берег. Прекрасные колоннады, триумфальные ворота, арки, казавшиеся нам из мрамора и гранита, были сделаны из бумаги или холста, настоящие же строения все почти выстроены без вкуса — архитектура здешняя не имеет сходства ни с английской, ни с чистой греческой, но она содержит в себе что-то смешное, которое с трудом можно найти где-либо в другом месте. Надобно себе представить высокие узенькие светёлки с большими окнами, кои большею частью на место стёкол имеют грубо выработанные решётки; дома все оштукатурены, подъездов нет, но первая комната с улицы служит вместо конюшни, сарая и передни; впрочем, это мы не во всех домах встречали; в иных она служила мастеровой, в других — приёмным залом, и через них проводят лошадей на задний двор; вообще здесь большая неопрятность — как на улицах, так и в самих домах. Улицы

➲ *Ж.-Б. Дебре. Вид на город Сан-Паулу в Бразилии. Литография. XIX в.*

[1] Григорий Иванович Лангсдорф — о нём см. специальный раздел этой книги.

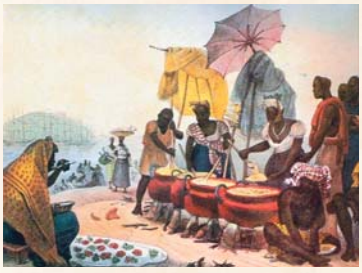
Ж.-Б. Дебре. Городок в Бразилии. Литография. XIX в.

так худо вымощены, что я насилу успевал за Гр. Ив.; вместо булыжника наброшены на улицы необтёсанные куски гранита; тротуары, кои находятся по обеим сторонам улицы, столь же неудобны — они узки, и множество полунагих замаранных негров, кои по ним бегают, принуждают тех, кои не хотят замараться, идти посредине улицы; и токмо здешние люди могут по ним ходить; здешние лошади не спотыкаются, и колеса здешние не ломаются (они делаются из дерева, называемого Ipe[1], которое крепостью мало уступает железу).

...Был в некоторых церквах, но в них особенного великолепия не нашёл; они все почти готической архитектуры и внутри убраны без всякого вкуса; вместо образов у них стоят в церквах куклы в приличных одеждах, изображающие святых...»

[1] Вид деревьев, распространённый в Южной Америке.

Матюшкин вместе с офицерами «Камчатки» с превеликим интересом путешествует по окрестностям Рио-де-Жанейро, ибо «безделицы, кои... видел, возбудили... любопытство, и [он] при всяком случае съезжал на берег». Эти экскурсии им организует русский генеральный консул Г. И. Лангсдорф:

Ж.-Б. Дебре. Уличная торговля. Литография. XIX в.

«Первое место, куда мы поехали, был рынок, в коем продаются негры; в одной Бразилии можно это видеть, потому что здесь токмо торг неграми не токмо покровительствуем, но и вспомоществуем деятельнейшим образом правительством <...>. Ряды, в коих продаются негры, и называемые Valongo, состоят из одного строения, разделённого на многие амбары, в коих негры и негритянки почти совершенно нагие содержатся, и в каждом амбаре находится для присмотра один европеец, который поступает с ними зверски. <...> Замечательно также, что негры,

➲ *Ж.-Б. Дебре. Торговля на улице бразильского города. Литография. XIX в.*

находясь под игом жестокосердных португальцев, вместо того чтобы составить меж собой тесный братский союз, живут в величайшей вражде между собою и радуются, когда единоземец их страждет».

Внимание Матюшкина привлекли лавки ювелиров («золотых дел мастеров находится здесь весьма много, и лавки их по большей части очень богаты») и фортификационные сооружения («город самый не имеет никаких укреплений, но защищается пятью крепостями, из коих главнейшая есть С[анта]-Круц. Она стоит на правой стороне у входа, защищается несколькими батареями и составляет с другой крепостью С[ан]т[а]-Иоанн перекрёстный огонь...»).

Путешественникам удалось осмотреть не только город, но и окрестности:

«Нынешний день был назначен посмотреть окрестности города и преимущественно водопад, называемый Тежуко. <...> Оставив... лошадей, мы пошли далее пешком, потому что здесь даже верхом нельзя было пробраться. Скоро мы услышали шум водопада, через четверть часа мы его увидели. Огромный гранитный утёс навис над ним и составляет прекрасную противоположность с бисерною стеною воды... прорвавшую грудь каменного утёса и низвергающуюся с шумом в гранитный бассейн, собственной его силою вырытый, оттуда поднимается и вторично разливается с громом и шумом по отлогости гранитной скалы, после чего уже с ровностью и тихостью струится по богатым кофейным и сахарным плантациям, кои оросив, благотворною волной изливается большим рукавом в беспредельное море.

Долго смотрел я на величественную и дикую природу. Что может быть прекраснее и обворожительнее простой природы?

...По всей дороге мы не видали ни одного селения и, кажется, их во всей Бразилии нет, или по крайней мере они очень редки, потому что около столицы они должны быть в большом количестве, ибо, находясь поблизости города, особливо же торгового, они имеют большую удобность сбывать свои грубые произведения, но здесь их совершенно нет и, исключая разбросанных плантаций, ничего не встречаешь. Кажется, что существование селений и деревень здесь не токмо что не необходимо, но даже излишне, ибо продукты, кои здесь производятся, требуют беспрестанного присутствия плантера (я говорю о сахарных плантациях, что же касается до кофейных, то за ними нет почти никакого присмотра), принуждает его жилище своё иметь посреди полей своих, что бы было невозможно, если бы они жили большими обществами; в таком случае поля бы их были удалены от них, и они по роду произведений при малейшей потере времени могли бы претерпеть великий ущерб».

Весьма любопытны комментарии Матюшкина относительно состояния бразильской экономики:

«...С недавнего времени благосостояние и население Бразилии начало приметным образом увеличиваться, и это с тех пор, как англичане перестали ввозить негров в свои колонии, и когда вся африканская торговля перешла в руки бразилианцев; с тех пор число жителей в Рио-Жанейро увеличилось от 120 до 150 000 жителей[1], и кофейные и сахарные плантации чрезвычайно умножились. 4 года тому назад вывозили из Рио-Жанейрской области токмо 4000 п[удов] кофею, а ныне вывоз простирается на 100 000 п[удов] и более[2].

...Редкие занимаются добыванием золота, потому, что прибыль, которую они получают, не бывает сообразна с издерж-

Вид на гору Сахарная голова в Рио-де-Жанейро. Ч. Ландсир. 1827 г.

Орхидея.

[1] Население современного города 6,3 млн человек (2011).

[2] 1 пуд равен 16,4 кг. Ныне экспорт кофе из Бразилии составляет около 2 млн т в год.

Побережье Перу.

ками, которые на то употребляются, и большая часть предпочитает кофейные или сахарные плантации, как выгоднейшие. <...> Вот три главнейшие отрасли внутренней грубой промышленности, что же касается до фабрик и мануфактур, то их в Бразилии совершенно нет, а всё привозится из Англии и вся внешняя торговля всех владений португальцев в Америке находится преимущественно в руках англичан; впрочем, и другие народы имеют право свободно торговать, и при нас находилось судно под русским флагом, пришедшее из Архангельска с хлебом, доска[ми], парусин[ою] и стеклянною посудою. <...> Что же касается других отраслей государственных доходов, то они состоят, исключая пошлин, наложенных на иностранные товары, ещё из 10-й доли недвижимого имения при переходе его из одних рук в другие».

Не менее интересны и заметки Матюшкина о Перу, относящиеся к февралю 1818 г.:

«Город Каллао лежит на берегу морском совершенно открыто и защищается тремя... крепостями, сам город весьма нехорош. Дома построены из земли, большею частью одноэтажные, стёкол нет, но так, как и в Рио-Жанейро, решётки; улицы неровные и весьма худо или даже совершенно немощёные. В сём не находят даже и нужды, потому что ни в Лиме, ни в Калла[о] дождей не бывает. Совершенная засуха делала бы страну сию необитаемою, если природа не вознаградила недостаток пресной воды тем, что в 15 испанских милях от Лимы идут беспрестанные

Площадь в порту Кальяо. Современный вид.

Старинный дом в Кальяо.

дожди; вода, стекая с гор, орошает все низменности страны. В Каллао вода доставляется 3 подземными водопроводами или выдолбленными брёвнами из одного болота.

...Публичных зданий в Каллао весьма мало, исключая одной весьма небогатой церкви и адмиралтейства, находящегося в совершенном почти бездействии, потому что нет флота».

Матюшкин объясняет бедность архитектуры Кальяо — виной тому недавнее стихийное бедствие:

«...Океанская волна, которая... поглотила и разрушила город Каллао. Все жители его погибли, исключая 40 человек; они спаслись на одной высокой башне, которая противостала силе разъярённых волн. Весь бывший здесь флот разбросало и разбило. От сей причины ныне К[аллао] есть незначащее малое местечко — в нём перестали селиться, и ныне, исключая некоторых купцов, 500 чел[овек] солдат, пленных инсургентов и преступников, назначенных для публичных работ, нет постоянных жителей».

По дороге в Лиму Матюшкин проезжал мимо селения перуанцев:

«...Любопытство принудило меня туда завернуть. Постройка некоторых домов там, как и в Каллао; хижины беднейших сделаны из тростника... во всех хижинах почти я заметил большую опрятность и чистоту, нежели у испанцев. Они трудолюбивее испанцев, что я слыхал и что сам имел случай заметить: когда я входил в избу, то никогда их не видал праздными...»

➲ *Руины поселения инков в перуанских Андах.*

Столица Перу произвела на путешественника неоднозначное впечатление:

«Л[има] весьма обширна и весьма правильна, имея вид круга; город[ские] улицы все, исключая так называемого старого города, прямы и пересекаются под прямым углом. Одни идут от N к S, а другие от W к O, но строения здешние столь же безобразны, как и в Каллао, и никак себе нельзя представить, чтобы город, имеющий такой величественный, такой прекрасный, столь обворожительный вид с моря, был бы в самом деле так нехорош, так беден, так малопривлекателен».

Путешественники побывали в нескольких монастырях: «везде алтари или колонны из массивного чистого серебра, везде богатая позолота, везде богатые, но без всякого вкуса сделанные украшения». Зашли они и «в кафедральную церковь, отличающуюся также особенным своим богатством и особенным своим безвкусием. Она, так как и монастыри и все высокие здания, построена из дерева и снаружи оштукатурена, по причине частых землетрясений...».

Русские путешественники совершили конную прогулку к развалинам древнего города. По дороге они встретили «...обрушившие[ся] укрепления. Если судить по ним, то видно, что древние перуанцы были народ образованный и имевший также довольно большое понятие о укрепле[нии] мест. Крепос[т]цы сии защищают все проходы во внутренность земли, и они расположены так, что одна может вспомоществовать другой. Сами же они сделаны из весьма твёрдой земли, довольно высоки и, смотря по важности защищаемого места, обширны. Иные из них построены в три яруса, один менее другого, и столь сии здания крепки, что ни оружие испанцев, ни время не могли искоренить их.

...Наконец, показались вдали развалины города... и вот мы уже перед дворцом кассика (вождя, правителя. — С. Д.) — огромные земляные глыбы, расположенные правильным образом, показывают место, где он стоял. Некоторые другие строения лучше сохранились — по ним можно ещё с помощью человека, знающего древности перуанские, несколько судить об архитектуре перуанцев. Видно, что дома их разделены были на три яруса, из коих последний был под землею.

В верхнем хранили они жизненные припасы, в среднем сами жили, а в нижнем, наконец, погребали мёртвых, что можно заключить из того, что в каждом доме находят мумии (впрочем, не искусственных, а сама земля имеет здесь свойство сохранять тела от тления), завёрнутых в хлопчатую бумагу и род полотна, что мы сами видели. Двери у них были неправильных фигур и закладывались на ночь каменьями».

Не оставил Матюшкин без внимания и инцидент, произошедший при отходе из Перу русского корабля:

«...Мы, салютовав крепости 7 выстрелами, вступили под паруса. Но сколь мы удивились, когда вместо равного числа нам отвечала малая корвета токмо 3-мя. Капитан тотчас лёг в дрейф и послал в крепость офицера для истребования равного числа от крепости, а не то он хотел стать опять на якорь и вытребовать у вице-роя (вице-короля. — С. Д.) должную почесть военному флагу».

Современный вид Лимы.

Остаётся добавить, что Ф. Ф. Матюшкин ещё раз оказался у берегов Южной Америки во время своего второго кругосветного плавания 1825–1827 гг., на этот раз — под командованием Ф. П. Врангеля.

Василий Михайлович Головнин

8 (19) апреля 1776 — 29 июня (11 июля) 1831

Российский мореплаватель и путешественник, вице-адмирал; член-корреспондент Петербургской академии наук.

Отец и дед Головнина служили в Преображенском полку, куда по существовавшему тогда обычаю был записан сержантом и шестилетний Василий. В юном возрасте он остался сиротой и был определён родственниками в Морской кадетский корпус. Произведённый в гардемарины, в 1790 г. на корабле «Не тронь меня» Головнин участвовал в сражениях против шведов и был награждён золотой медалью за проявленную храбрость.

В 1792 г. Головнин успешно окончил основной курс Морского корпуса, но по малолетству был оставлен в корпусе ещё на год, так как лицам, не достигшим 17 лет, не присваивалось офицерское звание. В январе 1793 г. его произвели в мичманы, и он плавал в составе Кронштадтской эскадры к берегам Швеции, Англии и Голландии. В 1801–1805 гг. Василия Головнина послали в Англию для ознакомления с организацией и тактикой английского флота. По возвращении он составил книгу «Военные морские сигналы для дневного и ночного времени», которой русский флот пользовался в течение 24 лет.

В 1806 г. в чине лейтенанта Головнина назначили командиром шлюпа «Диана». Его направили в кругосветную экспедицию, главной целью которой были географические исследования северной части Тихого океана и доставка грузов в Охотск. В июне 1807 г. «Диана» отправилась в плавание, а в апреле 1808 г. шлюп был задержан у мыса Доброй Надежды командующим английской эскадрой в связи с войной, начавшейся между Россией и Англией. Лишь в мае 1809 г., более года проведя в плену, Головнин на «Диане» предпринял побег. Корабль успешно вышел из бухты на виду у нескольких английских кораблей и в сентябре 1809 г. благополучно прибыл на Камчатку.

В 1811 г. В. М. Головнину было поручено описать Курильские и Шантарские острова и берег Татарского пролива. Во время работ у острова Кунашир Головнин был захвачен японцами в плен вместе с шестью моряками. Плен продолжался более двух лет. Его описание, изданное в 1816 г., переведено на многие европейские языки.

В 1817–1819 гг. В. М. Головнин совершил новое кругосветное путешествие на военном шлюпе «Камчатка». В этом плавании первую серьёзную практику получили будущие выдающиеся русские мореплаватели Ф. П. Врангель и Ф. П. Литке. Во время этой экспедиции Головнин исследовал Калифорнию, Гавайские и Филиппинские острова.

В 1821 г. в чине капитан-командора Головнин был назначен помощником директора Морского корпуса. В 1823 г. его назначили генерал-интендантом флота. За время его 8-летнего управления интендантской частью флота (1823–1831) было построено 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 2 шлюпа, 10 первых в России пароходов и много других мелких судов. Умер Василий Михайлович в 1831 г. от холеры во время эпидемии.

Именем В. М. Головнина названы пролив между Курильскими островами, гора и мыс на Новой Земле, гора на Камчатке, залив в Беринговом море, мыс на западном побережье Северной Америки, вулкан, река и посёлок на острове Кунашир и др.

Основные печатные труды: «Военные морские сигналы для дневного и ночного времени» (1806); «Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершённое в 1807, 1808 и 1809 гг.» (1819); «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.» (1816); «Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг.» (1822); «Описания примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями».

Михаил Петрович Лазарев

3 (14) ноября 1788 — 11 (23) апреля 1851

Российский адмирал (1843), путешественник, первооткрыватель Антарктиды, единственный в России офицер парусного флота, командовавший судном в трёх кругосветных плаваниях, почётный член Русского географического общества.

М. П. Лазарев: 1813–1816, 1819–1821, 1822–1825 гг.

Кругосветные плавания русских военных моряков начались в очень тревожное время наполеоновских войн, и с 1808 г. целых пять лет ни один российский корабль не выходил к берегам Русской Америки. Лишь 9 октября 1813 г. из Кронштадта на Дальний Восток отправился с грузами для Российско-американской компании корабль «Суворов» водоизмещением 335 т. Им командовал 25-летний лейтенант Михаил Петрович Лазарев, до того уже совершавший дальние плавания в Атлантическом и Индийском океанах волонтёром на судах английского флота. Зайдя по пути в Швецию, «Суворов» 27 ноября бросил якорь в Портсмуте. Здесь «Суворов» принял дополнительные грузы для Русской Америки и лишь 26 февраля 1814 г., вместе с другими торговыми судами, направлявшимися под прикрытием трёх военных кораблей и двух бригов в Вест-Индию, покинул Англию.

Дойдя с этими судами до португальского острова Порту-Санту[1], «Суворов» направился в Рио-де-Жанейро, куда и прибыл 22 апреля. Помощник Лазарева лейтенант С. Я. Унковский[2] вспоминал в своих «Записках моряка», написанных им после выхода в отставку с морской службы (сам Лазарев, к сожалению, записок не оставил):

«Легли в дрейф. В то же время пристало к кораблю до десяти португальских катеров, и каждый из них имел право рассматривать корабельные бумаги. Это правило португальского правительства. Мы должны были дожидаться в дрейфе последнего инспектора».

Шлюп «Восток».

[1] Небольшой остров в архипелаге Мадейра.

[2] Семён Яковлевич Унковский (1788–1882) — русский военный моряк. Гардемарином был отправлен на службу в английский флот, участвовал в ряде морских сражений, попал в плен к французам, освобождён после Тильзитского мира. Принял участие в плавании на «Суворове».

Эполеты и аксельбант адмирала М.П. Лазарева.

Закат над Атлантикой.

Посланник России граф Ф. П. Пален[1] и консул Г. И. Лангсдорф тепло приняли моряков «Суворова». Лазарев и офицеры судна посетили принца-регента[2] в его дворце.

Большое впечатление на российских моряков произвёл приход португальского брига с несколькими сотнями африканских невольников. Унковский, называя их «африканскими арапами для продажи», относился к рабовладельческим порядкам с явным неодобрением:

«Город наполнен сими несчастными жертвами надменных португальцев. Все тяжкие работы исполняются невольниками, и ни один природный португалец не снискивает трудов рукоделием, но каждый имеет несколько невольников, которых он употреблять может по своей воле и, утопая в лености, торжествует над сими несчастными, которые должны приносить ему ежедневно положенное количество денег; но если оный не может приобрести положенной суммы, то получает крепкие наказания».

Дела Российско-американской компании заставили «Суворова» задержаться в Рио-де-Жанейро более чем на месяц, и только 25 мая корабль снова вышел в открытое море. Время года не оставляло ему выбора маршрута в Русскую Америку — штормовые воды около мыса Горн в эти месяцы были недоступны парусным судам. Поэтому Лазарев выбрал восточный маршрут. «Суворов» направился к Тихому океану в обход мыса Доброй Надежды и Южного мыса Тасмании и 18 ноября 1814 г. пришёл в Ново-Архангельск. По пути на карту была нанесена

➲ *Пеликаны на побережье Тихого океана.*

[1] Фёдор Петрович (Фридрих Александр) Пален (1780–1863) — русский дипломат.

[2] Португальский наследный принц, впоследствии император Бразилии Педру I (1798–1834).

группа из пяти необитаемых коралловых островков, названных Лазаревым островами Суворова[1].

В следующем, 1815 г. «Суворов» ходил за пушниной к островам Св. Павла и Св. Георгия из группы островов Прибылова[2], в мае вернулся в Ново-Архангельск и 23 июля вышел оттуда с грузом пушнины и товаров, предназначенных для продажи в Лиме. По пути к берегам Перу корабль остановился в Сан-Франциско для пополнения воды и провизии, а также у острова Сокорро в архипелаге Ревилья—Хихедо[3], в 250 милях к югу от Калифорнийского полуострова, где, сойдя на несколько часов на берег, Лазарев по лунным расстояниям определил координаты.

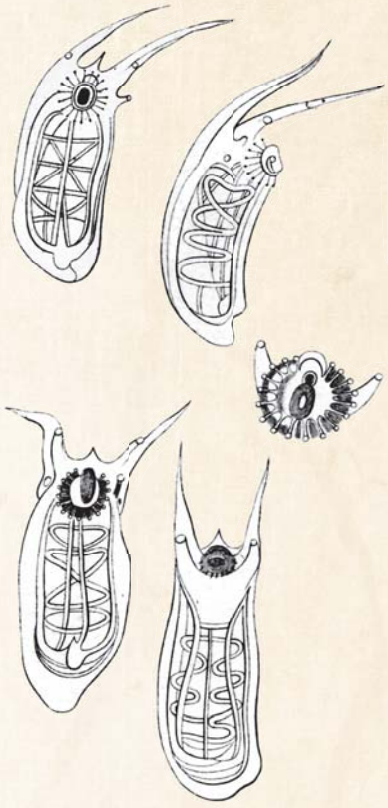
Во время короткой стоянки в Сан-Франциско, бывшего в то время ещё частью находившейся под властью Испании Мексики, Унковский размышляет о близком закате некогда могущественной колониальной испанской империи:

«Надобно удивляться, как испанцы в течение 300 лет успели от Хили до Калифорнии, по всему западному берегу, населить столько частых колоний, из которых некоторые уже обратились в густо населенные и богатые города с великолепными монастырями, и католическая вера твёрдо укрепилась на языческой почве. Такая небольшая страна, как Испания, с населением каких-нибудь 7 000 000 жителей, охватила почти все южные берега Америки и на западе поднялась до 40° сев. широты, захватив лучшую часть Филиппинских островов и многих других на тропическом пространстве Тихого океана. Поэтому можно судить о том могуществе Испании как морской державы во времена владычества Карла V. Но всему бывает конец, и это некогда сильное государство с каждым годом начинает упадать, и колонии во всех частях света, столь богатые, близки к отпадению по причине совершенного уничтожения её морских сил».

Следуя далее на юг, 23 сентября Лазарев подошел к острову Кокос[4] в 360 милях к западу от побережья Коста-Рики; здесь он проверил по приборам определение координат. Унковский вспоминал:

«На этом острове много кактусов, и плоды вкусны, но покрыты колючим пухом, так что опасно есть, они похожи на персики. Множество на берегу разнообразных раковин... а в воде бездна акул».

Еще через пять дней «Суворов» стал на якорь у побережья современного Эквадора. Моряки увидели здесь дома из бамбука на столбах. Унковский писал:

Светящиеся червячки, помощию увеличительного стекла усмотренные (фрагмент). По рисунку В Тилезиуса. 1814 г.

[1] Атолл Суворова в Тихом океане, в Северной группе островов Кука; принадлежит Новой Зеландии.

[2] Острова в Беринговом море, принадлежат США.

[3] Острова в Тихом океане, принадлежат Мексике.

[4] Остров в Тихом океане, принадлежит Коста-Рике.

Банан. Рисунок из атласа растений. XIX в.

«Все они похожи на клетки, это делается во избежание от насекомых, которых в этом крае множество, ядовитого свойства. Жители показались нам слабого телосложения, едят мало хлеба, а питаются больше бананами».

Лазарев вместе с офицерами съездил в город Эсмеральдас[1] (в записках Унковского он назван Эсмеральда), где они были приняты весьма гостеприимно испанским губернатором. В реке, на которой стоял этот город, как пишет Унковский, «водится много пеликанов и никогда не виданной мною речной птицы наподобие цапли, ярко огненного цвета». По-видимому, это были красные фламинго.

«Суворов» шёл дальше вдоль берега в сторону Перу. Но сильное течение к западу, а также неблагоприятные ветры пассаты препятствовали движению парусника, и Лазареву пришлось отклониться далеко к юго-западу — до 30° ю. ш. и лишь затем повернуть назад к берегам Южной Америки. 24 ноября 1815 г., через полтора месяца после посещения порта Эсмеральдас, «Суворов» подошел к Кальяо. Так впервые в истории русский корабль пристал к берегам Перу.

В тот же день моряков «Суворова» приветствовали местные портовые власти, а уже 25 ноября Лазарев выехал в Лиму, чтобы представиться вице-королю Перу маркизу де Абаскалю[2]. Вице-король был осведомлён о победе русской армии над Наполеоном, поэтому отношение к Лазареву и его спутникам было самым уважительным, и кораблю было незамедлительно предоставлено право на свободное пребывание в Кальяо.

Лазарев, как показало его кругосветное плавание, был не только опытным командиром, но и отличным дипломатом и коммерсантом. Вскоре по прибытии в Лиму он познакомился с одним из богатейших людей Перу, директором Филиппинской компании[3] Абадиа. Тот побывал на борту «Суворова» и обещал оказать содействие в обмене находившейся на корабле пушнины из русских колоний в Америке на перуанские товары. Абадиа также согласился стать посредником в установлении деловых контактов между Филиппинской и Российско-американской компаниями.

Вскоре на корабль началось настоящее паломничество перуанцев, желающих познакомиться с русскими моряками. Среди них были и все высшие чиновники гражданского управления Лимы. Тем временем экипаж корабля производил его срочный ремонт, после которого, как вспоминал Унковский,

«Суворов» красовался самым модным щёголем, и ни одно морское судно, стоявшее на рейде Кальяо, не могло поравняться с ним в опрятности. <...> Многие из аристократических фами-

[1] Город на северо-западе Эквадора; население 154 тыс. человек (2010).

[2] Хосе Фернандо де Абаскаль и Соуса (1743–1821) — вице-король Перу с 1806 по 1816 г.

[3] Компания, учреждённая Испанией в 1785 г. для торговли с Филиппинами; прекратила существование в 30-е гг. XIX в.

лий, даже никогда не бывавшие в море, приезжали любоваться и с любопытством всматривались в незатейливое, но дельное щегольство, редко ими виданное, как они сами признавались. В числе посещавших очень много было дам лиманских, вообще славных красотою и кокетством».

5 декабря вместе с офицерами «Суворова» Лазарев был приглашен на обед во дворец вице-короля. Обед был обильным, он состоял из 20 блюд, и обе стороны остались очень довольны друг другом. Лазарев в ответ пригласил вице-короля посетить «Суворов», но по существовавшим правилам испанского двора вице-король не имел права наносить кому-либо визит.

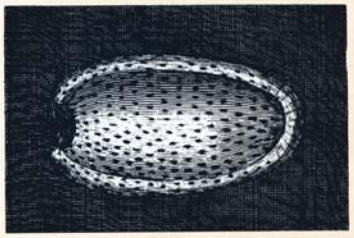
Тем временем Лазарев через Абадиа добился права для русских моряков торговать в Лиме наравне с испанскими подданными. Это было большим успехом командира «Суворова», так как до этого никому из иностранцев не разрешалось торговать в испанских колониях. Все русские товары, предназначавшиеся Российско-американской компанией для продажи, были свезены на берег с «Суворова», и на них быстро нашлись покупатели. Часть пушнины была обменена на местные товары, но перуанцы платили и наличными, что оказалось весьма кстати для закупки продовольствия для экипажа корабля. Контакты русских моряков с перуанцами не ограничивались коммерцией.

Офицеры «Суворова» не раз побывали за время стоянки в Кальяо, в Лиме и её окрестностях. В своём дневнике Унковский оставил любопытные описания этих двух городов, местных жителей, их обычаев:

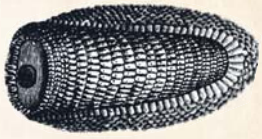
«Лима отстоит от Кальяо на расстоянии 16 вёрст от моря. Местность эта постепенно возвышается, но в самой умеренной степени. Дорога шоссейная, но ещё недавно устроена и поэтому

Предгорья перуанских Анд.

Светящиеся червячки, помощию увеличительного стекла усмотренные (фрагмент). По рисунку В Тилезиуса. 1814 г.

Центральная площадь в Лиме. Гравюра 1877 г.

трудна для экипажей и лошадей. Так как в окрестностях, прилегающих от моря к Лиме, никогда не бывает дождей, весь круглый год при жаркой атмосфере, после утренних сильных рос, с 8-ми часов утра и до заката солнца, всегда страшная пыль, и путешествующие никогда иначе не ездят, как по самое горло покрытые бумажною белою мантилиею с соломенною шляпой с большими полями на голове.

...Как только солнце своим нижним краем коснётся горизонта, тогда при захождении его смолкает всё говорящее народонаселение, и весь католический мир Лимы благоговейно, с тихою молитвою на устах, провожает это великолепное светило с точно таким же приветствием, как встречал и утренний восход его. Это европейцы и креолы испанские заимствовали от прежних обитателей этой страны — перуанцев, поклонников солнца. Племя этих последних кротких обитателей живёт в первобытных своих хижинах в окрестностях Лимы, и мы нередко посещали жилища этого доброго народа, уныло, но с добродушием принимавших нас в своих хижинах в тени ветвистых деревьев. Я пил у них квас, приготовленный из рису или кукурузы, совершенно похожий по вкусу на наш русский».

С наступлением темноты, пишет Унковский, жизнь улиц Лимы преображалась:

«Совершенно другое общество людей появляется во время вечерних прогулок, все дамы в своих лёгких белых нарядах, щеголевато одетые, со своими чинными кавалерами гуляют до 11-ти часов и долее и потом возвращаются домой и доканчивают вечер

Улица Лимы в наши дни.

в разговорах, пении с аккомпанементом какого-нибудь искусного гитариста. На этих вечерах мне случалось пробыть иногда до 2 часов утра, очень приятно. В то же время по вечерам как молодые кавалеры и дамы при вечерней прохладе наслаждаются жизнью, а в трактирах на биллиардах, в кости, в карты, домино предаются страстно играющие. Тут почти всегда найдёшь монахов, августинцев, проигрывающих целые ночи в своих белых рясах».

Численность населения Лимы в тот период составляла около 80 тыс. человек[1]. Каменные постройки в городе сильно пострадали от сильнейшего землетрясения 1746 г., после чего дома начали строить на каркасах в виде плетней, обмазанных глиной, чтобы при землетрясении стены не трескались. Интересно в пересказе Унковского описание цунами, сопровождавшего это землетрясение:

«В одно мгновение глаза вода отхлынула от брегов, и рейд порта Кальяо оказался без воды. Корабли, стоявшие на рейде, сорвало с якорей и, через несколько секунд, при возвращении воды обратно, этою ужасною волною были выброшены за 3 мили на берег по направлению к Лиме, а город Кальяо со всеми обитателями исчез и тут образовался пролив».

«Суворов» прибыл в Перу в период революционных потрясений, сотрясавших испанские колонии в Америке. Унковский пишет:

«...Власть королевская в колонии уже сильно колебалась, и повсюду и повсеместно составлялись общества креолов и мулатов, противящиеся королевскому правительству. Особенно в Чили это движение весьма распространилось, и поминутно инсургенты одерживают верх над королевскими войсками, но в Лиме ещё было спокойно, хотя брожение умов очень было заметно».

В начале января перед Кальяо появилась эскадра республиканцев, пришедшая из Буэнос-Айреса, из-за чего «Суворов» вывесил абордажные сетки и вся команда, вооружившись, ждала нападения. Русские моряки также помогли вооружиться для противодействия эскадре инсургентов экипажам купеческих судов Филиппинской компании. Не рискнув атаковать, корабли республиканцев вскоре ушли.

Тем временем пребывание «Суворова» в Кальяо близилось к концу. Торговля шла успешно. 26 января 1816 г. в соответствии с заданием руководства Российско-американской компании на борт «Суворова» в обмен на русские товары — ткани, парусину, железные изделия — были приняты 120 ящиков хины[2]. В течение следующих дней были загружены перуанский бальзам[3], медь, «хлопчатая бумага»[4], шерсть

Горный нотоцеркус. Рисунок 1902 г.

[1] Ныне население Лимы составляет около 10 млн человек.

[2] Растение семейства мареновых; кора используется для лечения малярии.

[3] Смола, получаемая из коры тропических деревьев. Применяется в парфюмерии и фармацевтике, антисептик.

[4] Вероятно, имеется в виду хлопчатобумажная ткань.

викуньи. Были доставлены, как писал Унковский, «и разные вещи из древностей прежних инков[1] как сокровища дорогие от вице-короля маркиза де Абаскаля в подарок нашему императору с письмом и отзывами о наших действиях в самых лестных выражениях».

Не обошлось без ещё одного приобретения, весьма экзотичного: 12 февраля на борт «Суворова» были помещены перуанские животные — восемь лам, одна альпака и одна викунья[2]. Этих диковинных животных офицеры «Суворова» купили за свой счёт, чтобы, как пишет Унковский, «по доставке их в Россию оставить у одного из нас в имении для опытов акклиматизирования». Для каждого из животных было сооружено отдельное стойло, они стали предметом повседневного внимания и заботы всего экипажа судна.

Проведя 110 дней в гостеприимном Перу, 15 февраля 1816 г. «Суворов» дал залп из девяти выстрелов и, получив ответный салют из расположенной на берегу крепости, взял курс из Кальяо к родным берегам. 22 марта Лазарев обогнул мыс Горн и вышел в Атлантический океан, причём «ламы перенесли шторма очень спокойно, а одна родила маленького самца».

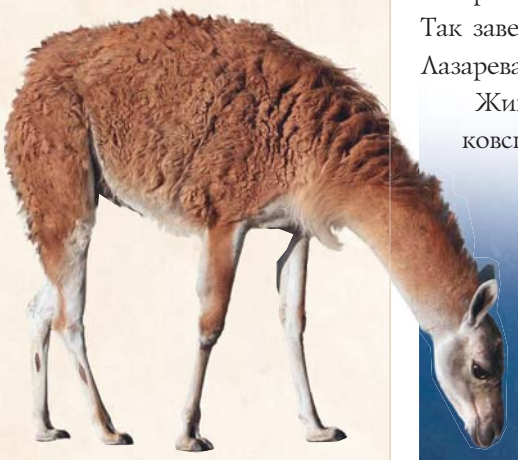
В конце апреля корабль зашёл на остров Фернанду-ди-Норонья[3] в 200 милях от северо-восточного побережья Бразилии для пополнения запасов воды и провизии. На острове обитали под охраной португальских солдат только преступники, которых в это время «считалось до 300 человек мужчин». Комендант крепости устроил офицерам обед, после которого были приглашены несколько отличных плясунов, и они под гитару отплясывали испанские и мавританские танцы. На пути домой Лазарев посетил Портсмут и 15 июля 1816 г. вернулся в Кронштадт. Так завершилось первое кругосветное плавание Михаила Петровича Лазарева.

Животные из Перу хорошо перенесли тяжёлое путешествие. Унковский с гордостью вспоминал:

[1] Инки — правители крупнейшего государства в Южной Америке, существовавшего в XI–XVI вв., так называемой империи Тавантинсуйю.

[2] Животные семейства верблюдовых, обитающие в Андах. Одомашнены, используются для получения шерсти (все три вида), мяса (альпака) и для перевозки грузов (лама).

[3] Главный остров одноимённого архипелага в Атлантическом океане в 350 км от побережья Южной Америки, принадлежит Бразилии.

Гуана́ко — млекопитающее рода лам семейства верблюдовых — предок одомашненной ламы.

Ламы на руинах города Мачу-Пикчу в Перу.

«Сколько ни старались испанцы, а потом Наполеон вывезти этих животных из Перу в Европу, но всегда неудачно — они все погибали на пути. У нас то же самое могло случиться без тщательного ухода».

В Петербурге Российско-американская компания выкупила у офицеров «Суворова» за 2 тыс. руб. невиданных животных, а также двух галапагосских черепах и передала их в Петергофский сад[1]. Через неделю там ими любовалась императорская семья.

«...Императрица Елизавета кормила их белым хлебом. Всё внимание было обращено на этих невиданных зверей, но нам не сделано было никакого приветствия, потому что наш морской министр маркиз да Траверсе не счёл нужным нас представить. ...Мы не нуждались ни в чьей похвале, скромно сознавая своё достоинство и не домогаясь никаких наград».

Отечественная война 1812 г. и победа над Наполеоном стали могучим толчком в развитии отечественного мореплавания и российской географии. В первой трети XIX в. многие зачитывались книгами Крузенштерна и Лисянского, восхищались рассказами о научных достижениях Коцебу и о подвигах Головнина. Но наибольшую славу приобрела экспедиция Беллинсгаузена—Лазарева 1819–1821 гг., ознаменовавшаяся величайшим географическим открытием XIX в. — открытием Антарктиды.

Корабли для этой экспедиции были выбраны из недавно построенных в Петербурге судов обычных типов. Шлюпом «Восток» водоизмещением 900 т командовал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, участвовавший в 1803–1806 гг. в первом русском кругосветном плавании под командованием Крузенштерна. Шлюпом «Мирный» водоизмещением 530 т, который был переделан из обычного транспорта

Викунья — символ Перу — изображена на флаге этой страны.

[1] Так в записках Унковского; одна из частей дворцово-паркового комплекса Петергофа под Санкт-Петербургом.

Крепость Санта-Крус в Бразилии. По рисунку Е.И. Левенштерна. XIX в.

«Ладога», командовал вновь отправившийся в кругосветное плавание в качестве командира Михаил Петрович Лазарев. Шлюпы отличались один от другого не только водоизмещением: «Восток» был значительно быстроходнее, но зато по прочности корпуса и удобствам для личного состава «Мирный», построенный по проекту замечательного русского корабельного инженера И. В. Курепанова[1], значительно превосходил «Восток». Всего в плавание на «Востоке» отправилось 111 человек, на «Мирном» — 70 человек.

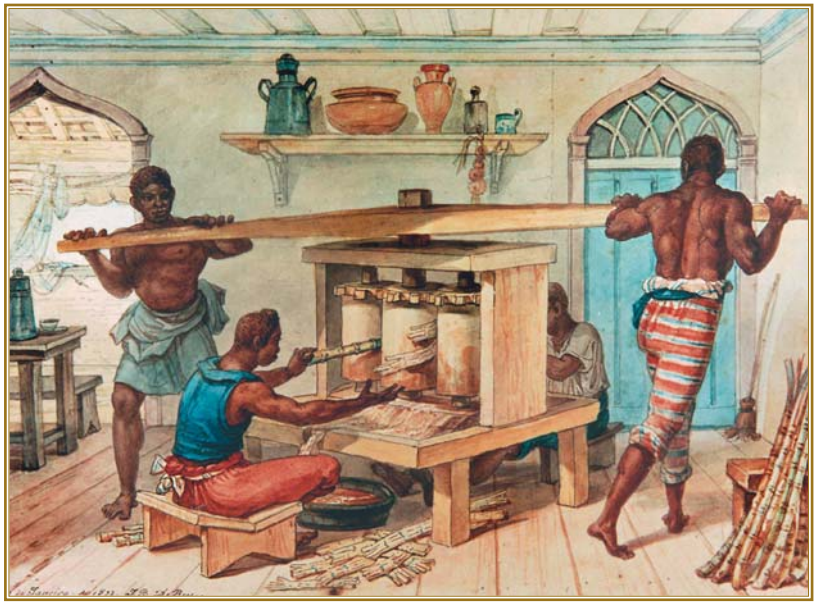
4 июля 1819 г. «Восток» и «Мирный» вышли из Кронштадта и, зайдя в Копенгаген, Портсмут и на остров Тенерифе, 2 ноября прибыли в Рио-де-Жанейро. Генеральный консул России в Бразилии Г. И. Лангсдорф, участвовавший вместе с Беллинсгаузеном в плавании на «Надежде», способствовал скорейшему удовлетворению всех запросов российских моряков и устроил четырём капитанам российских судов (одновременно в Рио-де-Жанейро пришли ещё два российских судна Российско-американской компании — «Открытие» и «Благонамеренный») приём у короля Жуана VI. Наибольшее впечатление на офицеров «Востока» и «Мирного» в Рио-де-Жанейро произвела торговля рабами, которая осуществлялась в специальных «лавках». Унковский, осуждая работорговлю, сообщал:

«При входе в сии мерзостные лавки представляются взорам в несколько рядов сидящие, коростою покрытые негры. Покупщик, выбрав по желанию своему невольника, выводит его из рядов вперёд, осматривает у него рот, ощупывает всё тело, руками колотит по разным частям, и после сих опытов, уверясь в крепости и здоровье негра, его покупает. Надзиратель держит в

Ж.-Б. Дебре. Наказание раба. Литография. XIX в.

[1] Иван Васильевич Курепанов (1775–1833) — русский кораблестроитель XIX в., построил более 25 кораблей.

Ж.-Б. Дебре. Негры выжимают сок из сахарного тростника. Литография. XIX в.

Айсберг у берегов Антарктиды.

руке плеть или трость; по сделанному знаку все встают, потом скачут с ноги на ногу, припевая плясовые песни... Осмотр, продажа, неопрятность, скверный запах, происходящий от множества невольников, и наконец, варварское управление плетью или тростью, всё сие производит омерзение к бесчеловечному хозяину лавки».

Не многим лучше было и положение устремившихся в те годы в Южную Америку европейских колонистов. Суда, на которых они переправлялись из Европы, были плохо подготовлены для перевозки людей. На одном из таких судов, свидетелями прихода которого были русские моряки, из 400 швейцарских переселенцев в плавании умерло 130.

22 ноября 1819 г. все четыре русских корабля оставили Рио-де-Жанейро: «Восток» и «Мирный» пошли в антарктические воды (тогда их называли Южным Ледовитым морем), «Открытие» и «Благонамеренный» — к мысу Доброй Надежды для дальнейшего следования в северную часть Тихого океана.

16 января 1820 г. на 69° ю. ш. и 2° з. д. «Восток» и «Мирный» подошли к покрытым «бугристыми» льдами берегам неизвестной земли — Антарктиды. В первый раз люди видели новый материк, но подойти к нему было невозможно, путь преграждали льды. Тем не менее, русские моряки отметили все признаки земли и по праву считаются первооткрывателями Антарктиды. Берег, впервые увиденный Беллинсгаузеном и Лазаревым, сейчас называется Землёй кронпринцессы Марты.

Светящиеся червячки, помощию увеличительного стекла усмотренные (фрагмент). По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

➲ *И. К. Айвазовский. Ледяные горы в Антарктиде. 1870 г.*

Завершив через год, 27 февраля 1821 г., плавание в водах Антарктики и Тихого океана, шлюпы вновь стали на якорь в Рио-де-Жанейро, где были проведены ремонтные работы и закуплена провизия. В эти дни русские моряки стали свидетелями возвращения из Бразилии в Португалию королевского двора, который пробыл в Рио-де-Жанейро более 10 лет. С королём в Лиссабон отправлялись более 800 человек на 11 судах, причём «транспорты были так загружены, что дрова клали на коленях». Наследная принцесса, оставшаяся в Рио-де-Жанейро, получила в подарок от русских моряков птиц, раковины, оружие и одежду жителей островов Тихого океана, а в ответ подарила им бразильские самоцветы и раковины. Первые по прибытии в Россию поступили в Петербургское минералогическое общество, а раковины были отданы в музей Адмиралтейского департамента.

Оставив Рио-де-Жанейро 23 апреля и зайдя по пути в Лиссабон и Копенгаген, 24 июля 1821 г. шлюпы «Восток» и «Мирный», потеряв за всё плавание только двух человек, вернулись в Кронштадт.

Плавание Беллинсгаузена и Лазарева было редким по слаженности действий капитанов. Во время своего кругосветного плавания они совершили два безостановочных перехода: первый от Рио-де-Жанейро до Сиднея (Беллинсгаузен за 130, Лазарев за 138 дней), второй — от Сиднея до Рио-де-Жанейро за 120 дней. В общей сложности «Восток» и «Мирный» 100 дней шли среди льдов, ни разу не разлучаясь.

Во время безветрия производились океанографические наблюдения, в частности измерялись температура и удельный вес морской воды на глубинах. Для определения относительной прозрачности морской воды отмечалась глубина, на которой скрывалась из виду белая тарелка. Тщательно описывались все случаи свечения моря. Для лова светящих-

ся морских организмов с кормы на ходу опускался в море мешок, пропускавший воду, — прообраз современных планктонных сеток.

Через год, в 1822 г., М. П. Лазарев отправился в новое кругосветное плавание. В это время обострилась обстановка вблизи Русской Америки, всё более широкий размах принимали действия английских и американских контрабандистов. Поэтому 36-пушечный фрегат «Крейсер» под командой Лазарева посылался на Дальний Восток не только для доставки грузов в Петропавловск и Ново-Архангельск, но и для охраны поселений и промыслов Российско-американской компании.

«Крейсер» вышел из Кронштадта 17 августа и, зайдя в Копенгаген, Портсмут, на остров Тенерифе, в Рио-де-Жанейро, обогнув Африку и Австралию, побывал на Тасмании и на острове Таити, пришёл в Ново-Архангельск 3 сентября 1823 г. В октябре 1824 г., когда на смену ему прибыл шлюп «Предприятие» под командой капитан-лейтенанта Коцебу, фрегат «Крейсер» отправился в Сан-Франциско, а оттуда — к мысу Горн. Затем, обогнув Южную Америку и зайдя по пути в Рио-де-Жанейро, Портсмут и Копенгаген, корабль под командованием М. П. Лазарева 5 августа 1825 г. вернулся в Кронштадт. В этот раз пребывание М. П. Лазарева на южноамериканской земле было непродолжительным, воспоминаний о нём не сохранилось.

В Петербурге начальник Морского штаба адмирал А. В. Моллер[1] после осмотра «Крейсера» сообщил императору, что, несмотря на трёхлетнее плавание, он нашёл фрегат «во всех отношениях не только в отличной, но даже необыкновенной превосходной исправности». За образцовое выполнение задания Лазарев был произведён в капитаны 1-го ранга, награды по его настоянию получили все офицеры и матросы, бывшие участниками труднейшего похода. Среди них были молодые мичманы П. С. Нахимов[2], ближайший ученик и последователь Лазарева, и Е. В. Путятин[3]. Интересно, что «Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» под командой капитана 2-го ранга Лазарева 1-го в

Пингвины на льдине у берегов Антарктиды.

[1] Антон Васильевич фон Моллер (1764–1848) — адмирал, в 1828–1836 гг. морской министр России.

[2] Павел Степанович Нахимов (1802–1855) — адмирал, герой Крымской войны 1853–1856 гг.; погиб во время обороны Севастополя.

[3] Евфимий (Ефим) Васильевич Путятин (1803–1883) — адмирал, государственный деятель, дипломат.

Старинный компас.

1822–1823–1824–1825 годах» были опубликованы Морским министерством в 1882 г., 60 лет спустя после плавания Лазарева, что свидетельствует об их ценности.

Михаил Петрович Лазарев

3 (14) ноября 1788 — 11 (23) апреля 1851

Русский адмирал (1843), путешественник, первооткрыватель Антарктиды, единственный в России офицер парусного флота, командовавший судном в трёх кругосветных плаваниях, почётный член Русского географического общества.

Родился Михаил Лазарев в дворянской семье сенатора П. Г. Лазарева, правителя Владимирского наместничества.

В 1800 г. он поступил в Морской кадетский корпус (по другим источникам, двумя годами раньше), в 1803 г. в числе лучших выпускников командирован волонтёром на английский флот; в течение пяти лет находился в непрерывном плавании в Атлантическом океане и Средиземном море.

В 1808–1813 гг. Михаил Лазарев служил на Балтийском флоте, участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. и Отечественной войне 1812 г.

В 1813 г. его назначили командиром судна «Суворов», на котором в 1813–1816 гг. он совершил своё первое кругосветное плавание из Кронштадта к берегам Аляски и обратно, открыл атолл Суворова. Как командир судна «Мирный» и помощник начальника кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена в 1819–1821 гг., Лазарев участвовал в открытии Антарктиды и многочисленных островов. За участие в Антарктической экспедиции Лазарев был произведён в капитаны 2-го ранга, минуя чин капитан-лейтенанта.

В 1822 г., командуя фрегатом «Крейсер», он осуществил своё третье кругосветное плавание (1822–1825), в котором были проведены широкие научные исследования по метеорологии, этнографии и др. После окончания этой экспедиции Лазарева произвели в чин капитана 1-го ранга. С 1826 г. он командовал линейным кораблем «Азов», на котором, будучи одновременно начальником штаба эскадры, отличился в Наваринском сражении (1827). В 1828–1829 гг. руководил блокадой Дарданелл; в 1830 г. вернулся в Кронштадт и командовал отрядом кораблей Балтийского флота.

В 1832 г. Михаил Лазарев назначен начальником штаба Черноморского флота. С 1833 г. и до конца жизни он был главным командиром

Черноморского флота и портов Чёрного моря, а также военным губернатором Севастополя и Николаева. Под руководством Лазарева начали реконструкцию старых и строительство новых портовых городов, а в Севастополе была создана Морская библиотека. В 1838–1840 гг. Лазарев с эскадрой организовывал высадки десанта на черноморские берега Кавказа около Туапсе, Псезуапсе, Субаши, Шапсухо. Высаженные войска создали Кавказскую береговую линию, которая при поддержке крейсирующих в море отрядов пресекала контрабандную доставку оружия горцам и способствовала прекращению войны в горах. Одно из укреплений линии было названо Лазаревским; это поселение ныне является одноимённым районом города Сочи.

За годы управления Лазарева Черноморский флот получил свыше 110 боевых и вспомогательных кораблей, Гидрографический отдел подготовил карты и атласы Чёрного и Азовского морей. Лазарев предложил использовать на флоте отечественный уголь вместо привозного из-за рубежа.

За географические заслуги в кругосветных плаваниях Лазарев в 1850 г. был избран почётным членом Русского географического общества.

Лазарев воспитал плеяду талантливых флотоводцев и командиров: П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, Г. И. Бутакова и др.

Именем М. П. Лазарева названы атолл в группе островов Россиян в Тихом океане, мысы в Амурском лимане и в северной части острова Унимак, остров в Аральском море, бухта и порт в Японском море и др.

Отто Евстафьевич Коцебу

19 (30) декабря 1788 — 3 (15) февраля 1846

Капитан 1-го ранга, известный российский мореплаватель.

О. Е. Коцебу: 1815–1818 и 1823–1826 гг.

Дальние плавания русских судов первой половины XIX в. преследовали в основном практические цели; шлюпы «Надежда» и «Нева», первыми в истории русского флота обогнувшие земной шар, принадлежали Российско-американской компании. Научные наблюдения производились во время подобных плаваний лишь попутно. Экспедиция, описываемая далее, была организована специально для географических открытий и научных исследований. Её главной задачей было отыскание морского пути из Берингова моря в Атлантический океан вокруг Северной Америки. Кроме этой цели, участникам экспедиции предстояло также заняться географическими исследованиями в Тихом океане.

Специально для экспедиции был построен в Або[1] бриг «Рюрик». По размерам это было самое маленькое из всех русских парусных судов, совершивших кругосветные плавания. Его водоизмещение составляло всего 180 т — даже меньший из двух шлюпов экспедиции Крузенштерна—Лисянского — «Нева» по водоизмещению превосходил «Рюрик» вдвое.

Бриг «Рюрик» был приобретён, снаряжён и отправлен в плавание на личные средства государственного канцлера и министра иностран-

Бриг «Рюрик».

[1] Ныне город Турку в Финляндии.

И. К. Айвазовский. Ночь. Голубая волна. 1876 г.

ных дел России графа Н. П. Румянцева[1] — энтузиаста географических исследований и страноведения. Инструкции для этого плавания были составлены И. Ф. Крузенштерном, по представлению которого начальником экспедиции был назначен плававший на «Надежде» 26-летний лейтенант Отто Евстафьевич Коцебу. В программу исследований входили не только стандартные метеорологические, но и океанографические наблюдения: измерение глубин, температуры воды, определение солёности морской воды по её плотности, изучение скорости и направления течений, наблюдения за приливными колебаниями во время стоянок, определение цвета и прозрачности воды, наблюдения за ночным свечением моря и за образованием льдов. Экипаж судна состоял из 34 человек, включая врача И. Эшшольца[2], естествоиспытателей А. Шамиссо[3] и М. Вормсколда[4].

29 июля 1815 г., накануне отплытия из Кронштадта, на борту «Рюрика» побывали Н. П. Румянцев и И. Ф. Крузенштерн. 30 июля корабль отправился через Балтику, минуя Англию, в Атлантику, к берегам Бразилии. В этой части маршрут «Рюрика» совпадал с маршрутом кругосветного плавания Крузенштерна, состоявшегося за 12 лет до этого плавания. 12 декабря корабль стал на якорь у бразильского острова Св. Екатерины, на том же месте, где останавливался и Крузенштерн на «Надежде».

За две недели стоянки «Рюрика» у бразильских берегов командир корабля О. Е. Коцебу успел многое записать в своём дневнике.

«Страна вдоль берега заселена земской милицией, которая только в случае необходимости несёт службу, а обыкновенно занимается возделыванием своих полей, засаженных сарачинским пшеном и сахарным тростником. <...> Негры чрезвычайно несчастны: они употребляются подобно рабочей скотине, на самые тягостные работы. <...> Когда силы их истощаются, их принуждают к работе плетью. Вид их приводит в ужас и вызывает соболезнование».

➲ *Океанская волна.*

[1] Николай Петрович Румянцев (Румянцов) (1754–1826) — русский государственный деятель, министр иностранных дел, меценат, коллекционер, основатель Румянцевского музея, почётный член Российской Императорской академии.

[2] Иоганн Фридрих фон Эшшольц (1793–1831) — врач, естествоиспытатель, ботаник, зоолог. Сопровождал О. Е. Коцебу в плаваниях на «Рюрике» и на «Предприятии». Собранные им коллекции были переданы в Дерптский (Тартуский) университет.

[3] Адельберт фон Шамиссо (1781–1838) — естествоиспытатель, писатель, поэт. Вернувшись в Германию, с 1818 г. работал в берлинском ботаническом саду, член Берлинской академии наук.

[4] Датский ботаник.

Вблизи палатки, в которой Коцебу проверял свои хронометры, «добродушные жители собирались обыкновенно... мы имели случай видеть и удивляться прелести, с какой девушки танцевали так называемый фанданго». Отметил он и богатство природы, множество прекрасных птиц и насекомых, давших естествоиспытателям богатый материал для коллекций.

28 декабря «Рюрик» вышел в океан, чтобы обогнуть мыс Горн. Здесь во время одного из юго-западных штормов огромный вал, вкатившийся с кормы на палубу, смыл Коцебу за борт. К счастью, он успел ухватиться за «пук верёвок» и чудом спасся.

23 января 1816 г. «Рюрик» обогнул мыс Горн и зашёл в бухту Консепсьон[1], а 13 февраля стал на якорь у селения Талькауано[2]. Сначала русских моряков приняли за часто появлявшихся у здешних берегов морских разбойников, но на следующее утро чилийское судно всё же приблизилось к кораблю. На вопрос чилийцев, кто прибыл, с «Рюрика» отвечали: «Русские, друзья испанцев!» Удивлению местных моряков не было предела: «Рюрик» оказался здесь первым кораблём из России.

Взаимопонимание было налажено, и Коцебу получил разрешение причалить к берегу. Едва корабль стал на якорь, как в гости пожаловал местный комендант — подполковник М. Ривас, командир размещённого здесь отряда испанской пехоты. По словам Коцебу, испанский комендант заявил: «Мы рады приветствовать у себя народ, который в царствование великого Александра, жертвуя собой, доставил Европе свободу»[3].

В тот же день офицеры «Рюрика» были приглашены к Ривасу в гости, где, как писал Коцебу, они застали «большое собрание нарядных кавалеров и дам, занимающихся музыкой и танцами. После трудностей путешествия и после опасности сделаться жертвой волн около бурного мыса Горн мы вдвое ценили отличное гостеприимство и вежливость жителей этой прекрасной и известной нам только по описанию страны».

На приёме гости из России познакомились с некоторыми местными обычаями. Они впервые увидели, как чилийцы пьют йерба-мате[4] из серебряного сосуда с трубочкой, передавая его друг другу. Коцебу, получившему трубочку «двадцатым в очереди», этот способ не понравился, однако он счёл «неизбежной учтивостью подражать» соседям и тоже пригубил напиток, заметив потом:

«Впрочем, вкус этого питья недурён, оно варится с сахаром и есть не что иное, как сладкий ароматический сок».

Тем временем, по указанию губернатора Консепсьона М. Атеро, командиру «Рюрика» был выделен в Талькауано один из лучших домов. Испанский правитель был заранее предупреждён о возможном заходе

Баклан кусающийся (Beissige Pelikan). По рисунку В. Тилезиуса. 1814 г.

[1] Залив на юге Чили.

[2] Город на берегу залива Консепсьон, население 249 тыс. человек (2002); во времена плавания Коцебу — небольшое поселение

[3] Имеется в виду победа над Наполеоном; Испания, которая была им оккупирована, считала Россию своим освободителем.

[4] Тонизирующий напиток из листьев и веток падуба парагвайского, иначе «парагвайский чай».

«Рюрика», и, как писал Коцебу, у него имелось указание испанского короля благоприятствовать русскому кораблю.

Утром 15 февраля под гром крепостных пушек губернатор прибыл в Талькауано, чтобы лично познакомиться с экипажем брига. Коцебу писал:

«Я принял его со всеми приличными его званию почестями. С большой благосклонностью он заявил, что очень рад быть полезным мореплавателям, принадлежащим к уважаемой и любимой им нации».

Коцебу использовал отведённый ему дом не только для отдыха, но и для проведения кардинальной проверки хода судовых хронометров. Не теряли времени и другие участники плавания. Например, художник А. Хорис, входивший в состав экипажа, сделал много зарисовок местных жителей и природы.

Рано утром 25 февраля группа моряков «Рюрика» во главе с Коцебу направилась верхом в Консепсьон на праздник, который губернатор устраивал в их честь. Путь занял около двух часов, особенное впечатление на моряков произвели богатые сады:

«Во время этой небольшой поездки мы удивлялись богатству природы в этой стране... часто проезжали через небольшие фруктовые леса, которые без всякого возделывания приносят прекрасные плоды».

Э. Лир. Тукан. Рисунок XIX в.

В Консепсьоне гостей встречали орудийным салютом, местный гарнизон произвёл парад. Губернатор лично сопроводил моряков в городскую крепость, где собралась вся местная знать. На приёме «при громе пушек и звуке труб пили за здоровье императора Александра I и короля Фердинанда VII». По свидетельству Коцебу:

«Стол был богатый, как обыкновенно бывает в Европе в торжественных случаях; в этот знойный день особенно прохлаждал нас, жителей севера, находившийся в большом количестве лёд... Вечером был бал, на котором присутствовало множество прекрасно убранных дам... Чилийцы получают моды из Парижа. Обращение в обществе очень благоприятно и непринуждённо».

На следующий день русские моряки отправились осматривать город Консепсьон, в котором, как отмечал Коцебу:

«Не нашли ничего достопримечательного: он выстроен правильно, однако особенно красивых домов в нём мало, но вместо

Каменные истуканы Маои на острове Пасхи.

того имеется множество церквей и монастырей. В городе, как мне сказали, около 10 000 жителей. Он построен при широкой реке Биобио[1], которая придаёт ему большую красу. За рекой нет испанских владений — там обитают арауканцы[2]».

Перед прощанием с гостеприимной чилийской землёй Коцебу дал ответный приём. Съезд гостей представлял любопытное зрелище: «...большая их часть была верхом, как здесь обыкновенно путешествуют, и даже дамы садятся на самых пылких лошадей. Другие ехали в маленьких домиках, устроенных на телегах о двух колёсах; телеги эти были запряжены парой волов, которыми правил, сидя на крыше домика, араукане».

Сначала гости осматривали «Рюрик». Корабельная шлюпка сновала между бригом и берегом, перевозя местных жителей. А вечером на берегу начался бал. Народу было так много, что дом, предоставленный командиру «Рюрика» для этой цели, оказался мал, и празднество перенесли в срочно переоборудованный для танцев соседний магазин. Собравшиеся веселились всю ночь до рассвета.

Подводя итог своего пребывания в Чили, Коцебу пишет:

«Чили весьма приятная страна, в которой царствует почти беспрерывная весна. <...> Чили производит вкусное вино, и можно только сожалеть, что испанцы так мало занимаются возделыванием земли. Их неблагоразумная зависть ставит преграду всякой торговле, которая могла бы здесь процветать».

8 марта «Рюрик» поднял паруса и взял курс на остров Пасхи. Через 20 дней он бросил якорь у его берегов в бухте Кука. К удивлению, местные жители встретили Коцебу весьма неприязненно и при попытке

[1] Биобио (современное название Био-Био), одна из крупнейших рек Чили.

[2] Арауканы, или мапуче; индейский народ, проживающий на юге Чили и Аргентины.

Коренные жители острова Пасхи — полинезийцы, или рапануйцы.

высадиться на берег забросали камнями. Коцебу увидел, что огромные каменные статуи на острове, о которых рассказывали ранее побывавшие здесь мореплаватели, сброшены со своих пьедесталов и разрушены. Как выяснилось впоследствии, какой-то американский шкипер в 1805 г. ограбил островитян и разрушил статуи. Чтобы избежать кровопролития, Коцебу отказался от своего намерения осмотреть этот интересный остров, и в тот же день «Рюрик» отправился дальше.

По пути на Камчатку экспедиция открыла ряд атоллов и островов в Тихом океане, впервые исследовала берега Аляски в Чукотском море. Примечательно, что после захода в Петропавловск всю оставшуюся часть плавания (около двух лет!) на судне с Коцебу оставался только один офицер, и они вынуждены были стоять вахты попеременно. 22 июля 1818 г. «Рюрик» стал на якорь на Неве перед особняком Румянцева, снарядившего эту экспедицию.

Труды экспедиции были опубликованы в 1821–1823 гг. в трёх томах, а позднее не раз переиздавались в России и были изданы также на английском, голландском и немецком языках.

Результаты экспедиции Коцебу на «Рюрике» были очень важны для развития географии. При всякой возможности он определял географические координаты; во время плавания было нанесено на карту множество островов, доказано, что многие острова, показанные на картах, либо не существуют вовсе, либо нанесены неверно. Береговые астрономические наблюдения сопровождались магнитными наблюдениями и наблюдениями над приливами. Весьма важны метеорологические и океанографические наблюдения: было произведено свыше 300 измерений температуры и плотности поверхностных вод океана. Кроме того, было выполнено 83 измерения температуры на глубинах океана. Наибольшая глубина, на которой была измерена температура, составила 1829 м.

➲ *Вид острова Пасхи.*

Впервые в океанографической практике Коцебу измерял относительную прозрачность морской воды. Для этой цели на тросе опускалась в море белая тарелка и отмечалась глубина, на которой эта тарелка исчезала из виду.

Навигационные инструменты XIX в.

«Прозрачность воды легче всего испытать можно опусканием в море прикреплённой горизонтально к лотлиню площадки, выкрашенной белой краской и расписанной чёрными или разноцветными чертами или буквами. По глубине, на коей в различных водах самая площадка делается невидимой, познаётся сравнительная прозрачность тех вод».

Такой приём используется и сейчас, только вместо тарелки на глубину опускается белый диск определённых размеров.

Весьма высоко плавание на «Рюрике» было впоследствии оценено океанологом С. О. Макаровым:

«Возьмём корабль «Рюрик», на котором в 1815—1818 гг. Коцебу совершил своё первое кругосветное плавание [в качестве командира], и крейсер «Рюрик», строящийся в настоящее время в С.-Петербурге. Оба эти судна имеют назначение — плавать на океанском просторе, но в то время как прежний «Рюрик» имел водоизмещение только 180 тонн, нынешний «Рюрик» имеет водоизмещение 10 500 тонн. ...Но хотя современный крейсер и превосходит в 60 раз во всех отношениях корабль бессмертного Коцебу, мы не можем рассчитывать, чтобы он во столько же раз больше привёз научных исследований. «Сила не в силе — сила в любви», и нет прибора, которым можно было бы измерить эту силу, так как она неизмерима. Научные исследования будут производиться независимо от размеров кораблей, и надо радоваться, если каждый капитан привезёт даже в 60 раз меньше, чем Коцебу».

Через пять лет после возвращения из кругосветного плавания на «Рюрике» О. Е. Коцебу уже в чине капитан-лейтенанта был назначен командиром специально построенного Адмиралтейством для предстоящего плавания шлюпа «Предприятие» водоизмещением 750 т. Шлюпу была поручена доставка грузов на Камчатку и крейсерство с целью охраны русских поселений на Алеутских островах. Одновременно ему разрешалось производство географических исследований, но «не в ущерб основным заданиям».

План научных исследований для этого плавания вновь был подготовлен И. Ф. Крузенштерном. Крузенштерн обратился к ректору Дерптского[1] университета профессору Г. Ф. Парроту[2] с просьбой ре-

[1] Современное название — Тартуский университет. Основан шведским королём в 1632 г. В XVIII в., после присоединения Эстляндии к России не действовал. Вновь открыт императором Александром I в 1802 г. В 1893–1918 гг. — Юрьевский университет (Дерпт и Юрьев — прежние названия г. Тарту в Эстонии).

[2] Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот (1767–1852) — физик, организатор восстановления Дерптского университета; академик, почётный член Петербургской академии наук.

комендовать для кругосветного плавания способных молодых естествоиспытателей. Дерптский университет был в те годы одним из крупнейших научных центров России с сильной школой естественных наук. Выполняя просьбу Крузенштерна, ректор университета рекомендовал четырёх человек, которым надлежало составить программу наблюдений и проводить их на море и на суше. Астрономом был приглашён В. Прейс, минералогом — Э. Гофман[1]. Вести зоологические и ботанические наблюдения было поручено доктору медицины профессору И. Эшшольцу, который ранее принимал участие в экспедиции на «Рюрике».

На «Предприятии» с Коцебу отправился также студент третьего курса университета Э. Ленц. Его роль в экспедиции Коцебу была столь значительна, что о полученных Ленцем результатах будет особо сказано в завершение нашего очерка. Отметим, что плавание на «Рюрике» дало старт карьере этого выдающегося и разностороннего учёного.

Парротне ошибся, рекомендуя молодого студента Эмилия Ленца[2] (ему на тот момент было только 19 лет) в такую ответственную экспедицию. Ленц не только оправдал доверие своего наставника, но и прославил русскую науку. Инструкция, разработанная для Ленца Парротом, предусматривала исследование магнитного склонения, глубины, температуры и плотности морской воды на разных глубинах, наблюдения за показаниями барометра и гигрометра, ведение записей в журнале «об имеющих место на море грозах и всем, что при этом наблюдается». Намечено было также произвести ряд опытов для определения упругости ртути и некоторых других металлов и веществ (свинца, олова, фосфора, воска, сала), используя давление воды на больших глубинах океана. Особый пункт инструкции предусматривал проведение опытов по изучению возможности возникновения химических реакций под влиянием высоких давлений. Обращалось внимание на бережное отношение к инструментам, точность наблюдений, на аккуратность записей.

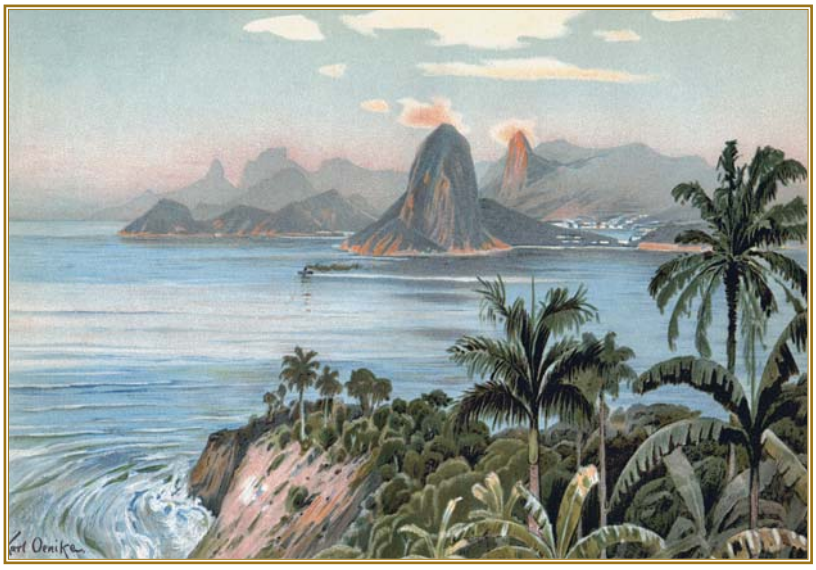
Парротвместе с Ленцем сконструировали для экспедиции два прибора: батометр для взятия проб воды и измерения температур на разных глубинах и специальную лебёдку для опускания батометра. Оба прибора имели огромное значение для научных наблюдений во время плавания. Следует отметить, что изобретённый Парротом и Ленцем батометр полностью отвечал всем требованиям, предъявляемым подобным приборам и в нашу эпоху: он был герметичен, а отбираемые им пробы воды имели ту же температуру, что и на глубине в месте их взятия. Теплоизоляция обеспечивалась оболочкой хорошо просмолённой ткани, проваренной в смеси воска и сала, которая была наглухо зашита, обёрнута холстом и покрыта несколькими слоями масляной краски. Внутри батометра находился термометр со стенками из толстого стекла. Для определения солёности морской воды Ленц взял в плавание ареометр — прибор для

[1] Эрнест Карлович Гофман (1801–1871) — геолог, магистр Дерптского (1833–1836), профессор Киевского (1837–1845) и Петербургского (с 1845) университетов; исследователь Сибири и Урала. За исследование Северного Урала награждён Большой Константиновской золотой медалью Русского географического общества.

[2] Эмилий Христианович Ленц (при рождении Генрих Фридрих Эмиль Ленц (1804–1865) — географ, физик. После возвращения из плавания на «Предприятии» принимал участие в различных экспедициях по России, в том числе — в первой экспедиции на Эльбрус (в 1828 г.). Профессора, а затем и ректора Петербургского университета; академик Петербургской академии наук (с 1834 г.), он прославился не только как физикогеограф, но и как физик. Всемирную славу Ленцу принесли открытия в области электромагнетизма, в том числе так называемое правило Ленца (закон индукции) и закон Джоуля–Ленца.

Мемориальная доска в память о русских мореплавателях, установленная в 2012 г. в чилийском порту Вальпараисо.

Рио-де-Жанейро. Рисунок из книги «Всемирная география. Южная и Средняя Америка» В. Сиверса. 1896 г.

определения плотности жидкости. Затем уже по плотности, атмосферному давлению и температуре измерялась солёность.

28 июля 1823 г. шлюп вышел из Кронштадта, имея на борту 118 человек команды. Зайдя по пути в Копенгаген и Портсмут для приёма заказанных ранее приборов, Коцебу прибыл 2 ноября в Рио-де-Жанейро. Здесь Ленц совершил восхождение на гору Корковадо[1] и сделал барометрическое измерение её высоты. Из Рио-де-Жанейро он отправил письмо о ходе экспедиции, ставшее его первой научной публикацией. Коцебу вместе с астрономом Прейсом на берегу, в местечке Ботафого[2], занялись астрономическими наблюдениями долготы и широты, поверкой хронометров, по маятнику определили величину силы тяжести.

После закупки провизии и небольшого ремонта шлюп 28 ноября 1823 г. вышел в море, успешно обогнул мыс Горн и через 50 дней 17 января 1824 г. стал на якорь у побережья Чили, в бухте Консепсьон у местечка Талкагуано. Правитель («верховный директор») Чили, недавно получившей независимость, Р. Фрейре[3] в это время находился поблизости — в городе Консепсьон и принял Коцебу. Вспоминая об этой встрече, путешественник отмечал:

«...Он принял меня в полном мундире в присутствии главнейших своих чиновников. При этом был соблюдён самый строгий испанский этикет. Впрочем, несмотря на все обрядные приличия, президент был отменно благосклонен, ласков и выразил готовность помочь нам во всех нуждах».

Коцебу отметил разительные различия, произошедшие с городом за те восемь лет, которые прошли со времени его предыдущего посещения:

[1] Гора в Бразилии, высота 710 м; расположена в черте города Рио-де-Жанейро, на ней установлена 38-метровая статуя Христа-Искупителя.

[2] Ныне один из центральных районов Рио-де-Жанейро.

[3] Рамон Фрейре Серрано (1787–1851) — правитель Чили (1823–1826), президент Чили с 25 января 1827 по 8 мая 1827 г.

Летучая рыба.

Ж.-Б. Дебре. Бразилия. Литография. XIX в.

«Я едва мог поверить своим глазам. Здесь междоусобие отмечено опустошением: дома разрушены до основания, большая часть города превращена в развалины, живописные окрестности обезображены; обитатели, приученные самой природой к изобилию, повержены в совершенную нищету. Эта перемена произошла в 1816 г., когда генерал Мартин[1] переправился с войсками через Кордильеры из Буэнос-Айреса. Вступив в Чили и соединясь с недовольными испанским правлением, он выгнал приверженцев Испании и образовал здесь республику, нынешний глава которой Фрейре — один из отличнейших воинов».

На время стоянки Коцебу остановился в доме богатого купца в Талькауано и занялся астрономическими определениями; примечательно, что до него подобные наблюдения проводил здесь Ж.-Ф. Лаперуз.

Во время стоянки шлюпа его не раз посещали местные жители, в том числе и индейцы-арауканы.

«Они среднего роста, крепкого сложения, смуглолицы, волосы жёсткие и чёрные, черты лица довольно приятные, выражающие сметливость и весёлость; их одежда состоит из четырёхугольного куска ими самими изготовленной шерстяной ткани; в середине него прорезана дыра, просунув голову в которую надевают, как епанчу, на плечи и покрывают ею тело до колен. Одежду эту называют «понхо», она удобна при верховой езде, и её употребляют все здешние испанцы».

Индейцы-арауканы и их вождь. Чили. Рисунок Дж. Феррано. XIX в.

[1] Хосе де Сан-Мартин (1778–1850) — один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

Заметил он, правда, и то, что арауканы в ту пору неоднократно нападали на селения местных жителей и грабили их.

Интересны заметки Коцебу о принятой в те дни конституции Чили, «которая немногими принята с восторгом, а большей частью с негодованием; надо сказать, что здесь мало людей, которые в состоянии судить, какое узаконение клонится ко благу или ко вреду их отечества; всякое постановление, которое не приносит в то же мгновение выгод, отвергается этим недальновидным народом. В чилийской конституции статья, касающаяся религии, мне показалась весьма неблагоразумной и вредной в стране, которая только что положила начало своей независимости. В Чили свободно исповедуется одна римско-католическая вера; всякому другому вероисповеданию запрещается отправлять своё богослужение, и кто не признает папы главою, тот не имеет права ни на какое место на службе республике».

Не совсем гладкими оказались взаимоотношения моряков с местными жителями. Некоторые чилийцы опасались, что русский флот соединится с испанским и разобьёт слабые морские силы республики, а президент Фрейре отказал в позволении минералогу Гофману осмотреть окрестные горы, которые содержали богатые залежи золота.

Коцебу отметил здоровый климат этих мест, отсутствие заразных болезней у жителей, но подчеркнул разительный контраст между плодородием земли и характером чилийцев:

«Всё пространство между Атакамой и Валдивией плодороднейшее и обильнейшее на земном шаре; все растения, как европейские, так и других стран света, здесь очень легко принимаются и размножаются. При разумном хозяйствовании этот край

Высочайшая вершина Анд — гора Аконкагуа.

Карманный хронометр. XIX в.

может в короткое время достигнуть цветущего состояния, но это дотоле будет невозможно, доколе не переродятся нынешние чилийские испанцы, беспечность и лень которых доходят до невероятной степени; они во всём, что разумеется под именем просвещения, так далеко отстали от европейцев, что без появления правителя, подобного Петру Великому, нельзя ожидать большого успеха».

3 февраля 1824 г. шлюп «Предприятие» поднял якоря. При выходе из бухты чуть не произошёл неприятный инцидент: два чилийских военных корабля, пришедшие из Вальпараисо, попытались задержать русских моряков. Предупреждённый местным купцом о возможном аресте, Коцебу приказал команде встать в боевой порядок и зарядить пушки. Чилийские суда дали два выстрела, но, увидев приготовления русских моряков к бою, задержать «Предприятие» не решились.

Из Чили Коцебу направился к берегам Камчатки и Русской Америки, по пути открыв несколько островов в Океании. В Кронштадт шлюп «Предприятие» вернулся 10 июля 1826 г., его плавание продолжалось три года без десяти дней. Во время плавания были выполнены точные определения географических координат вновь открытых островов, а также островов и отдельных пунктов на материке, у которых шлюп стоял на якоре. Кроме того, определилось магнитное склонение, колебания уровня моря и производились обычные метеорологические наблюдения. В некоторых пунктах производились маятниковые определения величины силы тяжести.

Наибольшее научное значение имеют океанографические наблюдения Э. Ленца, которые он проводил с помощью сконструированного им батометра, измеряя температуру и удельный вес морской воды на глубине. Как писал уже в конце XIX в. выдающийся русский океано-

И. К. Айвазовский. Корабль в бушующем море. 1858 г.

Побережье Тихого океана в Чили.

граф С. О. Макаров, «наблюдения Ленца удельного веса морской воды не только первые в хронологическом отношении, но первые и в качественном, и я ставлю их выше своих наблюдений и выше наблюдений “Челленджера”[1]».

Наибольшая глубина одного из измеренных Ленцем вертикальных рядов температур была равна 1778 м, а наибольшая глубина отдельного измерения — 1972 м. Глубоководные наблюдения производились в тринадцати местах, в четырёх из них было определено вертикальное распределение температур. Методы и приборы, использованные на «Предприятии», положили начало точным океанографическим работам. На основании своих наблюдений Ленц предположил, что тёплые воды тропиков поверхностными течениями выносятся в высокие широты, а холодные более плотные полярные воды глубинными течениями проникают в низкие широты. Таким образом, господствовавшее в те годы мнение о ветровом происхождении течений океана впервые было поколеблено, но только во второй половине XX в. было окончательно доказано, что течения в океане имеют преимущественно плотностную природу.

Многочисленные измерения плотности морской воды и солёности в 258 точках на поверхности океана позволили Ленцу сделать ряд других выводов, также подтверждённых только через несколько десятилетий. Так, им были найдены максимумы солёности на поверхности по обе стороны Южной Америки и верно отмечены главные причины их формирования — сочетание поступления солнечного тепла и испарения. При этом впервые была отмечена и разница солёности вод Атлантического и Тихого океанов — у атлантического берега Южной Америки к югу от экватора на тех же широтах солёность в целом выше, чем у тихоокеанского. Именно этими различиями, отмечаемыми на всех глубинах, объясняется формирование так называемого глобально-

[1] Английский парусно-паровой корвет, плавание которого в 1872–1876 гг. считается первой в истории океанографической экспедицией.

Секстант, середина XIX в.

го океанского конвейера[1], открытого только в 1980-х гг., через 160 лет после плавания «Предприятия».

Редкий случай для российских учёных — приоритет Ленца в определении географических закономерностей распределения солёности и плотности воды на глубине и у поверхности океанов, а также в теории меридиональной циркуляции их вод до сих пор признан международным научным сообществом. Этому способствовало большое число статей в ведущих журналах того времени, которые он опубликовал на немецком, французском и английском языках вскоре после возвращения.

Само описание плаваний Коцебу также вызвало большой интерес за границей; оно было переведено на английский, немецкий, шведский, голландский языки. Как отмечал впоследствии Ю. М. Шокальский[2]: «Труды Коцебу и Ленца представляют во многих отношениях не только важный вклад в науку, но и действительное начало точных наблюдений в океанографии, чем русский флот и русская наука могут гордиться».

Отто Евстафьевич Коцебу

19 (30) декабря 1788 — 3 (15) февраля 1846

Капитан 1-го ранга, известный российский мореплаватель.

Отцом Отто Коцебу был писатель и драматург Август Фридрих фон Коцебу. В восьмилетнем возрасте Отто отправили в Петербургский кадетский корпус, в 15 лет в качестве юнги-добровольца он стал участником первого кругосветного плавания (1803–1806) на шлюпе «Надежда» под командованием брата мачехи, уроженца Эстляндии И. Ф. Крузенштерна. По возвращении из плавания его произвели в мичманы. В 1808–1809 гг., во время войны со Швецией, Отто Коцебу командовал взятым в плен транспортом, в 1811–1814 гг., в чине лейтенанта командовал в Белом море яхтой «Ласточка».

Второй раз Коцебу отправился в путешествие вокруг света (1815–1818) на корабле «Рюрик», открыл в Тихом океане 399 островов и архипелаг Румянцева. Он впервые высказал верную гипотезу происхождения коралловых атоллов, позднее разработанную Чарлзом Дарвином. Совместно с натуралистами, которые путешествовали вместе с ним на «Рюрике», Коцебу впервые обнаружил в Америке ископаемый лёд с бивнем мамонта и дал первое этнографическое описание североамериканских эскимосов. Изучение американского и азиатского берегов Берингова пролива и его глубин позволило Коцебу первому высказать

[1] Поток холодных глубинных вод, направленный на глубинах 2–4 км из Северной Атлантики вдоль Америки на юг и далее в системе Антарктического циркумполярного течения в другие океаны, а также возвратное течение тёплых распреснённых вод из северной части Тихого океана через моря Зондского архипелага и юг Индийского океана вокруг Африки.

[2] Юлий Михайлович Шокальский (1856 –1940) — русский географ, океанограф, картограф, в 1917–1931 гг. президент Русского географического общества (Географического общества СССР).

верную догадку о существовании в прошлом перешейка между двумя материками. Возле берегов Аляски во время сильнейшего шторма огромная волна бросила Коцебу на палубу грудью, и он получил ушиб. Это серьёзно подорвало его здоровье.

С 1819 по 1822 г. Коцебу находился в Ревеле, состоял офицером для особых поручений при адмирале А. Г. Спиридове.

С 1823 по 1826 г. он совершил третье кругосветное путешествие на шлюпе «Предприятие», в ходе которого открыл обитаемый атолл Фангахина (в архипелаге Туамоту), остров Моту-Оне (в архипелаге Общества), атоллы Ронгелап и Бикини (Маршалловы острова). Совместно с Э. Х. Ленцем, впоследствии выдающимся физиком и географом, Коцебу выполнил многочисленные определения удельного веса, солёности, температуры и прозрачности морской воды. По возвращении из этого плавания он был произведён в капитаны 2-го ранга.

Дальнейшую службу проходил в Ревеле, командовал кораблём «Император Петр I». В 1829 г. Коцебу произвели в капитаны 1-го ранга. В 1830 г. из-за проблем со здоровьем, подорванным в кругосветных путешествиях, он подал в отставку. Последние шестнадцать лет жизни он провёл в своём имении под Ревелем.

В честь О. Е. Коцебу назван открытый им залив к востоку от Берингова пролива и город на Аляске (США), улица в его родном городе Таллине, а также порода собак — аляскинских маламутов.

Основные печатные труды: «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 гг., иждивением Е. С. Государственного Канцлера графа Н. П. Румянцева, на корабле «Рюрик», под начальством флота лейтенанта Коцебу»; «Путешествие вокруг света, совершённое по повелению Государя Императора Александра Первого, на военном шлюпе «Предприятие», в 1823, 1824, 1825 и 1826 годах, под начальством флота капитан-лейтенанта Коцебу».

Фёдор Петрович Литке (Фридрих Бенджамин фон Лютке)

17 (28) сентября 1797– 8 (20) августа 1882

Российский мореплаватель и географ, исследователь Арктики, граф, адмирал, почётный член и президент Петербургской академии наук. Почётный член многих русских и иностранных научных учреждений, член-корреспондент Парижской академии наук. Один из основателей Русского географического общества.

Ф. П. Литке: 1817–1819 и 1826–1829 гг.

Модель парусного шлюпа XIX в.

Фёдор Петрович Литке двадцатилетним мичманом в 1817–1819 гг. участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» под начальством В. М. Головнина, в ходе которого он посетил Рио-де-Жанейро и Кальяо. Плавание на «Камчатке» имело большое значение для формирования Ф. П. Литке как учёного и мореплавателя. Литке позднее признавался, что он отправился в это плавание, не имея понятия о трудностях, которые его ожидали в столь долгом плавании, а вернулся из него настоящим моряком «школы Головнина». Много лет спустя он писал в автобиографии:

«Невзирая на все невзгоды, путешествие на «Камчатке» оставило мне много приятных воспоминаний. Выдающимися моментами были: Бразилия, чудная природа и радушное гостеприимство Лангсдорфа, сопутника Крузенштерна; Лима; первое появление в начале мая Камчатки, с покрытыми до подошвы снегом сопками... Всё это воспоминания, до сей минуты остающиеся для меня свежими».

Подробно о посещении «Камчаткой» Рио-де-Жанейро и Кальяо нами уже было рассказано. Интересно, что Головнин в своём «Путешествии вокруг света» ни разу не упоминает мичмана Литке, в отличие от другого молодого офицера своей команды — мичмана Врангеля, который постоянно называется в связи с выполнением им представительских и дипломатических поручений. Возможно, это объясняется тем, что Литке недостаточно хорошо знал иностранные языки. В пансионе,

Кругосветные плавания русских моряков начинались в Санкт-Петербурге. Вид с Невы на Петропавловскую крепость.

Рио-де-Жанейро. Рисунок XIX в.

где он воспитывался, изучение языков было поставлено плохо, а на хороший пансион воспитывавшая его мачеха, имевшая двенадцать детей, средств не имела. Следует заметить, что, несмотря на немецкие корни, в семье Литке говорили на русском языке; немецкий язык он осваивал как иностранный.

Мичман Литке записывал свои впечатления о плавании в дневник, «ведённый во время кругосветного плавания на шлюпе "Камчатка"», который не предназначался для печати[1]. Этот дневник характеризует Литке как разностороннего морского офицера; наряду с подробным изложением происходивших событий, сведений и впечатлений географического характера в нём содержатся навигационные записи, по которым можно восстановить маршрут плавания «Камчатки» в деталях. Литке в своём дневнике подробно перечисляет заокеанские товары, которыми изобилует открытый для внешней торговли Рио-де-Жанейро, скорбит по поводу рабского положения чёрных невольников, описывает водопад в окрестностях города. Вот как он описывает вид из бухты Гуанабара на главный город Бразилии:

«Вообще Рио-де-Жанейро скорее можно назвать пространным заливом, нежели бухтою. В нём все флоты со всего света, вместе собранные, могли бы без затруднения поместиться. <...> Он есть наилучшая гавань в свете. В городе множество монастырей, после них главнейший дом — королевский дворец, затем театр. Почти все улицы в городе вымощены».

В дневнике Литке есть записи и о том, как он участвовал в визите к вице-королю Перу в Лиме. Путешественник отмечает, что тот своими смелыми поступками успел приобрести народную любовь: не казнил ни одного попавшего в плен инсургента, боровшегося за независимость от Испании, ограничил деспотизм инквизиции. Из разговоров с местными жителями российские моряки заключили, что многие перуанцы ждут разгрома испанских войск в Чили, где в это время шли ожесточённые сражения, чтобы провозгласить независимость. Испанский гарнизон в Перу в то время составляли около 23 тысяч пехотинцев, 200–300 конников, её берега охранялись всего тремя небольшими кораблями. Молодой мичман недоумевал, как с такими скудными ресурсами испанцы хотят сохранить Америку.

Размышляя о перспективах скорой деколонизации в Латинской Америке уже на обратном пути в Петербург, на подходе к Азорским островам 9 июня 1819 г. он записал:

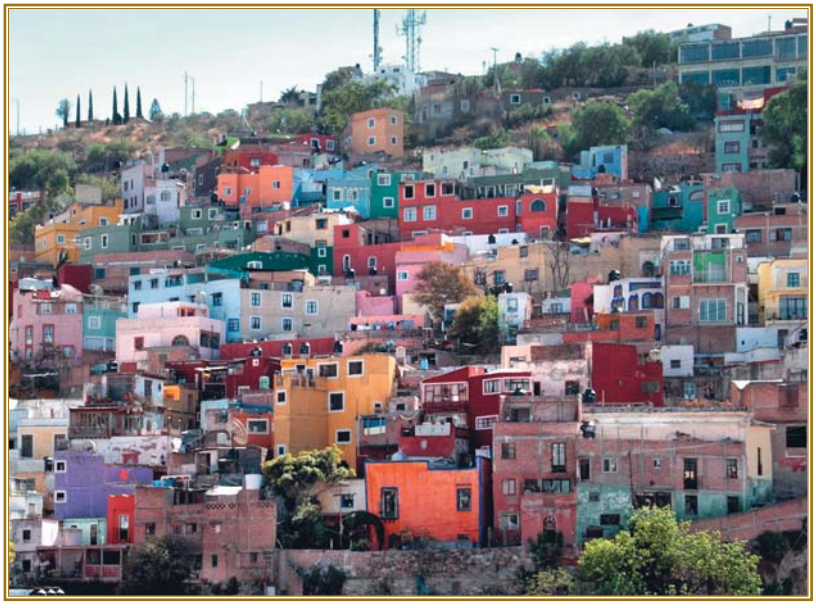
«Дела Соединённых областей Южной Америки[1] текут также весьма для них успешно. Возмутившиеся уже провинции более и более утверждаются в решительности не покоряться; покоряю-

[1] Этот дневник и тетрадь, в которой Литке вёл записи во время плавания на «Камчатке», хранятся в Российском государственном архиве военно-морского флота. Обнаруживший дневники Литке в 80-е гг. XIX в. В. П. Безобразов писал, что они «составляют весьма важный материал как для истории России, так и для наук, которыми занимался граф Фёдор Петрович (для мореплавания и географии в особенности)».

щиеся ещё — более и более располагаются последовать примеру первых. У гишпанцев остаются теперь только Перу, Мексика и острова, хотя весьма вероятно, что в сию минуту, когда я пишу, первая область также уже отложилась. Нельзя, впрочем, удивляться сим успехам революции; удивительно бы было, напротив того, если бы это было иначе. Препятствия, какие противопоставляла оным Гишпания, совершенно соответствовали той слабости и, если можно так выразить, той глупости, какою ознаменовало себя нынешнее правление её».

Когда в сентябре 1819 г. «Камчатка» завершила кругосветное плавание, Литке был произведён в лейтенанты. Затем в течение четырёх лет он был начальником гидрографической экспедиции, направленной для описи побережья Новой Земли и других участков побережья Баренцева и Белого морей. В 1826 г. Литке назначается командиром 16-пушечного шлюпа «Сенявин» водоизмещением 300 т и отправляется в кругосветное плавание с заданием произвести ряд работ в Беринговом море и вблизи Каролинского архипелага[2]. На «Сенявине» находился экипаж в 62 человека, а также 15 работников и матросов, следовавших в Петропавловск-Камчатский. В состав экспедиции входили трое учёных: ботаник и зоолог К. Г. Мертенс[3], геолог и этнограф А. Ф. Постельс, орнитолог и художник Ф. фон Китлиц[4].

Инструкция, составленная Адмиралтейским департаментом морского министерства для командира шлюпа «Сенявин», предписывала выполнение обширного плана исследований. Она предусматривала описание берегов, «которые по сие время ещё никем не описаны», предлагала «доставить... сведения, относящиеся до сих нам вовсе неиз-

Современные бедные кварталы Лимы.

[1] Имеется в виду государство Соединённые провинции Южной Америки, существовавшее с 1810 по 1830 г. на современной территории Аргентины, Уругвая и частично Боливии и Бразилии.

[2] Архипелаг в западной части Тихого океана, в Микронезии.

[3] Мертенс Андрей Карлович (Карл Генрих) (1796–1830) — ботаник, зоолог, адъюнкт Российской академии наук. Родился в Германии. В 1830 г. во время плавания с Ф. П. Литке по Атлантическому океану заразился брюшным тифом и по возвращении в Кронштадт скончался.

[4] Фридрих Генрих фон Китлиц (1799–1874) — немецкий орнитолог, художник.

вестных берегов» или берегов, «которые нам мало известны, особенно в отношении географического их положения», а также тех, «которые нам хотя известны, но недостаточно описаны». Причём исследования надлежало произвести на огромном пространстве Тихого океана — от Берингова пролива до экватора.

Экспедиция, рассчитанная на три года, отправлялась на двух кораблях: кроме «Сенявина», в ней участвовал военный шлюп «Моллер» под командованием капитан-лейтенанта М. Н. Станюковича[1], который был старше Литке и по возрасту, и по выслуге в звании. С первых дней совместной службы между ними возникла взаимная неприязнь. Литке в глазах Станюковича был выскочкой, «писателем», до этого издавшим книгу о своём предыдущем плавании.

В результате этой неприязни в трёхгодичном плавании шлюпы часто разлучались, их командиры иногда даже не знали о намерениях друг друга. Их общей и главной задачей было описание берегов Берингова моря; у берегов Южной Америки, вокруг которой они должны были проследовать, задерживаться не предполагалось.

20 августа 1826 г. «Сенявин» одновременно с «Моллером» вышел из Кронштадта. В дальнейшем, зайдя по пути в Копенгаген, Портсмут и на остров Тенерифе, корабль 27 декабря 1826 г. стал на якорь в Рио-де-Жанейро, где уже находился «Моллер». Литке должен был соблюдать субординацию и отметил в своём дневнике, что имел удовольствие встретить капитана Станюковича, который опередил его на десять дней. В Рио-де-Жанейро Литке был очень занят производством «маятниковых наблюдений над силой тяжести»; ему даже не удалось толком вновь посмотреть город, в котором он побывал мичманом девять лет назад.

Выйдя из Рио-де-Жанейро, корабли направились в обход Южной Америки. Литке записывал в дневнике:

«2 февраля [1827 г.] на рассвете мы увидели в направлении «норд-ост» часть Фолклендских островов, а в 10 часов миновали, в расстоянии около 10 миль, устье обширной губы, ознаменованной несчастным концом путешествия капитана, потерпевшего тут кораблекрушение. Свежий норд-ост ветер быстро пронёс нас мимо этого берега, который около полудня скрылся в пасмурности. 4 февраля прошли мы параллель Земли Штатов[2] в долготе 60° и с этого времени стали... огибать мыс Горн, который не замедлил сделать нам обычное своё приветствие. Вечером налетела буря от запада, всю ночь жестоко свирепствовавшая, с дождём и великим волнением».

Во время этой бури корабли экспедиции потеряли друг друга из виду и встретились только в Вальпараисо. «Сенявин» обошёл Огненную

[1] Михаил Николаевич Станюкович (1786–1869) — русский адмирал, с 1852 по 1855 г. командир Севастопольского порта, военный губернатор Севастополя.

[2] Остров к востоку от Огненной Земли, современное название — Эстадос. Принадлежит Аргентине.

Патагонские гуси. Остров Огненная Земля.

Землю за 19 дней — срок небольшой, даже в благоприятное для навигации под парусом время года.

«24 февраля прошли уже параллель Магелланова пролива, обойдя, таким образом, Огненную Землю в 19 дней, — плавание довольно удачное в столь позднее время года. Погода во всё это время была сырая и холодная: туман, мелкий дождь, снег, град сменялись между собой; горизонт очищался весьма редко, а солнце показывалось сквозь мрак на одно только мгновение; термометр стоял обыкновенно между +2° и +4°. Со всем тем положение наше было весьма сносно, мы ни в чём не нуждались; продолжительных бурь не имели вовсе, а топившаяся с утра до вечера в жилой палубе печь сохраняла людей и от холода, и от сырости. Я зяб более других, ибо в каюте моей термометр не поднимался выше 5° и 6°. В Петербурге при такой температуре в комнатах казалось бы невозможным жить; но мне не препятствовала она даже продолжать повседневные работы мои».

В Тихом океане корабль подхватили «весьма свежие ветры между зюйд-вест и вест-норд-вест» и быстро понесли его к северу. 3 марта «Сенявин» подошёл к бухте Консепсьон, которую Литке называет «губой Зачатия» («консепсьон» по-испански — зачатие):

«Ночью туман рассеялся, а рассвет явил нам зрелище неописанного величия и прелести: зубчатая с острыми пиками цепь Анд резко выделялась на небесной лазури, первыми лучами солнца озарённой! Не буду умножать числа тех, которые терялись в тщетных усилиях передать другим чувства свои при первом

Морские львы на побережье Чили.

Канал Воскресения у острова Огненная Земля. Гравюра из книги «Всемирная география. Южная и Средняя Америка» В. Сиверса. 1896 г.

виде подобных картин природы. Они неизъяснимы, подобно великолепию самого зрелища. Переливы цветов, постепенное освещение облаков и неба с поднятием солнца неподражаемо прелестны. К сожалению, зрелище это, как всё в высокой степени изящное в природе, было непродолжительно: с увеличением массы света в атмосфере огромный исполин, Анды, казалось, погружался в бездну, а взошедшее солнце сгладило и следы его».

В бухте Консепсьон «Сенявин» простоял всего три дня; Литке хотел скорее попасть к другому возможному месту встречи с «Моллером» — Вальпараисо. Тем не менее он успел провести на берегу свои «астрономические и магнитные наблюдения», а естествоиспытатель Постельс с помощниками — собрать «богатые коллекции» (по-видимому, минералов и растений для гербария).

Решение идти вдоль чилийского побережья на север было верным: курсы кораблей наконец пересеклись 18 марта 1827 г.: когда «Сенявин» подошёл к бухте Вальпараисо, оттуда отплывал по направлению к Камчатке «вступавший под паруса» «Моллер».

Шлюпка доставила Литке и его офицеров к берегу. Пристани в Вальпараисо в то время не было, услуги по доставке моряков «посуху» на своих плечах предлагали местные лодочники. Вот каким увидели Вальпараисо тех лет русские моряки:

«Пошли мы осматривать город и окрестности и прежде всего забрели в достопримечательные квебрады — ущелья в горах, облепленные... маленькими хижинками, содержащими большую часть населения Вальпараисо... <...> гранит, выходящий тут наружу, служит для строений надёжным основанием, обеспечивающим их от разрушительного действия землетрясений. Сообщение этих жилищ между собою и с городом совершается по узким тропинкам, проложенным по утёсам скал, без всяких перил или уступов, по которым дети, резвясь, бегали вниз и вверх, подобно сернам... Престранное зрелище представляет лестница черепичных или пальмовых крыш под ногами, над головой такая же лестница порогов и огородцев».

Все местные жители строго соблюдали сиесту с 3 до 5 часов пополудни. Существовала даже пословица, что в это время видны на улицах только собаки и англичане, под которыми подразумевали всех иностранцев.

В Вальпараисо Литке с присущей ему тщательностью выполнил измерения; считается, что он был первым, кто определил на этом участке чилийского побережья величину магнитного склонения[1]. В своём дневнике Литке пишет:

Ж.-Б. Дебре. Негритянка, продающая плоды в Бразилии. Литография. XIX в.

[1] Магнитное склонение — угол между географическим и магнитным меридианами в точке земной поверхности. Его значение указывается на географических картах и используется для определения истинного меридиана по показанию магнитного компаса.

«Всегдашняя ясность неба, беспримерная в других местах, столь же мало над горизонтом моря возвышенных, позволила мне в одну неделю кончить наблюдения астрономические и маятниковые; несколько дней посвящено было наблюдениям магнитным».

В дневнике Литке упоминает о путешествующем по Южной Америке немецком естествоиспытателе Э. Пёппиге[1], «встреча с которым была нам сколько приятна, столько же и полезна, по знанию его языка и обычаев туземных». Другая любопытная встреча у него произошла с французским генеральным консулом в Перу Ш. де Фоссе, с которым они познакомились в Архангельске.

Решив устроить экипажу отдых после длительного и трудного плавания, Литке предпринял конную прогулку в город Кильота[2], расположенный в богатой растительностью местности вблизи гор примерно в 70 км от Вальпараисо. Во время этой прогулки путешествовавшие с ним натуралисты имели возможность познакомиться с природой, которая носила в этой горной местности совсем иной характер, чем у побережья.

«Кильота лежит в котловидной долине, у самой подошвы гор, служащих как бы передовым оплотом исполинской цепи, ими заслоняемой. Река Конкон, вытекающая из Кордильер близ вулкана Аконкагуа[3], лигах в 30 отсюда, орошая долину, доставляет ей лестное название сада Чили, название, по всем отношениям ей подходящее. Глаз, утомившийся зрением бесплодной, солнцем выжженной земли близ Вальпарайсо, с удовольствием отдыхает здесь на роскошной растительности: густые фиговые и виноградные сады, тучные луга, покрытые стадами, представляют прибывшему с той стороны новое приятное зрелище. Кильота снабжает порт всеми без исключения овощами и фруктами, также и молоком; на дороге встречаешь беспрестанно длинные ряды навьюченных мулов и лошадей, тянущиеся к порту с этими необходимыми предметами».

Гаучо из Тукумана. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

Подробно описывая городскую планировку и повседневную жизнь Вальпараисо, Литке саркастически замечает, что «ничто менее не может походить на райскую долину («вальпараисо» по-испански — райская долина), как берега, губу эту окружающие, и вообще все окрестности города». Вместе с тем он видит перемены в местной экономике, связанные с обретением Чили независимости[4]:

«Улицы наполнены народом, пешим и конным, спешащим туда и сюда; множество лавок наполнены всевозможными европейскими товарами. Сравнив эту картину деятельности с тем,

[1] Эдуард Фридрих Пёппиг (1798–1868) — немецкий зоолог, ботаник; путешествовал по Андским странам, сплавился на плоту по Амазонке.

[2] Город в центральной части Чили, население 81 тыс. человек (2012).

[3] Гора в Аргентине, высшая точка Южной Америки (6962 м).

[4] Официальной датой провозглашения независимости Чили считается 12 февраля 1818 г.

что представлял город в прежние времена, взглянув на рейд, покрытый несколькими десятками судов всех наций, купеческих и военных, где прежде парадировали два, много три судна, грузившие пшеницу для Перу, не останется сомнения в том, способствовали ли политические здесь перемены оживлению народной промышленности».

При этом многие стороны чилийской жизни были Литке явно не по душе:

«Поджигаемые журналистами, руководствующимися личными только выгодами и явно употребляющими во зло свободу книгопечатания, партия восстает против партии, провинция против провинции, и все против правительственного собрания в Сант-Яго и верховного директора. Немудрено, что неустройства эти не дают центральному правлению ни досуга, ни способов помышлять о существенных улучшениях».

Куэка — национальный танец чилийцев. Рисунок М. Карро. 1873 г.

Подробно описывает Литке одежду, музыкальные предпочтения чилийцев и танцы, отмечая усиливающееся влияние европейской музыки. Простые чилийцы заполняли пульперии (таверны), где под аккомпанемент арфы, гитары, барабана и вокала выступали парами танцоры.

«...[Оркестр] состоит обыкновенно из трёх инструментов: арфы грубой работы, на которой почти всегда играет дама; гитары, ничем не отличающейся от обыкновенных, на которой, однако, играют, как на нашей балалайке; барабана, по которому бьют ладонями в такт; место его занимает иногда резонанс той же самой арфы, иногда лукошко и всё, что издает глухой звук; иногда к этим инструментам присоединяется погремушка, жестяной цилиндр, наполненный камешками или горохом, которым весьма искусно производят трещащий звук. Всё вместе составляет весьма недурной эффект. Оркестр этот сопровождается всегда вокальной музыкой; все 4 виртуоза изо всей силы поют ту же песню... Мы слышали одну и ту же мелодию всегда и везде; она весьма приятна <...>».

Особое место в дневнике Литке уделено частым в Чили землетрясениям; он оценивает, насколько хорошо учтена их опасность при сооружении местных домов, и признаётся, что ему «очень хотелось испытать одно из... лёгких землетрясений... чтобы иметь понятие об этом явлении». В ночь с 18 на 19 марта, по словам Литке, случился «один удар», но он был настолько слабым, что его никто не заметил.

Простояв в Вальпараисо 17 дней, 3 апреля 1827 г. «Сенявин» направился к Гавайским островам, а 12 июля корабль был уже в Ново-Архангельске[1]. На обратном пути в Петербург Литке сделал остановку в Англии, где он заходил в Темзу для производства на Гринвичской обсерватории сравнительных маятниковых наблюдений. Закончив эти сравнения, Литке 25 августа 1829 г. возвратился в Кронштадт, пробыв в плавании 3 года и 5 дней.

В заключение приведём ещё одну цитату из дневника Ф. П. Литке, в которой он рассуждает о восприятии заморских стран мореплавателями, основываясь на собственных впечатлениях о Южной Америке:

«Мореходцы часто говорят весьма различно о странах, ими посещаемых. Одну и ту же землю один описывает плодоносной, другой бесплодной, один богатой, другой бедной. Это зависит как от обстоятельств, в каких мореходец пристает к какой-либо земле, обстоятельств, которые бывают чрезвычайно различны, так и от того, что переходы их из стра-

Куэка. Рисунок И. Ругендаса. 1843 г.

[1] Поселение, основанное русскими на острове Баранова Александровского архипелага в 1799 г. (первоначальное название — Форт Архангела Михаила). Административный центр русских колоний в Северной Америке.

Морской компас. XIX в.

ны в страну, из климата в климат бывают чрезвычайно быстры; переплывая океан, разделяющий два света, делает он, так сказать, скачок из одного в другой; он как будто засыпает в одном и просыпается в другом; ничто не наполняет пустоты между ними. Он видит новую страну тогда, когда впечатления, оставленные прежней, сохраняются ещё во всей свежести, и больший или меньший контраст между обеими необходимо имеет влияние на заключение, которое он делает о каждой. Таким образом мореплаватели, приходившие в губу Зачатия с севера, где зрение утомляется, смотря на беспредельную черту бесплодного песчаного берега, как будто сотворённого природой не для жительства человека, но единственно для защиты от устремляющейся на него водной бездны, находили берега губы Зачатия смеющимися, богатыми; напротив того, нам, в воображении которых угрюмые берега островов Фолклендских и свирепость Южного океана не могли ещё изгладить впечатлений, оставленных прелестной, богатой, роскошной природой Бразилии, показались берега эти довольно бедными. Песчаные и глинистые утёсы, песчаные берега, песчаные скаты и вершины холмов придавали всей картине характер бесплодности, не позволяющей нам замечать густых лесов, повсюду рассеянных, которые в некоторых местах начинались у самой воды».

Результаты плавания «Сенявина» были весьма значительны. Экспедиция собрала обширный материал по морским течениям, температуре воды и воздуха, атмосферному давлению, магнитному склонению, величине силы тяжести, причём многие из этих работ выполнял сам Литке. Были получены обширные сведения географического и гидрографического характера, в основном относящиеся к акватории Берингова моря и берегам Камчатки и Чукотки. В другом районе работы экспедиции — вблизи Каролинских островов была также обследована обширная акватория, открыто 12 новых и описано 26 ранее открытых островов. Были составлены карты этих районов, которые вместе с описями и рисунками составили целый атлас. Значительные материалы были собраны также по зоологии (более полутора тысяч экземпляров разных животных), по ботанике (обширный гербарий), по геологии (сотни образцов горных пород), по этнографии.

Обследование Южной Америки, безусловно, не было главной целью второго кругосветного плавания Ф. П. Литке, однако время коротких стоянок на «Сенявине» у её берегов не прошло даром. Обширные коллекции были собраны участником этого плавания А. Ф. Постельсом, о котором следует рассказать особо.

Александр Филиппович Постельс[1] в 1823 г. окончил Петербургский университет со степенью кандидата физико-математических наук и с серебряной медалью и был оставлен при университете магистром минералогии и геогнозии[2]. Во время кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» Постельсом были составлены геологические описания Чили, гор вблизи Вальпараисо, многих островов в Тихом океане, побережий Чукотки и Камчатки, острова Св. Елены. Он занимался сбором этнографических, ботанических, зоологических материалов, минералогических коллекций, зарисовывал красками представителей фауны и флоры, образцы орудий труда, утвари, одежды, украшений; изобразил 25 «геогностических» видов гор, вулканов, сопок, утёсов и составил объяснения к ним; им выполнены более половины из 1250 рисунков, привезённых из экспедиции.

Фёдор Петрович Литке (Фридрих Бенджамин фон Лютке)

17 (28) сентября 1797 – 8 (20) августа 1882

Российский мореплаватель и географ, исследователь Арктики, граф, адмирал, почётный член и президент Петербургской академии наук. Почётный член многих русских и иностранных научных учреждений, член-корреспондент Парижской академии наук. Один из основателей Русского географического общества.

Фёдор Литке рос сиротой и не получил систематического образования. Муж его сестры, капитан 2-го ранга И. Сульменев, командовавший в 1812 г. отрядом канонерских лодок в Свеаборге, принял юного гардемарина на службу в отряд. За смелость и находчивость в боях против французских частей в Данциге Литке был произведён в мичманы.

В 1817–1819 гг. он участвовал в кругосветном плавании В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка». Литке и во время плавания продолжал заниматься самообразованием — изучил английский язык, делал переводы, астрономические наблюдения и вычисления. В 1821–1824 гг. в ходе научных экспедиций на бриге «Новая Земля» Литке описал берега Новой Земли, сделал много географических определений мест по берегу Белого моря, исследовал глубины фарватера и опасных отмелей этого моря. В 1826–1829 гг. Литке руководил кругосветной экспедицией на шлюпе «Сенявин» (совместно с М. Н. Станюковичем, командовавшим шлюпом «Моллер»); описал западное побережье Берингова моря, острова Прибылова, острова Бонин и Каролинский архипелаг, открыл 12 его островов.

Сразу после возвращения Литке был произведён в капитаны 1-го ранга (минуя чин). В 1829 г. его избрали членом-корреспондентом Ака-

[1] Александр Филиппович (Александр Иоганн Густав) Постельс (1801–1871) — естествоиспытатель, минералог, педагог, живописец, член Русского географического общества почётный член Петербургской академии наук, тайный советник. После возвращения из плавания на «Сенявине» в 1833–1848 гг. Постельс преподавал минералогию и геогнозию в Главном педагогическом институте, с 1837 по 1856 г. был директором 2-й Петербургской гимназии. Он опубликовал различные учебно-методические пособия по естественным наукам для гимназий и военных учебных заведений, а в 1863 г. был назначен товарищем министра народного просвещения.

[2] Геогностика (иначе геогнозия) — наука о строении земной коры, предшественница исторической геологии.

демии наук, а в 1836 г. он получил Демидовскую премию «за цикл магнитных исследований во время плавания на “Сенявине”».

В 1830 г. Литке был назначен флигель-адъютантом и воспитателем пятилетнего великого князя Константина Николаевича. Его отец, император Николай I, назначил мальчику службу во флоте.

В 1835 г. Литке было присвоено звание контр-адмирала, в 1842 — генерал-адъютанта, в 1843 г. — вице-адмирала.

Литке принадлежит идея первого записывающего «приливомера» (1839), который был установлен в 1841 г. на берегах Северного Ледовитого и Тихого океанов.

С 1846 г. Литке — председатель Морского учёного комитета, в 1850–1857 гг. — главный командир и военный губернатор Ревельского, затем Кронштадтского портов. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Литке организовал оборону Финского залива от превосходящих сил англо-французской эскадры, за что получил чин полного адмирала и был назначен членом Государственного совета.

В беседах с В. Я. Струве, К. М. Бэром, К. И. Арсеневым и бароном Ф. П. Врангелем Литке высказывал мысль об образовании Императорского русского географического общества, которое после его создания в 1845 г. возглавил великий князь Константин Николаевич. Фактически же Обществом в должности вице-председателя в 1845–1850 гг. и в 1857–1873 гг. руководил Ф. П. Литке, который написал проект первого Устава общества и 19 октября 1845 г. открывал первое заседание его действительных членов.

В 1866 г. «за долговременную службу, особо важные поручения и учёные труды, приобретшие европейскую известность», он был возведён в графское достоинство. На посту президента Академии наук (1864–1882) Литке способствовал расширению средств главной физической, метеорологической и магнитной обсерваторий; при нём было увеличено число премий за научные и литературные произведения, улучшено состояние музеев, коллекций и других учёных пособий.

В честь Литке названы: мыс, полуостров, гора и залив на Новой Земле; острова в архипелаге Земля Франца-Иосифа, Байдарацкой губе, архипелаге Норденшельда; пролив между Камчаткой и островом Карагинским и др. В 1873 г. Русским географическим обществом была учреждена Большая золотая медаль имени Литке.

Основные печатные труды: «Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах» (1834–1838); «Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 годах» (1835–1836); «Опыты над постоянным мятником, произведённые в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 годах» (1833); «О приливах и отливах в Северном Арктическом океане» (1843).

Литература

Алексеев А. И. Ф. П. Литке. М., 1970.

Безобразов В. П. Граф Ф. П. Литке. СПб., 1888. Т. I: 1797–1832.

Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавания вокруг света в 1819, 1820 и 1821 годах, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном». М.: Географгиз, 1949.

Головнин В. М. Сочинения. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.

Комиссаров Б. Н. Заметки о Латинской Америке в «Журнале» Ф. Ф. Матюшкина // Вестник Ленинградского университета. 1962. № 2.

Комиссаров Б. Н. Русские мореплаватели о войне Испанской Америки за независимость // В кн. «Война за независимость в Латинской Америке». М., 1964.

Коцебу О. Е. Путешествия вокруг света. 2-е изд. М.: Географгиз, 1948.

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М.: Дрофа, 2007.

Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. СПб: Изд. ЦКП ВМФ, 2003.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на корабле «Нева» под начальством Ю. Лисянского. 2-е изд. М.: Географгиз, 1947.

Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826–1829. М.: Географгиз, 1948.

Макаров С. О. Океанографические работы. М.: Географгиз, 1950.

Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели / Под ред. М. А. Сергеева. М.; Л.: Госвоенмориздат, 1941.

Першин А. А. Под Андреевским флагом в Южных морях. М.: Academia, 2002.

Ржонсницкий Б. Н., Розен Б. Я. Э. Х. Ленц. М.: Мысль, 1987.

Унковский С. Я. Записки моряка. 1803–1819 гг. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2004.

Шешин А. Б. Первые русские мореплаватели в Бразилии // Латинская Америка. 2006. №4.

Шур Л. А. К берегам Нового Света. М.: Наука. 1971.

Чуковский Н. К. Водители фрегатов. М.: АСТ, 2002.

ГЛАВА II

Г. И. Лангсдорф: путешествие по Бразилии в 1815–1829 гг.

Георг Генрих фон (Григорий Иванович) Лангсдорф

(6(18) апреля 1774 — 17(29) июня 1852)

Путешественник, врач, естествоиспытатель, этнограф. Член Петербургской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук и ряда других научных объединений Германии. Генеральный консул Российской империи в Рио-де-Жанейро.

Деятельность Георга (Григория Ивановича) Лангсдорфа — выдающегося географа, биолога, этнографа, страноведа, путешественника и дипломата на службе Российской империи была чрезвычайно разнообразной и многосторонней. Участник первого русского кругосветного плавания, он побывал с посольством Н. П. Резанова в Японии, посетил Сахалин, Русскую Америку, Калифорнию, путешествовал по Камчатке и Сибири, а в крупнейшей стране Южной Америки — Бразилии провёл 17 лет. Эта страна сыграла в его судьбе особую роль: с одной стороны, её изучение принесло ему как учёному всемирную славу, с другой — путешествие в тропиках подорвало здоровье, и Лангсдорфу пришлось досрочно закончить свою профессиональную деятельность.

В возрасте 29 лет Георг Лангсдорф принял участие в первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна[1]. Во время этого плавания он впервые оказался в Южной Америке, сойдя на берег на острове Санта-Катарина[2] в Бразилии. Как он сам писал потом в одном из дневников, исследование «географических и политических условий, нравов, обычаев, языков» этой далёкой страны стало его подлинной страстью.

Рисунок участника экспедиции Лангсдорфа Э. Флоранса. XIX в.

Вернувшись в Петербург после завершения кругосветного плавания 1803–1808 гг. (путешественник покинул «Надежду» в 1805 г. после её прихода из Японии в Петропавловск), Лангсдорф занялся обработкой собранных на Камчатке материалов. Он стал адъюнктом Петербургской академии наук сначала по ботанике, затем по зоологии и в то же время принимал активное участие в работе правительственного Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей под председательством генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля. Рекомендации учёного были учтены в «Новом положении о Камчатке», утверждённом Александром I в 1812 г.

Однако вскоре Лангсдорфу вновь представилась возможность отправиться в Бразилию. В мае 1810 г. специальным манифестом была разрешена торговля между Россией и Бразилией, в то время ещё португальской колонией[3]. Торговля была призвана заменить весьма развитые российско-португальские коммерческие связи, они разорвались после присоединения Российской империи к континентальной блокаде Англии и последовавшей затем в ноябре 1807 г. французской оккупации Португалии[4]. Для обеспечения торговых связей решено было основать в Рио-де-Жанейро российское генеральное консульство. Его в 1812 г. и возглавил Г. И. Лангсдорф.

Служебные обязанности генерального консула, а также совмещение их с функциями поверенного в делах при португальском дворе в Рио-де-Жанейро[5] затрудняли для Лангсдорфа исследовательскую деятельность в Бразилии, к которой он так стремился. В условиях крайней занятости на дипломатической службе Лангсдорф в 1813–1820 гг. мог удовлетворять свою страсть к наблюдениям природы и коллекционированию лишь изредка.

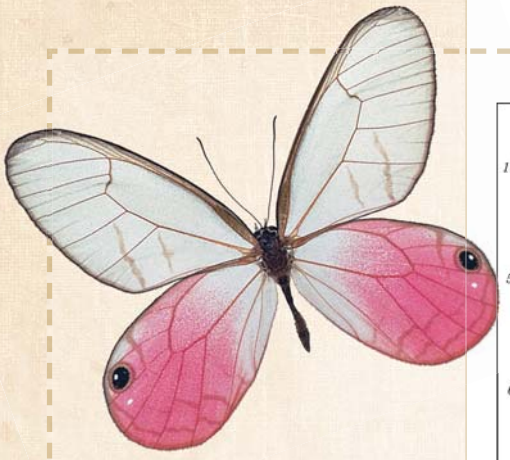
[1] Иван Фёдорович Крузенштерн (1770–1846) — российский мореплаватель, адмирал; на корабле «Надежда» совершил первую русскую кругосветную экспедицию.

[2] Остров у юго-восточного побережья Бразилии.

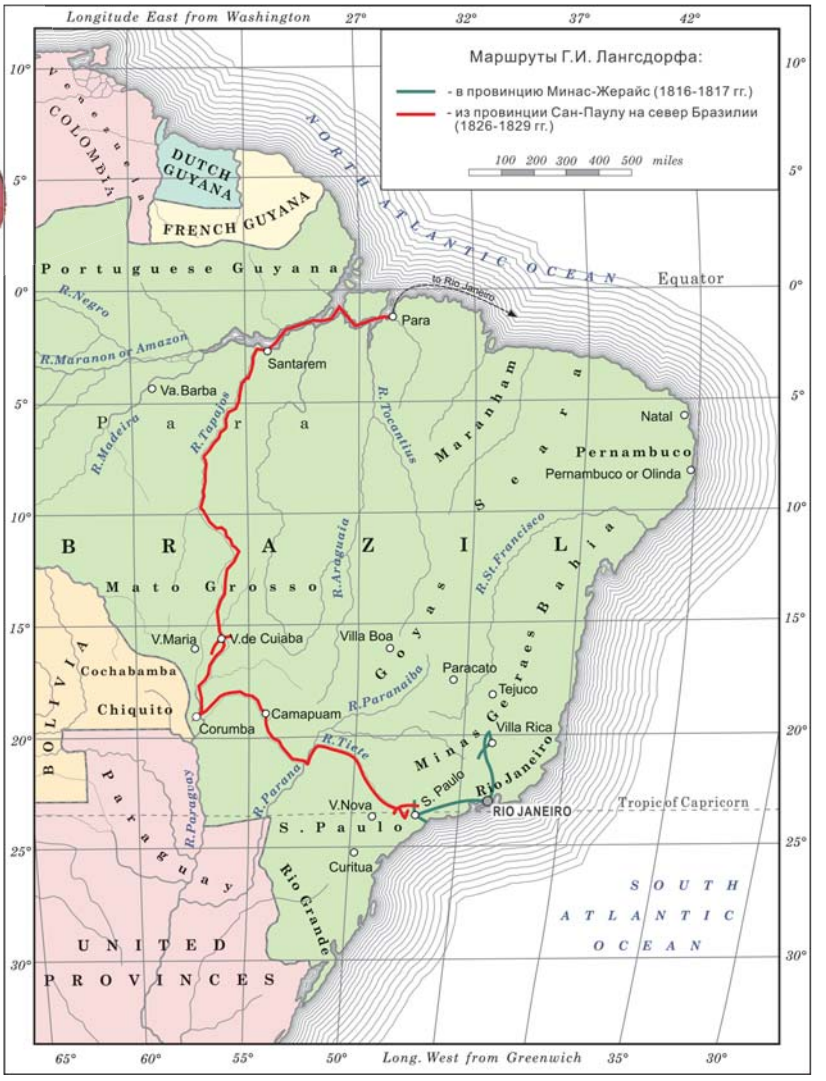
[3] Независимость Бразилии была провозглашена 7 сентября 1822 г.

[4] Войска Наполеона I оккупировали Португалию в 1807 г. и были изгнаны англичанами при поддержке португальских патриотов в 1808 г.

[5] В 1808 г. незадолго до оккупации Лиссабона наполеоновскими войсками принц-регент Жуан (с 1816 г. король Жуан IV) бежал в Рио-де-Жанейро, где оставался до 1821 г. В 1815 г. было создано Объединённое королевство Португалии, Бразилии и Алгарви; тем самым Бразилия получила равный Португалии статус.

Цитериас аврорина (Cithaerias aurorina Weymer) встречается в Западной Амазонии.

Выехать за пределы Рио-де-Жанейро ему удалось дважды: в декабре 1815 г. в район Серра-дуз-Органс[1] — горную местность, расположенную в нескольких десятках километров к северо-востоку от города, и в декабре 1816 — марте 1817 г. в провинцию Минас-Жерайс[2], когда он в компании французского ботаника О. Сент-Илера[3] совершил верхом 700-километровое путешествие по городам и приискам этого края золота и алмазов[4].

Поскольку Лангсдорфу мало удавалось путешествовать самому, он решил воспользоваться услугами помощника, оплачивая за собственный счёт его участие в других экспедициях. Осенью 1814 г. Лангсдорф послал приглашенного им молодого охотника и чучельника Г. Фрейрейса в путешествие с немецким минералогом В. Эшвеге[5], а затем, в 1815 г. на средства, выделенные Лангсдорфом, Фрейрейс присоединился к экспедиции германского аристократа, натуралиста и этнографа М. фон Вид-Нейвида[6]. Эти поездки завершились в 1817 г. Они прохо-

[1] Название приводится в принятой в российской картографии транскрипции; горный массив в хребте Серра-ду-Мар, максимальная высота 2275 м.

[2] Первоначально основу административно-территориального деления Бразилии составляли капитании, в период империи (1822–1889) — провинции, а с установлением в 1889 г. республики — штаты. Для описания путешествий Лангсдорфа здесь и далее используется термин «провинция».

[3] Огюстен де Сент-Илер — французский ботаник, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук.

[4] В конце XVII — первой половине XVIII в. провинция Минас-Жерайс была одним из крупнейших в мире районов добычи золота и алмазов.

[5] Вильгельм Людвиг фон Эшвеге (1777–1855) — немецкий геолог, автор труда по минералогии Бразилии, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук.

[6] Вид-Нейвид Максимилиан фон (1782–1887), принц, немецкий путешественник и натуралист из древнего немецкого рода Нейвидов, почетный член Петербургской академии наук.

дили по территориям провинций Минас-Жерайс, Гояс, Пернамбуку, Баия и стоили Лангсдорфу 12 тыс. руб. Некоторые коллекции учёный приобретал у других собирателей. В итоге, по самым скромным и наверняка неполным подсчётам, он отправил в те годы в Россию с разными оказиями без малого 14 тыс. предметов для зоологических коллекций и тысячи гербарных листов.

Потрясающая жизненная энергия и общественная активность Лангсдорфа побудили его в созвучии с переживаемой в то время Бразилией экспансией европейского научного знания создать в 1816 г. близ Рио-де-Жанейро уникальный исследовательский центр «Мандиока»[1]. Так называлась фазенда (имение), площадью около 25 км^2 в западной части побережья бухты Гуанабара[2], которую Лангсдорф купил на свои средства через три года после прибытия в Бразилию. Там, по отзывам очевидцев, находились «каменный дом и другие, деревянные, строения приятной архитектуры», госпиталь, ботанический сад, «собрание насекомых, млекопитающих, птиц и гербариум в своём роде единственный», библиотека «из книг отборных по всем отраслям наук», «огромный грот вместимостью на 50 человек, где были собраны чудеса неорганической природы» — иными словами, своеобразный минералогический музей.

«Мандиока» стала местом паломничества иностранных исследователей Бразилии. Там бывали многие европейские натуралисты. Тепло отзывались о гостеприимстве Лангсдорфа и русские путешественники — В. М. Головнин, Ф. Ф. Матюшкин, Ф. П. Литке, Ф. Ф. Беллинсгаузен, А. П. Лазарев...[3] Трудно назвать участников русских кругосветных плаваний первой трети XIX в., которые были бы незнакомы с Г. И. Лангсдорфом. В «Мандиоке» обменивались коллекциями, вели дискуссии о новых методах исследования и фиксации природных объектов, разрабатывали и обсуждали планы будущих экспедиций.

Пальмы буритн. Рисунок А.Тонэя. XIX в.

[1] Португальское название маниоки — съедобного корнеплода.

[2] Бухта, на берегу которой расположен город Рио-де-Жанейро.

[3] Подробные очерки об этих русских мореплавателях включены в нашу книгу.

Какао. Рисунок из атласа растений. XIX в.

Батезия гипохлора (Batesia hypochlora Felder).

Кофе. Рисунок из атласа растений. XIX в.

Между тем Лангсдорф задумывал «Мандиоку» отнюдь не только как научный центр. Он хотел, чтобы она стала образцовым и редким в Бразилии того времени поликультурным хозяйством. Там была обширная для начала XIX в. кофейная плантация (в то время производство кофе в Бразилии только зарождалось). В 1817 г. плантация насчитывала тысячу деревьев, а спустя несколько лет, по разным данным, уже от 20 до 40 тыс. Большие участки Лангсдорф отводил под маниоку, кукурузу, индиго и другие культуры. В разные годы в «Мандиоке» работало от 30 до 60 рабов. Понимавший неэффективность рабовладельческого уклада[1] учёный ратовал за замену рабов европейскими эмигрантами и в 1819 г. обратился к королю Жуану VI[2] с ходатайством об освобождении свободных поселенцев «Мандиоки» от службы в милиции, налогов и ряда других повинностей, которые могли бы помешать им прочно осесть на земле.

За время пребывания в Рио-де-Жанейро у Лангсдорфа созрело несколько интересных планов. Прежде всего он задумал организовать русскую научную экспедицию в центральные районы Бразилии. Кроме того, учёный собирался привезти из Европы на земли «Мандиоки» немецких колонистов. Для осуществления своих планов в марте 1820 г. он отправился через Париж и германские земли в Россию.

13 июня 1821 г.[3] Лангсдорф представил министру иностранных дел К. В. Нессельроде[4] проект будущей экспедиции. В её задачи входили «учёные открытия, географические, статистические и другие исследования, изучение неизвестных доселе в торговле продуктов, коллекции предметов из всех царств природы». Первоначальная подробная смета, приложенная к проекту (в дальнейшем она несколько раз увеличивалась), предусматривала выделение на путешествие 40 тыс. руб. ассигнациями единовременно и по 10 тыс. руб. ежегодно. 15 июня Г. И. Лангсдорф был принят в Царском Селе императором Александром I, который санкционировал экспедицию и взял её под своё покровительство. Лангсдорфу предоставлялась полная свобода в отношении выбора маршрута путешествия, да и продолжительность его нигде не оговаривалась.

Во время аудиенции у Александра I Лангсдорф особенно подчёркивал, что задуманная им экспедиция важна для того, «чтобы Россия не отставала от других держав». Принцип международного престижа играл для России, только что сокрушившей наполеоновскую империю, очень существенную роль. Это относилось и к науке, успехи которой в то время во многом определялись интенсивностью экспедиционной деятельности и пополнением императорских музеев. Это было время собирательства и описания в естествознании, этнографии, науках о Земле. Речь шла также о возможном расширении ассортимента внешней торговли, то есть о сугубо экономических задачах. Молодой, блистательный Санкт-Петербург в глазах императорского двора и аристократии был достоин того, чтобы решительно ни в чём не уступать старым европейским столицам; на это не жалели никаких средств. К тому же Бразилия была стратегически

[1] Рабство в Бразилии было отменено в 1888 г.

[2] Жуан VI (1767–1826) — король Объединённого королевства Португалии, Бразилии и Алгарви в 1815–1826 гг.; до 1821 г. находился в Бразилии.

[3] Здесь и далее все даты по старому стилю.

[4] Карл Васильевич Нессельроде (Карл Роберт фон Нессельроде) (1780–1862) — в 1816–1856 гг. министр иностранных дел Российской империи, с 1845 г. — канцлер.

важна для России как место остановки русских судов, направлявшихся в Тихий океан — к её американским владениям и на Камчатку.

5 января 1822 г. на зафрахтованном судне «Дорис» Лангсдорф отправился из Бремена в Рио-де-Жанейро. Его сопровождали члены семьи и участники будущей экспедиции — француз-зоолог Э. Менетрие[1] и немец-художник И. М. Ругендас[2]. На борту также разместились около двух десятков семей немецких ремесленников, которых Лангсдорф пригласил поселиться в «Мандиоке», оплатив их переезд из собственных средств. В трюме судна везли экспедиционное снаряжение и множество грузов для будущей европейской колонии.

Перечень этих грузов, представленный по прибытии властям Рио-де-Жанейро, показывает, с каким размахом и тщательностью Лангсдорф готовился к осуществлению своих больших планов. На «Дорис» были перевезены сотни книг (среди которых было много ценных старинных изданий), около 150 литографий и рисунков, 58 оптических приборов, естественнонаучные коллекции, состоящие почти из 300 предметов, живые растения, бумага различных видов, ружья, дробь. В Бразилию были доставлены инструменты плотников, кузнецов, каменотёсов, резчиков по дереву и других ремесленников, около 200 пар различных часов, много хлопчатобумажных тканей, всевозможная посуда, зеркала, мыло, медикаменты, краска, льняное масло. Там были также серпы, сёдла, ручные тележки, тачки, наковальни, якоря, колокола, точильные камни, железные и медные котлы, жаровни для кофейных зёрен, оконное стекло и ещё много прочего. Так ещё не готовилась ни одна из современных Лангсдорфу научных экспедиций в Новый Свет. Дело даже не в количестве снаряжения. Важна другая особенность: учёный намеревался не только исследовать Бразилию, но и способствовать её преобразованию. Он хотел развернуть в «Мандиоке» строительство домов, используя в качестве материала необожжённый кирпич, наладить производство дощатых крыш, построить мыловаренную фабрику и стать инициатором других не менее интересных и важных для Бразилии хозяйственных нововведений.

5 марта 1822 г. судно «Дорис» прибыло в Рио-де-Жанейро. Там уже с 24 февраля находился астроном и картограф экспедиции офицер корпуса флотских штурманов Н. Г. Рубцов[3], доставленный в бразильскую столицу на совершавшем кругосветное плавание русском военном шлюпе «Аполлон». В конце 1822 г. в имении «Мандиока» к участникам экспедиции присоединился ботаник Л. Ридель[4]. Позже, когда в 1824–1825 гг. из её состава вышли Ругендас и Менетрие, Лангсдорф пригласил для участия в ней французских художников А. Тонэя[5] и Э. Флоранса[6].

В 1822–1824 гг. Лангсдорф и члены его экспедиции изучали окрестности Рио-де-Жанейро в радиусе до 200 км от города, а годом позже прошли свыше тысячи километров по территории провинции Минас-Жерайс. 2 мая 1825 г. по возвращении из этого путешествия в «Ман-

[1] Эдуард (в русской службе Эдуард Петрович) Менетрие (1802–1861) — француз по рождению, энтомолог, член-корреспондент Петербургской академии наук. Опыт полевой работы приобрёл, участвуя в 1821–1825 гг. в экспедиции Лангсдорфа. С 1826 г. — препаратор при Кунсткамере в Петербурге, один из основателей Русского энтомологического общества.

[2] Иоганн Мориц Ругендас (1802–1858) — немецкий художник. После возвращения в 1825 г. в Европу познакомился с А. фон Гумбольдтом, при содействии которого опубликовал альбом «Живописное путешествие в Бразилию». Этот альбом составлен из литографий рисунков, которые Ругендас присвоил в нарушение контракта с Лангсдорфом. В 1831–1847 гг. путешествовал по странам Северной и Южной Америки.

[3] О нём см. в конце данного раздела книги.

[4] Людвиг Ридель (1790–1861) — немец по рождению, ботаник; в 1831–1836 гг., заведуя Бразильским филиалом Петербургского ботанического сада, продолжил начатые Лангсдорфом экспедиционные исследования. Перейдя в 1842 г. на бразильскую службу, Ридель возглавлял отдел ботаники, сельского хозяйства и ремёсел Национального музея в Рио-де-Жанейро, был его директором, управлял садами бразильского императорского дома и Ботаническим садом Рио-де-Жанейро.

[5] Амадей Адриан Тонэй (1802–1828) — художник, погиб во время экспедиции в возрасте 25 лет.

[6] Эркюль Флоранс (1804–1879) — француз по рождению, художник. После экспедиции Лангсдорфа остался в Бразилии, став кофейным плантатором. Есть основания считать, что, записывая в экспедиции нотными знаками голоса животных, положил начало современной биоакустике, а в 1833 г., опередив европейских изобретателей, пришёл к открытию фотографии.

диоку» Лангсдорф так оценивал её результаты в письме академической Конференции[1]: «Особую ценность я придаю статистическим, политическим, физическим и минералогическим наблюдениям, проведённым в Алмазном округе».

Затем экспедиция Лангсдорфа с сентября 1825 по июнь 1826 г. исследовала населённую часть провинции Сан-Паулу, а с июня 1826 по январь 1827 г., выйдя из Порту-Фелис[2], совершила семимесячное плавание по рекам Тиете, Парана, Риу-Парду, Кошин, Такуари, Парагвай, Сан-Лоуренсу, Куяба[3], общей протяжённостью более четырёх тысяч километров. Экспедиция, в составе которой было около 30 человек, проходила на восьми лодках; на корме каждой по настоянию Лангсдорфа был укреплён русский военно-морской флаг. Вот цитата из его дневника:

«Для каждой лодки должен быть заказан русский военно-морской флаг. Это имеет большое значение, так как покажет индейцам, что перед ними не португальская торговая экспедиция. Впервые русский флаг появится в водах внутренней части Южной Америки».

Впоследствии Лангсдорф отмечал, что плавание по Риу-Парду было самым важным и интересным, но в то же время наиболее сложным участком маршрута; плыть приходилось против течения, было преодолено 32 водопада, досаждали москиты. Об этом свидетельствуют строки из дневника Лангсдорфа:

«Кто подумает, как при таких обстоятельствах покрытым до черноты насекомыми, которые кусают и роятся вокруг, приходится писать, рисовать, препарировать, изготовлять чучела, тот до некоторой степени поймёт цену добытых здесь предметов».

В это время коллекции пополнялись особенно быстро. Лангсдорф записал в дневнике:

«Мы застали весну в самом начале, степи были в полном цвету, радовали и занимали нашего ботаника».

В самом начале января 1827 г. Лангсдорф и его спутники оказались на территории огромного заболоченного района Пантанал[4] в разгар сезона дождей. Несколько недель путешественники вынуждены были провести на лодках посреди огромного разлива и лишь 30 января достигли наконец города Куяба, центра провинции Мату-Гросу.

Из Куябы путешественники совершали радиальные поездки на расстояния до нескольких сот километров, в том числе до границы с

Амазоны из семейства попугаевых обитают в Центральной и Южной Америке и на Антильских островах.

[1] С 1766 г. Конференция из представителей Петербургской академии наук собиралась два раза в неделю, чтобы заслушать научные доклады и обсудить административные вопросы.

[2] Порт на реке Тиете.

[3] Реки перечислены в порядке следования экспедиции. Тиете и Риу-Парду — левый и правый притоки Параны; Кошин, Такуари, Сан-Лоуренсу, Куяба — притоки Парагвая.

[4] Обширная (около 150 тыс. км?) заболоченная тектоническая впадина на территории Бразилии, Боливии и Парагвая.

Путешествие по реке Кубатан. Рисунок А.Тонэя. XIX в.

Боливией. Затем, чтобы обследовать большую территорию, Лангсдорф разделил экспедицию на два отряда. Сам он во главе одного из них, отправившись из селения Диамантину[1], достиг Амазонки по рекам Аринус, Журуэна и Тапажос[2]. Л. Ридель же в одиночку (поскольку его спутник художник А. Тонэй утонул ещё в начале января 1828 г., переплывая реку Гуапоре[3]), отплыв из селения Вила-Бела-де-Мату-Гросу, добрался до Амазонки по рекам Гуапоре, Маморе и Мадейре, а в дальнейшем ещё и поднялся вверх по реке Риу-Негру[4]. Только по территории провинции Мату-Гросу два экспедиционных отряда преодолели более семи тысяч километров. По самой Амазонке участники экспедиции прошли: Л. Ридель от места, где ныне расположен город Манаус[5], до Белена[6], а остальные — от Сантарена[7] до амазонского устья. К этому следует добавить, что Л. Ридель до присоединения к экспедиции почти год самостоятельно исследовал территорию провинции Баия[8]. Его гербарий и рукописи пополнили состав экспедиционных материалов. Всего по территории Бразилии отряды Лангсдорфа и Риделя прошли около шестнадцати тысяч километров. В марте 1828 г., перед выступлением на север, к реке Риу-Прету, Лангсдорф записал в своём дневнике:

«Эти места боятся посещать даже в сухое время года, а в период дождей здесь каждый непременно заболевает гнилой горячкой, лихорадкой, тифом. Жертвами этих болезней стали многие сотни людей».

Тропической лихорадки не удалось избежать и членам экспедиции; заболели Рубцов, Флоранс и сам Лангсдорф. В конце апреля, когда экспедиция спускалась по реке Журуэна, из 34 членов отряда здоровы были лишь 15, из них 7 только что переболели лихорадкой. Позже, в мае, уже находясь на реке Журуэна, Лангсдорф крайне тяжело переносил приступы лихорадки. Читаем в дневнике:

[1] Город в бразильском штате Мату-Гросу, население около 20 тыс. человек (2010).

[2] Тапажос — правый приток Амазонки; остальные реки являются его притоками различного порядка.

[3] Приток реки Маморе, впадающей в реку Мадейра — правый приток Амазонки.

[4] Левый приток Амазонки.

[5] Город у впадения в Амазонку реки Риу-Негру, столица бразильского штата Амазонас; население 1,9 млн человек (2012). Построен в 1836 г.

[6] Город у устья Амазонки, столица бразильского штата Пара; население 1,4 млн человек (2012).

[7] Город в бразильском штате Пара, население 300 тыс. человек (2012).

[8] Ныне штат на северо-востоке Бразилии.

Падуб парагвайский (йерба-мате). Рисунок из атласа растений. XIX в.

Хинное дерево.
Рисунок из атласа растений.
XIX в.

«[13 мая] С Божьей помощью и содействием, я живу и могу взяться за перо... С 24 апреля я большей частью днём и ночью лежал без памяти в фантастических сновидениях.

...[16 мая] Слабый духом и телом, я сижу здесь и меньше всего могу сказать, что я живу, я в сильной лихорадке».

Это было в сыром тропическом лесу близ огромного водопада Салту-Аугусту, при обносе которого два экспедиционных каноэ были разбиты о прибрежные камни, а на изготовление нового ушло две недели. 20 мая, в день спуска на воду нового каноэ, учёный писал слабой, плохо слушавшейся его рукой:

«Обрушившиеся дожди нарушили весь покой. Мы намереваемся теперь идти в Сантарен. Наша провизия убывает на глазах, мы должны ускорить наше движение. Мы должны перейти ещё многие опасные места на реке. Если захочет Бог, то сегодня мы продолжим наш путь. Провизия уменьшается, но мы ещё имеем порох и дробь».

Больше Лангсдорф не обращался к дневнику. Новый приступ лихорадки помутил рассудок учёного. Э. Флоранс с ужасом заметил у него «потерю памяти о недавних событиях и полный беспорядок мыслей». «Начал он мешаться в разуме», — вспоминал позднее Рубцов, которому учёный успел поручить руководство экспедицией и доставку всех собранных материалов в Петербург. Лангсдорфа поразила глубокая амнезия, оправиться от которой он уже не смог.

Экспедиция была прервана. 16 сентября её участники достигли города Белен. Во время этого плавания здоровье Лангсдорфа стало восстанавливаться, к нему частично вернулась память, но, как пи-

Водопад
на Бразильском плоскогорье.

сал Флоранс, «болезнь такова, что не позволит когда бы то ни было в дальнейшем путешествовать с научной целью». В марте 1829 г. участники экспедиции возвратились в Рио-де-Жанейро, а её руководитель — генеральный консул России в Бразилии Г. И. Лангсдорф глубоко больным вернулся в Европу и вскоре вышел в отставку. Всеми материалами, собранными в экспедиции, занимался Н. Рубцов, который в 1829 г. доставил в Петербург 32 ящика коллекций, а ещё год спустя 84 ящика привёз туда и Л. Ридель, который затем вернулся в Бразилию, где в 1831—1836 гг. продолжил экспедиционные работы в провинциях Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс и Гояс.

Какими же были итоги этой экспедиции, уникальной по протяжённости маршрутов, объёму собранных коллекций и по стоимости работ (по приблизительным подсчётам, она обошлась российской казне и лично Лангсдорфу в огромную сумму — 346 тыс. руб.)[1]?

Судить об этих итогах можно по подробным донесениям и отчётам, которые Г. И. Лансгдорф составлял для отправки в Петербург. Вот лишь несколько примеров его сообщений:

«Л. Ридель с научным рвением, которым он отличался и раньше, собрал, описал и засушил 500—600 новых растений и составил коллекцию редких семян. Н. Рубцов, кроме метеорологических и барометрических наблюдений, тщательно определил течение и географический режим рек Тьете, Парана, Риу-Парду, Камапуан, Кошин, Такуари, Парагвай, Сан-Лоуренсу и Куяба. Молодые художники Тонэй и Флоранс зарисовали изумительные ландшафты, водопады и разного рода естественнонаучные предметы». (Из донесения министру иностранных дел К. В. Нессельроде, 1827 г.)

«Ввиду того, что усовершенствование естественной истории человека особенно близко моему сердцу, я особенно настаивал на том, чтобы художники экспедиции изготовили точные портреты всех индейских племён, которых мне представится случай наблюдать. Уже теперь я имею удовольствие обладать очень поучительными изображениями наций каяпо, гуана, гуато, чамакоко, бороро и чикито[2], из сравнения которых всякий непредубеждённый человек легко склонится к тому, чтобы произвести все эти нации от монгольской расы. Я льщу себя надеждой, что это собрание портретов всех бразильских наций после окончания моего ещё очень длинного путешествия возбудит необычайный интерес».

«Мне следовало бы уже выше упомянуть, что в продолжение путешествия я занимался наблюдениями наклонения и колебаний магнитной стрелки. При этом опыте я пользовался ме-

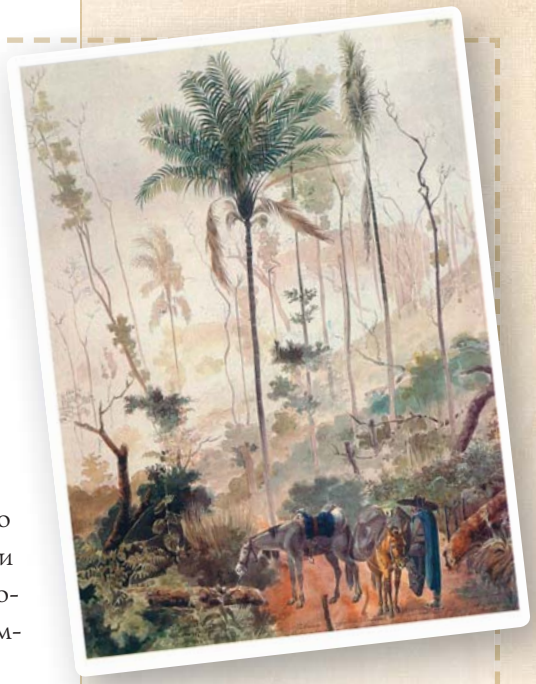

Рисунок А.Тонэя. XIX в.

[1] По оценке автора, это составляет около одной тысячной части бюджета Российской империи на 1817 г.

[2] Названия населявших Бразилию индейских племён.

тодом, который, до получения более верных сведений, должен назвать английским, так как я научился ему у английского морехода М. Оуэна».

Друза бразильских аметистов.

Лангсдорф со спутниками впервые осуществили комплексное изучение Бразильского нагорья и пересекли его с исследовательскими целями по речным системам верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса. Собранные ими материалы составили впоследствии ядро южноамериканских коллекций академических музеев России. Материалы экспедиции Лангсдорфа находятся ныне в различных научных учреждениях Санкт-Петербурга. Обширные энтомологические, герпетологические, ихтиологические, орнитологические и мамологические[1] коллекции, уникальный гербарий почти в 100 тысяч экземпляров[2] — один из самых полных тропических гербариев в мире, содержание которого послужило для установления 15% видов необъятной бразильской флоры, карпологическая коллекция в 5 тыс. экземпляров (образцы древесины, семена, плоды)[3], собрание минералов, около ста этнографических экспонатов в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), десятки карт — результат впервые осуществлённой съёмки глубинных районов Южной Америки, архив, включающий более 4 тыс. страниц рукописей (дневников, описаний, трудов, статистических таблиц, словарей индейских языков, архивных документов, писем), несколько сот рисунков с ценными сведениями по географии, ботанике, зоологии, медицине, экономике, статистике, истории, этнографии, лингвистике — таковы итоги этой грандиозной исследовательской эпопеи первой трети XIX в. О ней опубликованы сотни статей и книг на 10 языках.

Другой, не менее ценный результат исследований Г. И. Лангсдорфа — проекты, направленные на развитие Бразилии, которые содержатся в рукописях учёного. Многие из них более чем на век опередили время, в которое он жил, некоторые так и не были реализованы. На-

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

[1] Коллекции чучел птиц (более 1 тыс.) и млекопитающих хранятся в Зоологическом музее Зоологического института РАН.

[2] Так называемый Гербарий Лангсдорфа—Риделя входит в состав Гербария Ботанического института (БИН) РАН.

[3] Коллекция хранится в Ботаническом музее БИН.

пример, Лангсдорф с поразительной точностью нашёл место для новой столицы Бразилии, предложив расположить её ближе к географическому центру страны. Это место находится вблизи от возникшего позднее города Белу-Оризонти[1], всего в 600 км от построенной в конце 1950-х гг. нынешней столицы страны — Бразилиа[2]. Не будем забывать, что учёный ориентировался при этом на близость судоходных рек: железных дорог, автомобилей и тем более авиации тогда ещё не существовало. Лангсдорф ратовал за установление гуманных, основанных на взаимном обогащении культур отношений с индейцами, за усовершенствование денежного обращения и добычи алмазов, выступал против неограниченного доступа иностранного капитала в районы добычи полезных ископаемых и хищнического выжигания лесов, доказывал бесспорную ныне необходимость защиты редких животных и научного использования растительного мира.

Путешествия, а тем более транспортировка товаров по территории Бразилии представляли тогда огромные трудности. Вот что писал Лангсдорф в 1827 г. в дневнике путешествия по провинции Мату-Гросу:

«Нетерпеливые путешественники в Европе думают, что три часа ожидания на почтовой станции уже слишком много. Попробовали бы они как-нибудь приехать сюда и предпринять сухопутное путешествие. Они стали бы более терпеливыми и были бы рады, если бы после 2—3 дней ожидания можно было бы отправиться дальше».

Лангсдорф считал, что в условиях бездорожья необходимо усовершенствовать навигацию между портами Порту-Фелис и Куяба и построить в 30 км от селения Диамантину на реке Риу-Прету новый порт, откуда было бы проще добраться до амазонского порта Сантарен. Особое

Цветущее дерево жакаранда.

[1] Столица бразильского штата Минас-Жерайс, население 2,4 млн человек (2012). Статус городского поселения этот город получил в 1893 г., столицы штата Минас-Жерайс — в 1897 г.

[2] Федеральная столица Бразилии, основана в 1960 г. Население 2,5 млн человек (2010).

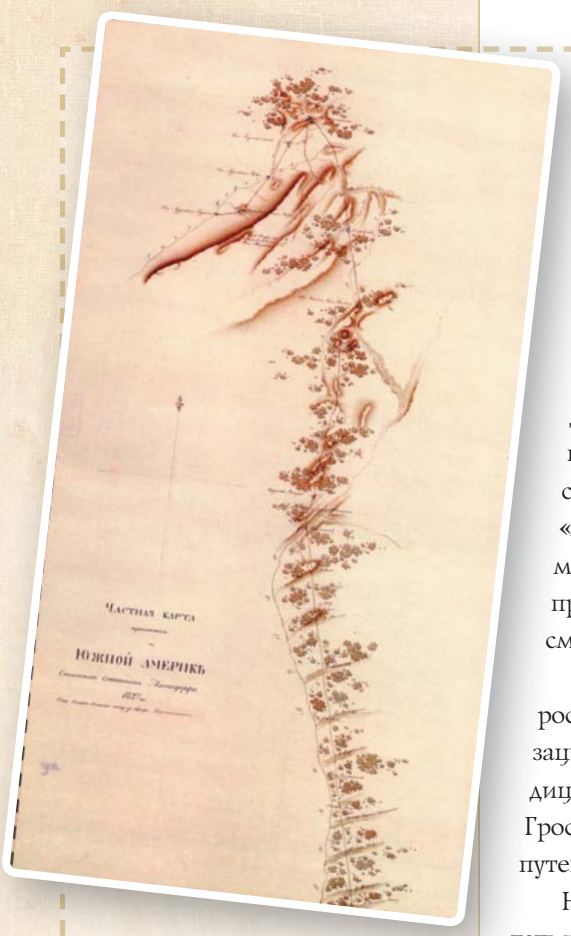
Колония фламинго.

внимание он обращал на использование в целях судоходного сообщения Параны и Парагвая, а также притоков Амазонки.

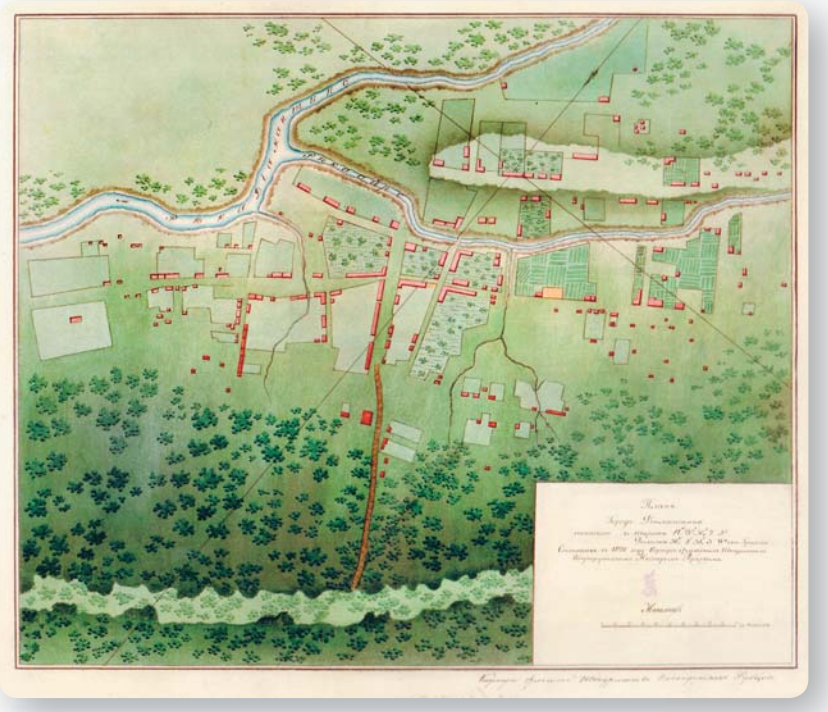
Научное наследие Г. И. Лангсдорфа, как никогда, актуально в наше время. Он был первым в мире путешественником, который в начале XIX в. пересёк с исследовательскими целями как Евразию, так и Южную Америку. Собранные Лангсдорфом в ходе экспедиций по России и Бразилии материалы, его наблюдения природы представляют, несомненно, огромную ценность как эталоны для изучения современного состояния окружающей среды в двух крупнейших регионах мира, пока ещё в сравнительно небольшой степени преобразованных хозяйственной деятельностью человека, «лёгких планеты» — Сибири и Амазонии. Пройдя в наше время по маршрутам Лангсдорфа, можно было бы установить, как изменилась природа планеты за прошедшие 200 лет, и, вероятно, задуматься о смене «природопокорительской» парадигмы развития цивилизации.

В 2006 г. было впервые объявлено о начале осуществления российско-бразильского проекта «Лангсдорф — XXI век». Его реализация началась в 2010 г. с проведения в Бразилии выставки «Экспедиция Лангсдорфа» и открытия в городе Диамантину в штате Мату-Гросу, откуда отряд Лангсдорфа отправился на Амазонку, «Дома путешественников», носящего имя этого российского учёного[1].

Наконец, как это ни парадоксально звучит, Лангсдорфа можно считать предтечей идеи недавнего создания БРИК — межгосударственного объединения, включающего Бразилию, Россию, Индию и Китай — наи-

Н. Рубцов. Карта части маршрута экспедиции Лангсдорфа. XIX в.

Н. Рубцов. План города Диамантину в Бразилии. XIX в.

[1] Становление Г. И. Лангсдорфа как учёного-страноведа происходило во время его путешествий по Камчатке в 1806–1807 гг., поэтому именно оттуда в 2014 г. планируется старт экспедиции «Лангсдорф — XXI век».

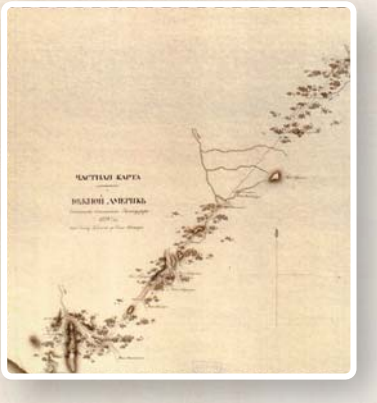
Встреча Риделя и Тонэя с индейцами бороро. Рисунок А.Тонэя. XIX в.

более быстро развивающихся держав современного мира. Г. И. Лангсдорф, вклад которого в развитие российско-бразильских отношений более всего известен, ратовал также за развитие торговли России с Китаем и Индией. По его замыслу Петропавловск на Камчатке должен был стать основным центром торгового обмена с зарубежными странами Азии. В 1809 г. он собирался исследовать сухопутные подступы из России к Индии, а в 1819 г. представил детальный план активизации российско-китайских коммерческих связей, основанный на оценке торговли в Кантоне (Гуанчжоу) и сведениях из Макао. Идея Лангсдорфа экономически соединить не самые передовые страны мира — крепостническую Россию, две колонии — рабовладельческую Бразилию и Индию с её кастовой системой, а также полуколониальный циньский Китай в противовес Великобритании и другим западноевропейским странам в те времена казалась утопией. Только два века спустя стали обычными прогнозы, что эти четыре гиганта вместе с присоединившейся к ним позднее Южной Африкой к середине XXI в. превзойдут по суммарному экономическому потенциалу страны Большой Семерки.

Особо следует сказать о спутнике и главном помощнике Г. И. Лангсдорфа — Н. Г. Рубцове.

Нестер Гаврилович Рубцов
(1799—1874)

Родился в Петербурге в семье шкипера и вскоре после окончания Штурманского училища Балтийского флота был рекомендован В. М. Головниным Г. И. Лангсдорфу в качестве астронома экспедиции.

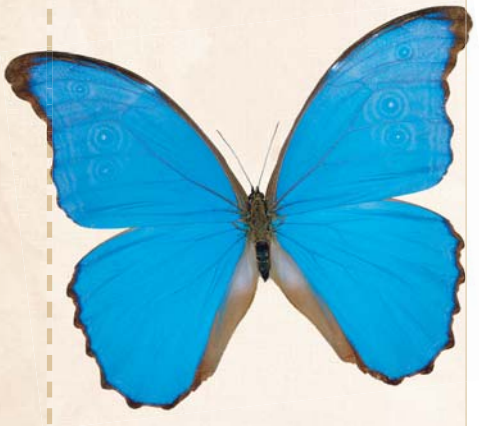

Н. Рубцов. Карта части маршрута экспедиции Лангсдорфа. XIX в.

Интересы Рубцова, однако, выходили далеко за пределы астрономических наблюдений. Он вёл путевые дневники, на основании которых впоследствии составил рукопись «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х гг.». Рукопись была обнаружена только в 1953 г. и до сих пор не опубликована[1]. Она содержит подробные сведения о природе, населении и хозяйстве внутренних районов Бразилии. Но главный результат работы Н. Г. Рубцова в экспедиции Лангсдорфа — составленные им карты. Он первым в мире картировал территорию Бразилии от Рио-де-Жанейро до устья Амазонки, составив 28 рукописных карт и восемь планов бразильских населённых пунктов, которые хранятся ныне в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге. На картах обозначены горы, горные цепи, хребты и холмы, реки (вплоть до самых малых и даже ручьев) с их многочисленными притоками, излучинами, порогами, водопадами, островами, мелями и отдельными деревьями по берегам, а также морские заливы, леса, озёра, естественные гроты. Рубцов с особой тщательностью нанёс на свои карты расположение городов и селений разной величины, мест расселения индейских племён, фазенды, мануфактуры, прииски, отдельно стоящие дома, склады, лавки, церкви, часовни, монастыри, крепости, мосты, заставы, пограничные знаки и даже рыбачьи хижины у урезов рек. Содержащие огромный материал по физической и исторической географии, топонимике, этнографии и другим отраслям знания, эти карты были впервые полностью опубликованы только в каталоге выставки «Экспедиция Лангсдорфа», организованной министерством культуры Бразилии в 2010 г. в городах Сан-Паулу, Бразилиа и Рио-де-Жанейро.

Рубцов был ближайшим помощником Лангсдорфа, и, когда последний заболел, он, будучи сам тяжело больным, взял на себя руководство экспедицией. После возвращения в Россию в 1829 г. он почти безвыездно жил в Петербурге. В 1837–1860 гг. Н. Г. Рубцов заведовал архивом Гидрографического департамента Морского министерства и вышел в отставку в чине полковника корпуса флотских штурманов.

[1] Эту рукопись обнаружила в 1953 г. среди бумаг вице-адмирала и писателя А. В. Фрейганга советская исследовательница Н. Г. Шпринцин.

Морфо дидиус (Morpho didius Hopffer).

Георг Генрих фон (Григорий Иванович) Лангсдорф

6 (18) апреля 1774 — 17 (29) июня 1852

Путешественник, врач, естествоиспытатель, этнограф. Член Петербургской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук и ряда других германских научных объединений. Генеральный консул Российской империи в Рио-де-Жанейро.

Происходил из небогатого немецкого дворянского рода, барон. Родился в городе Вёльштейн в курфюршестве Майнц. В 1793–1797 гг. учился в Гёттингенском университете, где получил степень доктора медицины, ученик известного натуралиста, антрополога и страноведа И. Блуменбаха. В 1797–1803 гг. занимался медицинской практикой и естественнонаучными исследованиями (главным образом ихтиологией) в Португалии. В августе 1803 г. вошёл в состав участников первого русского кругосветного плавания, став естествоиспытателем (с поручением заниматься ихтиологией и минералогией) на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна. В 1804–1805 гг. входил в состав посольства Н. П. Резанова в Японию, доставленного на «Надежде» в Нагасаки. В 1805–1806 гг. сопровождал Резанова в путешествии во владения Российско-американской компании и в Калифорнию. В 1804 и 1805 гг. посещал Камчатку, а с сентября 1806 по май 1807 г. самостоятельно путешествовал по ней. В июне 1807 г. прибыл в Охотск и оттуда по суше в марте 1808 г. достиг Петербурга, завершив, таким образом, кругосветное путешествие.

Ещё на Камчатке Г. И. Лангсдорф вступил на русскую службу, которую в дальнейшем уже не покидал. В русской столице он стал адъюнктом Петербургской академии наук по ботанике, обрабатывал собранные материалы, публиковал на их основе научные статьи, а в 1812 г. издал на немецком языке двухтомный труд «Замечания о путешествии вокруг света в 1803–1807 гг.»; в этом же году был избран экстраординарным академиком по зоологии.

Помимо научной деятельности, Г. И. Лангсдорф в 1811–1812 гг. работал в составе правительственного Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей под председательством генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля. 9 (21) апреля 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Камчатке», которое в значительной мере основывалось на предложениях Г. И. Лангсдорфа. Они были изложены им в записке о необходимости реформ на полуострове, отправленной ещё в октябре 1807 г. из Иркутска на имя министра коммерции Н. П. Румянцева. Было, в частности, учтено мнение Лангсдорфа о переносе столицы Камчатки из Нижнекамчатска в Петропавловск, на берега Авачинской бухты.

В 1812 г. Г. И. Лангсдорф был назначен российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро, а впоследствии выполнял также функции поверенного в делах при португальском дворе. В 1812 г. Г. И. Лангсдорф был назначен российским генеральным консулом и поверенным в делах при португальском дворе в Рио-де-Жанейро. Служебные обязанности значительно затрудняли его исследовательскую деятельность. В 1821 г. в Петербурге он получил согласие императора Александра I на организацию и финансирование русской комплексной научной экспедиции во внутренние районы Бразилии. Экспеди-

ция Лангсдорфа продолжалась с 1822 по 1828 г., когда её пришлось прервать из-за болезни учёного. В мае 1828 г. в Амазонии, на берегах реки Журуэна, он в результате тропической лихорадки потерял память. Амнезия не покинула Лангсдорфа до конца жизни. В 1830 г. он с семьёй отправился в Европу, в 1831 г. был уволен из Министерства иностранных дел и Академии наук. Проведя без малого четверть века в вынужденном бездействии, Лангсдорф, живший на российскую пенсию, скончался во Фрайбурге в 1852 г.

Г. И. Лангсдорфом описано около 90 видов растений, распространённых в разных частях мира. Имя Г. И. Лангсдорфа носит вершина горного хребта Ивулк в Налычевском заповеднике Камчатского края. В честь Г. И. Лангсдорфа названы многие виды растений и животных.

Основные печатные труды Г. И. Лангсдорфа опубликованы на немецком и португальском языках (см.: Академик Г. И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг. Библиографический указатель / сост. К. В. Александрова; под ред. Д. Е. Бертельса и Б. Н. Комиссарова. Л., 1979).

Литература

Алексеев А. И., Комиссаров Б. Н. Н. Г. Рубцов и его роль в исследовании Бразилии // Известия Всесоюзного Географического общества. 1966. Т. 98. Вып. 6. С. 500–506.

Комиссаров Б. Н. Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX в.: записки Н. Г. Рубцова // Советская этнография. 1963. № 3. С. 172–176.

Комиссаров Б. Н. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774–1852. Л., 1975.

Комиссаров Б. Н. Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа // Советская этнография. 1975. № 3. С. 83–97.

Комиссаров Б. Н. Изучение научного наследия Г. И. Лангсдорфа // Латинская Америка. 1976. № 3. С. 147–164.

Комиссаров Б. Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977.

Комиссаров Б. Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977.

Комиссаров Б. Н. Г. И. Лангсдорф и Русская Америка // Русское открытие Америки: сборник статей, посвящённый 70-летию акад. Н. Н. Болховитинова. М., 2002. С. 377–387.

Комиссаров Б. Н. Бразилия 20-х годов XIX в. на картах российского происхождения // Актуальные проблемы португалистики: материалы Всерос. науч.-практ. семинара по португалистике. Вып. 1. М., 2003. С. 65–73.

Комиссаров Б. Н. Новая парадигма российско-бразильских отношений в контексте реальностей БРИК XXI века // БРИК — прорыв в мировую экономику XXI века: междунар. науч. конф., С.-Петербург, май 2008 г. СПб., 2009. С. 19–22.

Комиссаров Б. Н. Российский ученый Г. И. Лангсдорф как предтеча идеи создания группы БРИК // БРИК: шаг за шагом: междунар. науч.-практ. конф., 14–15 мая 2009 г., С.-Петербург. СПб., 2010. С. 18–22.

Комиссаров Б. Н. Российские исследователи в Бразилии в 10–30-х годах XIX века и международный культурно-экологический проект «Лангсдорф — XXI век» // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 1. С. 106–116.

Комиссаров Б. Н. Значение личностного фактора в контексте диалога Россия—Бразилия в первой трети XIX века и его современная интерпретация // Россия — Бразилия: транскультурные диалоги. М., 2012. С. 307–367.

Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.: научное описание / Подгот. Б. Н. Комиссаровым, Д. Е. Бертельсом и Т. И. Лысенко. Л., 1973 (Труды Архива Академии наук СССР; Вып. 25).

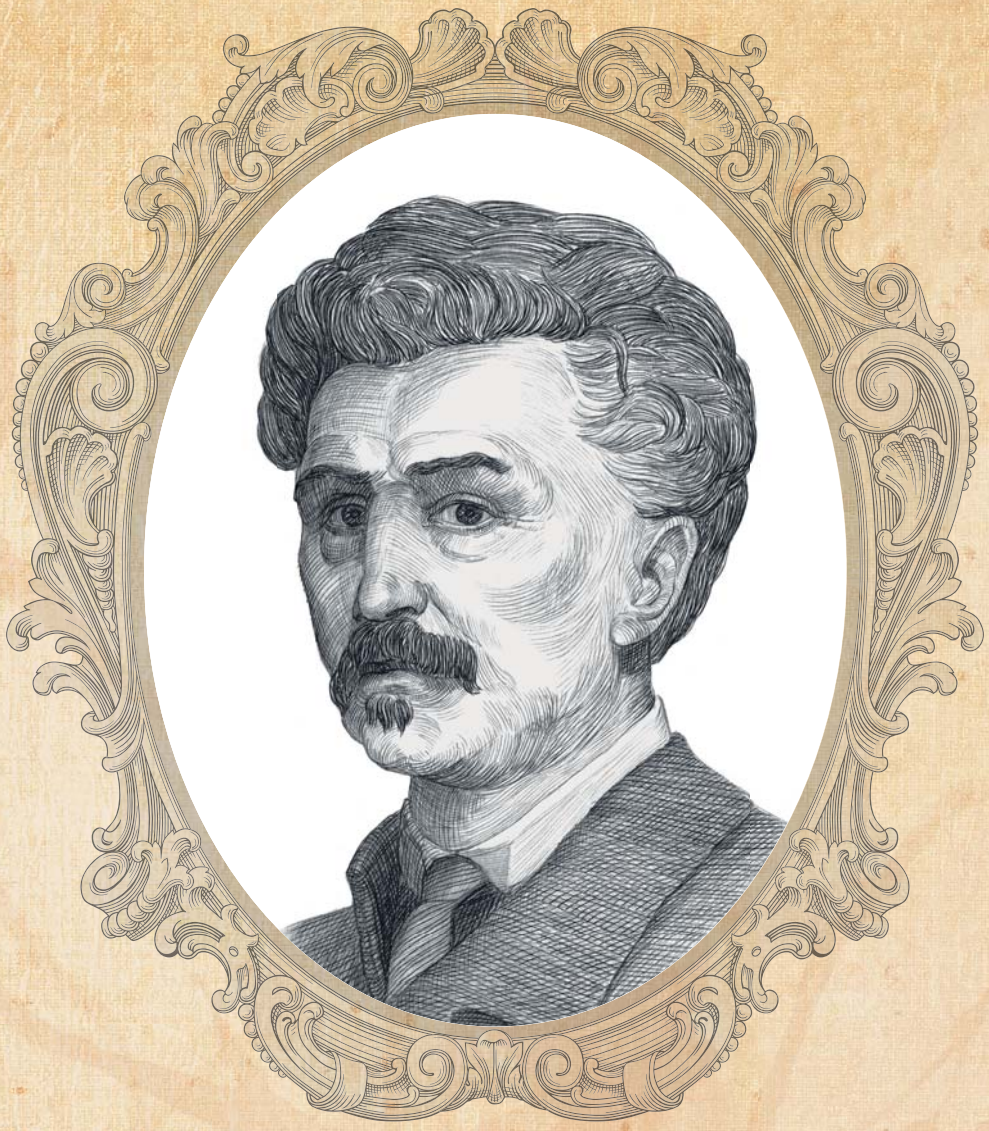
Калесник С. В., Лавренко Е. М., Белов М. И., Комиссаров Б. Н. Выдающийся деятель отечественной науки академик Г. И. Лангсдорф // Вестник Академии наук СССР. 1975. № 11. С. 129–138.

ГЛАВА III

П. А. Чихачёв: путешествие по Мексике и Южной Америке в 1835–1836 гг.

Платон Александрович Чихачёв

10(22) июня 1812 — 13 (25) мая 1892

Один из основателей Русского географического общества,
почётный член Санкт-Петербургского минералогического общества.

18 марта 1836 г.[1] российский поверенный в делах в Бразилии А. П. Мальтиц[2] сообщил министру иностранных дел К. В. Нессельроде[3], что в Рио-де-Жанейро из Буэнос-Айреса прибыл Платон Чихачёв, который «посетил бывшие испанские колонии Северной и Южной Америки, и его наблюдения и суждения о них кажутся очень верными. Он посвятил более года этому интересному, но тяжёлому и опасному путешествию. После некоторого отдыха, необходимого для его пошатнувшегося здоровья, он собирается отправиться в Европу». В следующем донесении в Петербург Мальтиц снова писал об этом путешественнике: «Чихачёв находится ещё в Рио-де-Жанейро и, будучи из тех, кто умеет выразить свои впечатления, много рассказывает мне о положении в бывших испанских колониях и об их будущем, как он себе его представляет. Я высоко ценю его наблюдательность и основательность суждений. На основании сведений, полученных в беседах с ним, я составил обзор, причём во многом сохранил стиль и образ мыслей Чихачёва, который делал записи этих бесед и отдавал их мне»[4].

Что же привело в Америку отставного русского офицера? Ответ весьма интересен: во время войны с Турцией «на зимних квартирах» Чихачёв прочитал книгу А. фон Гумбольдта[5] «Путешествие в равноденственные области Нового Света». Рассказ о далёких странах увлёк его настолько, что он решил оставить военную службу и отправиться по следам Гумбольдта.

Прибыв в Америку из Палермо, Чихачёв сначала путешествовал по США и Канаде, а затем из Нью-Йорка отплыл в Веракрус[6]. После четырёх месяцев пребывания в мексиканской столице Чихачёв решил пересечь страну с востока на запад. В Мексике в это время шла гражданская война, и отряд из четырёх всадников, в составе которого он двигался к тихоокеанскому порту Акапулько[7], был захвачен в плен. Организовав побег, Чихачёв через полтора месяца добрался до Акапулько. Поскольку

Остров у побережья Перу.

Ж.-Б. Дебре. Индейские всадники. Литография. XIX в.

[1] Здесь и далее все даты по старому стилю.

[2] Аполлон Петрович Мальтиц (1795–1870) — тайный советник, доктор философии, писатель, российский поверенный в делах в Бразилии (1830–1836) и в Саксен-Веймаре (1841–1865).

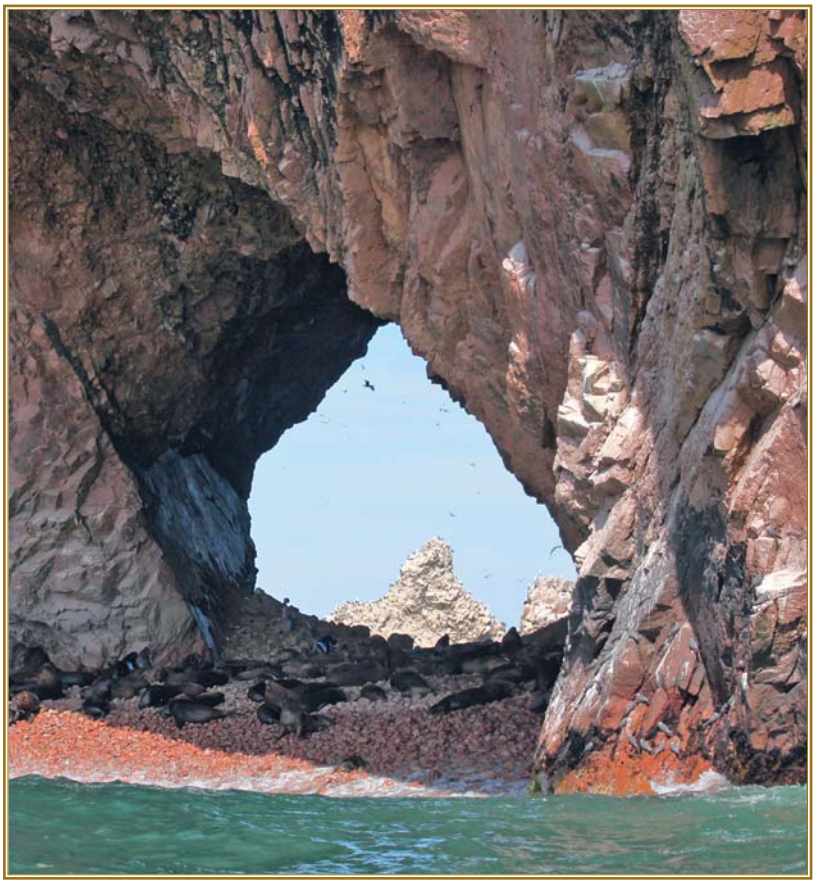
[3] Карл Васильевич Нессельроде (при рождении Карл Роберт фон Нессельроде) (1780–1862) — российский государственный деятель, министр иностранных дел (1816–1856), канцлер (с 1845).

[4] Сведения, сообщённые Чихачёвым, были крайне важны для Мальтица, который не имел возможности выезжать из Бразилии в соседние государства, в то время находившиеся с ней во враждебных отношениях.

[5] Александр фон Гумбольдт (1769–1859) — немецкий путешественник, естествоиспытатель, географ, ботаник, зоолог.

[6] Главный порт Мексики на побережье Мексиканского залива, население 552 тыс. человек (2010).

[7] Порт на тихоокеанском побережье Мексики, город с населением 673 тыс. человек (2010).

➲ *Скала у берегов Перу.*

ку он стремился попасть в Гуаякиль[1], то, не имея другой оказии, вступил на борт каперского судна, хозяин которого не только потребовал с путешественника непомерную плату, но и не раз грозился выбросить своего пассажира за борт на съедение акулам.

Из Гуаякиля Чихачёв ездил в Кито[2], но намерение отправиться оттуда через Колумбию к одному из портов Венесуэлы было им оставлено из-за крайне неспокойной политической обстановки в регионе. В эквадорских Андах Чихачёв совершил восхождение на вулкан Пичинча[3]. Вернувшись в Гуаякиль, он на английской шхуне добрался до Кальяо[4] и вновь было замыслил перевалить Анды, избрав направление через Лиму и Куско, однако опять вынужден был отказаться от своих планов. В январе 1836 г. из Кальяо на борту английского корвета[5] он доплыл до Вальпараисо[6], откуда отправился в Сантьяго, став первым русским, побывавшим в чилийской столице. Этот отрезок пути не был трудным, а открывавшиеся виды произвели на путешественника большое впечатление:

«Расстояние между Вальпараисо и Сантьяго де Чили невелико, около ста верст. Смотря на высокие Анды, которых вечно белые главы как бы склоняются над солёными блюдами океана,

[1] В настоящее время — крупнейший город Эквадора, население 2,6 млн человек (2009).

[2] Столица Эквадора, население 1,6 млн человек (2010).

[3] Действующий вулкан вблизи города Кито, высота 4784 м.

[4] С колониального периода до нашего времени — крупнейший порт в Перу, население 888 тыс. человек (2007).

[5] В автобиографии, написанной в 1890 г., Чихачёв назвал это судно французским корветом «Ariane», однако в тексте его путевых заметок, опубликованных в 1844 г., говорится о плавании на английском корвете.

[6] Город в Чили, крупный порт; население 292 тыс. человек (2012).

можно подумать, что расстояние ещё короче... Сантьяго де Чили представляется в истинно величавом виде, он прислонился к гранитным и известковым стенам Андов, увенчанных великолепным вулканом Аконкагуа, и окружён со всех сторон роскошными садами».

Несмотря на соблазн остаться в гостеприимном Сантьяго, где его особенно пленили местные женщины, в каждом движении которых угадывалась «нега креольской природы», Чихачёв решил осуществить новую попытку преодолеть Анды и достичь по суше аргентинской столицы. Впоследствии он писал:

«Я был тогда молод; поэзия жизни была ещё мне доступна, душа жадно порывалась ко всем новым ощущениям. Я жаждал не только знания, жаждал видеть и чувствовать то, чего ещё не видел и не чувствовал; неизвестное имело для меня прелесть неизъяснимую, а препятствия — лишь раздражали моё любопытство. Торжество ума и воли человеческой над грозными, нежданными опасностями, борьба трудная, ежечасная — всё это ещё улыбалось моему юному воображению. И я... через Кордильеры и пампы направил путь свой к устью Рио-де-ла-Платы».

Выехав из Сантьяго верхом в сопровождении проводника, Чихачёв перевалил через Анды и, посетив города Мендоса[1] и Сан-Луис[2] «после больших усилий и лишений в Андах и Пампах», за месяц добрался до Буэнос-Айреса[3]. В пути ему очень пригодилась кавалерийская выучка:

«В тогдашнее время передвижение производилось исключительно на вполне необъезженных лошадях, выхватывающихся Гау-

Аргентинские всадники, развозящие молоко. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

[1] Город в Аргентине, центр одноимённой провинции; население 115 тыс. человек (2010).

[2] Город в Аргентине, центр одноимённой провинции; население 163 тыс. человек (2010).

[3] Столица Аргентины, население 2,9 млн человек, в агломерации — 13,2 млн (2010). Во время путешествия Чихачёва население Буэнос-Айреса составляло около 40 тыс. человек.

Агава. Рисунок из атласа растений. XIX в.

чами (Gauchos) из табунов посредством аркана (lasso); другого аллюра, кроме быстрого галопа и шага, не существовало. Пища ограничивалась бараниной и мате (род чая), а ночевали в степи на открытом воздухе».

В Буэнос-Айресе Чихачёв стал свидетелем прихода британского фрегата, шедшего в Индию, откуда англичане намеревались предпринять своё первое вторжение в Афганистан. Это событие, по его словам, «возбудило в нём желание проникнуть в Среднюю Азию с севера». Так родился план следующей экспедиции Чихачёва. Проведя около десяти дней в Буэнос-Айресе, Чихачёв в марте 1836 г. добрался морем до Рио-де-Жанейро, откуда в апреле отплыл в Европу.

О том, каким было путешествие Чихачёва по странам Латинской Америки, дают подробное представление его путевые заметки, опубликованные под заголовком «Поездка через Буэнос-Айресские пампы» в 1844 г. в журнале «Отечественные записки». В этом очерке он пишет не только о пересечении Аргентины, но и о других эпизодах своего путешествия. К сожалению, подробную публикацию о путешествии по Новому Свету Чихачёву составить не удалось, поскольку на обратном пути в Россию в Париже у него украли все дневники. Как он сокрушался впоследствии:

«Такая потеря, для меня невознаградимая, лишила меня почти всех числовых элементов моих наблюдений. От множества записанных фактов и цифр остались у меня только отрывки».

Тем не менее текст очерка Чихачёва чрезвычайно интересен и живописен. В нём нашли отражение геологическое строение, ландшафты, климат, флора и фауна разных местностей региона. Великолепно

Прибрежная пустыня в Перу.

описаны быт и нравы пастухов-гаучо, предстаёт облик чилийских и аргентинских городов. Приведены яркие сцены из жизни обитателей аргентинской пампы: охота на страусов, выездка диких скакунов, укрощение быков, петушиные бои, азартные игры, зажигательные танцы под звон гитары. Картина преисподней является ему, когда Чихачев описывает «саладерос» — варварские в своей примитивности предприятия, где забивали тысячи голов скота и засаливали мясо. Вообще явления первозданного варварства, разительного преобладания плоти над духом, безнадёжного отставания от центров мировой цивилизации не могли оставить путешественника равнодушным. Он с отвращением писал также о жестокостях испанского колониального режима, выкачивавшего из своих американских владений огромные богатства, обрекая одних на праздное, бездельное существование, а других на мученическое прозябание и гибель.

Смешанные чувства владели Чихачёвым, когда он заканчивал текст своей «Поездки...». С одной стороны, это были разочарование и глубокая озабоченность ситуацией, сложившейся в бывшей испанской Америке, с другой — вера в то, что освободившиеся от пут деспотизма страны найдут свой путь к цивилизации и политической стабильности в том виде, как это тогда понимал путешественник. Вот что он писал в заключение:

«Появление Наполеона в Мадриде в 1808 г. было последним ударом, ниспавшим на испанскую державу в Новом Свете. Первая отделилась Мексика. Другие владения скоро последовали её примеру, и в несколько лет революция постепенно охватила весь материк Южной Америки. И доныне ещё продолжается эта же революция, повергнувшая эти прекрасные страны в состояние полного безначалия; а между тем от крутого перехода из коло-

Всадник, бросающий болас. Гравюра. XIX в.

Вид на селение индейцев тононаков в Мексике. Рисунок. XIX в.

Ж.-Б. Дебре. Кавалерист. Литография. XIX в.

ниального управления к республиканскому все общественные и нравственные связи так расторглись, что трудно предвидеть, чем окончится такое невероятное состояние дел. Одна надежда — на Провидение; оно, сохранившее в народах Нового Света силу и свежесть, оно, так богато одарившее эти роскошные страны, — неужели оно допустит их погибнуть в междоусобиях, прежде чем успеют они занять своё место на поприще образованного мира? Может быть, оно нарочно ведёт их длинным путём страданий, как очистительные жертвы, — для того, чтоб, вразумленные опытом, они смогли предстать перед очами человечества в могучем составе крепко сложенных монархий...»

Чрезвычайно интересны и сведения о странах Латинской Америки, которые со слов Чихачёва записал и отправил в виде донесения в Петербург российский поверенный в делах Мальтиц. Об участии Чихачёва в подготовке этого донесения свидетельствует явное стилистическое сходство перевода с французского текста, отправленного в Петербург, и публикации Чихачёва в «Отечественных записках».[1] Очень много в этом уникальном источнике сведений по истории молодых государств Латинской Америки посвящено коллизиям их бурной политической жизни. Здесь же мы приведём в основном те фрагменты, в которых путешественник говорит об их политической и экономической географии:

[1] Этот анализ был проведён автором данного раздела книги.

«После изгнания испанцев добыча ископаемых в рудниках (Мексики. — Б.К.), о которых имеются недостаточные сведения, сократилась на две трети... работы не производятся из-за постоянных набегов индейцев с севера. <...> Внутренняя торговля прозябает, а внешняя полностью находится в руках иностран-

Прибрежный оазис в Перу.

Город Агуаскальентес. Мексика. Литография. XIX в.

цев. Политические взгляды Санта-Анны[1], которые здесь считают отвечающими лишь его личным интересам, побуждают последнего придерживаться партии плебеев и священников, тогда как мыслящие и обеспеченные классы ему враждебны. В стране бурных, необузданных страстей современное положение республики не может являться гарантией устойчивости. Здесь за деньги покупаются голоса, раздаются должности, но рано или поздно деньги иссякнут, поскольку они добываются из незаконных источников (хищений и взяточничества)».

Гватемала[2] представляется путешественнику более спокойной:

«В настоящее время в ней больше спокойствия, чем в Мексике, но и она далека от порядка. Деморализация, привитая жителям в ходе сильных и повторявшихся потрясений, заставила их забыть о выгодах, которые они могли бы иметь, кроме экспорта индиго, ванили и леса, если бы построили канал, соединяющий оба океана через озеро Никарагуа. Местность это позволяет, а в географическом отношении это наиболее подходящее место для подобного предприятия на всем континенте экваториальной Америки... В настоящее время в стране довольно мирно, и она понемногу оправляется, однако есть основания опасаться, что это лишь отдых вулкана».

О другой эфемерной федерации — Великой Колумбии[3] Чихачёв рассказывает:

«От Колумбии осталось только название. Теперь она разделена на три республики [:] Эквадор, Новая Гранада и Венесуэла со столицами Кито, Санта Фе де Богота и Каракас. В каждой стране свой законодательный и представительный органы, об-

Гражданская война в Аргентине. Рисунок XIX в.

[1] Антонио де Падуа Мария Северино Лопес де Санта-Анна-и-Перес де Леброн (1794–1876) — мексиканский генерал; в общей сложности 11 раз на протяжении 22 лет занимал пост президента Мексики.

[2] Гватемалой в обзоре Чихачёва названо образовавшееся в 1823 г. на месте испанского генерал-капитанства Гватемала федеративное государство Соединённые провинции Центральной Америки, просуществовавшее до 1840 г.

[3] Существовала с 1819 по 1830 г., включала территории Колумбии, Венесуэлы и Эквадора.

Гаучо. Гравюра XIX в.

щее у них лишь происхождение. Их конституция, как и у всех испано-американских республик, списана более или менее верно с конституции Североамериканских Соединённых Штатов. Цивилизация коснулась лишь морских побережий, внутренние области — ещё в сумерках. Индейцы, хотя и имеющие индивидуальную свободу, находятся в состоянии ещё большей деградации, чем в Мексике, и нужно пожить в Андах, чтобы понять всю их нищету».

Сказано и о новых государствах, на которые распалась Великая Колумбия. Об Эквадоре:

«Страна только что вышла из ужасной революции и едва начала оправляться. Вся её внешняя торговля ограничена портом Гуаякиль, откуда регулярно вывозятся какао и лес».

О Новой Гранаде[1]:

«Сейчас страной правит генерал Сантандер[2], один из лейтенантов Боливара, правит железной рукой, и может быть этим объясняется нынешнее спокойствие в стране; вновь налажены торговля и промышленность, и страна находится в сравнительно цветущем состоянии, но непопулярность президента является прочной гарантией того, что его не выберут вновь, и верным симптомом новых беспорядков. Продукция из внутренних районов довольно легко находит рынки сбыта и выгодно продается в портах Карибского моря. И если новый проект соединения двух океанов через Панаму будет осуществлен, то Новая Гранада сможет стать одной из самых счастливых стран Америки».

Венесуэла, по мнению Чихачёва, «продвинулась дальше всех по пути прогресса»:

«Её географическое положение, удачное расположение портов, близость Антильских островов, полные воды судоходной реки Ориноко, религиозная терпимость способствуют её заметному возвышению над другими странами».

Перу Чихачёв застал «в состоянии кризиса и нищеты, которые трудно описать»:

«Одиннадцать месяцев революции, которой предшествовал ряд других, сделали эту столь богатую ранее страну сценой скорби. Поместья разорены, рудники заброшены или разрушены, дороги,

[1] Название современной Колумбии после распада Великой Колумбии, с 1831 по 1856 г.

[2] Франсиско Хосе де Паула Сантандер и Оманья (1792–1840) — генерал, борец за независимость испанских колоний в Латинской Америке, вице-президент Великой Колумбии (1819–1827), президент Республики Новая Гранада (1832–1837).

ведущие к столице, кишат разбойниками и вооруженными отрядами, селения разграблены, вся страна находится в состоянии хаоса. Более года она не имеет правительства ни фактического, ни юридического».

Примером относительно спокойного выхода из повстанческой эпопеи Чихачёв видит Чили, где:

«Народ... сумел подчинить страсти своим интересам, подавить якобинство и распущенность, поэтому, несмотря на опустошения, нанесённые войной испанцев с Сан-Мартином[1], эта страна из всех американских республик находится в лучшем состоянии; сельское хозяйство, промышленность, торговля — всё там процветает.

...Если Чили и впредь будет иметь такую мудрую власть... нет сомнения, что её ждёт быстрый прогресс. Законы там мудры, умеренны, терпимость рациональна, начинают устанавливаться сила морали и стабильные мнения. Это заставляет верить, что Чили извлечёт уроки из жестокого опыта своих собратьев. Страна широко экспортирует пшеницу и медь».

Со спокойной жизнью в Чили контрастирует положение в Аргентине, где «к внутренним неурядицам добавляются ещё набеги патагонских индейцев»:

«Поскольку вся страна разделена на две ожесточённо противостоящие друг другу партии (одна, ратующая за её единство, другая — за федеральную структуру), спокойствие в ней не кажется надёжным. Ныне федералистская партия находится в силе; её поддерживают низшие классы аргентинского народа, которые, желая федерации, не понимают, что это такое. Если эта партия будет продолжать существовать, страна окажется расчленённой. К партии унитариев принадлежит наиболее достойная часть населения, и, пожалуй, она всё же возьмёт верх, потому что является более устойчивой в моральном отношении».

Солдаты с восточного берега Ла-Платы. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

[1] Хосе де Сан-Мартин (1778–1850) — один из руководителей Войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

Птичий базар на острове у побережья Перу.

Охота на страусов. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

Болас или болеадорас — охотничье метательное оружие из ремней, к концам которых привязаны круглые камни или костяные грузы.

Страус нанду. Гравюра по рисунку А. Иванса. 1900 г.

О Парагвае Чихачёв пишет так:

«Невозможно дать точные сведения об этой стране, так как нет источников информации, всё основано лишь на слухах.

...Говорят, что мануфактуры там усовершенствовались, но поскольку пошлины на основные статьи экспорта непомерно велики, торговля хиреет».

Последней страной, ставшей предметом бесед Чихачёва и Мальтица, был Уругвай, возникший как независимое государство в 1828 г. в результате аргентино-бразильской войны 1825–1828 гг.

«Уругвай имеет такие же земли и производит ту же продукцию, что и Аргентина, с той лишь разницей, что там больше порядка и спокойствия. Его счастливое развитие заставляет устыдиться его соседей. Столица Монтевидео является также единственным важным портом... Торговля кожами здесь теперь очень развита, тогда как раньше они шли только из Аргентины».

Выводы, содержащиеся в донесении, очевидно, были Чихачёвым и Мальтицом сделаны сообща. Прежде всего они касаются критики испанского колониального порядка.

«Испанская администрация обвиняется в том, что с начала завоевания она оскорбляла и подавляла достоинство аборигенов. Жадность и наглость завоевателей, опирающиеся на самый жёстокий фанатизм, крайняя робость, свойственная натуре американских индейцев, жёсткое деление по цвету кожи и кастам, которое создала сама природа, огромные богатства полезных ископаемых, монополия испанской торговли, невозможность апеллировать к справедливости слишком далёкого короля — всё

Вид на город Сакатекас. Мексика. Рисунок XIX в.

это много способствовало вырождению американских народов ещё во время испанского господства».

Говорится в донесении и о взрыве внутреннего недовольства в испанской Америке, примере США, политических коллизиях в самой метрополии, освободительной роли Боливара[1]. Однако это было только начало:

«После изгнания общего врага разгорелись вульгарные страсти партийных вождей, и с этого времени эти страны оказались во власти их распрей и были ввергнуты в междоусобные войны. Народы, неподготовленные к избавлению от иностранного господства, попали в сети вседозволенности и забыли в тот момент опьянения свободой, что они могут стать жертвами тирании хищных, честолюбивых белых людей, оставшихся после ухода испанских властей. Установилась система всеобщей коррупции, индейцы, привыкшие к испанскому ярму, подчинились ей, поскольку даже при сугубо тиранических акциях произносилось слово свобода... Состояние самого общества болезненно, люди, принадлежащие к разным партиям, боятся встречаться друг с другом; общественное благо — лишь повод, реальная цель — личное богатство... Вот почему в Америке очень нелегко уничтожить элементы дезорганизации».

Всадники-ранчеро. Мексика. Рисунок XIX в.

Выход из создавшегося положения путешественник и дипломат видят в «массовой иммиграции иностранцев, безопасность которых в их новом отечестве гарантировалась бы специальными постановлениями», однако сами они признают, что «в настоящее время такие гарантии осуществить невозможно, поскольку все находятся в состоянии брожения или отупения». Политический прогноз, сделанный в донесении, к сожалению, неутешителен:

«Таково, к несчастью, реальное положение в испанской Америке, и, хотя природа наделила этот край всеми дарами, необходимыми для счастья, видимо, лишь новые катастрофы, новые кровопролития, которые доведут до крайности моральное и экономическое истощение этих стран, дадут в результате нужное лекарство».

Наш очерк о П. А. Чихачёве, который первым из наших соотечественников пересёк от океана до океана Мексику, а затем и Южную Америку, побывал почти во всех государствах, образовавшихся на месте испаноамериканских колоний, завершим цитатой из его путевых заметок. В этих словах пример свойственных настоящему географу гуманистического восприятия мира и уважения к народам далеких стран:

[1] Симон Боливар, полное имя Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон и Понте Паласиос и Бланко (1783–1830) — генерал, наиболее влиятельный и известный из руководителей войны за независимость испанских колоний, получивший титул «Освободитель Америки».

Ирис. Рисунок из атласа растений. XIX в.

«Испанцы всюду неумолимою рукою старались утвердить свои понятия, свои учреждения, свои нравы, без малейшего внимания к местным понятиям, к местным нравам, к местным потребностям».

«Индейцы со своими патриархальными нравами вовсе не понимали сложной машины европейских администраций. Администрация испанская, одна из самых испорченных, вдруг явилась среди них, как огненный бич. Под лицемерною наружностью чисто отеческой заботливости об участии туземцев толпа искателей приключений спешила менять своё ничтожество в Европе на богатство и чиновную важность, ожидавшие их в Америке».

Платон Александрович Чихачёв

10(22) июня 1812 — 13 (25) мая 1892

Один из членов-учредителей Русского географического общества, почётный член Санкт-Петербургского минералогического общества.

Платон Чихачёв родился в семье действительного статского советника, отставного полковника лейб-гвардии Преображенского полка, директора Гатчинского дворца. Он — младший брат другого известного путешественника — Петра Александровича Чихачёва (1808–1890). После отставки отца Платон жил в Царском Селе, там вместе с братом его воспитывали дома преподаватели Царскосельского лицея при деятельном участии матери Анны Фёдоровны (в девичестве Бестужевой-Рюминой), двоюродной сестры декабриста Бестужева.

В 1828 г. Платон Чихачаёв поступил юнкером на военную службу в Санкт-Петербургский уланский полк, участвовал в войнах против Турции; за сражение под Кулевчой в 1829 г. был произведён в офицеры. После заключения мира он был оставлен с войсками охранять чумной лазарет близ Андрианополя. На обратном пути в Россию Чихачёв заболел и был помещён в Севастополе в чумной карантин. В 1831 г. за отличие его перевели в Кавалергардский полк, с ним Чихачёв участвовал в польской кампании. В 1833 г. он вышел в отставку в чине ротмистра и, поскольку, по его собственному свидетельству, «столичная жизнь гвардейского офицера не подобала его темпераменту», вскоре отправился путешествовать.

В 1835–1837 гг. Платон Чихачёв совершил путешествие от Канады до Огненной Земли, посетив многие страны Северной и Южной Америки. На обратном пути в Россию он встретился с А. фон Гумбольдтом и обсудил с ним свой план путешествия по Средней Азии. В 1838 г. Гум-

больдт сообщил об этом плане Николаю I во время визита императора в Берлин. Но, несмотря на монаршее одобрение плана, осуществить его не удалось, как считал сам Чихачёв, из-за неблагожелательного отношения к исследованиям в Азии со стороны слывшего англофилом министра иностранных дел К. В. Нессельроде.

В 1839 г. П. А. Чихачёв примкнул к военному отряду В. А. Перовского для участия в Хивинском походе с целью исследования Памира. Оттуда он намеревался отправиться через Тибет в Индию, но вынужден был вернуться, дойдя только до плато Устюрт.

Вернувшись из похода, Чихачёв уехал в Европу и Алжир «для поправления здоровья». Несколько лет он жил в Европе, где слушал лекции по географии К. Риттера и других профессоров, был удостоен серебряной медали Тулузской академии (Франция) за произведённые им во время путешествия в Пиренеях измерения высот методом барометрического нивелирования.

П. А. Чихачёв не оставлял замыслов исследовать Среднюю Азию и Афганистан, считая необходимым противостоять их включению в сферу британского влияния. Вернувшись в Россию, он занимался «прикладной астрономией» под руководством В. Я. и О. В. Струве в Пулковской обсерватории, готовясь к новым экспедициям.

Во время Крымской войны П. А. Чихачёв защищал Севастополь, где состоял при главнокомандующем русскими силами М. Д. Горчакове.

В 1856 г. он женился, после чего по семейным обстоятельствам, а также из-за расстройства здоровья жил в основном за границей.

Основные печатные труды: «О пароходстве и озёрах Соединённых Штатов» (1839); «О восхождении на пик Нету в Пиренеях» (1842); «Поездка через Буэнос-Айресские пампы» (1844); «Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир» (1849); «Байдарская ночь, или Прогулка с пластунами» (1856); «Калифорния и Уссурийский край» (1890); «Железная дорога Тихоокеанская в Канаде» (1891).

Литература

Комиссаров Б. Н. Поездка через Буэнос-Айресские пампы (1835–1836): о записке российского поверенного в делах в Бразилии А. П. Мальтица и путешественника Пл. А. Чихачёва // Латинская Америка. 2012. № 7. С. 39–57.

Ульянова О. Посланники царя на южных берегах // Ульянова О., Нормабуэна К. Русские в Чили. Santiago: Ariadna Ediciones, 2009. С. 50–80.

Чихачёв П. Поездка через Буэнос-Айресские пампы // Отечественные записки. 1844. Т. XXXIV. Раздел II. Науки и художества. С. 1–72.

ГЛАВА IV

Ф. П. Врангель: путешествие по Мексике в 1835–1836 гг.

Фердинанд (Фёдор) Петрович Врангель

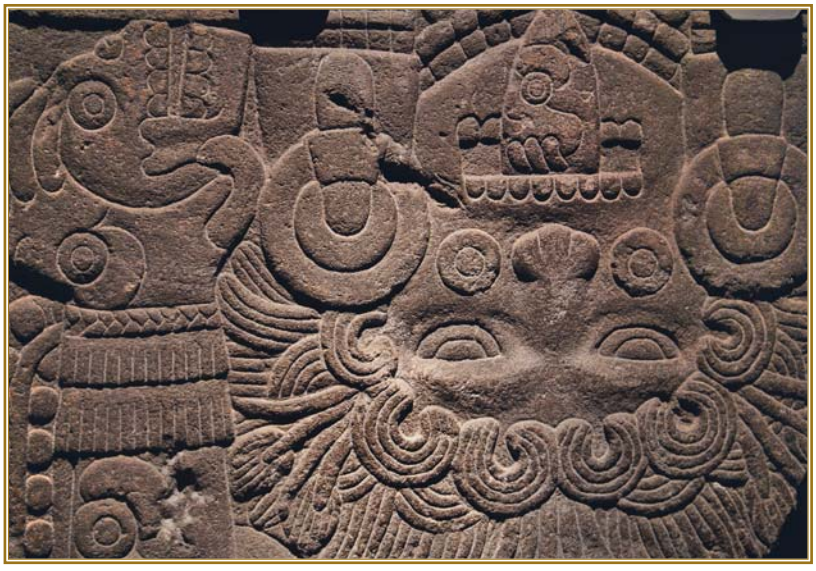
29 декабря 1796 (9 января 1797) — 25 мая (6 июня) 1870

Морской офицер, адмирал, полярный исследователь, государственный деятель. Почётный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук, член Парижской академии наук. Один из основателей Русского географического общества.

Фердинанд Петрович Врангель в Латинской Америке бывал трижды. Во время кругосветного плавания под началом В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» в 1817–1818 гг. он посетил Бразилию, Перу и Калифорнию, в то время ещё находившуюся под властью Испании. В 1825–1826 гг., во время своего второго кругосветного плавания на транспорте «Кроткий» Врангель вновь посетил Рио-де-Жанейро и заходил в чилийский порт Вальпараисо. В третий раз он оказался в Латинской Америке в ноябре 1835 — апреле 1836 г., когда, оставив пост правителя русских колоний в Северной Америке, на обратном пути в Санкт-Петербург прибыл в Мексику с целью установить отношения с правительством Мексиканской республики и провести с ним переговоры о торговле с Российско-американской компанией.

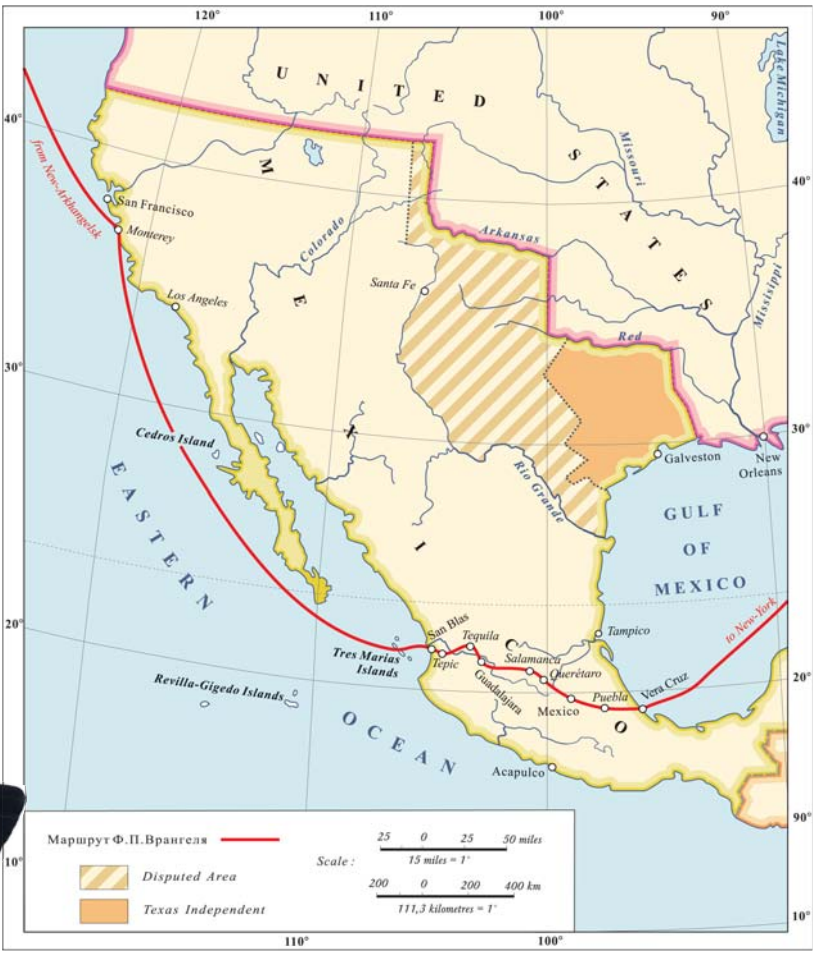
Вскоре после возвращения из Мексики Ф. П. Врангель опубликовал в нескольких номерах газеты «Северная пчела» путевые очерки, и в том же 1836 г. была издана составленная из них книга «Очерк пути из Ситхи в Санкт-Петербург». В советское время в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту среди материалов семейного фонда Врангелей Л. А. Шур обнаружил записи, положенные в основу этой книги. Благодаря труду Л. А. Шура мы имеем возможность подробно ознакомиться с путешествием Ф. П. Врангеля по Мексике[1].

Как показали материалы эстонского архива, Ф. П. Врангель тщательно готовился к поездке в Мексику. Он изучил опубликованные к тому времени книги путешественников, побывавших в этой стране; будучи правителем русских колоний в Америке, вёл переписку с представителями мексиканских властей и торговцами, проживавшими в Калифорнии. Вероятно, Врангель знал испанский язык: среди архивных

Барельеф на ацтекской пирамиде.

[1] Л. А. Шур выполнил расшифровку и обработку рукописи, составленной на основе дневниковых записей, применительно к современной орфографии. Были переведены на русский язык фрагменты, написанные Врангелем по-немецки, а также сопутствующие письма на французском и испанском языках. Выдержки из дневника Ф. П. Врангеля приведены по источнику: Шур Л. А. К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М.: Наука, 1971. В квадратных скобках даны примечания редактора.

➲ *Карта маршрута Ф.П. Врангеля.*

☊ *Препона пренеста (Prepona praeneste Hewitson).*

материалов сохранились черновики писем на испанском, написанные его рукой, и вырезки из мексиканских газет. Возможно, идея возвращения в Санкт-Петербург через Мексику была подсказана ему исследователем Аляски К. Т. Хлебниковым, который провёл в Русской Америке около 15 лет и бывал в Калифорнии. Важную роль в принятии решения сыграло и полученное Врангелем в 1833 г. письмо губернатора Калифорнии, в котором от имени правительства Мексиканской республики ему предлагалось выступить посредником в установлении отношений между Россией и Мексикой. Возможность воспользоваться этим приглашением появилась только двумя годами позже, когда на смену Врангелю из Петербурга на Аляску прибыл новый правитель, его товарищ по морскому корпусу И. А. Куприянов. На задержку повлияли и трудности «дипломатического характера». Врангель пишет в дневнике:

«Правительство Мексиканской республики издало закон, по которому посещать страну и путешествовать по ней разрешается только тем иностранцам, которые имеют паспорт, подписанный мексиканским агентом; поскольку такового я по-

лучить не мог, то законным путем мне не мог быть разрешен проезд через Мексику. Кроме того, подозрительное отношение мексиканцев к иностранцам и недоверие мексиканского правительства к России слишком велики, и это обстоятельство воздвигло на моем пути большие трудности».

24 ноября 1835 г.[1] Ф. П. Врангель, его жена и сын покинули Ново-Архангельск[2] на шлюпе «Ситха». 11 декабря судно достигло широты Форт-Росса[3], но высадиться на берег из-за неблагоприятного ветра и сильной зыби не удалось. В ночь с 17 на 18 декабря «Ситха» стала на якорь на рейде мексиканского порта Монтерей[4]. Неожиданно выяснилось, что приглашавший Врангеля в Мексику губернатор Верхней Калифорнии Х. Фигероа к этому времени уже скончался, это обстоятельство привело к непредвиденным затруднениям.

За время короткой стоянки Ф. П. Врангель осмотрел город и совершил с семьёй поездку в католическую миссию Сан-Карлос, где он уже бывал в 1818 г. Несмотря на непродолжительное пребывание в Монтерее, Ф. П. Врангель оставил в своём дневнике подробные записи об этом городе и его окрестностях. В них он характеризует хозяйство, быт населения, состав местного военного гарнизона:

«Монтерей преобразился после 1818 г. ... Открытие портов Калифорнии всем нациям для торговли и позволение иностранцам селиться в сей области привлекли сюда многих людей, деловых и авантюристов, наиболее англичан и граждан Северных Соединённых Штатов, которые с привычной затейливостью построили здесь премного довольно порядочных домов, завели лавки и оживили Монтерей. Строения разбросаны на обширном

Мексиканцы. Рисунок XIX в.

[1] Здесь и далее даты приводятся в соответствии с дневниковыми записями Ф. П. Врангеля «по ситхинскому исчислению», то есть по старому стилю.

[2] Поселение, основанное русскими на острове Баранова Александровского архипелага в 1799 г. (первоначальное название — Форт Архангела Михаила). Административный центр русских колоний в Северной Америке. С 1867 г. — Ситка. Ныне город в США (штат Аляска) с населением около 9 тыс. человек.

[3] Бывшее русское поселение и крепость на побережье Калифорнии (США), в 80 км к северу от Сан-Франциско, основанное для промысла и торговли пушниной в 1812 г. В 1841 г. продано местному землевладельцу Дж. Саттеру. В настоящее время исторический парк штата Калифорния.

[4] Порт на берегу одноимённой бухты. В 1777–1846 гг. административный центр Верхней Калифорнии (под управлением Испании, затем в составе Мексики); в те времена был единственным калифорнийским портом, открытым для внешней торговли. Ныне город с населением около 28 тыс. человек в штате Калифорния (США).

Мексиканские угольщики. Рисунок XIX в.

пространстве без порядка или симметрии, и город, не имея ещё улиц, может похвалиться большим числом площадей; остовы битого скота валяются всюду, а бычьим головам с рогами и счёту нет».

21 декабря «Ситха» вновь вышла в море, 29 декабря пересекла Северный тропик, обогнула полуостров Калифорния и, пройдя в виду архипелага Лас-Трес-Мариас, 1 января 1836 г. стала на якорь на рейде порта Сан-Блас[1].

В Монтерее на борт «Ситхи» поднялся лейтенант мексиканского военно-морского флота Дж. Лейтон, который несколькими годами ранее прибыл в Калифорнию с целью исследования долины реки Сакраменто и устройства в бухте Сан-Франциско корабельной верфи. Рассказы лейтенанта послужили источником для размышлений Ф. П. Врангеля о проблемах развития этого богатого края, осложнённых превратностями бурной политической истории Мексики в первые годы её независимости[2].

«Плодородие земли и здоровый климат Верхней Калифорнии столь известны, что обратились почти в пословицу. Прекрасная сия земля ожидает возделывателей; на обширн[ых] равнин[ах] произрастают тучные травы для одичалого рогатого и конного скота, без счёта рассеянного по всей стране; дубовые и хвойные леса не приносят жителям иной пользы, как снабжать их дровами в короткие умеренные зимы; реки не служат ещё путями сообщений[,] и самое море не уделяет свои богатства беззаботным жителям сей страны: её источники промышленности неистощимы, но остаются по сю пору без внимания.

...Сведущие и трудолюбивые колонисты из Европы принесли бы величайшую пользу стране и, наверно, приобретали бы сами для себя немалые выгоды.

➲ *Церковь Сан-Хуан-Баутиста. Койоакан, Мехико.*

[1] Ныне город с населением около 9 тыс. человек в штате Наярит (Мексика), порт и туристический центр.

[2] Ф. П. Врангель застал Мексику в период бурных потрясений. Независимость Мексика получила в 1821 г., но Испания пыталась вернуть её под своё управление и, хотя испанская интервенция в 1829 г. закончилась неудачно, окончательно признала независимость Мексики только в 1836 г. Нестабильной была и внутренняя политическая жизнь молодой республики; с 1824 по 1857 г. в Мексике сменилось несколько десятков президентов.

...Внутренность сей прекрасной земли осталась покуда terra incognita для калифорнийцев; знают по преданиям и рассказам индейцев, что за горами, на параллелях С[ан]-Франциско и Монтерей и ещё далее к югу, находятся весьма обширные озёра, берега коих населены множеством речных бобров; глубокая река de Sacramento, в С[ан]-Франциский залив впадающая, вероятно, выходит из сих озёр, называемых калифорнийцами Tulares».

В ожидании разрешения на проезд к столице Мексики Ф. П. Врангель провёл в Сан-Бласе шесть дней и пополнил дневник записями об этом городке и его обитателях. Со слов местного агента английского консула, Врангель упоминает в своём дневнике и о соотечественнике — недавно посетившем Мексику и путешествующем теперь по Южной Америке «каком-то гвардейском офицере Чихачёве, который путешествует в Америке, весьма весел, знает испанский язык и, особенно в Перу, всем полюбился дамам»[1]. Этот факт свидетельствует о том, что хотя побывавшие в то время в этих отдалённых землях наши соотечественники и были весьма немногочисленны, но так или иначе все они знали друг о друге. Так, во время своих кругосветных плаваний Врангель встречался в Рио-де-Жанейро с русским консулом Г. И. Лангсдорфом. С другим выдающимся российским географом — Ф. П. Литке, с которым он провёл два года в плавании на шлюпе «Камчатка», Врангель часто делился информацией о путешествиях в письмах.

7 декабря Врангель с семьёй в сопровождении проводника, двух работников и попутчика-француза отправился на лошадях в Тепик[2]. Прибыв туда через два дня, он остановился в доме местного торговца, английского консула Э. Баррона. Общение с гостеприимным хозяином и с другими жителями этого небольшого городка, особенно с двумя иностранцами — английским вице-консулом А. Форбсом и немецким купцом и натуралистом Ф. Деппом[3], позволило Врангелю не только составить его подробное описание, но и сделать выводы об особенностях политической жизни и государственного управления в Мексике. Зачастую эти выводы были нелицеприятными. Лестно отзывается Врангель, отвыкший за годы жизни на Аляске от городского комфорта, только о мощёных мостовых здешних улиц. Особенной критике он подверг, в том числе и за незнание географии, мексиканское правительство.

«Теперь конфедерация уничтожена: права, принадлежавшие штатам, — избирать губернаторов, гаеров политики — членов своих конгрессов, судей и иметь национальную милицию и проч. — отняты, и вместо штатов теперь разделяется Мексика на департаменты и образовывается центральное правление

Портал кафедрального собора в Мехико.

[1] О П. А. Чихачёве см. отдельную главу нашей книги.

[2] В те времена население города составляло менее 4 тыс. человек. Ныне Тепик — столица и крупнейший город мексиканского штата Наярит с населением около 300 тыс. человек.

[3] С первым из них Ф. П. Врангель переписывался ещё до поездки в Мексику, от второго получал письма с ценными сведениями о Калифорнии уже после возвращения в Россию.

всех департаментов в гор[оде] Мексике; но это ещё не кончено, и есть люди, которые предсказывают скорого переворота и новой революции.

...В 1826 г. прислало оно [правительство Мексики] сюда приказание: немедленно послать военное судно (единственное военное судно у здешних берегов корвет «Morellos» о 6 разнокалиберных пушках) к островам против Санта-Барбара (на западном берегу Калифорнии), чтобы прогнать русских, занявших сии острова (никогда русские и не подходили к сим островам, и русская нога на них не бывала), и защитить жемчужную ловлю против Guaymas. Довольно забавный образчик географических познаний управителей Мексики!»

14 декабря Врангель покинул Тепик и, вновь верхом, отправился дальше в глубь Мексики. Проехав Ахуакатлан и отметив богатство местных садов[1], он вскоре пересел в присланную местными властями карету и, минуя Текилу, приехал 20 декабря в Гвадалахару[2]. По пути Врангель, как и во время океанских походов, регулярно измерял температуру воздуха. В дневнике он дал характеристику местной кухне, подробно описывал растительность и рельеф, постоялые дворы, селения. Не остался незамеченным и уже тогда известный производством одноименного алкогольного напитка городок Текила[3].

Поле агавы. Агава служит сырьём для производства текилы.

«Здесь всегда варят и стряпают в глиняных горшках, разных форм и величин, они всегда чисты и, вопреки запылившихся стен, не вымытых и не вытертых скамеек, глиняного неметеного пола, отсутствия окон, но посуда и кушанья всегда чисто и опрятно. Эта странная противоположность с русскими избами.

...Теквиль окружён огромными плантациями tezcala, и мы встречали обозы с корнем сего растения, шедшие на винокуренные заводы, коих здесь и в ... [Пропуск в тексте] много».

В Гвадалахаре Ф. П. Врангель вынужден был надолго задержаться из-за болезни сына. Больше месяца прожил он в частном доме, не покидая пределов города. В своём дневнике он подробно описывает основные достопримечательности Гвадалахары: арсенал с мастерскими, кафедральный собор, театр, женский монастырь, тюрьму, монетный двор, сигарную фабрику, а также основные места для прогулок — пасео (аллею вдоль канала) и аламеду (сад), последнюю он ошибочно называет «алемада».

«Гвадалахара расположена не на совершенной равнине, и с некоторых пунктов можно видеть часть города с садами ниже и

[1] Название этого поселения указывает на обилие произраставших там деревьев авокадо; на языке науатль «ахуа» значит «авокадо», «тлан» — «место».

[2] Ныне второй по людности (свыше 1,5 млн человек) город Мексики, столица штата Халиско.

[3] Город в штате Халиско с населением 27 тыс. человек (2010).

Древний город Теотиуакан вблизи г. Мехико.

некоторую выше, что составляет картину довольно приятную. Улицы здесь вообще хорошо мощены.

...Гулянья по воскресеньям, с 5 часов вечера в каретах, верхом и пешком. Paseo — аллея высоких тенистых ив, вдоль канала с водою, а alemada — сад, со вкусом устроенный ещё со времен ишпанских. Патриотические революционеры разбили статуи, укра[ша]вшие прежде сад, и alemada теперь в запустении...

В великом множестве cactus национальный — холмы все покрыты им, и по дороге образовались целые аллеи из оного; вообще, долина, по направлению коей наш путь пролегал, хорошо обработана, особенно много сахарных плантаций, маис, magua, лук, где в одном поле эти вещи в смежности рассажены, представляют они оттенки от самой hellgruen (светло-зелёный (нем.)) маиса до blaugruen (синевато-зёленый (нем.)) magua и dunkelgruen (тёмно-зелёный (нем.)) лука, между ними протягиваются ряды банан с зеленью особенного оттенка...»

Агава. Рисунок из атласа растений. XIX в.

1 февраля Врангель наконец отправился на дилижансе в Мехико. Такой вид сообщения на этом маршруте был тогда в новинку. Маршрут открыли всего за несколько месяцев до этого момента; кареты и упряжки поставлялись из США, кучерами служили американцы, не говорившие по-испански. Дилижанс преодолевал 500 км между Гвадалахарой и Мехико за шесть дней, — в два раза быстрее, чем почтовые кареты. Врангеля особенно удивила чрезвычайная медлительность доставки правительственной почты:

Календарь ацтеков.

«Из Мексики до Тепик почта в 9 дней доходит, из Тепик до Сан-Блаз в 1 день, и, несмотря на это, в Монтерей получают бумаги

➲ *Барельеф на стене храма Кетцалькоатля в Теотиуакане. Мексика.*

от правительства через 6 месяцев; так, почта о центральном правлении получена в исходе декабря в Монтерей и газеты правительственные от первого июля! Такова беспечность!!»

Проехав через Сен-Хуан-де-Лос-Лагос, Леон, Ирапуато, Саламанку, Селайя, Апасео-эаль-Гранде, Керетаро и Тулу[1], 7 февраля Врангель прибыл в город Мехико. По пути он продолжал вести дневник, добавляя маршрутные описания:

«От Леона начинается низменная страна (baxia). Это широкая плоская равнина, простирающаяся до Керетаро, слева — известные рудные горы Гуанахуато, справа на большем расстоянии — другие горы; прекрасный чернозём, превосходно обработанный, обширные поля, деревни, огороды, местами как сад. Здесь выращивают сахарный тростник, маис и ячмень, большие поля.

...От Керетаро поднимаются вверх, низменная страна (baxia) кончается, город остаётся в глубокой долине. Прелестный вид, очень красив акведук на высоких арках, он тянется на большое расстояние. Дорога становится всё более каменистой, местность более пустынной и менее обработанной, но всё ещё встречаются большие поля и асьенды. Безлесные горы, по обеим сторонам дороги много потухших кратеров внизу.

...Между обоими городками хорошая дорога, видно озеро, которое лежит уже в долине Мехико, а на его противоположном берегу тянутся высокие горы со снежными вершинами, окутанными облаками. Долина превосходно обработана, поля, сады с асьендами, разрушенными во время революционной войны; до-

[1] Города в центральной части Мексики. Самый примечательный из них ныне — Сантьяго-де-Керетаро, столица штата Керетаро с населением более 1 млн человек. Исторический центр этого города — памятник колониальной архитектуры, включён в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

рога обсажена по сторонам деревьями и кустарником, особенно приятной дорога и окружающая местность становятся в 5–6 лигах[1] от города».

В Мехико Ф. П. Врангель приступил к выполнению главной цели своего путешествия. Еще в Санкт-Петербурге, планируя поездку, он предлагал российскому правительству вступить в переговоры с Мексиканской республикой о возможности её официального признания Российской империей в обмен на уступку Российско-американской компании долины реки Славянки для расширения колонии Росс в Калифорнии. Однако в Петербурге не торопились с признанием Мексики, увязывая этот вопрос с так называемым принципом легитимизации — признанием независимости этой страны её бывшей метрополией — Испанией. Поэтому Врангелю пришлось ограничиться переговорами с позиции уполномоченного Российско-американской компании.

В письме исполняющему обязанности министра иностранных дел Мексики Х. М. Ортис Монастерио он предложил открыть доступ судам Российско-американской компании для закупок зерна и соли во все порты Калифорнии, а не только в Монтерей, а также для беспрепятственной торговли во все порты Мексики и разрешить Российско-американской компании промышлять у берегов Калифорнии морского зверя. В обмен Российско-американская компания готова была предоставить доступ мексиканским судам в свои порты на Аляске для закупки леса и заготовки рыбы. Также было предложено за умеренную плату посылать в Ново-Архангельск жителей Калифорнии и туземцев для обучения ремёслам.

Известно, что Врангелю удалось договориться с мексиканским правительством о начале переговоров между послами двух стран в Лон-

[1] 1 лига в Мексике равнялась 4,19 км.

К. Небель. Мексиканские дамы в мантильях. Литография. XIX в.

Площадь Сокало в Мехико. Раскрашенная гравюра. XIX в.

доне о заключении торгового соглашения. Однако высочайшего соизволения на эти переговоры у Николая I не было получено, и они не состоялись.

За месяц пребывания в столице Мексики Врангель много общался с дипломатами европейских стран и проживавшими там иностранцами — немцами, англичанами, французами. От них он почерпнул интересные сведения о стране; многое дали и его личные наблюдения. Вновь обратимся к дневниковым записям.

«Мексико. Улицы прямые как струны, правильные, узкие, дома не выше 4 этажей, а более 3-этаж[ные]. Впрочем, внутри расположены с хорошим вкусом, пространны и воздух чистый, великолепно убраны; много народа толпится; Placa mayor — единственная красивая площадь; дворец — длинное строение, весьма не чисто и просто содержимое, проще партикулярных домов; зала конгресса красива... ... Архитектура церквей ничего особенного не представляет, а богатство их действительно велико».

Закончив свою дипломатическую миссию, 8 марта Врангель покинул Мехико. В этот раз он путешествовал в карете, запряжённой четырьмя мулами. До города Халапа[1] его сопровождал эскорт из шести драгун для защиты от разбойников. Проехав через селение Сан-Мартин, 10 марта по дороге к городу Пуэбла[2], путешественник наблюдал вулканы Истаксиуатль и Попокатепетль.

«Густой туман покрывал землю, настоящая степь без леса, бесплодная, обширная, ровная, окружённая горами... [далее следует

Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы в Мехико. XVI в.

[1] Историческое название Халапа-Энрикес; столица штата Веракрус, население 424 тыс. человек (2010).

[2] Полное название Пуэбла-де-Сарагоса; столица штата Пуэбла (Мексика), население более 1,5 млн человек (2010).

перевод с немецкого] Эта необитаемая пустыня летом стоит под водой, а теперь здесь не можешь достать даже воды для питья; печальная, пустынная местность. Такая дорога тянется приблизительно 13 лиг, а затем, когда приближаешься к Пероте, хорошо возделанный чернозём и прекрасные, обширные поля, которые простираются вплоть до Пероте, который лежит в 30 лигах от Пуэблы.

...Мы проехали около 5 лиг до небольшой деревушки... Дома в деревне построены из дерева и крыты дранкой. Из-за сходства с нашими отечественными деревянными крестьянскими избами эта деревушка, как и последующие селения до Халапы нам очень понравились. Проезжаем выжженный вулканический участок, подобный тем, какие мы проехали между Тепиком и Гвадалахарой, с той существенной разницей, что на последнем совсем не было растительности, здесь же росли деревья ocote и кактусы. Посреди такого леса ocote на чёрных обгорелых скалах стояло несколько хижин, обитатели которых, особенно дети, лакомились спелыми апельсинами и бананами, как будто они были далеко от мест, где растут эти тропические фрукты. Мы достигли и этих мест в тот же день и приехали из хвойных лесов прямо в жаркий пояс: крупноплодный земляничник, сирень, персики, апельсиновые деревья с великолепными красными цветами, банановые деревья. Спускаешься всё ниже, поля более возделанные, лиги за 2 до Халапы, местность более населена и привлекательна. Растительность становится заметно более пышной, красивейшие розы и английские розы, вьюнки, лилии и гвоздика в садах у деревенских домов. Неровная местность, возвышенная и низкая, богатая зеленью и затем снова чёрные скалы — этот ландшафт доставляет удовольствие путешественнику, спускающемуся из сухого, лишённого растительности Мехико. Этому, вероятно, много способствует влажность и более высокое давление воздуха, которые больше соответствуют нашему организму».

Фруктовый базар в Мексике. Рисунок XIX в.

Тропические плоды. Рисунок XIX в.

С 14 по 21 марта Врангель находился в Халапе. По-видимому, столь длительная остановка объяснялась празднованием местным католическим населением Страстной недели. В дневнике Врангель описывает церковные процессии и народные гулянья, рассказывает о прогулках по окрестностям.

22 марта путешественник с семьёй на двух крытых возках (Врангель называет их «носилками» и сравнивает с возками на Охотской дороге) покинул Халапу и уже 23 февраля прибыл в Веракрус. Как всегда, он оставляет впечатления о новом городе в своём дневнике:

«Веракрус — неплохой город, с прямыми правильными улицами и очень прохладными целесообразно построенными домами. Самым достопримечательным является способ, каким в городе собирают воду. С плоских крыш воду в дождливый сезон направляют в выложенный камнем бассейн — род колодца, где вода сохраняется на всю остальную часть года; из месяца в месяц она становится лучше, особенно когда лучи солнца не попадают в бассейн».

В дневнике путешественника много информации и о торговых связях главного мексиканского порта:

«...В Веракрусе, по-видимому, преобладает торговля французов; с тех пор как Тампико и Матаморос превратились в торговые порты, Веракрус значительно проиграл. Английские пакетботы идут в Гавану, на Ямайку и Юкатан (Гондурас) — английское владение посреди мексиканской территории — и в Веракрус, откуда они идут в Тампико, а затем сразу же возвращаются в Веракрус».

3 апреля[1] Врангель покинул Мексику на борту американского пакетбота «Анна-Элиза». Плавание проходило в тяжёлых условиях, умер ребёнок одного из попутчиков, французского торговца. В заливе Кампече — ныне основном районе добычи нефти на мексиканском шельфе, Врангель отмечает явные признаки, указывающие на изобилие здешних месторождений:

«Мы находились ... у отмели Кампече, распространился сильный запах лака, это был род асфальта, который, должно быть,

➲ *Побережье Карибского моря в Мексике.*

[1] Так в рукописи Ф. П. Врангеля; по мнению Л. А. Шура, правильно — 2 апреля по старому стилю.

На улице мексиканского города. Рисунок XIX в.

поднялся со дна на поверхность воды; лак употребляется в Гаване для окрашивания мебели».

13 апреля «Анна-Элиза» находилась в западной части пролива между Кубой и Флоридой, где уже ощущалось влияние Гольфстрима. На следующий день с борта была видна Гавана и побережье Кубы, названной Врангелем в дневнике «сказочной страной». Пакетбот без остановки проследовал вдоль Кубы и направился в Нью-Йорк, куда прибыл 22 апреля. А ещё через месяц Врангель возвратился в Санкт-Петербург.

Таким образом, Ф. П. Врангель завершил своё третье кругосветное путешествие, прерывавшееся на несколько лет его правления на Аляске. Путь от Ново-Архангельска до Санкт-Петербурга занял у него без малого полгода. По Мексике, не считая захода в порт Монтерей, Врангель путешествовал три месяца, его сухопутный маршрут, не считая прогулок по окрестностям городов, в которых он останавливался, составил более 1200 км.

Это было непростое и не всегда безопасное путешествие: даже вблизи крупных городов орудовали шайки разбойников. Тяжело, судя по записям Врангеля, переносился климат и жарких тропиков, и холодных высокогорий.

Подводя итоги своего путешествия по Мексике, Ф. П. Врангель сделал интересные выводы о её природных богатствах, народе и правительстве. Будучи убеждённым монархистом, он критиковал республиканское правительство за слабость и небрежение к обеспечению порядка, безопасности, к народному просвещению, уличал местных чиновников во взяточничестве.

«После того как мы пересекли Мексиканскую республику, можно задать себе вопрос: какое общее впечатление оставила природа страны и её население? Должен сказать, что описания Мексики ввели меня в заблуждение, они представили мне более прекрасную картину красот природы, чем мы увидали её в действительности; впрочем, природа Мексики имеет своеобразную прелесть, она в высшей степени оригинальна: безлесные степи, покрытые кактусами и окружённые горами, горные ущелья; тропическая растительность в небольших селениях, богатых влагою; прекрасно возделанная низменность (baxia) и мексиканское плоскогорье, окружённое высокими горами; правильно построенные поселения и города. Даже при быстром проезде убеждаешься в огромном плодородии земли, и тем более удивляешься, когда видишь, что большая часть её не используется. Более того, созданное раньше пришло в упадок, особенно дороги, мосты, общественные здания и города. Со времени революции в Мексике не только не строится ничего нового, но даже не сохраняется старое, всё разрушается».

Вместе с тем Врангель с теплотой отзывался о простых мексиканцах, с которыми ему довелось познакомиться во время путешествия:

«Сельские жители Мексики — хороший народ, они отличаются добродушием, кротостью нрава, вежливостью, ими легко управлять».

Особо он отмечал опасность последствий отделения от Мексики Техаса, где в то время шла война с американскими поселенцами[1]:

➲ *Пирамида Луны в Теотиуакане. Мексика.*

[1] Независимость Техаса была провозглашена в конце 1836 г., в 1845 г. он вошёл в состав США.

Фрагмент стены храма ацтеков в Мехико. II в.

«Говоря о национальных богатствах Мексики, следует иметь в виду, что эта страна не располагает своим флотом и, следовательно, не может участвовать в мировой торговле. Тем важнее было бы сохранение Техаса. Вообще, по моему мнению, сохранение Техаса имеет для республики огромнейшее значение, и его отпадение имело бы большие последствия для Мексики».

До Ф. П. Врангеля было известно только несколько удачных попыток пересечения территории Мексики от океана до океана — начиная с А. фон Гумбольдта, проделавшего этот путь в 1803–1804 гг., и заканчивая П. А. Чихачёвым (1835). Поэтому путешествие 1835–1836 гг., в ходе которого он не только проводил географические наблюдения, но и выполнял непростую политическую миссию, вне сомнения можно назвать выдающимся.

Фердинанд (Фёдор) Петрович Врангель

29 декабря 1796 (9 января 1797) — 25 мая (6 июня) 1870

Морской офицер, адмирал, полярный исследователь, государственный деятель. Почётный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук, член Парижской академии наук. Один из членов-учредителей Императорского Русского географического общества.

Барон Фердинанд Петрович Врангель происходил из древнего дворянского рода балтийских немцев. В 1807 г., после смерти родителей, он был определён в Морской кадетский корпус, который окончил в 1815 г. первым в выпуске. Затем Врангель служил на Балтийском флоте, в 1817—1819 гг. участвовал в кругосветной экспедиции В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка».

В 1820 г. Ф. П. Врангель возглавил Колымский отряд экспедиции, в ходе которой были описаны и нанесены на карту побережье Северного Ледовитого океана от устья реки Индигирки до Колючинской губы и Медвежьи острова. За четыре года работы эта экспедиция собрала обширные материалы о природе и населении северо-восточной оконечности Евразии, которые впоследствии вошли в научные труды, изданные на русском, немецком, французском и английском языках.

В 1824—1827 г., командуя военным транспортом «Кроткий», Ф. П. Врангель совершил кругосветное плавание с целью доставки грузов на Камчатку. Под его руководством во время этого плавания регулярно проводились метеорологические наблюдения; впервые на российском флоте 4 раза в день измерялась температура воды в океане.

С 1829 по 1835 г. Врангель был главным правителем русских поселений в Америке. Прибыв в 1830 г. с семьёй на Аляску, он обследовал побережье Северной Америки от Берингова пролива до Калифорнии, создал в городе Ново-Архангельске (впоследствии — Ситка) магнитно-метеорологическую обсерваторию, умело руководил хозяйственными промыслами в североамериканских колониях России, оберегал туземное население от злоупотреблений агентов Российско-американской компании.

В 1835 г., оставив пост правителя Русской Америки, Врангель отправился морем в Мексику, откуда через США вернулся в Россию, совершив тем самым третье кругосветное путешествие. Целью посещения Мексики было установление отношений с правительством Мексиканской республики и обсуждение возможности уступки Мексикой России территории вблизи русского поселения Форт-Росс в Калифорнии.

В 1840—1847 гг. Ф. П. Врангель был директором Российско-американской компании (в Санкт-Петербурге), в 1847—1849 гг. — директором Департамента корабельных лесов Морского министерства, а в 1845 г. стал одним из членов-учредителей Русского географического общества. В 1849 г. он вышел в отставку, но с началом Крымской войны в 1854 г. вернулся на службу и был назначен директором Гидрографического департамента. Под руководством Врангеля привели в порядок библиотеку, хранилище карт и типографию этого департамента, стал издаваться обновлённый журнал «Морской сборник». В 1855 г. Ф. П. Врангель был назначен управляющим Морским министерством. На этом посту он развил активную деятельность, способствуя, в частности, развитию торгового судоходства на Чёрном и Каспийском морях.

В 1857 г. Ф. П. Врангель был вынужден отправиться лечиться за границу. Его уволили с должности управляющего Морским министерством, но произвели в чин адмирала, генерал-адъютанта свиты Его Императорского Величества и назначили членом Государственного совета. В 1864 г. он окончательно вышел в отставку и переехал в имение Руиль в Эстляндии, где до кончины в 1870 г. ежедневно вёл метеорологические наблюдения.

Именем Врангеля назван остров в Северном Ледовитом и ряд географических объектов в Тихом океане.

Основные печатные труды: «Очерк пути из Ситхи в Санкт-Петербург» (1836); «Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану» (1836); «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённые в 1820, 21, 22, 23 и 24 годах» (1841).

Литература

Врангель Ф. П. Очерк пути из Ситхи в Санкт-Петербург. СПб.: тип. Н. Греча, 1836.

Шур Л. А. К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М.: Наука, 1971.

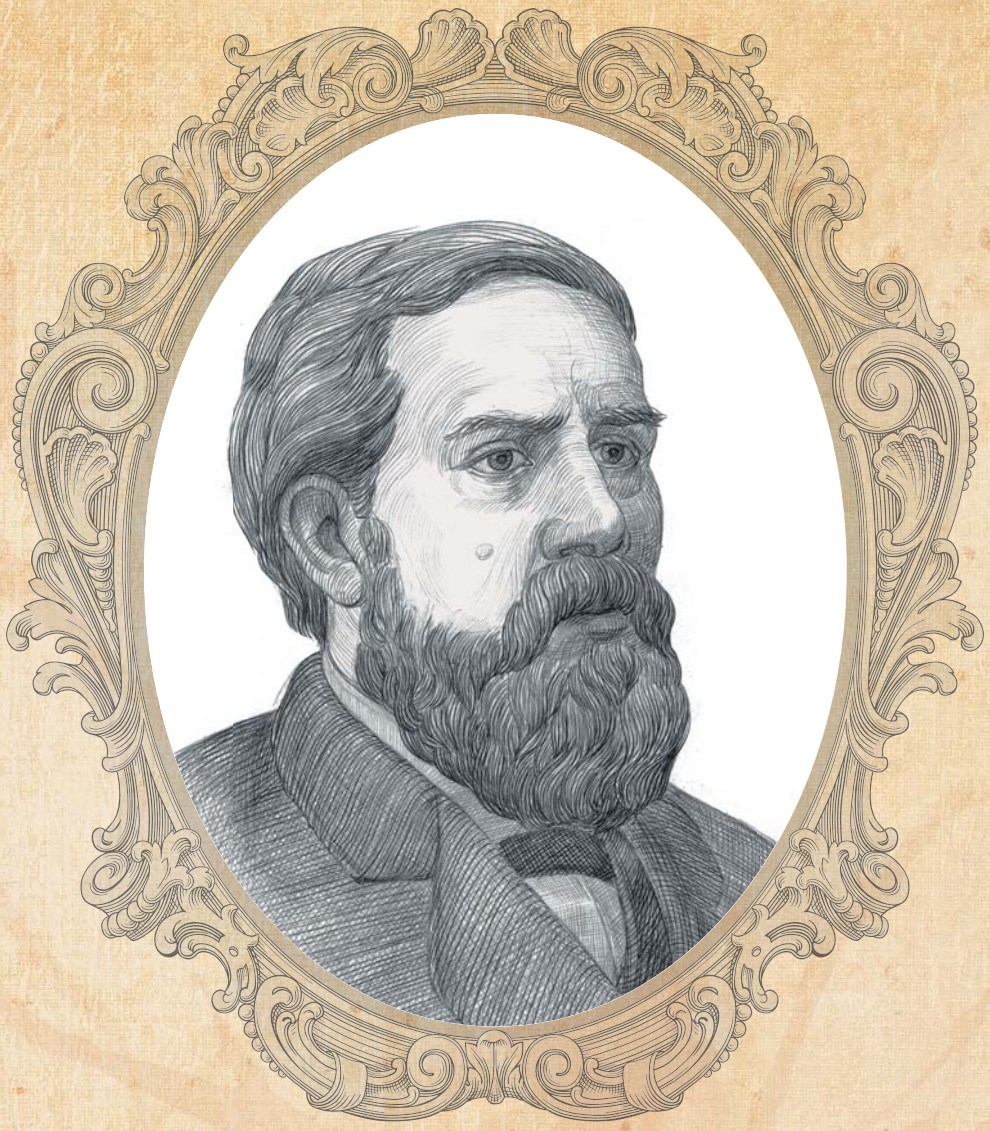

© SF photo/Shutterstock.com

ГЛАВА V

А. В. Вышеславцев: плавание на «Пластуне» и «Новике» в 1857–1860 гг.

Алексей Владимирович Вышеславцев

23 мая (2 июня) 1831 — 22 апреля (5 мая) 1888

Военный врач, морской офицер, искусствовед,
писатель, путешественник, меценат.
Почетный член Императорской академии художеств.

С XIX в. среди морских офицеров — элиты военной части русского общества — было принято публиковать по возвращении из плаваний путевые заметки для знакомства читающей публики с дальними странами. Подобные заметки писали многие моряки; существуют десятки книг этого жанра, в которых описываются приключения у берегов далёкой Южной Америки. Мы уже познакомили читателя с заметками выдающихся русских мореплавателей, которые первыми побывали в южноамериканских странах. В этой главе речь пойдёт об авторе, который посетил эти страны позднее, в конце 1850-х гг. Выделить его среди авторов путевых заметок мы решили прежде всего потому, что его очерки не только очень подробны, но и проиллюстрированы собственными карандашными рисунками. Речь пойдёт об Алексее Владимировиче Вышеславцеве, морском офицере, враче, совершившем в 1857–1860 гг. кругосветное плавание на клипере «Пластун». Это было парусно-винтовое судно — новейший для того времени тип корабля, детище переходной эпохи от парусного к паровому флоту.

На всём пути судна молодой врач вёл подробный дневник, при первой возможности отсылая его наиболее интересные фрагменты в виде писем в редакцию журнала «Русский вестник». Через два года после возвращения в Россию на основе этих публикаций — существенно дополненных и переработанных — он издал 600-страничную книгу «Очерки пером и карандашом. Из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах».

Берегов Южной Америки «Пластун» достиг 15 марта 1860 г., на заключительном этапе кругосветного плавания, уже обогнув Африку и пройдя через Индийский и Тихий океаны. Как утверждает путешественник, «мы были первые, проходившие на русских военных судах

Обложка книги А.В. Вышеславцева «Очерки пером и карандашом. Из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах».

Штиль в тропических водах.

Рисунок из книги А.В. Вышеславцева «Очерки пером и карандашом.».

Магелланов пролив[1]». 23 марта «Пластун» сделал остановку в чилийском населённом пункте Пунта-Аренас[2].

«Деревенька была на небольшом возвышении, единственная её улица состояла из деревянных строений, соединённых между собою, в конце деревни строился дом с башней, для губернатора... Против строений была казарма и небольшое укрепление, кажется, с двумя пушками... Везде поражала нас бедность и нечистота жилищ».

Неустроенность быта в Пунта-Аренас, отсутствие достопримечательностей и испортившаяся погода привели к тому, что моряки «не ездили на берег и с нетерпением ожидали времени, когда прикажут сняться с якоря». Это случилось 28 марта, когда «Пластун» вышел из Магелланова пролива и взял курс на остров Св. Елены. Других заходов в южноамериканские порты не планировалось, но в дело вмешался случай: у клипера сломалось рулевое управление, и ему потребовался срочный ремонт. В результате руководивший этим этапом экспедиции капитан 1-го ранга А. А. Попов[3] принял решение идти в Монтевидео.

В середине апреля «Пластун» бросил якорь в бухте уругвайской столицы. Есть основания полагать, что это было первое посещение Уругвая русскими моряками. В любом случае бесспорно, что именно Вышеславцев первым познакомил русскую читающую публику с Уругваем (сам он называл эту почти неизвестную тогда в России страну Уругаем)[4]. Монтевидео с первого взгляда понравился путешественнику:

«Городок очень красив; освещённый утренним солнцем весь он, точно выделанный из одного куска, горит белизною своих зданий, нагромождённых правильными четырёхугольниками друг на друга; отсутствие крыш и труб рисует как бы лестницу, поднимающуюся до собора и снова спускающуюся.

...Город чистый, щегольской... В нём около 30 000 жителей... Правильные, прямые улицы прекрасно вымощены, очень много высоких домов, полных магазинами; у каждого окна балкончик».

Особенно приятное впечатление на русских офицеров произвела главная в ту пору столичная улица:

«На ней были прекрасные дома, наполненные магазинами, в которых царствовала страшная владычица мира — французская мода. Казалось, что Palais Royal перебросил сюда часть своего груза шляпок, мантилий, вееров, кринолинов, духов, бродекенов[5], муфт, тросточек, золотых булавок, брошек, конфет и т. д. На-

[1] О преимуществах плавания в Магелландовом проливе оборудованных машиной судов см. в очерке о С. О. Макарове.

[2] Ныне город на юге Чили, население 131 тыс. человек (2011). Самый южный город Земли, находящийся на континенте.

[3] Андрей Александрович Попов (1821–1898) — адмирал, во время экспедиции русского флота к берегам Северной Америки в 1863–1864 гг. командовал эскадрой Тихого океана; затем стал кораблестроителем, конструировал первые русские броненосцы.

[4] Полное название этой страны — Восточная Республика Уругвай. Она была образована в 1828 г. после отделения от освободившихся от испанского владычества Объединённых провинций Ла-Платы и изгнания бразильских интервентов.

[5] Вид обуви.

ходившиеся здесь французы подхватили всё это и разложили по большим зеркальным окнам столь заманчиво, что улица 25 мая стала любимым местом прогулок дам Монтевидео. Целый день, эскадронами, двигаются они здесь взад и вперёд, нападают на магазины, тормошат, торгуются, но покупают очень редко...»

Вышеславцев и его спутники искренне считали, что «стоит только выехать из Монтевидео, чтобы попасть в пампы». Оказалось, что «нужно совершить порядочное путешествие, проехать по крайней мере миль сорок, чтобы совершенно освободиться от заборов, огороженных полей, квинт[1], мельниц, боен, дач и садов. Где собственно кончался город, трудно сказать».

При описании сельской местности путешественник охотно прибегает к сравнению уругвайских реалий с российскими. Уругвайские обозы напоминают уроженцу Тамбовской губернии южнорусские караваны: «У них те же высокие фуры на больших немазаных колёсах, с знакомым скрипом, крытые тростниковыми навесами, загружённые кожами или мясом, они запрягаются в три или четыре пары большерогих быков». Когда обозы делают остановку на пути от отдалённых эстансий (поместий) к Монтевидео, «повторяется одна из тех знакомых нам картин степи, которые неразрывны с воспоминаниями нашей молодости. Сцены, вдохновлявшие Кольцова, разыгрываются в пампах... Уругвая такими же широкими мотивами, которые даёт “степь широкая, степь раздольная”».

Вышеславцев исключительно высоко оценивает преимущества географического положения Уругвая. Так, климат этой страны он называет «одним из благоприятнейших в мире». Он пишет:

[1] От испанского «кинта» — усадьба.

Стоянка гаучо в пампе. Рисунок И.Ругендаса. XIX в.

«Все европейские овощи и плоды, и кроме того хлопчатая бумага, рис и некоторые другие южные произведения вызревают здесь превосходно. Но ещё не взрезал плуг обширной степи, по которой до сих пор бродят бесчисленные стада быков и табуны лошадей, всё ещё составляющих главный предмет вывоза. Богатые травою холмы и долины делают эту страну особенно удобною для овцеводства. Животные зиму и лето находят постоянные пастбища; труд сенокоса здесь неизвестен».

Помимо животноводства, внимание Вышеславцева привлекло портовое хозяйство Уругвая. Порт Монтевидео он называет лучшим в бассейне Ла-Платы. Как отмечает автор «Очерков...», порт уругвайской столицы ведёт значительную торговлю с Францией, Англией, Испанией, Соединёнными Штатами и Бразилией.

«Во все эти страны шлёт он те же продукты, что и Буэнос-Айрес, то есть кожи, солёное и сушёное мясо, волос, жилы, сало, шерсть, страусиные перья и т. д. Французы наводняют его своими мануфактурными произведениями и модными изделиями... Перегрузка товаров производится на больших ботах... они десятками снуют по обширному рейду. Таможенный сбор составляет основной доход государства».

Подробно проанализировав экономико-географическое положение и особенности исторического развития Уругвая, Вышеславцев приходит к выводу:

«...Государство это заслуживает большого внимания, и можно легко понять, какого бы значения достигло оно, если б его зем-

➲ *Колониа-дель-Сакраменто — старый портовый город в Уругвае.*

ли, могущие прокормить более пятнадцати миллионов жителей, заселились хотя двумя-тремя миллионами деятельного, рабочего народа. Подобное заселение сделало бы эту страну действительно независимою...»[1]

Ремонт клипера затянулся, это позволило офицерам на неделю съездить в Буэнос-Айрес. Вот что увидел Вышеславцев с борта рейсового парохода, на котором они подплыли к аргентинской столице:

«Налево был город, здания которого покрывали немного возвышенный, но ровный берег. В городе множество церквей, башен и куполов, что придаёт разнообразие и причудливость контурам города. Но все эти башни с почерневшими стенами и куполы, конечно много выигрывают, если в помощь им является природа, то высокою обрывистою скалою вознося часть зданий над другими, то садом, нарушающим своею зеленью однообразие стен и крыш; здесь же не было видно ничего, кроме окон, шпицев, куполов, стен, оград, как на рисунке, на котором собраны различные здания, церкви и колокольни для сравнения их высоты. К середине столпились более крупные постройки: таможня, род полукруглой массивной крепости, со множеством окон, собор, театр, ещё неоконченный, с островерхою крышею, башни и колокольни нескольких церквей со статуями святых на высоте фронтонов...»

Церковь в Санто-Доминго. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

Далее он пишет:

«Буэнос-Айрес в настоящее время имеет около 180 000 жителей[2] *и выстроен так же правильно, как и Монтевидео; идущие параллельно с рекой улицы пересекаются другими, перпендикулярными, одинаковой ширины и на одинаковых расстояниях».*

Офицерам понравились площадь Виктории, «вокруг которой сосредоточены монументальные здания города», ещё не до конца достроенный к тому времени кафедральный собор, театр «Колон», Дворец юстиции, триумфальные ворота («постройка... строгая и поэтическая»), многочисленные церкви, «которые... отличались простою, живописною архитектурою». Путешественники побывали на скотобойне, посетили несколько небольших городков вблизи от столицы. Они прокатились по железной дороге, «сделанной без всякой видимой цели; она не соединяет города с каким-нибудь замечательным местом, а выстроена, вероятно, для того, чтобы сказали, что в Буэнос-Айресе есть железная дорога».

[1] Современное население Уругвая составляет 3,3 млн человек (2011).

[2] Ныне население города Буэнос-Айрес составляет 2,9 млн человек, в одноимённой агломерации — 13,2 млн (2010).

Через две недели после возвращения в Монтевидео Вышеславцев покинул Уругвай, но уже на борту корвета «Новик»[1], взявшего курс на остров Св. Елены[2]. Однако достичь этого острова моряку снова не удалось.

«Шторм, продолжавшийся сутки, совершенно изменил наш маршрут: треснула передняя мачта, а с таким повреждением дальше идти было опасно... Решено было идти на Екатерину[3], а если и там не найдём средства к скорому исправлению, то в Рио-де-Жанейро, а оттуда в Бахию[4]».

Утром 23 мая с «Новика» увидели остров Санта-Катарина:

«Остров представлял [собой] несколько разделённых долинами возвышенностей, по которым росли леса. Местами возвышения эти представляли скалистые и песчаные откосы, местами виднелись на них вырубленные поляны...»

Простояв на рейде этого острова всего три часа, «Новик» снялся с якоря и уже к вечеру 29 мая подошёл к Рио-де-Жанейро. Вышеславцев был буквально очарован открывшейся с борта корабля панорамой:

«По берегам обширной бухты заблестели тысячи огоньков, точно иллюминация в большой праздник; огоньки правильными нитями тянулись горизонтально, обозначая собою улицы и набережную, шли кверху, осыпали светлыми блёстками возвышения, скрывались в отдалении, опять виднелись на высоте,

➲ *Ж.-Б. Дебре. Лавка мясника. Литография. XIX в.*

[1] Благодаря пересадке Вышеславцева с клипера на корвет мы получили возможность познакомиться с его «Очерками...»: 18 августа 1860 г. в Балтийском море за считанные дни до завершения кругосветного плавания «Пластун» взорвался и затонул. Погибли 72 человека, в том числе 8 офицеров. Очевидно, что, если бы Вышеславцев, останься он на клипере, оказался бы в числе немногих уцелевших в этой катастрофе, его дневники были бы безвозвратно потеряны для читателей.

[2] Остров в южной части Атлантического океана, в 2800 км от Африки; принадлежит Великобритании. До постройки Суэцкого канала был пунктом остановки судов на пути в Индийский океан.

[3] Остров Санта-Катарина у юго-восточного побережья Бразилии.

[4] Полное название Сан-Салвадор-де-Баия-де-Тодус-ус-Сантус, столица бразильского штата Баия; население около 3 млн человек (2010), в 1872 г. — 129 тыс. человек.

суживались, широко рассыпались и ярко играли на тёмном фоне гор, долин и холмов. Казалось, по этим огонькам можно было нарисовать весь город... Мы готовы были сожалеть, что не могли сейчас же уйти с рейда, чтобы унести с собою неповреждённым представление этой волшебной картины...»

При свете дня Рио оказался ещё красивее, чем ночью:

«...Рио-Жанейро... расположился на левом берегу, возвышения и неровности которого начинаются с Сахарной Головы. Бесчисленное множество домов, церквей и разных строений тесно занимают холмы, долины, узкие проходы и пестреют в самом картинном беспорядке по ближним и отдалённым холмам; подробности картины, благодаря здешнему воздуху и солнцу, не пропадают даже в синеве отдаления.

...Над этой неровною и разнообразною местностью возвышается гора, оканчивающаяся пиком Карковадо[1], с остатками какого-то строения на самой вершине, и протянувшаяся далее огромным кряжем, который весь покрыт непрерывающимся лесом. Эта гора своею громадой не давила первого плана холмистой местности и не исчезала вдали туманным облаком на горизонте; она отстояла именно на столько, чтобы скрыть все подробности своих выступов и ущелий и вместе занимать собою главный план картины».

Оказавшись на берегу, Вышеславцев описывает необычную архитектуру города:

Ж.-Б. Дебре. На улицах Рио-де-Жанейро. Литография. XIX в.

Остров Санта-Крус в Бразилии. По рисунку Е.И. Левенштерна. XIX в.

[1] Правильное название — гора Корковадо.

«Дома представляют довольно странный вид своею пестротой: часто нижний этаж выкрашен одним цветом, а верхний другим; иногда пространство между двух окон покрыто одной краской, а следующий простенок другою; такое же разнообразие и в карнизах, и на фризах, и в украшениях окон.

...Иногда на фасаде совершенно простого дома являются два-три окна, заботливо украшенные... расписанные с гирляндами... При этом бесчисленное множество балконов, тоже с совершенным отсутствием симметрии. У окон зелёные ставни, маркизы, и опять не везде, но местами, по вкусу каждого. Крыши домов большею частью черепичные, с острым верхом; глухие боковые стены тоже крыты черепицей. Вся эта пестрота, вместе с затейливыми вывесками, делает узкую и грязную улицу довольно живописною».

Вышеславцев особо отмечает наличие в городе газового освещения, «дающего ему по вечерам... фантастический вид». Путешественник подробно описывает рынок Рио, который после всего увиденного за годы кругосветного плавания не кажется ему чересчур экзотическим. Впрочем, нужно отдать должное русским офицерам, и Вышеславцеву в их числе: в Бразилии, как и в других странах, покупки их интересовали гораздо меньше, чем осмотр достопримечательностей. За те 12 дней, которые занял ремонт корвета, они успели побывать в ботаническом саду (в нём, пишет врач, «соединена, кажется, вся тропическая растительность... Человек с живым воображением подумал бы, что зашёл

Агриас клаудина (Agrias claudina Godart).

Ж.-Б. Дебре. Возвращение охотников и натуралиста. Литография XIX в.

Ботафого (Рио-де-Жанейро). Рисунок А.В. Вышеславцева. 1860 г.

в земной рай»), съездить к озеру Тижука[1], посетить Петрополис[2] («в последнее время [этот] небольшой городок, основанный в 1854 г., благодаря летнему пребыванию тут императора порядочно вырос; в нём теперь уже 5257 жителей, состоящих преимущественно из немецких колонистов, вызванных доном Педро II[3]»)...

Офицеры не оставались в стороне от культурной жизни бразильской столицы. Как и ранее в Уругвае и Аргентине, они «по вечерам... ходили в cafe chantant, где давались небольшие водевили, по-французски».

В своих заметках Вышеславцев подробно останавливается на положении негров в странах Южной Америки. Страницы «Очерков...», посвящённые тогдашней столице Бразилии, не стали исключением. Путешественник констатирует:

«В Рио-Жанейро чёрные принадлежат к различным племенам, враждебным между собою в Африке, и сохраняют свои обычаи, свой язык, всё своё. Люди из племени мина постоянно остаются магометанами, между тем как другие принимают христианство; есть и много идолопоклонников».

С удовлетворением отмечая, что Бразилия запретила работорговлю («с 1850 г. ни одно судно с невольниками не выгрузилось у берегов Бразилии... все, занимавшиеся этим торгом, потеряли суда и купленный товар»), он пишет, что «к сожалению, все бывшие невольники не освобождены и остаются по-прежнему в полном владении хозяев, хотя закон и дал им некоторые права... и освобождение стало много доступнее для каждого». При этом «свободный чёрный или мулат, при энергии и таланте, может подняться до высшего общественного положения»[4].

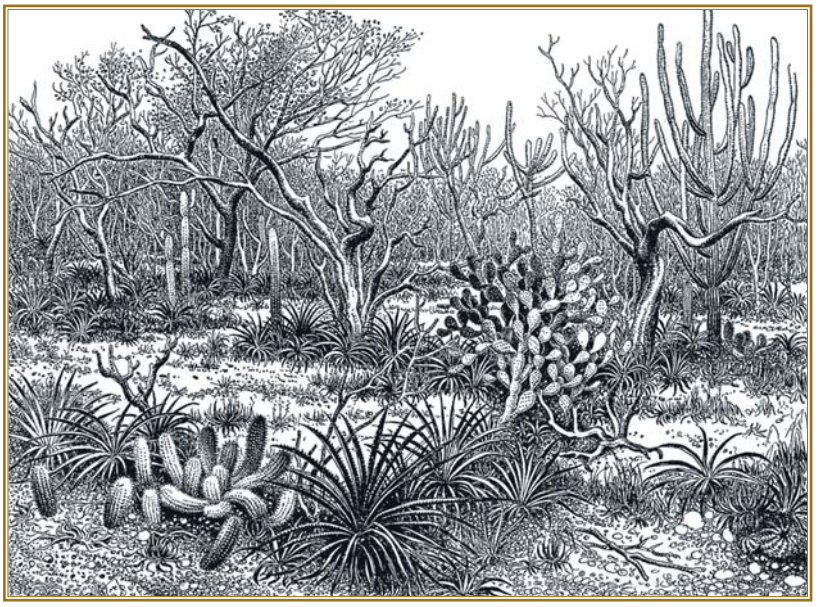
11 июня 1860 г. «Новик» покинул Рио-де-Жанейро и уже через пять дней бросил якорь в бухте города Салвадор, который Вышеславцев по старинке называет Бахией:

[1] Ныне озеро относится к Национальному парку Тижука, находящемуся в городской черте.

[2] Город в Бразилии, в штате Рио-де-Жанейро; население 296 тыс. человек (2010). Построен как летняя резиденция императора Бразилии Педро II.

[3] Педро II (1825–1891) — второй император Бразилии, правивший с 1831 по 1889 г.

[4] Окончательно рабовладение в Бразилии было отменено в 1890 г.

➲ *Каатинга — тропическое листопадное редколесье в северо-восточной части Бразилии. Рисунок, середина XX в.*

«Показался небольшой клочок земли, мало возвышенной, с маяком; это была крайняя точка длинной косы, образующей с едва видным материком обширную бухту Всех Святых, открытую Америко Веспуцио. За маяком потянулся берег, не более возвышенный, чем правый берег Днепра, на котором расположился Киев. Но если русский город поражает подъезжающих своею красотою, то Бахия, затопленная растительностью, какая только может быть в широте 13 градусов, на материке Южной Америки, не поразит, но понравится ещё больше.

...Бахия по величине своей есть второй город империи[1]; она основана в 1549 г., прежде Рио-Жанейро; в ней до 1763 г. была резиденция губернатора португальских колоний. Она может... выставить многое, чтобы получить право называться современным городом. Хотя на ней и лежит печать такой древности, такой старомодности, что всё новое совершенно исчезает в массе старого...

...В городе... уже давно не строили никаких монументальных зданий, и довольствуются стариною, впрочем, очень живописною... [Мы] обратили внимание на щегольство фонтанами. В Рио-Жанейро нет ни одного такого красивого фонтана, как на площадях Бахии».

Опровергая бытовавшие тогда стереотипы, согласно которым Верхний город выгодно отличался от Нижнего[2], в частности простором и чистотой, Вышеславцев утверждает: «...видно, всё это писал человек, не бывавший здесь. Верхний город чуть ли не теснее Нижнего, неровная, холмообразная местность расположила строения... в картинном бес-

[1] Бразильская империя просуществовала с 1822 по 1889 г., до провозглашения Бразилии республикой.

[2] Нижний город — припортовые районы Салвадора, Верхний город — его исторический центр.

порядке: на площадь выходят только верхние петушки двух колоколен, а здания сидят у подошвы обрыва... Дом взлез на другой; иной с фасадом в два окна вытянулся этажей на шесть, как башня, другой тянется в длину сараем. Нет ни одной площади правильной, хотя нельзя не заметить, что картинный беспорядок стеснившихся вокруг них старинных домов, церквей и дворцов делает площади эти очень живописными. В Верхнем городе магазинов меньше, чем в Нижнем; все торгующие внизу запирают свои лавки с закатом солнца и идут ночевать в Верхний город, где находятся их семейства».

Вышеславцев в своих записках уделяет немало внимания, выражаясь современным языком, санитарно-эпидемиологической обстановке в Бразилии. Характеризуя её как весьма неблагоприятную, он описывает принимавшиеся русскими путешественниками меры профилактики:

«Чтобы съесть спокойно апельсин или мангу, надо пойти в гостиницу, спросить кусок бифстексу, съесть его, запить стаканом красного вина, потом уже приниматься за апельсин, который снова надобно залить рюмкою коньяку и чашкою крепкого кофе... Только совершив всю эту сложную операцию... не боишься схватить какую-нибудь жёлтую лихорадку или дизентерию».

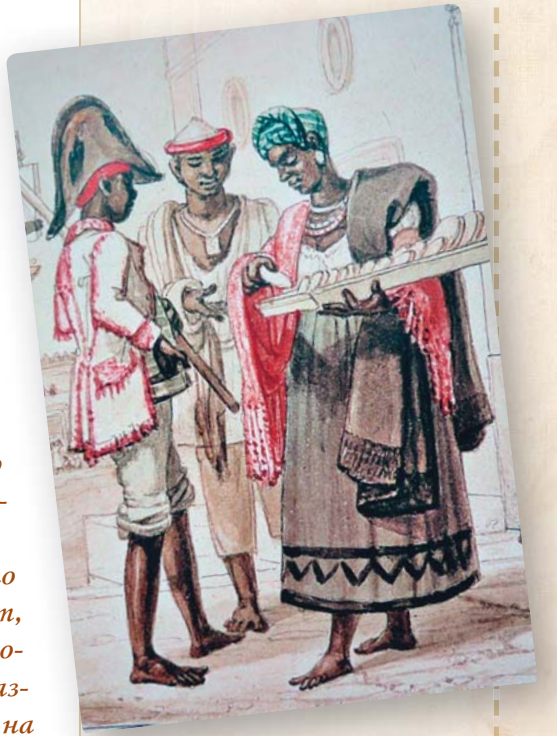

Ж.-Б. Дебре. Этнические типы африканских рабов. Литография. XIX в.

Путешественникам повезло: в Салвадоре они застали карнавал.

«В городе нас ожидало много удивительного. Встречаем какого-то кавалера в малиновой, вышитой серебром мантии и в маске. Что это за шалун? — подумали мы. Но потом встречавшиеся на каждом перекрестке замаскированные фигуры заставили бы предполагать слишком много шалунов в городе. Маски собирались целыми поездами, сопровождаемые народом, и наполняли улицы. На здешних улицах, с средневековыми зданиями, не очень удивительно было видеть рыцарей, испанских грандов, астрологов и полишинелей.

...Был действительно маскарад, по случаю какого-то праздника... На каждом перекрёстке летели букеты ракет, петард и римских свеч; из часовен и церквей тянулись процессии, по улицам разъезжали маски с музыкантами и различными погремушками... Из окон кофейни, выходящей на театральную площадь, любовались мы этой толпою. Крик, шум, музыка, ракеты — всё это мешалось и перебивало одно другое; толпа пестрела, жужжала и кишила, как муравейник,

Ж.-Б. Дебре. Уличная торговля лепёшками. Литография. XIX в.

который вдруг раскопали палкою... Последнее впечатление, вынесенное мною из Бахии, было довольно странное: узкие улицы со старинными, почерневшими от времени домами, со стенами монастырей и их разнообразными оригинальными колокольнями; бесчисленные окна, наполненные выглядывавшими оттуда головами... — всё это мешалось с пестротою замаскированных, с шумом и жужжанием двигавшейся толпы. Казалось, будто здесь постоянно только и делают, что наряжаются».

Во второй половине июня «Новик» с Вышеславцевым на борту покинул Салвадор и взял курс на Европу. После небольшой остановки в Плимуте 23 августа 1860 г. путешественник вернулся в Кронштадт. Книга его иллюстрированных очерков, вышедшая в 1862 г., имела в России большой успех и впоследствии неоднократно переиздавалась.

Алексей Владимирович Вышеславцев

23 мая (2 июня) 1831 — 22 апреля (5 мая) 1888

Военный врач, морской офицер, искусствовед, писатель, путешественник, меценат. Почётный член Императорской академии художеств.

Алексей Вышеславцев родился в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье, принадлежащей старинному дворянскому роду. По окончании Московского университета в 1854 г. во время Крымской войны в составе Полтавского пехотного полка лекарь принимал участие в обороне Севастополя. Позже в журналах «Современник» и «Русский вестник» были опубликованы военные очерки («6 июня в Севастополе», «Сутки на Малаховом кургане», «Севастополь в последние месяцы осады» и другие).

После войны Вышеславцев служил врачом на Балтийском флоте. В 1857 г. он в составе экипажа клипера «Пластун» отправился в кругосветное плавание. Вернувшись из путешествия, он прослужил около года в морском ведомстве в Петербурге, но вскоре уволился с военной службы. Выйдя в отставку, он сначала был мировым посредником и судьёй в Тамбове, а с 1863 г. служил управляющим контрольными палатами в Чернигове и Одессе, в 1870–1874 гг. — в Варшаве. Путешествовал по Италии, Греции, посетил Константинополь, после чего вернулся в Тамбов, оставил гражданскую службу и вышел в отставку.

А. В. Вышеславцев занимался искусствоведением; написал ряд трудов по истории итальянского искусства эпохи Возрождения. Он коллекционировал гравюры, художественные изделия из мрамора и другие предметы искусства. Свою коллекцию и богатую библиотеку завещал в дар Тамбову; ныне они находятся в экспозиции Тамбовского областного краеведческого музея.

Основные печатные труды: «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания А. В. Вышеславцева» (1862); «Между храмов и развалин» (1880); «Джиотто и Джиоттисты» (1881); «История искусства в Италии» (1883); «Умбрия и живописные школы Северной Италии в XV столетии» (1885); «Заметки русского о современной Грузии».

Литература

Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом. Из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862.

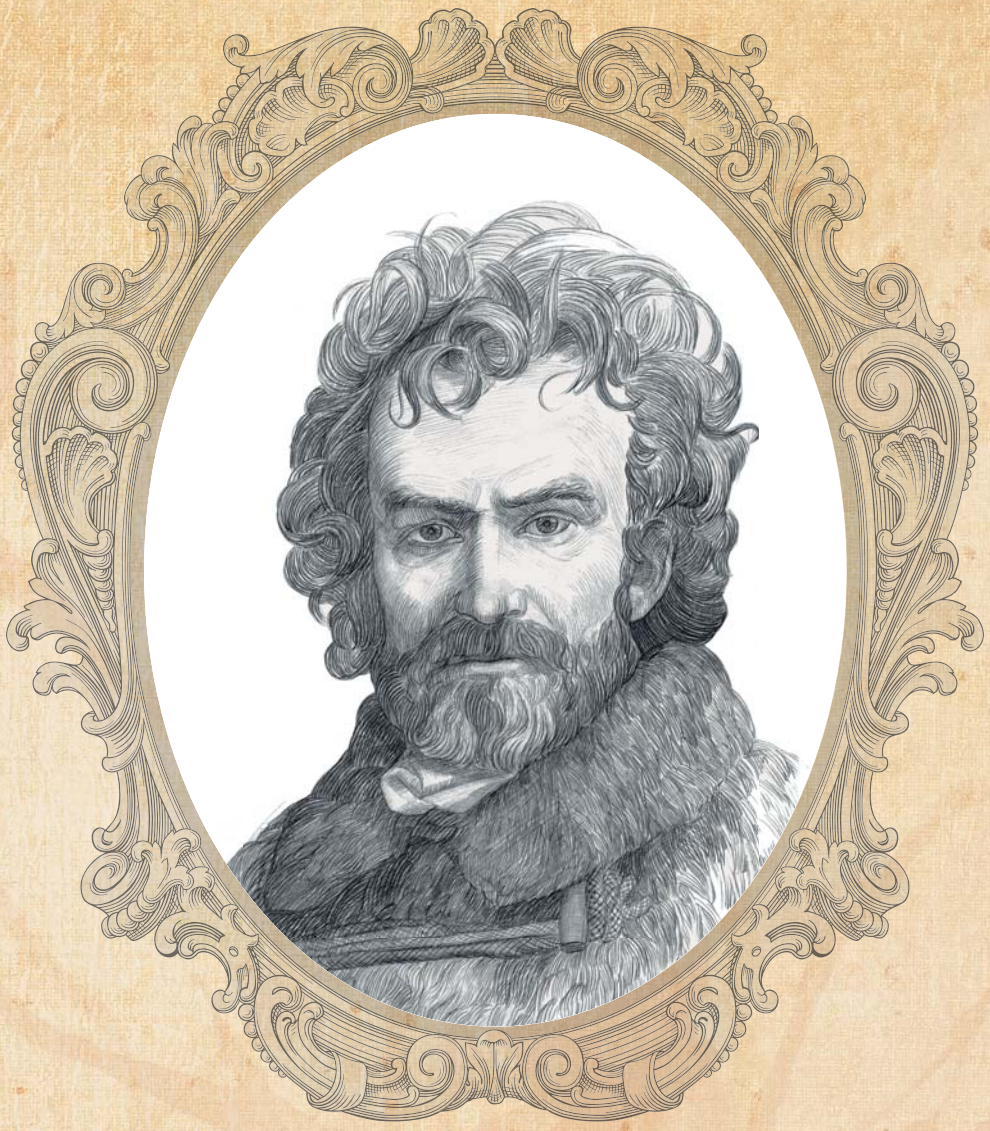
Белов Д. В. «Рандеву Монтевидео». Алексей Вышеславцев. // Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, типография «Мастерграф», 2009.

ГЛАВА VI

Н. Н. Миклухо-Маклай: посещение Южной Америки и острова Пасхи в 1871 г.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

5 (17) июня 1846 — 2 (14) апреля 1888

Русский путешественник, этнограф и географ,
действительный член Русского географического общества.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай, известный всему миру как исследователь народов Океании и Юго-Восточной Азии, в 1870–1871 гг. несколько месяцев провёл в плавании у берегов Южной Америки и изучал её территорию.

По сути, Миклухо-Маклай попал в Южную Америку случайно. Корвет «Витязь»[1], на котором он отправился в Новую Гвинею, должен был пройти вокруг Африки. Однако из-за осложнённой международной обстановки и угрозы военного конфликта с Англией капитан получил приказ следовать вокруг Южной Америки.

Решение о направлении Н. Н. Миклухо-Маклая в эту экспедицию обсуждалось 20 ноября 1870 г. на заседании отделения физической географии Императорского Русского географического общества (ИРГО). Председательствующий П. П. Семёнов[2] доложил, что «ассистент Йенского музея Миклухо-Маклай (уже известный благодаря сообщению о берегах Красного моря), занимавшийся исследованиями фауны низших морских животных в Марокко, на Канарских островах и в Красном море, в настоящее время хотел бы приступить к изучению фауны низших животных Тихого океана... Теперь он ходатайствует о содействии Общества для предоставления ему возможностей переехать летом будущего года на какой-либо пункт Тихого океана на русском военном судне... Принимая во внимание дальность путешествия... отделение положило справедливым назначить ему до 1200 руб. пособия...».

Вице-президент Общества Ф. П. Литке[3] и секретарь Ф. Р. Остен-Сакен[4] обратились в морское ведомство за разрешением для Миклухо-Маклая плыть на русском военном корабле. В июне 1870 г. управляющий морским министерством Н. К. Краббе[5] сообщил, что получено разрешение «принять естествоиспытателя... на корвет «Витязь» для совершения путешествия к берегам Тихого океана, но без производства довольствия от морского ведомства».

Лагуна Де-лос-Гансос-Бравос, часа 3,5 пути от Пунта-Аренас. Рисунок из записной книжки Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

Модель корвета «Витязь» постройки 1862 г.

[1] Парусно-винтовой корвет, в составе русского военно-морского флота с 1862 г., в 1882 г. переименован в «Скобелев».

[2] Пётр Петрович Семёнов (с 1906 г. Семёнов-Тян-Шанский) — русский географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель; с 1873 г. вице-председатель Императорского Русского географического общества.

[3] Фёдор Петрович Литке (1797–1882) — русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, помощник председателя (1845–1850), вице-председатель (1857–1873) Русского географического общества, президент Императорской академии наук (1864–1882).

[4] Фёдор Романович Остен-Сакен (1832–1916) — русский путешественник, учёный и государственный деятель.

[5] Николай Карлович Краббе (1813–1876) — русский адмирал, государственный деятель.

Корвет «Витязь».
Фотография. Конец XIX в.

Корвет «Витязь» вышел из Кронштадта 27 октября[1] 1870 г. курсом на Копенгаген. По воспоминаниям капитана «Витязя» П. Н. Назимова[2], во время длительной стоянки корвета в портах Миклухо-Маклай посещал европейских учёных в Копенгагене, Гамбурге, Берлине, Галле, Йене, Кёльне, Гааге, Роттердаме, Антверпене, Генте, Остенде, Лондоне и получил от них различные карты и рекомендательные письма. Ещё в Европе он заинтересовался загадочными деревянными табличками и рисунками статуй с острова Пасхи[3], доставленными из Чили.

Информация о пребывании Миклухо-Маклая в Южной Америке невелика: в российских архивах хранятся донесения капитана Назимова, рукописи статей самого путешественника, опубликованных позже, несколько его записных книжек, рисунки. Специально для донесений в ИРГО была предназначена тетрадь, сшитая из больших листов плотной голубоватой бумаги, на обложке которой заглавие, написанное рукой Миклухо-Маклая «Императорскому Русскому Географическому обществу в СПбурге от Н. Н. Миклухо-Маклая 1870–1871». В ИРГО за этот период от путешественника поступило три сообщения: «Об исследованиях температуры глубин океана», «О пребывании в Южной Америке», «О о-вах Пасхи, Питкэрн[4], Мангарева[5]». Эти сообщения свидетельствуют о том, что он вёл комплексные исследования по выработанной программе. Сохранившиеся материалы содержат рисунки, путевые записи, наблюдения по антропологии, этнографии, социологии, физической географии, сведения, полученные от разных людей, записи о расходовании средств. Записи делались на русском, немецком, английском, французском и испанском языках. Основная часть заметок осталась необработанной и не вошла в прижизненные публикации путешественника. Фрагментарность материалов этого периода, по-

Устье реки Рио-Секко.
Рисунок из записной книжки
Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

[1] Здесь и далее — все даты даны по старому стилю.

[2] Павел Николаевич Назимов (1829–1902) — русский мореплаватель, вице-адмирал.

[3] Остров в южной части Тихого океана, территория Чили (расстояние до Чили 3,7 тыс. км). Местное название острова Рапа-Нуи (употребляется в Чили). Название «остров Пасхи» он получил в 1722 г., когда был открыт голландцами.

[4] Заморская территория Великобритании в южной части Тихого океана.

[5] Крупнейший остров в архипелаге Гамбье в составе Французской Полинезии.

видимому, объясняется болезнью Миклухо-Маклая во время большей части плавания.

Плавание на «Витязе» было длительным, и Миклухо-Маклай жалуется, соглашаясь с записками Ч. Дарвина[1], что «большую и даже громадную часть времени путешественник проводит в море, сравнительно с днями, прожитыми им на берегу... Тому же обстоятельству, но ещё в гораздо больших размерах, подвергается моя участь на «Витязе», потому что каждый наш переход переносит нас в местности с совершенно различной природой: ...и Магелланов пролив, тропики Бразилии и юго-западные скаты Анд».

Через два месяца после отправления из Кронштадта «Витязь» добрался до островов Зелёного Мыса, потом взял курс на Рио-де-Жанейро.

Во время перехода Миклухо-Маклай, воспользовавшись первым продолжительным штилем и совершенно неподвижным состоянием корвета, получил в своё распоряжение группу матросов и 3 февраля 1871 г. с помощью термометра Миллер-Казелла произвёл измерение температуры океана на глубине 1000 морских сажен[2]. Первые сведения об этом появились в «Кронштадтском вестнике» уже 14 апреля 1871 г.[3] В этой публикации отмечается, что на измерения было затрачено 3 часа 35 минут; они впервые проводились на широте 3° с. ш. и 24°24' западной долготы, были удачны и показали, что в то время как в верхних слоях океана температура воды достигла 27,6 °С, на глубине она была всего 3,5 °С. Это было первым точным измерением глубоководной температуры океана в тропической зоне.

Позднее были опубликованы две статьи Миклухо-Маклая с описанием этих измерений, подготовленные им ещё в Рио-де-Жанейро 12 февраля 1871 г. и отправленные в Петербург во время следующей стоянки в порту Пунта-Аренас[4]. Статьи были напечатаны в «Известиях Географического общества[5]» и в академическом «Bulletin» (на немецком языке) в июле–августе того же года. Первая статья под названием «Об исследованиях температуры глубин океана» представляла собой письмо на имя секретаря ИРГО. Автор широко охватывает проблему изучения температур морских глубин и показывает себя весьма компетентным специалистом в этой области, даёт исторический анализ подобных исследований, проводившихся норвежскими, шведскими, американскими и английскими экспедициями. Он высказывает важную гипотезу: вода в глубинах океана находится в постоянном движении, происходит обмен вод экваториальных и полярных, подобно как и в слоях воздуха, и опровергает тем самым распространённую в то время теорию Росса[6].

Во время стоянки корвета в Рио-де-Жанейро Миклухо-Маклаем было сделано семь замеров (станций). На четырёх из них температура измерялась через каждую сажень от поверхности моря до дна на глубине 14 сажен. Одна станция была сделана к востоку от Рио-де-Жанейро до глубины 170 сажен. Замеры продолжались и во время следования

[1] Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, автор эволюционной теории на основе естественного отбора; в 1831–1836 гг. совершил кругосветное путешествие на корабле «Бигль».

[2] 1 морская сажень равна 182,88 см.

[3] В «Кронштадтском вестнике» было опубликовано донесение капитана «Витязя» П. Н. Назимова из Рио-де-Жанейро от 21 февраля 1871 г.

[4] Административный центр чилийской территории Магальянес и Чилийская Антарктика, самый южный город в мире (на 53° ю. ш.). Основан в 1849 г., население 155 тыс. человек (2012). В донесениях П. Н. Назимова называется по-английски — Sandy Point («песчаный мыс», аналогично испанскому названию).

[5] «Известия Императорского Русского географического общества». Т. 7. № 4 (4 июля 1871 г.).

[6] В соответствии с так называемый теорией Росса температура воды на больших глубинах в открытых районах Мирового океана почти постоянна; в то время как температура поверхностных антарктических вод ниже этой температуры, температура поверхностных вод в тропических и умеренных широтах выше. Следовательно, на некоторой широте должна существовать линия (или пояс), на которой средняя температура от поверхности до дна почти постоянна. Считалось, что такая линия в Южном полушарии проходит приблизительно по 56° 44' ю. ш. Впоследствии эти представления были опровергнуты, тем самым подтвердилась правота Миклухо-Маклая.

Н.Н. Миклухо-Маклай. Фотография. Конец XIX в.

корвета от Рио-де-Жанейро к Вальпараисо[1]: десять станций — на материковой отмели между устьем Ла-Платы и заливом Сан-Матиас[2] и семь станций в Магеллановом проливе[3].

В Тихом океане Миклухо-Маклай сделал пять станций с измерением температуры через каждые пять сажен (две в заливе Консепсьон[4] и по одной у Вальпараисо, у острова Питкэрн и острова Мангарева). Два ряда измерений температур в Тихом океане — один ряд на глубинах до 500 сажен на 32° 26' ю. ш. и 73° 10' 28" з. д. и другой — на глубине до 1000 сажен на 14° 40' 47" ю. ш. и 164° 01' 51" з. д.

Для проверки гипотезы Гумбольдта о том, что температура поверхностных вод океана понижается по мере приближения к берегам, Миклухо-Маклай измерял температуру поверхностных вод океана при приближении к бухте Консепсьон, к Вальпараисо и к островам Пасхи, Мангарева, Таити[5], Уполу[6], Ротума[7] и к Новой Ирландии[8].

Наблюдая резкие суточные колебания температуры поверхностных вод в Рио-де-Жанейро, Миклухо-Маклай, среди других факторов, отмечал влияние на спокойную воду солнечной радиации в дневное время и излучения — в ночное. Низкую температуру вод материковой отмели восточного побережья Южной Америки он объяснял малыми глубинами, а однородность температуры вод у восточного входа в Магелланов пролив, так же как и в самом проливе, — сильным приливным перемешиванием[9].

Миклухо-Маклай в своей статье отметил большую помощь, оказанную ему командиром корвета, старшим офицером и командой «Витязя».

В феврале 1871 г. корвет «Витязь» почти три недели простоял в Рио-де-Жанейро. Миклухо-Маклай использовал это время для антропологических исследований, внимательно наблюдал за выражениями лиц, за манерами встреченных им на бразильском берегу людей. В дневни-

Старинная карта Магелланова пролива.

1 Город в Чили, порт; население 264 тыс. человек (2010).

2 Между этими заливами «Витязь» следовал вдоль побережья Аргентины.

3 Пролив, разделяющий южную оконечность Южной Америки и архипелаг Огненная Земля.

4 Залив на юге Чили.

5 Крупнейший остров Французской Полинезии.

6 Остров на западе архипелага Самоа, бывшего во времена плавания Миклухо-Маклая объектом колониальных притязаний Германии; ныне в составе государства Самоа.

7 Остров в Тихом океане, ныне в составе государства Фиджи.

8 Остров в составе архипелага Бисмарка; ныне принадлежит Папуа — Новой Гвинее.

9 Этот вопрос до сих пор окончательно не выяснен: во многих районах Мирового океана понижение температуры поверхностных прибрежных вод объясняется сгонно-нагонными явлениями.

ках он рассуждал о том, что развитие умственных способностей, изменение расового типа происходят под влиянием природных и социальных условий, в том числе в результате переселения из Африки в Америку, то есть рассматривал эволюцию человека в ряду других биологических видов, следуя передовым тенденциям науки того времени.

«Улицы и рынки в Рио представляют для путешественника, интересующегося антропологией... обширное поле наблюдений. На каждом шагу встречаются представители разных рас или продукты их помеси. В двух третях низшего сословия здесь течёт чистая африканская кровь или преобладает в нём. Первобытного населения — индейцев — здесь почти не приметно; изредка только попадается метис, которого неопытный ещё наблюдатель только с трудом отличит от родившегося здесь европейца. Чистых индейцев здесь уже давным-давно и не увидишь»[1].

Патагонец. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

Далее в кратком сообщении путешественник пишет о ключевых социальных проблемах Бразилии того времени — положении негров и индейцев. Миклухо-Маклая удивила высокая цена рабов, которыми торговали нелегально[2]. Путешественник посетил ботанический сад и больницу в Рио-де-Жанейро, где осматривал «несколько сотен объектов обоего пола», много фотографировал[3].

К этому периоду путешествия относится рукопись Миклухо-Маклая с авторской правкой, озаглавленная «Настоящее положение работ Панамского канала», которая хранится в архиве РГО. Он пишет о катастрофическом положении дел при прорытии Панамского канала,

Остров Огненная Земля.

[1] По переписи 1872 г., из составлявших население Бразилии 8,4 млн человек 1,5 млн были рабами.

[2] В 1850 г. работорговля в Бразилии была запрещена законом, окончательно рабовладение отменили в 1888 г.

[3] В российских архивах этих фотографий нет (как и фотографий арестантов тюрьмы из чилийского города Талькауано). Существует предположение, что они были отправлены вместе с «Витязем» и впоследствии хранились в Иокогаме.

несоответствии истраченных денег качеству и объёму работ, высокой смертности среди рабочих (60%). И в то же время оценивает значение межокеанского канала для своей страны:

«Для России прорытие Панамского канала представляет несомненную важность, т. к. оно сократит и упростит значительно морское сообщение...»

25 февраля 1871 г., отдав салют бразильскому адмиралу и нации, «Витязь» снялся с якоря в Рио-де-Жанейро и только к 20 марта приблизился к входу в Магелланов пролив. По сообщениям капитана Назимова, Миклухо-Маклай в этот период времени сильно страдал от морской болезни. Почти две недели «Витязь» шёл по Магеллановому проливу, но, несмотря на плохое самочувствие, Миклухо-Маклай за это время произвёл съёмку берегов и промеры глубин залива.

В начале апреля 1871 г. «Витязь» стал на якорь в порту Пунта-Аренас в чилийской Патагонии[1]. Время стоянки Н. Н. Миклухо-Маклай использовал для изучения территории Южной Америки: добывал сведения по истории, рисовал пейзажи, жилища, совершал экскурсии. В своём дневнике он писал:

«Пунта-Аренас — названная вследствие песчаного мыса, выдающегося в море... — перенесена из Port Famine[2] в 1845 г. ...покинута вследствие полного неимения пастбищ для скота (разведение которого очень важно для существования колонии, где хлебопашество очень незначительно). Колония, несмотря на неудобный совершенно открытый порт, худший в сравнении с Port Famine, в посл. время быстро увеличивается: в 1868 г. —

Обложка и последняя страница записной книжки Миклухо-Маклая «Америка №2».

Карта Патагонии. XIX в.

[1] Патагония — район в Южной Америке к югу от рек Рио-Колорадо в Аргентине и Био-био в Чили, иногда к Патагонии относят остров Огненная Земля.

[2] Порт-Фамин — английское название испанского поселения Пуэрто-Амбре (дословно «порт голода») в одноименной бухте. Его основание было первой и неудачной попыткой создать постоянное поселение в Магеллановом проливе: из 300 колонистов 298 умерли голодной смертью.

было всего 195 жителей, живших в 28 домах, между тем как в 1871 г. число жителей возросло до 850, помещающихся в 210 домах».

Миклухо-Маклай прогнозировал рост этой колонии в связи с разработкой расположенных поблизости месторождений полезных ископаемых и прямого сообщения с Европой, откуда (по пути из Рио-де-Жанейро в Вальпараисо) каждые две недели приходили английские почтовые пароходы. За неделю стоянки Миклухо-Маклай совершил несколько интересных экскурсий, описания которых сохранились. По приглашению местного губернатора он осмотрел каменноугольные копи и золотые прииски. В архивах хранится заметка Миклухо-Маклая на немецком языке «Экскурсия на каменноугольную копь, в 5 милях от Санди-Пойнта», где он описывает также измерения температуры воды в речке, «геологическое сечение» у полотна железной дороги. Описание экскурсии даёт представление о хозяйстве, ландшафтах, паводковом режиме рек и его последствиях. Путешественник наблюдал за работой золотоискателей и в своих заметках потом подробно описал процесс промывки золота, организацию добычи каменного угля, который, по его словам, «по качествам горения далеко уступает хорошему английскому углю». В дневнике Миклухо-Маклая читаем:

Патагонец Хуан, 18-20 лет. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

«Золото может [быть] промываемо каждым, кто и как хочет. Желающий купить определённое место платит 6 долларов за кусок в 60 метров длиной и 200 шириной. Эти деньги идут чиновнику, который отмеряет и выдаёт документы на владение. Если не промывает золото в течение 6 месяцев, теряет право на участок. Число золотоискателей — ок. 30 чел. Губернатор обменивает обмытое золото на монету».

Путешествие с проводником в бухту Агуа-Фреска в 25 км от Пунта-Аренас было особенно интересным. Миклухо-Маклай оставил описание этого путешествия — берегов, девственных лесов с сырым воздухом, куда солнце с трудом проникает через верхний свод деревьев, горных ручьёв, впадающих в море, остова разбившегося судна. Отмечая влияние локальных климатических условий на развитие флоры и фауны, он пишет, что «отсутствие животной жизни в патагонских лесах бросается в глаза вместе с большой сыростью, мёртвой тишиной».

Сохранилось и описание коренных жителей — патагонцев:

Семья индейцев-арауканов. Рисунок К. Гея. XIX в.

«Оба спутника были средних лет, кажется, выше среднего роста и очень массивного телосложения; были завёрнуты в гуанаковые

Арауканка. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

шкуры мехом вовнутрь, которые держались поясом, стягивающим талию... Голова была покрыта матово-чёрными гладкими волосами, которые прядями падали на плечи. Над лбом, у самых корней волос, шла цветная перевязь в палец шириной, завязанная на затылке; она мешала при скорой езде падать длинным волосам на лицо».

В Пунта-Аренас Миклухо-Маклай наблюдал за индейцами, которые приехали для обмена товарами; губернатор познакомил русского путешественника с ними, и после обещания рому они показали скачки и метание болас[1].

Ещё одну экскурсию Миклухо-Маклай совершил по берегу к Рио-Секко[2]. Он оставил красочное описание озера Лагуна-де-Лос-Гансос-Бравос, расположенных на нём перешейка и бара[3] и выдвинул гипотезу его образования. Эта территория на границе ландшафтов — пампасов[4] плоской возвышенности Восточной Патагонии и покрытых лесом горных отрогов Кордильер у западных берегов Магелланова пролива — представляла, как отмечал Миклухо-Маклай, и этническую границу. Пампасы были населены южными патагонцами–теуэльче (у Миклухо-Маклая — «техуэльче»)[5], основным занятием которых была сухопутная охота на гуанако[6]; горные отроги — приморскими собирателями и рыболовами ямана (яганами)[7] и алакалуфами (халаквулуп)[8], кочевавшими большую часть времени на своих лодках из бухты в бухту.

По сообщениям капитана Назимова, в Пунта-Аренас Миклухо-Маклаю «пришла мысль совершить путешествие пешком из Санди-Пойнта в залив Св. Николая в Магеллановом проливе», но губернатор отговаривал его, ссылаясь на «зверство жителей Огненной Земли в отношении к европейцам». Как писал капитан, туземцы «за несколько недель до нашего прихода... умертвили четырёх европейцев с англий-

Костюмы чилийцев. Рисунок А. Рашета. XIX в.

[1] Болас — скрученные ремни с шарами на концах (исп. «болас» — шары), которые патагонцы использовали для ловли гуанако.

[2] В дневнике Миклухо-Маклая — Рио-Секо.

[3] Песчаная подводная отмель в устье реки, образовавшаяся в результате осаждения речных и морских наносов.

[4] Пампа (множ. пампасы) — степной ландшафт на юго-востоке Южной Америки, преимущественно в субтропическом поясе.

[5] Общее название коренных народов Патагонии.

[6] Млекопитающее рода лам семейства верблюдовых, предок одомашненной ламы.

7 Иное название «фуэгины», коренной народ Огненной Земли. Во времена Маклая говорили на ныне исчезнувшем языке ямана.

[8] Коренной народ, населявший берега Магелланова пролива.

ской шхуны, которую мы уже нашли стоящей на рейде Санди-Пойнта без команды».

Судя по всему, Миклухо-Маклая это не остановило: свидетельством его пребывания в заливе Св. Николая служат сохранившиеся рисунки видов на залив. При посещении бухты Бугенвиль, расположенной к северо-востоку от мыса Фроуард, также был сделан карандашный набросок с легендой. Последние дни стоянки в Пунта-Аренас Миклухо-Маклай делал зарисовки местных жителей, рассматривал их вещи, хозяйственные принадлежности, разговаривал с ними через переводчика.

С 11 апреля «Витязь» стоял три дня на якоре в бухте Св. Николая, затем направился в Вальпараисо. В дороге Миклухо-Маклай уже не страдал морской болезнью и казался физически здоровым.

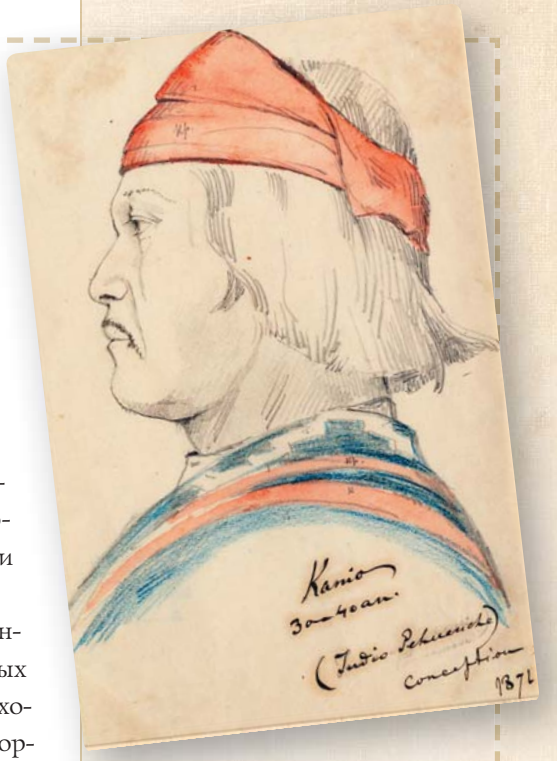
С 27 апреля по 2 мая 1871 г. «Витязь» находился в заливе Консепсьон. Сохранилось несколько портретов арауканов, сделанных здесь Миклухо-Маклаем[1]. По воспоминаниям Назимова, Миклухо-Маклай занимался «сниманием типов в заливе Консепсьон и порте Талькагуана, где он даже приобрёл от начальника тюрьмы фотографические карточки всех содержимых в тюрьме арестантов, к ним список с соответствующими нумерами и описанием преступлений и месторождения арестанта. Руководствуясь этим, он объяснил нам, что можно делать наблюдение над сложением форм головы. Таких карт он получил около 200».

Во время стоянки Миклухо-Маклай побывал в гостях на борту итальянского корвета «Караччиоло», капитан которого показал ему раковины и другие туземные вещи. Результатом этого вечера стала статья Миклухо-Маклая «Арауканский барометр с островов Чилоэ»[2], в которой детально описана раковина краба, используемая местными жителями для предсказания дождя. Находясь в Консепсьоне, путешественник продолжил изучение антропологических типов местных жителей — арауканов[3], составил словарик числительных на их языке.

В Вальпараисо корвет в течение месяца ремонтировали, капитан ожидал инструкций о дальнейшем плавании. Только здесь стало окончательно ясно, что путешествие в Новую Гвинею все-таки состоится. Миклухо-Маклай, переехав с судна на берег, жил в гостинице и имел возможность изучать территорию Чили.

В разделе «Географические известия» в «Известиях Императорского Русского географического общества» 20 июля 1871 г. сообщалось, что «кратковременное пребывание «Витязя» в Вальпараисо Николай Николаевич Миклухо-Маклай употребил на поездку в Сант-Яго... а оттуда на север в провинцию Аконкагуа»[4].

Об этой части своего путешествия Миклухо-Маклай писал:

Патагонец 30-40 лет. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.

[1] Альбом с рисунками патагонцев и арауканов (арауканцев — в подписи Миклухо-Маклая к рисункам), сделанными Миклухо-Маклаем, хранится в архиве РГО.

[2] The «Barometro Araukano» from the Chiloe Islands. Proc. LSNSW. 1884. Vol. 8. Pt. 4. P. 462–463. Текст представляет собой сообщение Миклухо-Маклая, доложенное на заседании Линнеевского общества Нового Южного Уэльса 28 ноября 1883 г. и опубликованное в его трудах на английском языке.

[3] Арауканы (самоназвание «мапуче», букв. «люди земли») — народ, населяющий южные районы Чили и Аргентины. Численность в Чили 1,3 млн, в Аргентине — 200 тыс. человек (оценка). Говорят на изолированном языке мапудунгун.

[4] Известия Императорского Русского географического общества. Т. 7. № 5, 20, 1871, с. 264.

«Пройдя Маггеланов пролив, пришли мы недели 3 назад в Вальпараисо. Оттуда «Витязь» отправился в Новую Гвинею, заходя на некоторые острова Тихого океана. Во время нашего пребывания в Патагонии и в Чили я сделал несколько экскурсий. ... Корвет зайдёт отсюда на о. Пасхи, один из интереснейших о-вов Тихого океана, и я надеюсь употребить все старания на исследование этой местности. По берегам Патагонии, в Атлантическом океане, а также в Магеллановом проливе, мне удалось сделать ряд довольно интересных исследований температуры воды на глубине...»

За время стоянки в Вальпараисо Миклухо-Маклай несколько раз был в Сантьяго. И. Домейко[1] — ректор Чилийского университета, стал его личным гидом, познакомил с видными чилийскими учёными, с минералогическими и этнографическими коллекциями. Домейко напечатал в газете заметку о пребывании в Чили русского корвета с натуралистом, отправляющимся к берегам Новой Гвинеи. В Сантьяго Миклухо-Маклай посетил этнографический музей, где заинтересовался экспонатами с острова Пасхи и приобрёл их фотографические снимки. 9 мая 1871 г. путешественник встречался с профессором Чилийского университета Р. А. Филиппи[2]. В записной книжке Миклухо-Маклая сохранился перечень вопросов, которые он задавал этому учёному в ходе беседы; многие касались острова Рапа-Нуи (Пасхи).

Судя по письму секретарю ИРГО Остен-Сакену, Миклухо-Маклай собирался опубликовать сделанные в Южной Америке наблюдения и спрашивал, «...принимаются ли в изданиях общества рисунки (как-то типы более известных рас, изображения разных интересных предметов, местностей и т. д.)». К этому периоду относится

➲ *Каменный идол с острова Рапа-Нуи. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. 1871 г.*

[1] Игнацы (Игнатий Ипполитович, Игнасио) Домейко (1802–1889) — выдающийся геолог, географ и этнолог; на протяжении многих лет ректор Чилийского университета. Родился на территории Польши, которая отошла к Российской империи, участвовал в революционном движении и в восстании 1830 г., после чего выехал во Францию, а оттуда после окончания Горной школы в Париже — в Чили.

[2] Рудольф Амаандус (Родольфо Амандо) Филиппи (1808–1904) — палеонтолог, ботаник, зоолог и натуралист. В 1851г. переехал из Германии в Чили, где он возглавлял кафедру ботаники и зоологии и музей естественной истории университета в Сантьяго.

Хижина индейцев-мапуче (Чили). Рисунок XIX в.

его экскурсия в провинцию Аконкагуа[1], о чём, однако, письменных отчётов не имеется.

В конце стоянки в Вальпараисо состояние здоровья Миклухо-Маклая вновь ухудшилось, он заболел изнурительной лихорадкой. Капитан Назимов сообщает: «Он не высказывал никогда о своих болях, но, выходя в море 21 мая 1871 г., на пути к о. Пасха болезнь сама высказалась».

В июне 1871 г. «Витязь» вышел из Вальпараисо и направился в сторону острова Пасхи, куда доставил почту. К сожалению, высадиться на берег Миклухо-Маклаю не удалось из-за отсутствия безопасной якорной стоянки. Два часа корабль провёл в дрейфе у его берега, после чего взял курс на острова Океании. Миклухо-Маклай в своих заметках сожалеет, что не смог побывать на острове, находясь рядом. Он отмечает вулканическое происхождение острова и критическое положение местных жителей, которых осталось около 230 человек; остальные были переселены в Перу, для разработки залежей гуано, и на Таити[2]. Немногие вернувшиеся занесли на остров эпидемии, которые оказались смертельными, особенно для женщин. В дневнике путешественника упоминается о демографической диспропорции — на 200 мужчин всего 30 женщин, отчего «в жёны их берут в 10–11 лет, поэтому и детей не рождается... к тому же обращение с женщинами... очень скверное и даже жестокое».

Н. Н. Миклухо-Маклай был первым русским этнографом и антропологом, исследовавшим аборигенов южной оконечности Южной Америки. Но, к сожалению, о вкладе этого учёного и путешественника в изучение географии и этнографии южноамериканских стран известно мало, он затмевается всемирной славой, которую Миклухо-Маклаю принесли исследования в Океании.

[1] В современном административно-территориальном делении Чили не существует; находилась к востоку от Сантьяго.

[2] До появления на острове Пасхи европейцев численность рапануйцев составляла, по разным оценкам, от 4 до 8 тыс. человек. Эпидемии и пиратские набеги привели к её катастрофическому сокращению. К 1877 г. на острове осталось немногим более 100 жителей. В настоящее время на острове Пасхи проживает около 2 тыс. человек, из них примерно половина — рапануйцы (в основном метисы), остальные — чилийцы.

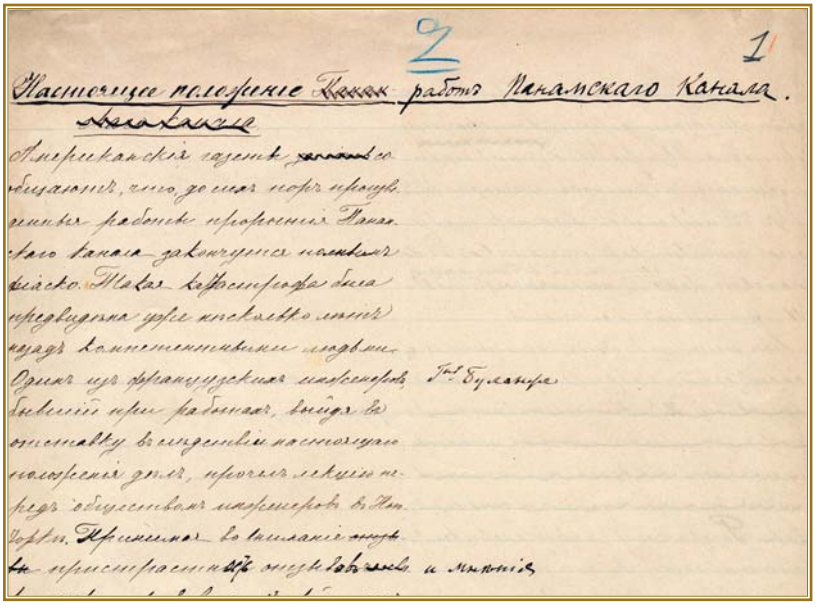
➲ *Предгорья Анд.*

Эрнст Геккель (стоит) со своим ассистентом Николаем Миклухо-Маклаем. Фотография XIX в.

В книге «Знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай: его жизнь и деятельность», изданной товариществом И. Д. Сытина к двадцатилетию смерти великого путешественника в 1908 г., на первой странице говорится: «Часто случается, что таких людей при жизни мало знают; труды их, заслуги и подвиги мало ценят, ими мало интересуются. Миклухо-Маклай был человеком без диплома; какой-либо учёной степени он не получил... И только одно учёное общество, — Русское географическое общество, — глубоко ценило его заслуги и заботливо помогало ему в его предприятиях».

➲ *Фрагмент путевых заметок из записной книжки Н.Н. Миклухо-Маклая.*

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

5 (17) июня 1846 — 2 (14) апреля 1888

Русский путешественник, этнограф и географ, действительный член Императорского Русского географического общества.

Николай Миклухо-Маклай родился в Новгородской губернии в семье инженера-путейца. Когда ему исполнилось 11 лет, умер его отец; семья жила в бедности.

В 1861 г. за участие в манифестации 15-летний Николай был заключён на несколько дней в Петропавловскую крепость. В 1863 г. он поступил вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, посещал лекции в Медико-хирургической академии. В 1864 г. его отчислили из университета за участие в студенческом движении, и он уехал в Германию, где продолжил учёбу в Гейдельбергском, Лейпцигском и Йенском университетах. Работая ассистентом в Гистологическом институте Э. Геккеля, посещал в 1865–1869 гг. Канарские острова и Марокко.

В 1868 г. Миклухо-Маклай совершил первые самостоятельные экспедиции на Красное море, в Крым, на Дон и Волгу. В 1869 г. он возвратился в Россию и по итогам своих путешествий выступил с докладом в Императорском Русском географическом обществе (ИРГО).

Предположив, что культурные и расовые признаки народов обусловлены природной и социальной средой, он все последующие экспедиции проверял и подтверждал эту гипотезу. Н. Н. Миклухо-Маклай разработал и представил в ИРГО план экспедиции в Тихий океан для зоологических, этнографических и антропологических исследований. В статье «Почему я выбрал Новую Гвинею?» Миклухо-Маклай писал, что «именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований». Получив от ИРГО денежную субсидию и разрешение плыть на Новую Гвинею, в октябре 1870 г. на корвете «Витязь» он отправился в путешествие, сделавшее его знаменитым. В ходе плавания Н. Н. Михлухо-Маклай посетил Южную Америку, в том числе исследовал чилийскую часть Патагонии.

Всю свою дальнейшую жизнь Миклухо-Маклай посвятил этнографии коренного населения Океании и Юго-Восточной Азии, опровергнув бытовавшее представление о неравенстве умственных способностей европейцев и аборигенов.

В 1871 г. Миклухо-Маклай высадился в заливе Астролябия на Новой Гвинее, где в течение года изучал жизнь папуасов. Во время экспе-

диции он составлял карты территории, впоследствии названной в его честь Берегом Маклая, открывал новые виды растений, измерял температуру воды, воздуха, направление и силу ветра, изучал быт и антропологию папуасов. В 1872 г. Миклухо-Маклай покинул Новую Гвинею из-за частых приступов лихорадки.

Затем учёный проводил исследования в Индонезии, на Филиппинах, Малайском полуострове, островах Океании и в Сингапуре. Во время второго путешествия на Новую Гвинею в 1873 г. он открыл озеро Камака-Валлар, проливы Елены и Софии, внёс исправления в географические карты. В 1874 г. Миклухо-Маклай представил меморандум генерал-губернатору Нидерландской Индии о социально-политическом положении папуасов Берега Папуа-Ковиай. Из-за тяжелой болезни он вынужден был вернуться на остров Ява.

Миклухо-Маклай боролся против колониальной экспансии Англии и принял трудное для учёного решение не публиковать сведения, которые собрал на полуострове Малакка. Он выступил с предложением создать независимое государство Папуасский Союз.

В 1876–1877 гг. Миклухо-Маклай вновь поселился на Берегу Маклая, однако болезни заставили его отбыть в Сингапур на лечение. Поступление денежных средств от ИРГО позволило Н. Н. Миклухо-Маклаю уплатить часть долгов и переехать в 1878 г. в Австралию.

В Австралии он жил в Сиднее, публиковал научные статьи, проводил антропологические и этнографические исследования, создал морскую биологическую станцию в заливе Уотсон-Бей. Активно выступал в защиту коренного населения Океании от колонизаторов, готовил проект развития Берега Маклая.

В 1882 г. он возвратился в Россию, где его приняли как героя. Миклухо-Маклай организовал выставку и выступил в ИРГО, это получило широкий отклик в печати. Он встретился с императором Александром III, от которого получил деньги на уплату долгов и издание трудов, выступал в Западной Европе с докладами о своих путешествиях.

В 1883 г. Н. Н. Миклухо-Маклай вновь покинул Россию и провёл два года в Австралии, после чего в 1886 г. возвратился в Петербург с предложением организовать на Берегу Маклая под протекторатом России «вольную русскую колонию», но не получил одобрения императора.

В 1887 г. Миклухо-Маклай перевёз из Австралии в Петербург свою семью, зоологические и анатомические коллекции; работал над подготовкой к публикации двухтомного сборника сочинений, писал статьи, но из-за приобретённых в тропиках болезней умер в возрасте неполных 42 лет.

Записные книжки, дневники и другие документы Н. Н. Миклухо-Маклая были переданы ИРГО. Собранные им этнографические и антропологические коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

Именем Н. Н. Миклухо-Маклая названы Институт этнологии и антропологии РАН и ряд географических объектов на острове Папуа — Новая Гвинея.

При жизни Н. Н. Миклухо-Маклая было опубликовано около ста его печатных работ. Основные научные труды Н. Н. Миклухо-Маклая представлены в вышедшем в 1990-е гг. в Москве собрании его сочинений в 6 томах.

Литература

Знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай: его жизнь и деятельность. Со многими рисунками. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1908.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. М., 1923.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1–2. М.; Л. 1940–1941.

Миклухо-Маклай Н. Н. Т. 1. Дневники путешествий 1870–1872. // Собр. соч. в 5 т. М.; Л. 1950.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений в 6 томах: Т. 1. Путешествия 1870—1874 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты. М.: Наука, 1990.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений в 6 томах: Т. 6. Ч. 1. Этнографические коллекции. Рисунки. М.: Наука, 1999.

Полевой Б. П. Находка полного текста записки П. Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае // Советская этнография. 1986. № 1.

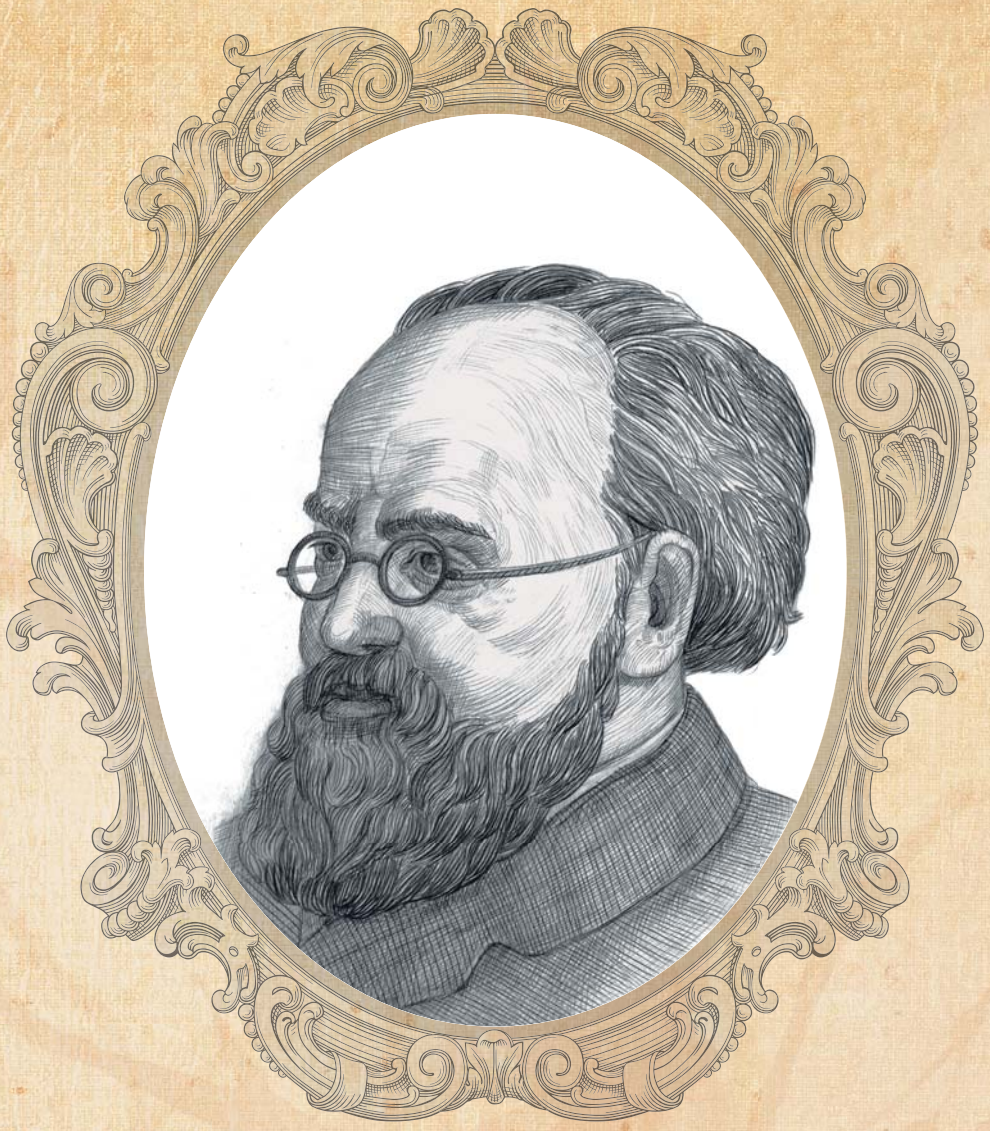
Полевой Б. П. Миклухо-Маклай в Чили // Латинская Америка. 1988. № 10.

ГЛАВА VII

А. В. Воейков: путешествие по Мексике, Центральной и Южной Америке в 1874–1875 гг.

Александр Иванович Воейков

8 (20) мая 1842 г. — 27 января (9 февраля) 1916 г.

Русский метеоролог, климатолог и географ,
член Русского географического общества.

В 1872 г. Александр Иванович Воейков, к этому времени уже известный в России учёный, автор нескольких десятков статей, посвящённых особенностям климата и погодным явлениям в России, отправился в кругосветное путешествие. Главной его целью должно было стать изучение особенностей природы различных районов мира и сбор материалов о климате Земли. Действительный член Императорского Русского географического общества, почти два года проработавший секретарём его метеорологической комиссии, Воейков путешествовал «кругом Земли» на собственные средства, которые он выручил от продажи одного из доставшихся ему в наследство имений.

В 1873 г., после посещения нескольких европейских стран, путешественник оказался в Соединённых Штатах Америки. Отсюда после окончания работы над комментариями к книге «Ветры земного шара», которую ему заказал Смитсоновский институт[1], Воейков решил отправиться в Мексику и дальше на юг — в Центральную, а затем и в Южную Америку. Находясь далеко от Петербурга, он не терял связи с Русским географическим обществом и регулярно отправлял письма секретарю общества Ф. Р. Остен-Сакену[2]. На основе этих писем впоследствии была составлена статья «Путешествие А. И. Воейкова в Центральной Америке», опубликованная в Известиях ИРГО в 1875 г. По этой статье и другим публикациям мы имеем возможность восстановить маршрут путешествия.

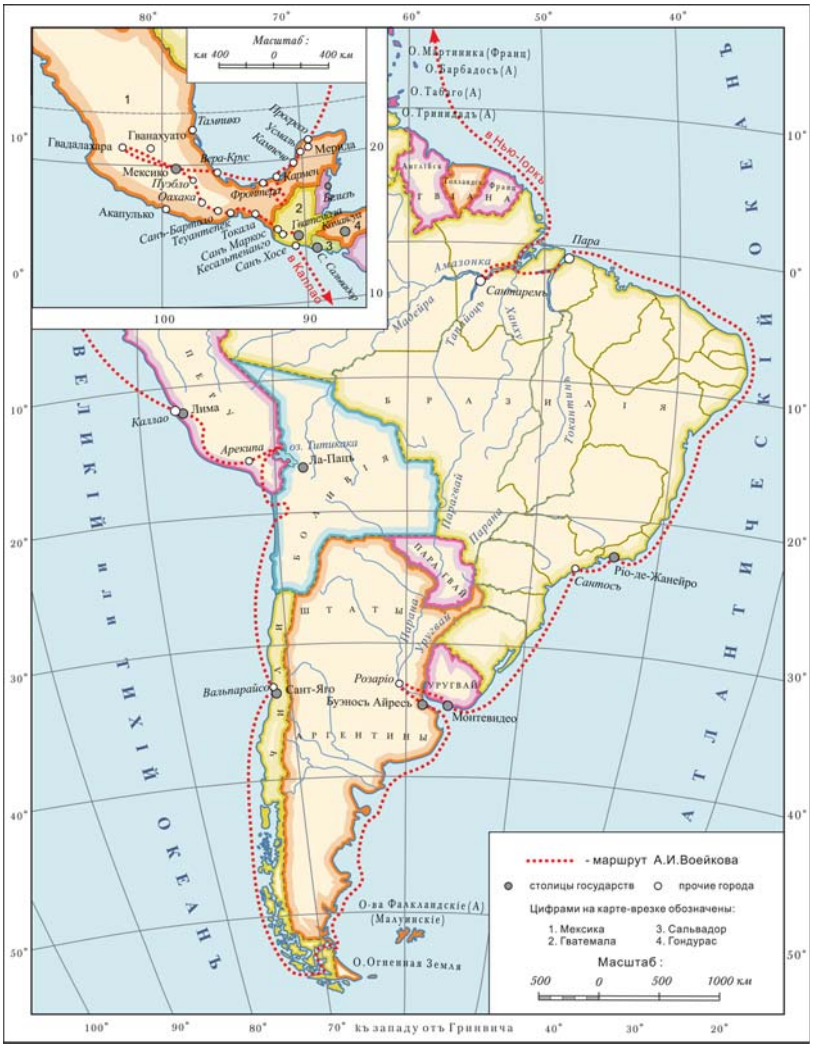
Оно длилось почти целый год — с февраля 1874 по январь 1875 г.; Воейкову удалось посетить южные и центральные штаты Мексики, побывать в странах Центральной Америки, Перу, Боливии, Чили, Аргентине, Бразилии. Тем не менее в письмах Остен-Сакену он сетует на сопровождавшие его неудачи и пишет, что не смог полностью осуществить свои планы. Воейков намеревался завершить своё южноамериканское путешествие, поднявшись от устья Амазонки до впадения

Город в мексиканском штате Сакатекас. Рисунок XIX в.

[1] Научно-исследовательский и образовательный институт в Вашингтоне в США, основан в 1846 г.

[2] Фёдор Романович Остен-Сакен (1832–1916) — географ, этнограф, государственный деятель. В 1870–1897 гг. директор департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел. В разные годы секретарь, председатель отделений, помощник председателя, почётный член ИРГО.

➲ *Карта маршрутов А.И. Воейкова в 1864 г.*

в неё Риу-Негру[1], после чего пройти вверх по этому её крупнейшему левому притоку и попасть в бассейн Ориноко[2]. Необходимо отметить, что даже в наше время такое путешествие совершить непросто. В 1987–1988 гг. этот путь проделала на лодке-каноэ из цельного ствола дерева международная экспедиция под руководством выдающегося кубинского географа А. Нуньеса Хименеса[3], доказав тем самым возможность существования связей между народами Амазонии и Карибского бассейна в доколумбову эпоху.

К сожалению, Воейкову не удалось осуществить свои намерения по изучению внутриконтинентальных районов приэкваториальной части Южной Америки, о причинах формирования климата которых в то время было ещё мало известно. Он пишет, что помешали погода (до Амазонии он добрался в период дождей) и сопутствующие дождливому сезону года «злокачественные лихорадки», которые, по словам учёного, «особенно сильны, когда река начинает подниматься, забирая миазмы из лесов и

[1] Крупнейший из левых притоков Амазонки (длина около 2,3 тыс. км). Через протоку Касикьяре соединяется с бассейном Ориноко.

[2] Крупнейшая река северной части Южной Америки (длина около 2,5 тыс. км).

[3] Антонио Нуньес Хименес (1923–1998) — кубинский революционер, географ, дипломат, президент Академии наук Кубы (1962–1972).

болот». Заболел лихорадкой в начале декабря 1874 г. и сам Воейков, когда он находился в Сантарене[1], после чего он вынужден был прервать путешествие и при первой возможности покинуть Южную Америку.

Ещё одна неудача, которая постигла Воейкова, — потеря записной книжки, которую он вёл «от Мексики через Гватемалу до Лимы». В результате, как он потом сетовал, при подготовке публикаций после возвращения домой ему «часто приходится надеяться на память». Насколько мы можем судить по научному наследию учёного, память у него была прекрасная. В изданном десять лет спустя фундаментальном труде «Климаты земного шара, в особенности России» Воейков подробно описывал особенности природы и хозяйства самых разных районов Северной и Южной Америки, которые он посетил.

Латиноамериканское путешествие Воейкова началось в феврале 1874 г., когда он вместе с американским геологом Дж. Бейкером отплыл из Нью-Йорка на пароходе. Молодого энергичного спутника ему рекомендовали американские коллеги из Смитсоновского института. На берег Воейков и Бейкер сошли в мексиканском порту Прогресо[2] на северном побережье полуострова Юкатан. Во время прогулки по окрестностям этого города путешественники наблюдали многочисленные проявления карстовых процессов, в том числе знаменитые колодцы — сеноты[3]. Эти наблюдения дали Воейкову основания для сомнений в гипотезе его учителя, гёттингенского профессора А. Гризенбазха[4] о том, что скудность растительности северной части Юкатана связана с недостаточностью атмосферных осадков. На самом деле дождевая вода просачивалась сквозь пористый известняк, и почва оставалась недостаточно влажной. Заинтересовало Воейкова и то, как при отсутствии естественных пресных водоёмов было организовано водоснабжение в городе Прогресо; он осмотрел специально построенные для сбора и хранения дождевой воды резервуары — агуады.

Озеро Атитлан в Гватемале.

[1] Город в бразильском штате Пара, в 1,5 тыс. км от устья Амазонки; население около 300 тыс. человек (2012).

[2] Полное название Прогресо-де-Кастро; население 37 тыс. человек (2010).

[3] Карстовые воронки, на дне которых, как правило, находятся озёра.

[4] Август Генрих Рудольф Гризенбах (1814–1879) — немецкий естествоиспытатель, ботаник; профессор Гёттингенского университета.

Парра бразильская. (Kiebitz — «чибис»). По рис. В. Тилезиуса, 1814 г.

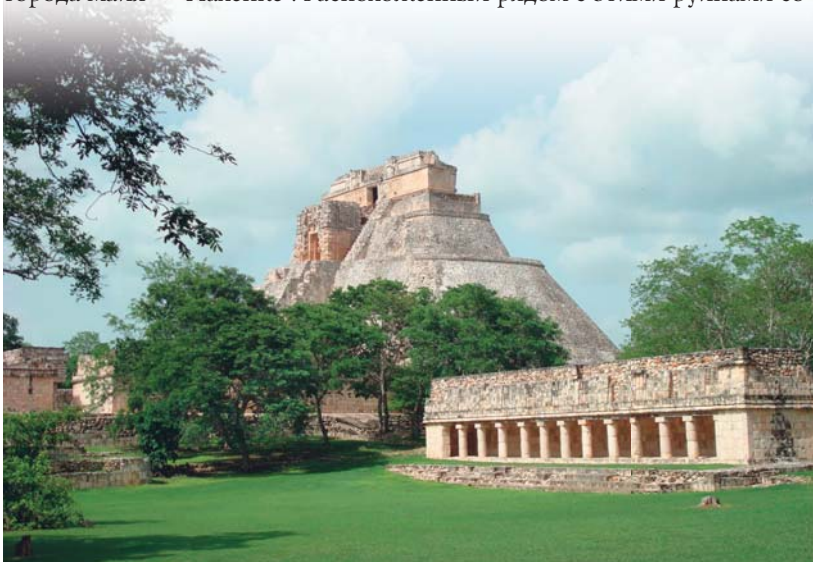

Изображение главного бога в майянском пантеоне — Кетцалькоатля.

Из Прогресо путешественники на лошадях отправились в Мериду[1]. По пути Воейков знакомился с хозяйством и бытом местных жителей, расспрашивал их о сезонности выпадения осадков. Как и многих путешественников, посещавших Юкатан, его заинтересовал хенекен[2] — главная товарная сельскохозяйственная культура этого полуострова. Воейкова особенно поразил высокий уровень механизации переработки хенекена, контрастирующий с отсталостью крестьянского хозяйства остальной Мексики. Он отмечал, что в то время как общее количество паровых машин в хенекеновых хозяйствах Юкатана перевалило за сотню, их едва ли наберётся ещё столько же во всей остальной Мексике.

Неподалёку от Мериды расположен Ушмаль[3] — архитектурный памятник на месте города майя, покинутого и заросшего тропическим лесом. Воейков знал об этом комплексе из книги американского путешественника Дж. Стефенса «Приключения во время путешествия по Центральной Америке, Чьяпасу и Юкатану»[4], которая служила ему путеводителем, и не преминул посетить руины Ушмаля. В книге Стефенса выражалось опасение, что время не пощадит разрушающиеся остатки строений майя. Но Воейков, увидев их 30 лет спустя, с радостью отметил, что этого не произошло, чему нашёл научное объяснение: сухость климата.

Из Ушмаля путешественники направились к побережью Мексиканского залива, в город Кампече[5]. Здесь Воейков познакомился с антикваром Ф. Гимено, собирателем доколумбовых древностей, в доме которого ему довелось увидеть настоящий музей культуры майя. Из Кампече маршрут Воейкова и его спутника лежал дальше на юг, где они переправились через лагуну Терминос и, повторяя путь Стефенса, на лодке поднялись вверх по реке Палисада, а затем по реке Усумасита. Отсюда было уже недалеко до границ штата Чьяпас и руин другого города майя — Паленке[6]. Расположенный рядом с этими руинами со-

Ушмаль — город майя на полуострове Юкатан.

[1] Столица мексиканского штата Юкатан и крупнейший город на одноимённом полуострове. Население 778 тыс. человек (2010).

[2] Происходящий из Мексики вид травянистых растений из рода агава семейства Агавовые. Выращивается для получения грубого волокна, служащего для изготовления бумаги, верёвок и мешковины.

[3] Руины города майя в 68 км южнее города Мерида; сохранившиеся постройки относятся к 700–1000 гг. н. э.

[4] Эта книга впервые вышла в 1843 г. и содержала описание более 40 архитектурных памятников цивилизации майя, расположенных в Мексике и Центральной Америке.

[5] Полное название Сан-Франциско-де-Кампече, город в Мексике, столица одноимённого штата. Население 220 тыс. человек (2010).

[6] Условное название города майя, расцвет которого датируется III–VIII вв.

временный город Паленке незадолго до посещения Воейкова опустел: значительная часть его населения бежала в 1869 г. во время восстания индейцев в города соседнего штата Табаско.

Паленке впечатлил Воейкова не меньше, чем Ушмаль. В двух философских статьях под общим заголовком «Воздействие человека на природу», опубликованных в журнале «Землеведение» в 1894 г., он писал:

«Растительность является условием и разрушающим, и сохраняющим земную кору. <...> До какой степени доходит это влияние, показывает следующий пример: мне случилось быть на развалинах Паленке в мексиканском штате Чиапас, к юго-западу от Юкатана. На месте когда-то бывшей здесь столицы неизвестного племени вырос такой лес, что его можно было бы принять за девственный, если бы в нем не встречались развалины. Растительность здесь необычайной густоты и силы; нередко видишь, что корни растений оторвали от скалы целую глыбу, но она так крепко оббита корнями, что не падает».

Из Паленке путешественники вновь вернулись на побережье Мексиканского залива, спустившись по рекам Усумансита и Грихальва к городу Фронтера[1], откуда на пароходе доплыли до порта Веракрус[2], после чего добрались до столицы страны, города Мехико. В Мехико Воейков посетил старейший мексиканский университет[3], осмотрел уникальные экспонаты национального естественно-исторического музея, связанные с цивилизациями доколумбовой эпохи[4]. В окрестностях столицы на него произвели большое впечатление обрамляющие котловину, в которой расположен город, вулканы Попокатепетль[5] и Орисаба[6]. Воейков совершил также поездку на запад Мексиканского нагорья, в штат Халиско — к озеру Чапала.

[1] Город в мексиканском штате Табаско, порт; население 23 тыс. человек (2010).

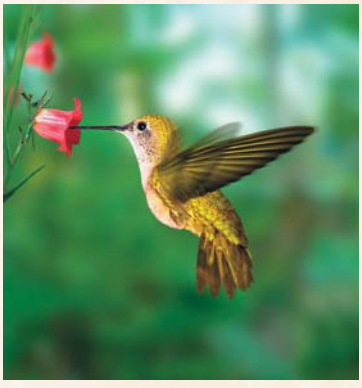
[2] Город в одноимённом штате, крупнейший порт Мексики; население 552 тыс. человек (2010).

[3] Современное название этого университета, основанного в 1551 г., — Национальный автономный университет Мексики.

[4] Впоследствии этот музей был преобразован в Национальный археологический музей, а в 1963 г. на его основе создан Национальный музей антропологии.

[5] Действующий вулкан, высота около 5,5 тыс. км.

[6] Действующий вулкан, высота около 5,6 км; иное название — Читлальтепетль.

Древние майя приносили в жертву Кетцалькоатлю бабочек и колибри.

Вулканы в Кордильерах Гватемалы.

Путешествуя, учёный не переставал вести наблюдения, в первую очередь его интересовали метеорологические явления и особенности климата. Вот, например, что Воейков впоследствии писал о местном ветре «норте», частом на юге Мексики:

«...Он приносит дождь не только восточному склону мексиканского плоскогорья, но и далее к югу, от северных берегов Техуантепекского перешейка[1] до Британского Гондураса...[2] Эти же ветры приносят холодный воздух всему означенному пространству, оттого и колебания температуры здесь больше, чем в других тропических странах.

...В апреле 1874 г. я ехал из Орисабы[3], на восточном склоне плоскогорья, в Мексико. Моросил мелкий, холодный дождь, дул пронзительный «норте». Но как только поезд дошёл до перевала и началось Мексиканское плоскогорье, как сразу всё изменилось, и в самое короткое время было яркое солнце и столбы пыли — нормальная погода сухого времени года.

...Нужно заметить, что «норте» дуют ещё очень сильно на южной стороне Техуантепекского перешейка, но здесь уже они не приносят холода, и, кроме того, они очень сухи, так как осаждают пары на северной стороне гор».

Из Мехико Воейков и Бейкер выехали на лошадях по построенной ещё испанцами старой «королевской» дороге на юго-восток. Маршрут проходил по территории штатов Пуэбла, Оахака и Чьяпас, в которых и сегодня преобладает индейское и метисное население. Вот что пишет об этом Воейков:

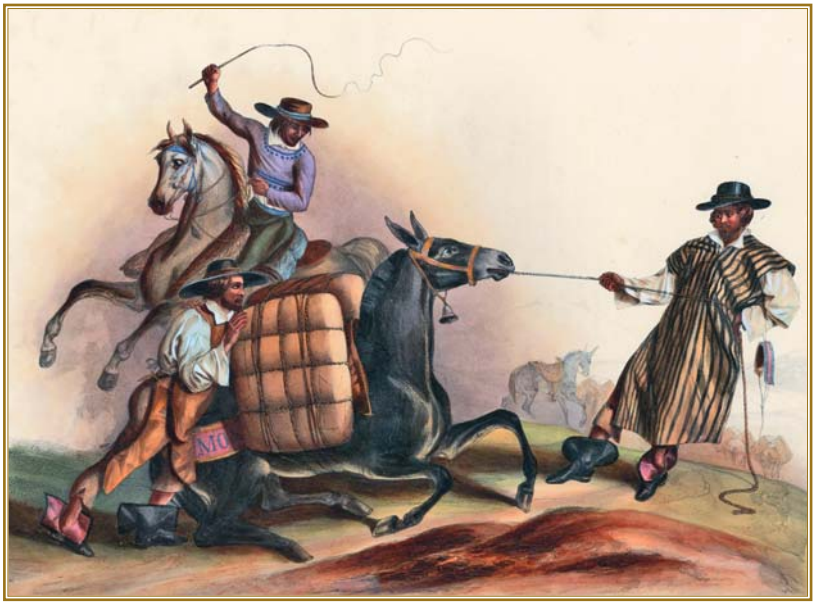
[1] Перешеек между Мексиканским заливом и Тихим океаном шириной менее 200 км.

[2] Бывшая британская колония в Центральной Америке, на части территории которой ныне находится государство Белиз.

[3] Город в мексиканском штате Веракрус; население 190 тыс. человек (2010).

Вид на город Мехико. Рисунок XIX в.

Погонщики мулов на перевале. Рисунок XIX в.

«Несмотря на усталость, дурные ночлеги и дороги, которые ещё испортились к концу, я вспоминаю об этой части путешествия с удовольствием. Поездка по стране, где на сотни вёрст нет гостиницы, так хорошо знакомит с нравами и обычаями страны, как не познакомит в целые годы там, где есть железные дороги и дилижансы. Больше всего приходишь в столкновение с цветными, смешанными племенами, реже — с белыми и индейцами.

...Замечательна естественная грация этого цветного населения. В некоторых отношениях здесь уже более равенства, чем в Соединённых Штатах. ...Здесь вы называете всякого «Don»[1], хоть бы он принял вас в одном платке, повешенном на веревке кругом пояса... Весь этот народ добродушен, весел, доволен своей судьбой и ничего не понимает из того, что говорят отцы отечества в Мексико и столицах штатов».

Путь от «г. Мексико до Гватемалы» составил более 1000 вёрст[2] верхом. Воейков пишет, что «с большой усталостью делались «половинные» переходы», поскольку от путешественников сбежал проводник (к тому же укравший у Бейкера ружьё), и им пришлось самим «возиться с вьючным мулом». Наконец им удалось достичь округа Соконуско[3] на границе Мексики и Гватемалы, где была сделана передышка. Воейков пишет:

«Лучшая часть путешествия — 10-дневное пребывание в Соконуско. Это — крайняя Ю.-В. часть штата Чиапас. В прежнее время, когда эта страна принадлежала к империи Ацтеков, она была очень населена и богата. По числу селений предполагают, что в ней было не менее 300 т. жителей, теперь же 11 тыс. В других отношениях упадок был такой же, и только в последние 10—15 лет страна оправляется благодаря возделыванию кофе».

У путешественников были рекомендательные письма к местному землевладельцу и предпринимателю Ромеро (по словам Воейкова, «умному и энергичному мексиканцу»). Заручившись его поддержкой, они совершили две экскурсии — к берегу Тихого океана, на принадлежащую Ромеро плантацию «каучукового дерева», и в Кордильеры, в селение Унион-Хуарес, расположенное на высоте 1200 м над уровнем моря. Этот район, находящийся на стыке гор и океанского побережья, поразил Воейкова богатством растительности:

«Я нигде ещё не видел такой великолепной растительности, как здесь, хотя она, может быть, показалась бы иначе после Амазонской реки...

Рисунок из Пополь-Вух («Книги Советов») — эпического произведения майя-киче.

[1] Дословно «господин».

[2] 1 верста равна 1066,8 м.

[3] В 1842 г. территория Соконуско была аннексирована Мексикой. Современная граница, делящая Соконуско между Мексикой и Гватемалой, установлена в 1882 г.

Мексиканцы. Рисунок XIX в.

...В Соконуско и возделанные места красивы, разводится большей частью кофе и какао, и деревья окружены живой изгородью из кофейного дерева».

В Соконуско Воейков расстался с Бейкером и продолжил путь в одиночку. На территории Гватемалы дорога поднялась в высокогорную область Альтос, где, по словам Воейкова, плотность населения гораздо выше, чем на побережье и на равнинах, поскольку жители не болеют лихорадкой, из-за чего «размножаются в холодном климате и бедствуют». Путешественник отмечает, что в густонаселённых районах местных ресурсов не хватает для пропитания и что ему приходилось довольствоваться скудным рационом местных крестьян — фасолью и маисовыми лепёшками-тортильяс; невозможно было купить даже яиц.

«Переезд по Гватемале вообще был менее приятен, чем прежде. На высоте 2—3 тыс. метров уже чувствуется холод, в особенности в дождливое время, когда мокнешь почти каждый день, затем приезд на ночлег, где печей и каминов не знают, невозможность высохнуть и согреться; словом, здесь под 15° с. ш. пришлось не мало испытать холода... Другое дело tierra caliente[1]».

Тяготы и лишения походной жизни с лихвой компенсировал путешественнику осмотр одной из главных природных достопримечательностей Гватемалы — горного озера Атитлан:

«В нескольких часах езды одна из лучших тропических местностей, которая мало обработана вследствие недостатка рук и капиталов. Здесь в Altos я видел самый красивый вид, ка-

[1] Пояс тропических равнин и низкогорий, дословно «жаркая земля».

Озеро Атитлан.

кой мне удалось видеть в Мексике и Гватемале: это вид на озеро Атитлан и на окружающие вулканы. Как я ни был подготовлен, особенно чтением Stephens' а, но действительность была не ниже ожиданий. Долина Мексико по-моему не может сравниться с этим уже потому, что здесь большое озеро с тёмно-синей водой, а знаменитое Tezcuco[1] скорее болото, чем озеро».

Из столицы Гватемалы Воейков направился к порту Сан-Хосе[2], откуда он отплыл на пароходе к берегам Южной Америки. В Перу, сойдя на берег в Кальяо, он сначала посетил столицу страны — Лиму, после чего отправился вдоль побережья Тихого океана на юг страны, где он поднялся в Анды и совершил поездку по железной дороге из Арекипы к озеру Титикака. Его дальнейший маршрут вновь проходил по побережью — через пустыню Атакама на границе Перу и Чили, район бурно развивающейся добычи селитры, в то время главного сырья для азотной промышленности. Здесь климатолог обратил внимание на метеорологический феномен — туманы на побережье Перу и Чили, называемые местными жителями «гаруас» и «неблинас». Эти туманы, как писал впоследствии Воейков в работе «Климаты земного шара...», наблюдаются в полосе от берега до высот около 1000 м над уровнем моря:

«Полоса тумана резко ограничена, в чём я мог убедиться при путешествии в Перу в 1874 г. Три раза мне пришлось проехать из полосы тумана у берега в ярко освещённые солнцем долины и плоскогорья на востоке и назад».

Доплыв до чилийского порта Вальпараисо, Воейков по железной дороге доехал до столицы Чили — города Сантьяго[3]. Здесь он описывает климатические условия, благоприятствующие земледелию:

Пустыня Атакама.

[1] Воейков имеет в виду пересыхающее озеро Тескоко в Мексике.

[2] Ныне небольшой город (20 тыс. человек) вблизи крупного порта Кецаль, построенного в 1983 г. на тихоокеанском побережье Гватемалы.

[3] Полное название Сантьяго-де-Чили, столица Чили; население около 5,5 млн человек (2011).

Вход в ботанический сад Рио-де-Жанейро.

«В средней части Чили, при температуре, очень приближающейся к южноевропейской, и умеренных дождях, при сухости лета, возделываются те же растения, что и в Южной Европе, т. е. пшеница и фруктовые деревья».

Стоит заметить, что сравнительная характеристика климатических условий различных районов земного шара — одно из общепризнанных достижений Воейкова в теории климатологии, имела весьма важное практическое применение. Поиск аналогов земледельческих районов в странах, где сельское хозяйство ещё не столь развито, крайне важен; именно таким образом Воейков, подыскивая аналоги муссонному климату в России, определил впоследствии для нашей страны перспективный район чаеводства.

В Вальпараисо Воейков сел на пароход, который обогнул Южную Америку, пройдя по Магелланову проливу, проследовал вдоль аргентинской Патагонии и сделал остановку в порту Буэнос-Айреса. В Аргентине Воейков не ограничился пребыванием в столице; он поднялся вверх по реке Парана до города Росарио[1] и несколько раз выезжал в район аргентинской Пампы.

Из Буэнос-Айреса, вновь морем, Воейков, с короткой остановкой в Монтевидео[2], отправился в Бразилию, где сошёл на берег в порту Сантос. В Бразилии путешественник посетил город Сан-Паулу, в то время уже ставший главным экономическим центром страны благодаря окружавшим его кофейным плантациям. Как заметил Воейков, в юго-восточной части Бразилии «по ту сторону береговых гор климат уже суше, обильные дожди бывают только в течение 4–5 месяцев, но количество дождя велико. Однако кофейные плантации без орошения, к западу от гор, доказывают, что климат не так сух, как может казаться при посещении местности в сухое время года».

Добравшись до Рио-де-Жанейро и осмотрев этот город, бывший в то время столицей Бразильской империи, Воейков сел на пароход, направлявшийся к устью Амазонки. Отсюда он поднялся до порта Сантарен в среднем течении этой реки, где вынужден был прервать путешествие, заболев жёлтой лихорадкой. К сожалению, ему так и не удалось проникнуть в районы Южной Америки, занятые, как он писал, «самой обширной лесной полосой земного шара, за исключением разве сибирской тайги», лесами «с роскошной тропической растительностью», которые «соединяются с лесами Гвианы до устья Ориноко, [а] от верхней Амазонки идут вдоль восточного склона Анд на юг и на север».

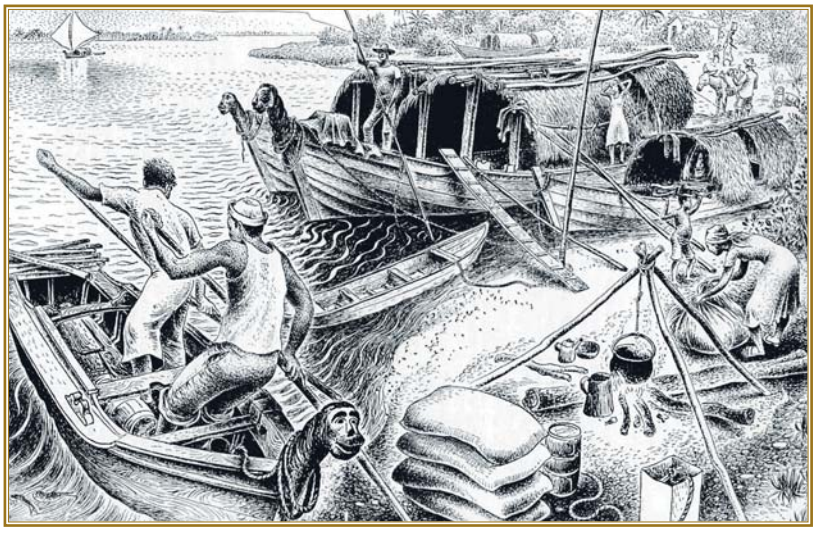
Вернувшись к порту Белен у устья Амазонки, Воейков с трудом нашёл возможность для того, чтобы покинуть Бразилию: в порту действовал карантин, регулярные рейсы пароходов были отменены. Русского путешественника согласился взять на борт капитан небольшого парусника, на нём Воейков почти месяц добирался до Нью-Йорка, куда

[1] Город в Аргентине, в провинции Санта-Фе. Население около 1 млн человек (2009).

[2] Столица Восточной Республики Уругвай. Население 1,3 млн человек (2011).

Бразильский водовоз. Рисунок, середина XX в.

Бразильские лодочники. Рисунок, середина XX в.

прибыл 25 февраля 1875 г. Правда, как считал сам путешественник, плавание пошло ему на пользу, и на морском ветру он почти излечился от лихорадки.

К наблюдениям, сделанным в Латинской Америке, Воейков обращался на протяжении всей своей жизни. Так, почти сорок лет спустя после путешествия, в 1911 г. в работе «Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека», он писал:

«Путешествия по тропическим странам Азии и Америки дали мне возможность ознакомиться с условиями жизни в этих местностях, где несомненно может жить более густое население, чем в средних и высоких широтах, и, притом, жить безбедно.

...Во всей Южной Америке более густое население группируется на побережье и в его соседстве, а на З[ападе] материка — отчасти в Андах, которые очень близки от берега Тихого океана. За одним исключением [это исключение — аргентинский штат Тукуман] густота населения более 10 жителей на кв. килом. не встречается далее 500 килом. от берега».

Любопытно, что Воейков, бывший убеждённым вегетарианцем, дебатирует в этой работе с А. фон Гумбольдтом, ранее писавшим, что основу рациона питания жителей южноамериканских тропиков могут составлять бананы. Воейков доказывает несостоятельность этого предположения на основе собственного опыта посещения «банановых» республик Центральной и Южной Америки.

Знатоком экономической географии стран Латинской Америки Воейков показал себя в работе «Будет ли Тихий океан главным торговым путём земного шара?». Это небольшое, но очень ёмкое произ-

➲ *Побережье Тихого океана в Сальвадоре.*

ведение намного предвосхитило своё время, ведь только сравнительно недавно стало общепризнанным, что мировой центр экономической активности смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. В этой работе Воейков приводит общемировую схему районирования, в которой он выделяет более 20 «областей» в соответствии со специализацией в международном разделении труда и даёт прогноз развития их хозяйства. Очевидно, что понимание перспективной роли Тихого океана в мировом хозяйстве пришло к Воейкову уже во время его путешествия по Латинской Америке в 1874–1875 гг.

Александр Иванович Воейков

8 (20) мая 1842 г. — 27 января (9 февраля) 1916 г.

Русский метеоролог, климатолог и географ, член Императорского Русского географического общества.

Александр Воейков родился в Москве, в дворянской семье. Его отец И. Ф. Воейков — участник Отечественной войны 1812 г., владел двумя имениями: Аннино-Знаменским под Москвой и Самайкиным в Симбирской губернии. Позже, продав подмосковное имение, А. И. Воейков получил средства для путешествий.

Воейков рано потерял родителей и воспитывался в семье дяди, где получил домашнее образование. С детства он интересовался естественными науками, а в 1856–1858 гг. совершил с семьёй дяди и младшим братом первое заграничное путешествие, посетив Палестину, Сирию, Константинополь, Грецию, Италию, Восточную Европу.

В 1860 г. Воейков поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, но в 1862 г., после временного закрытия университета, продолжил образование за границей. Он слушал лекции в Гейдельбергском, Берлинском и Гёттингенском университетах; в последнем в 1865 г. защитил диссертацию по теме «Об инсоляции и солнечном сиянии в различных местах земной поверхности» (на немецком языке), получив степень доктора философии.

Вернувшись в Россию в 1866 г., он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества (ИРГО) и стал одним из создателей его метеорологической комиссии. В марте 1870 г. Воейков занял пост секретаря этой комиссии, но оставил его в конце 1871 г. За время работы в комиссии он опубликовал десятки статей, в том числе об осадках и грозах в России, об изменении уровня Волги и Каспийского моря, о влиянии снежного покрова на климат. За организационную деятельность и научные труды был награждён малой серебряной медалью ИРГО.

А. И. Воейков много путешествовал. В 1867—1869 гг. он побывал на Кавказе, посетил Дагестан, Баку, Ленкорань, переправился через Каспийское море в Красноводск. В 1870 г. по поручению ИРГО ездил в Вену, Милан, Париж, Брюссель и Лондон для ознакомления с организацией метеонаблюдений и установления связей с зарубежными научными обществами. Уход с поста секретаря Метеорологической комиссии А. И. Воейков обосновал решением отправиться в кругосветное путешествие. Последующие пять лет он провёл в поездках почти по всему свету:

1872 г. — Галиция, Буковина, Молдавия, Валахия, Венгрия, Трансильвания, Австрия, Германия;

1873 г. — Соединённые Штаты Америки (Новая Англия, Вашингтон, Новый Орлеан, Нью-Йорк, Чикаго, Буффало, Техас, Калифорния, Средний Запад; А. И. Воейков пересёк Аппалачи и дважды — Скалистые горы, на пароходе проплыл по рекам Огайо, Миссисипи, Миссури и по Великим озерам); Канада (Манитоба, Онтарио, Квебек);

1874 г. — Мексика (Юкатан, Табаско, Мехико, Пуэбла, Оахака, Соконуско), Гватемала, Перу (побережье и Анды, озеро Титикака), Чили (пустыня Атакама, Вальпараисо, Сантьяго, Огненная Земля), Аргентина (Буэнос-Айрес, Росарио), Уругвай, Бразилия (Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро, Белен, откуда А. И. Воейков поднялся по Амазонке до Сантарена);

1875 г. — Индия (Бомбей, Калькутта, Дарждилинг, долина Ганга, юг Индостана), Цейлон, Индонезия (о. Ява);

1876 г. — Южный Китай, Япония (о. Хонсю и о. Хоккайдо).

Наблюдения, сделанные во время путешествий, отражены в статьях, опубликованных А. И. Воейковым в «Известиях ИРГО» и других

отечественных и зарубежных журналах, а также в его фундаментальных трудах по климатологии: «Атмосферная циркуляция» (1874 г., на немецком языке), комментариях к книге профессора Коффина «Ветры земного шара» (1875 г., на английском языке), «Климаты земного шара, в особенности России» (русское издание 1884 г., на немецком языке 1887 г.).

Научные интересы А. И. Воейкова не ограничивались климатологией и метеорологией. Путешествуя по разным странам, он проводил комплексные исследования природы и хозяйства, интересовался почвами, растительным покровом, топонимикой, этнографией, стремился как можно дальше проникнуть в глубь малоосвоенных территорий. Отчёты об этих путешествиях пользовались популярностью в России и за рубежом; путевые заметки А. И. Воейкова публиковались на немецком языке в журнале «Petermanns Mitteilungen», а в 1914 г. в Париже вышла на французском языке его книга о Туркестане.

В путешествиях А. И. Воейков собрал ценный материал для множества научных трудов по климатологии и метеорологии, они потом получили признание в России и за рубежом. В 1878 г. за метеорологические исследования и работы, проведённые в России и других странах света, ему была присуждена малая золотая медаль ИРГО. В том же году в Париже он получил золотую медаль за представленные на Всемирной выставке климатические карты. В 1880 г. А. И. Воейков получил степень доктора физической географии и был избран членом совета ИРГО, а в 1883 г. возглавил метеорологическую комиссию ИРГО.

Круг научных интересов А. И. Воейкова был чрезвычайно широк. Наряду с фундаментальными основами климатологии и метеорологии он занимался прикладными исследованиями по сельскохозяйственной метеорологии, мелиорации земельных угодий (в терминологии Воейкова — «земельным улучшением»), ирригации, распространению в России кукурузы, развитию рисоводства и хлопководства, внедрению культуры чая. Среди работ А. И. Воейкова по экономической географии выделяется книга «Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» (1911). Его труды, в которых анализируется влияние климата на хозяйство и, наоборот, воздействие человека на природу, были опубликованы веком раньше, чем человечество озаботилось проблемами экологии. В последние годы жизни А. И. Воейков увлёкся изучением воздействия климата на здоровье человека. Сторонник здорового образа жизни и активный пропагандист вегетарианства, он стал основателем нового научного направления — курортной климатологии; изучал курортные районы Минеральных Вод и черноморского побережья Кавказа, Крыма, Южного Урала.

Много времени А. И. Воейков уделял преподавательской деятельности; с 1882 г. он читал курсы по климатологии и физической географии в Санкт-Петербургском университете, где в 1912 г. ему было

присвоено звание почётного профессора. В 1886 г. А. И. Воейков был командирован ИРГО в Западную Европу с целью изучения зарубежного опыта преподавания географии.

Учёный с мировым именем, опубликовавший более 1400 научных работ, энциклопедист, неутомимый путешественник, А. И. Воейков, по свидетельствам современников, был скромен в быту, деликатен в общении с коллегами и не гнался за чинами и званиями. В 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, а совсем незадолго до смерти — в декабре 1915 г. — директором Высших географических курсов в Петрограде. В 1884 г. ИРГО наградило А.И. Воейкова Большой Золотой Константиновской медалью.

Основные печатные труды: статья в книге «Ветры земного шара» (1876, на английском языке); «Наши реки» (1877–1878); «Климат области муссонов Восточной Азии» (1879); «Новые данные о суточной амплитуде температуры» (1881); «Климатические условия ледниковых явлений» (1881); «Климат и народное хозяйство» (1892); «Климаты земного шара, в особенности России» (1894); «Воздействие человека на природу» (1894); «Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» (1911).

Литература

Воейков А. И. Избранные сочинения. Т. 1–4. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1952.

Воейков А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911.

Тимашев А. К. Воейков. М.: Молодая гвардия, 1957.

ГЛАВА VIII

С. О. Макаров: плавание в 1886–1889 гг.

Степан Осипович Макаров

27 декабря 1848 (8 января 1849) — 31 марта (13 апреля) 1904

Русский военно-морской деятель, вице-адмирал,
океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель,
действительный член Русского географического общества.

Широкое внедрение во второй половине XIX в. на морских судах парового двигателя и винта отразилось не только на характере мореплавания, но и на возможностях исследования Мирового океана и его берегов. Сократилось влияние погодных условий на производство исследовательских работ на море. Паровое судно имеет возможность в случае тумана или при ветрах, прижимающих судно к берегу, отойти в открытое море. Длинные и извилистые узкости проливов малодоступны для точной описи с парусных судов, в то время как для паровых судов они не представляют затруднений. Поэтому начиная с 1860-х гг. русские винтовые суда при следовании вокруг Южной Америки к Дальнему Востоку стали использовать Магелланов пролив[1]. Этим путём проследовал в конце 1886 г. и корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга Степана Осиповича Макарова.

36-летний капитан 1-го ранга Степан Осипович Макаров был назначен командиром корвета «Витязь» в 1885 г. «Витязь» строился в Петербурге на заводе, принадлежавшем Франко-русскому акционерному обществу[2], талантливым кораблестроителем П. А. Титовым[3]. Это был первый русский корабль, построенный не из железа, а из специальной судостроительной стали; его водоизмещение составляло 3,5 тыс. т. Помимо мощной паровой машины в 3000 лошадиных сил, на нём сохранялось парусное вооружение. Зимой 1885/86 г. «Витязь» готовился к дальнему плаванию и стоял в устье Невы. Макаров использовал это время для измерения со льда скорости течения реки на различных глубинах, о чём он сделал доклад в Императорском Русском географическом обществе.

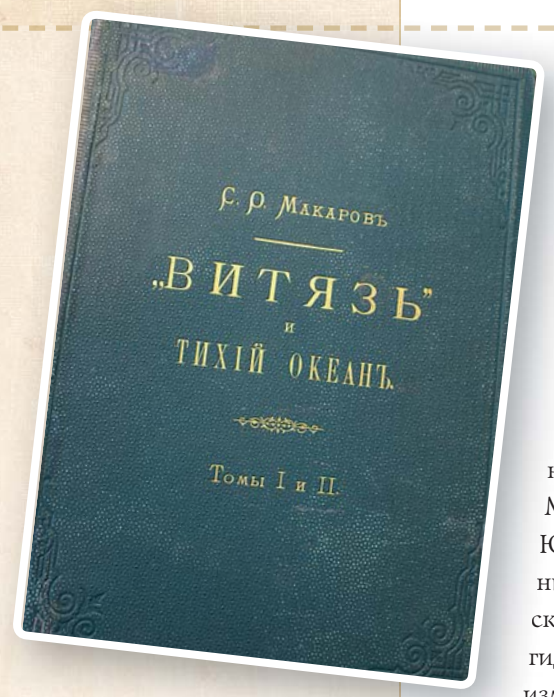
Модель корвета «Витязь» постройки 1884 г.

[1] Пролив длиной 575 км, отделяющий Южную Америку от архипелага Огненная Земля; минимальная ширина — 2,2 км.

[2] Бывший завод Берда в Петербурге, впоследствии вошёл в состав «Адмиралтейских верфей».

[3] Пётр Акиндинович Титов (1843–1894) — талантливый инженер-самоучка, не имевший даже начального образования; в 16 лет стал рабочим на верфях Невского завода, а затем прославился, как конструктор многих судов, включая броненосцы и подводные лодки.

Пролив Дрейка, соединяющий воды Тихого и Атлантического океанов.

Обложка книги С.О. Макарова «"Витязь" и Тихий океан. Гидрологические наблюдения, проведённые во время кругосветного плавания корвета "Витязь" 1886—1889 гг.». 1894 г.

Перед Макаровым стояла задача в кругосветном плавании усовершенствовать морскую подготовку экипажа из 372 человек и оценить возможности использования отдалённых российских портов в случае войны с Японией. Средств на научную работу для этой экспедиции казной отпущено не было. Тем не менее Макаров по собственной инициативе проделал огромную исследовательскую работу, хотя измерительные приборы ему приходилось изобретать и мастерить самому или покупать на собственные средства.

31 августа 1886 г. «Витязь» вышел из Кронштадта в дальнее плавание. Он посетил различные порты Европы, остров Мадейру, острова Зелёного Мыса[1] и выполнил по дороге к Южной Америке два десятка океанографических наблюдений, включающих измерения температуры и плотности морской воды на глубинах до 400, а иногда и до 800 м. Помимо гидрологических и метеорологических наблюдений, Макаров измерял глубины, брал пробы воды и грунта.

2 декабря 1886 г. «Витязь» встал на якорь в бухте Рио-де-Жанейро, где Макаров продолжил свои океанографические наблюдения. Он отметил большую разницу дневных и ночных температур воды, достигавшую 2,3°, в то время как в открытом океане она была менее 0,5°. Макаров совершенно справедливо объяснял такой характер суточного хода близостью берега и влиянием бризовых ветров: днём тёплая вода нагоняется от моря к берегу, а ночью ветер с берега отгоняет её в открытую часть.

12 декабря корвет вышел из Рио-де-Жанейро. По пути на юг Макаров вел наблюдения за температурой вдоль атлантического побережья Южной Америки. В частности, он отметил очень большой градиент температуры на 36° ю. ш. напротив устья Ла-Платы — от поверхности до глубины 25 м температура падала почти на 12° (с 19,4° до 7,6°). Он связал этот феномен с влиянием речного стока, препятствующего вертикальному перемешиванию с нижними слоями более плотной океанской воды. Подобное расслоение было обнаружено и у берегов Патагонии после выхода из Магелланова пролива в Тихий океан, но уже на глубинах 30—40 м. Анализируя результаты этих наблюдений, Макаров впоследствии писал, что ни одна значительная река не впадает в этом районе в океан, но более пресный слой «является следствием огромного изобилия дождей. Идя по каналу, в одном месте мы насчитали по окружающим скалам до 50 каскадов, видимых простым глазом одновременно». При этом господствующие сильные западные ветры не дают растекаться пресной воде в океан, прижимают распреснённый слой к берегу и делают его более мощным, чем в Атлантическом океане близ устья Ла-Платы. В самом Магеллановом проливе Макаров нашёл полностью однородную перемешанную до глубины 40 м воду и

[1] Архипелаг в центральной части Атлантического океана, ныне территория государства Кабо-Верде.

справедливо объяснил это сильными приливными течениями в узком проливе.

Успешно пройдя полосу встречных ветров у Патагонского архипелага, «Витязь» 18 января 1887 г. прибыл в чилийский порт Вальпараисо, где требовалось отремонтировать машину. Но к городу приближалась холера, и Макаров решил 27 января перейти в порт Кокимбо[1], расположенный в 300 км севернее Вальпараисо. Во время перехода из Вальпараисо в Кокимбо Макаров вновь выполнил океанографические наблюдения и отметил, что температура воды на поверхности на той же широте (около 30° ю. ш.) в Атлантике неподалёку от берегов Южной Бразилии была на 5,4° выше, а на глубине 100 метров разница достигала 6,5°. При этом у Бразилии измерения проводились весной Южного полушария, а возле Чили — в середине лета, так что с учётом сезонного хода температуры разница должна была быть ещё больше. Причина этой разницы, отмечал Макаров, — холодное течение у тихоокеанских берегов Южной Америки и тёплое Бразильское — у атлантических.

5 февраля «Витязь» покинул Южную Америку и отправился к Маркизским островам[2]. Впереди было трудное плавание к Японии и восточным берегам Евразии. Любопытно, что две трети этого пути «Витязь», экономя топливо, прошёл под парусами. В Россию корвет отправился другим путём: через Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал и Средиземное море и 20 мая 1889 г. вернулся в Кронштадт. Всего плавание «Витязя» продолжалось 993 дня.

Научные наблюдения отнимали у Макарова много времени, но вовсе не мешали, как это предполагали в морском министерстве, основной цели плавания. Когда позволяли условия, наблюдения на «Витязе» производились каждые четыре часа, а на границах течений, в проливах — через каждые пять — десять минут. Глубоководных исследований было сделано более двухсот шестидесяти. Для ловли рыб и добычи растений с раз-

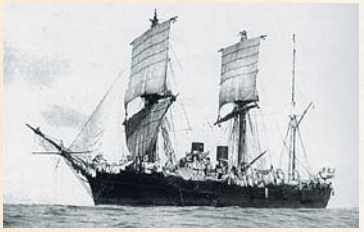
Буссоль — особый вид компаса, с помощью которого можно измерять углы при съёмках на местности.

[1] Город в центральной части Чили; население 202 тыс. человек (2012).

[2] Архипелаг на северо-востоке Французской Полинезии.

Айсберг у острова Огненная Земля.

Корвет «Витязь». Фотография. Конец XIX в.

личных глубин была изготовлена специальная сетка. Во время плавания на «Витязе» Макаров усовершенствовал батометр Ленца, изобретённый во время кругосветного плавания на шлюпе «Предприятие».

Дошедшие до нас сведения о плавании «Витязя» недостаточно полны. Посвящая свой труд об этой выдающейся экспедиции в основном только научным работам, Макаров, возможно, предполагал в дальнейшем обработать и опубликовать свой подробный дневник, в который заносил, помимо результатов научной работы, всё то, что привлекало его внимание в плавании. Однако этот дневник погиб, как предполагают, вместе с Макаровым на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японских минах в Порт-Артуре в 1904 г.

За плавание на «Витязе» С. О. Макаров был произведён в чин контр-адмирала. Его труд, полное название которого — «"Витязь" и Тихий океан. Гидрологические наблюдения, произведённые во время кругосветного плавания корвета «Витязь» 1886–1889 годов, и свод наблюдений над температурою и удельным весом воды Северного Тихого океана», посвящённый плаванию на «Витязе», был в 1894 г. издан Академией наук в двух томах с таблицами, рисунками, картами и чертежами. Он получил премию Петербургской академии наук и был удостоен большой золотой медали Императорского Русского географического общества. Книга С. О. Макарова, в которой он не только подробно описал результаты собственных наблюдений, но и обобщил материалы своих предшественников — Крузенштерна, Лисянского, Сарычева[1], Головнина, Коцебу, Беллинсгаузена, Лазарева, Врангеля, Литке, а также английской океанографической экспедиции на «Челленджере», стала классическим трудом по океанографии и прославила его как учёного-океанографа.

Интересны взгляды Макарова на положение уровня океанов и морей. Он считал, что на больших глубинах изобарические поверхности[2] горизонтальны и поэтому по средним плотностям морской воды можно вычислить разность уровней в смежных районах морей и океанов. И сейчас, более века спустя, скорости и направления морских течений вычисляют, пользуясь тем же методом, каким пользовался во время плавания на «Витязе» Макаров.

Айсберги в высоких широтах Тихого океана.

[1] Гавриил (Гаврила) Андреевич Сарычев (1763–1831) — адмирал, полярный исследователь, океанограф, первый русский прозаик-маринист.

[2] Поверхности равного давления слоёв воды.

Уникальны оправдавшиеся впоследствии высказывания Макарова об антарктическом происхождении глубинных вод северной части Тихого океана. Примечательно, что схема глубинной циркуляции была разработана только через 50 лет после гибели Макарова. В его труде один из параграфов озаглавлен: «Влияние вращения Земли на направление течений». Макаров полагал, что отклоняющее действие вращения Земли на все морские течения играет первостепенную роль. Эта мысль в то время не встретила общего признания и была подтверждена только после гибели Макарова.

Во время своих плаваний Макаров не сделал, в сущности, ни одного географического открытия — не открыл ни одного географического объекта, но в своих работах он в буквальном смысле слова открыл многие явления в Мировом океане и заслуженно стал одним из основоположников современной океанологии.

До Макарова мореплаватели в своих книгах описывали, порой весьма детально и красочно, открытые и посещённые ими острова, прибрежные районы морей и океанов и их жителей. Ничего подобного в книге Макарова «“Витязь” и Тихий океан» нет; она посвящена законам природы, от которых зависят особенности вод океана, океанские течения. Выдающийся отечественный океанолог Н. Н. Зубов[1] так писал впоследствии о значении этого труда:

«...Книги предшественников Макарова сейчас представляют в значительной мере лишь исторический и этнографический интерес. Наоборот, книги Макарова никогда не устареют, потому что в них содержится бесконечное количество мыслей и догадок, его рассуждений и предположений. Они всегда будут настольными книгами моряков и исследователей морей. Всякий моряк и исследователь моря должен знать стихию, влияние которой он постоянно испытывает, а книги Макарова как раз и облегчают понимание Мирового океана».

Хронометр.

[1] Николай Николаевич Зубов (1885–1960) — русский и советский морской офицер, инженер-контр-адмирал, океанолог, полярный исследователь, профессор, основатель кафедры океанологии географического факультета МГУ.

Степан Осипович Макаров

27 декабря 1848 (8 января 1849) — 31 марта (13 апреля) 1904

Русский военно-морской деятель, вице-адмирал, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, действительный член Императорского Русского географического общества.

Степан Макаров родился в городе Николаев, в семье прапорщика арестантских рот Черноморского флота. В возрасте 9 лет он переехал

с семьёй к новому месту службы отца — в Сибирскую флотилию, в городе Николаевск-на-Амуре. Здесь в 1865 г. Макаров первым в выпуске окончил штурманское мореходное училище. В 1867 г. за выдающиеся успехи в науках его произвели в гардемарины и назначили в 1-й флотский экипаж Балтийского моря. В следующем году он опубликовал первую научную работу в «Морском сборнике» по определению девиации в море. В 1869 г. Макаров был произведён в мичманы и назначен на броненосную лодку «Русалка» Балтийского флота. В 1870 г. он изобрёл пластырь для заделки пробоин судов и сконструировал водоотливную систему. В 1873 г. его командировали в Вену на Всемирную промышленно-техническую выставку, где Макаров с успехом продемонстрировал свои изобретения.

В 1876 г. С. О. Макарова назначили на Черноморский флот, где он принял командование вооружённым пароходом «Великий князь Константин». Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он впервые в мире успешно применил торпедное оружие, потопив турецкое сторожевое судно. Во время Ахалтекинской экспедиции (1880–1881) он организовал доставку снабжения водным путём из Астрахани в Красноводск.

В 1881 г. Макарова произвели в капитаны 1-го ранга; он служил в Константинополе, где изучал течения в проливе Босфор и изобрел прибор для определения их скорости. Вышла в свет и получила мировую известность работа «Об обмене вод Чёрного и Средиземного морей», за которую Макарова приняли в действительные члены Императорского Русского географического общества. За работу «Об изучении постоянных морских течений» он получил премию Академии наук.

В 1885 г. Макаров был назначен командиром корвета «Витязь», на котором в 1886–1889 гг. совершил кругосветное плавание, научным итогом которого стал его двухтомный труд по океанографии (1894), удостоенный Макарьевской премии и золотой медали ИРГО имени графа Ф.П. Литке. В 1890 г. Макаров стал самым молодым контр-адмиралом Российского флота и был назначен главным инспектором морской артиллерии. В 1891 г. он изобрел бронебойный колпачок для артиллерийских снарядов, принятый на вооружение всеми флотами мира.

В 1894–1895 гг. Макаров командовал эскадрой в Средиземном море. Он стал инициатором идеи использования ледоколов для освоения Северного морского пути, руководил проектом строительства ледокола «Ермак».

В 1896 г. его произвели в вице-адмиралы. В марте 1897 г. Макаров выступил в Географическом обществе с лекцией «К Северному полюсу — напролом». В том же году он был командирован в устья Оби и Енисея, а в 1899 г. назначен главным командиром Кронштадтского порта и губернатором Кронштадта (1899–1904). В 1901 г., командуя

«Ермаком», Макаров совершил экспедицию к Земле Франца-Иосифа и Новой Земле.

В 1904 г., после начала русско-японской войны (1904—1905) его назначили командующим Тихоокеанской эскадрой. Макаров руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, и погиб вице-адмирал на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японских минах.

Имя С. О. Макарова носят: город в Сахалинской области; котловина в Северном Ледовитом океане; Государственная морская академия в Санкт-Петербурге и ряд других высших учебных заведений морского профиля.

Основные печатные труды: «Об обмене вод Чёрного и Средиземного морей» (1885); «О двойственных течениях в проливах» (1886); «“Витязь” и Тихий океан. Гидрологические наблюдения, произведённые во время кругосветного плавания корвета «Витязь» 1886—1889 гг.» в 2 томах (1894).

Литература

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.

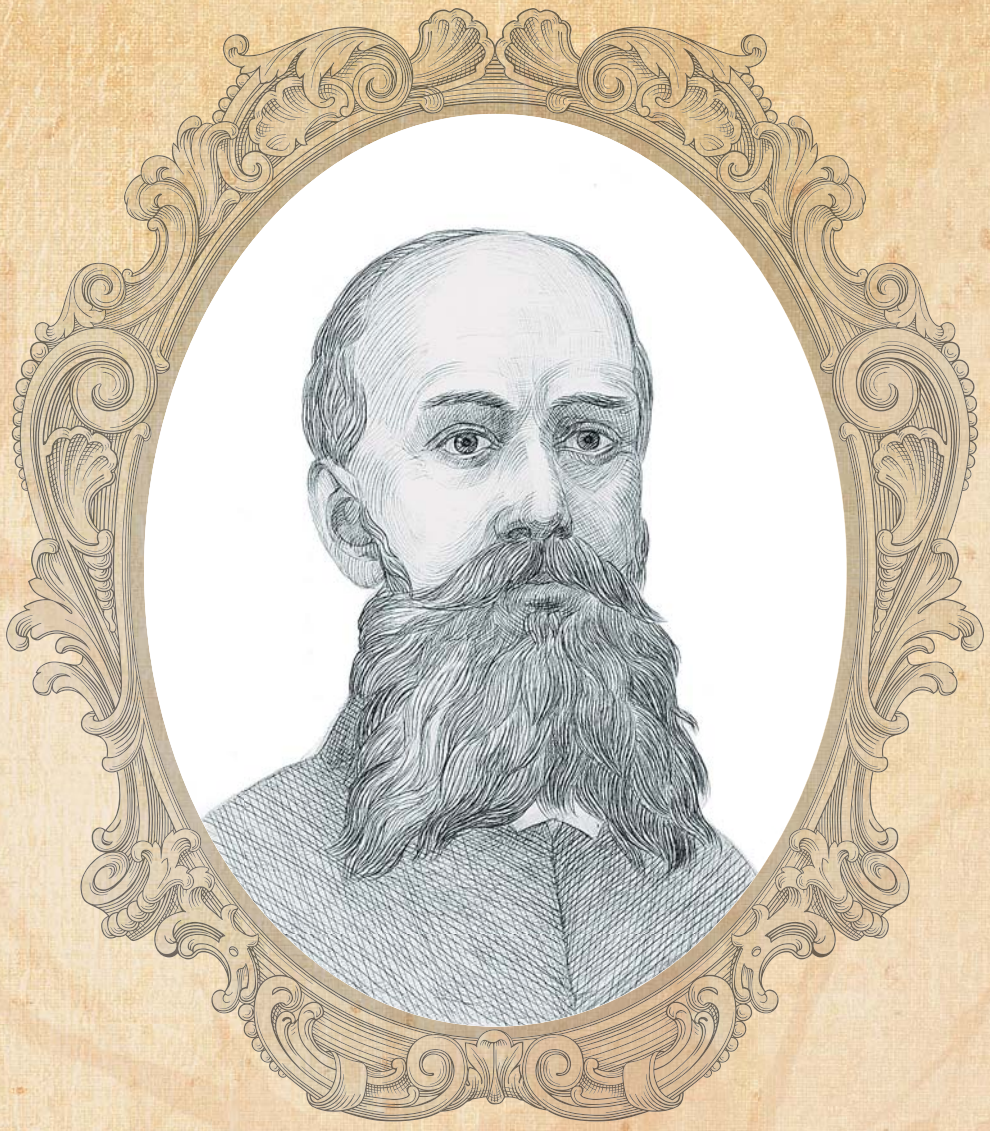
Макаров С. О. «Витязь» и Тихий океан. Гидрологические наблюдения, произведённые во время кругосветного плавания корвета «Витязь» 1886—1889 гг. В 2 т., СПб., 1894.

ГЛАВА IX

А. С. Ионин: путешествия по Южной Америке в 1886 и 1889 гг.

Александр Семёнович Ионин

3 (15) марта 1837 — 21 мая (3 июня) 1900

Дипломат, действительный тайный советник.

Тонкий ум и изящные манеры дипломата, неприхотливость и здоровый авантюризм путешественника, огромный кругозор географа — все эти качества были присущи одному человеку, Александру Семёновичу Ионину. Волею судеб он провёл самый плодотворный этап своей жизни в Латинской Америке.

В 1884 г. А. С. Ионин, к тому времени уже 30 лет прослуживший в Министерстве иностранных дел, был отправлен российским посланником ко двору императора Бразилии. В 80-е гг. XIX в. для российского дипломата назначение в Южную Америку было равносильно едва ли не ссылке. Исследователи жизни и деятельности Ионина пишут, что критика дипломатом руководства внешнеполитического ведомства, неумение подлаживаться, отсутствие у него карьерных устремлений вызывали недовольство в придворных кругах, что и обусловило решение направить его в далёкую Бразилию.

Но казавшееся опалой назначение неожиданно для многих стало наиболее плодотворным и значительным этапом жизненного пути А. С. Ионина. В те годы в руководстве российского Министерства иностранных дел начали понимать роль на мировой арене молодых и быстроразвивающихся южноамериканских республик. В такой ситуации поддерживать дипломатические отношения с одной лишь бразильской монархией было как минимум недальновидно. Сказывался и «демонстрационный эффект»: ведущие европейские державы уже давно установили с республиками Южной Америки полноценные контакты в самых различных областях. Не случайно перед отъездом в Новый Свет Ионин получил указание министра иностранных дел Н. К. Гирса прозондировать возможность налаживания аналогичных связей между ними и Россией.

А. С. Ионин блестяще справился с этой задачей — благо, было и встречное движение со стороны южноамериканцев, видевших в Рос-

Фонтан на старой площади в Монтевидео, Уругвай.

➲ *Карта маршрутов А.С. Ионина по Южной Америке в 1886 — 1889 гг.*

сийской империи потенциально интересного партнёра. Первой в поле его зрения попала Аргентина — дипломат регулярно пишет в Петербург о целесообразности установления с ней дипломатических отношений. В августе 1885 г. в одном из донесений Гирсу он констатирует, что Аргентина «делает необыкновенные успехи, население её быстро увеличивается, а порт Буэнос-Айреса[1] превосходит по своему назначению Рио[2]». Далее дипломат подчёркивает, что «эта республика после долгих треволнений добилась... установления серьёзного, сильного и прочного правительства». В другом письме Ионин пишет:

«...[Россия и Аргентина], будучи в настоящее время соперницами на международном рынке, ибо производят одни и те же произведения (хлеб, шерсть и кожи), могут подать друг другу руку, чтобы из соперников сделаться союзниками и конкурировать заодно с Северной Америкой и Австралией, которые,

[1] Столица Аргентины, один из крупнейших городов Южной Америки, население которого в 1887 г. уже составляло 433 тыс. человек (в 2010 г. 2,9 млн человек, в агломерации — 12,8 млн).

[2] Рио-де-Жанейро — в то время столица Бразилии с населением 522 тыс. человек (в 2010 г. — 11,8 млн).

продавая хлеб Европе, отбивают хлеб у нас и у Аргентинской республики».

Деятельность Ионина в Южной Америке привлекала всё большее внимание в Петербурге. Советник министра иностранных дел В. Н. Ламсдорф[1] пишет в дневнике, что донесения дипломата из Аргентины «в высшей степени интересны и на извлечениях из них, представленных государю, его величество начертал: "Весьма интересно"».

Усилия дипломата приводят к конкретным результатам — указом императора Александра III 22 октября 1885 г. чрезвычайный посол и полномочный министр при бразильском дворе А. С. Ионин был назначен полномочным посланником России в Аргентине. Прибыв в Буэнос-Айрес в мае 1886 г., Ионин вручил верительные грамоты президенту Аргентины Х. Роке[2], тем самым учредив российскую дипломатическую миссию в аргентинской столице.

За годы пребывания Ионина в должности первого главы русского дипломатического представительства в Аргентине между двумя странами были установлены дружеские отношения, начала активно развиваться торговля, которая до этого носила эпизодический характер. При этом главными товарами российского экспорта стали ткани и нефть, а аргентинского — кожа. Деятельность Ионина способствовала и укоренению в Аргентине православия. При его непосредственном содействии Россия поддержала ходатайство группы верующих об открытии в Буэнос-Айресе православной церкви, где 1 января 1889 г. была отслужена первая в Южном полушарии православная литургия.

Следующим «на очереди» был Уругвай. В Монтевидео[3] Ионин впервые оказался в мае 1886 г. Во время остановки, сделанной здесь на пути из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес, куда он направлялся для вручения верительных грамот президенту Аргентины, дипломат застал ни много

Улица в городе Колониа-дель-Сакраменто. Уругвай.

[1] Владимир Николаевич Ламсдорф (1845–1907) — дипломат, министр иностранных дел России в 1900–1906 гг.

[2] Хулио Архентино Рока (1843–1914) — президент Аргентины в 1880–1886 гг.

[3] Столица и крупнейший город Уругвая; население в 80-е гг. XIX в. около 200 тыс. человек, в 2011 г. — 1,3 млн человек.

ни мало — государственный переворот. За шесть дней пребывания в уругвайской столице он встретился и с президентом Ф. А. Видалем[1], и со свергнувшим его М. Б. Сантосом[2].

В составленном в Министерстве иностранных дел России изложении донесения А. С. Ионина о его коротком пребывании в Уругвае говорится, в частности, следующее:

«При свидании генерал Сантос выразил действительному статскому советнику Ионину свою глубокую симпатию к России и сожаление о том, что Россия не аккредитовала посланника и при Уругвайской республике... По мнению нашего посланника, назначение его и при Уругвайской республике было бы желательно, так как посланник, находясь в Бразилии и проезжая в Буэнос-Айрес, не может миновать города Монтевидео, лежащего на пути».

Бесспорный аргумент с точки зрения географии!

Важность своей аккредитации в Уругвае Ионин в очередном письме в министерство мотивирует и политическими обстоятельствами:

«События в этой стране всё усложняются и приобретают значительный интерес в политической жизни Южной Америки, а потому и должны быть наблюдаемы нашею миссией в этой стране света».

И здесь результат не заставил себя долго ждать: в ноябре 1888 г. Ионин вручает верительные грамоты президенту Уругвая.

В Петербурге рассматривали и возможность аккредитации дипломата в качестве российского посланника в Чили. Целесообразность установления дипломатических отношений с этой страной Ионин объяснял важностью для России её нейтральных портов в случае конфликта с другой державой. Такие планы нарушили гражданская война 1891 г. и свержение президента Х. М. Бальмаседы[3].Впрочем, дипломат вновь содействовал достижению конкретного результата: во многом под влиянием его рекомендаций, несмотря на неблагоприятную политическую конъюнктуру, в 1893 г. была учреждена должность штатного консула России в Вальпараисо[4].

В дипломатической работе Ионину, безусловно, помогало присущее ему умение находить общий язык с самыми разными людьми. Неудивительно, что он везде на короткой ноге с президентами — действующими, бывшими и даже будущими: в Уругвае с Ф. А. Видалем и генералом М. Б. Сантосом, в Аргентине с Х. А. Рокой, М. Х. Сельманом[5] и генералом Б. М. Митре[6], в Бразилии с генералом (впоследствии маршалом) М. Д. да Фонсекой[7], в Парагвае с генералом Б. Кабальеро[8].

[1] Франсиско Антонио Видаль (1827–1889) — президент Уругвая в 1880–1882 гг. и с 1 марта по 24 мая 1886 г.

[2] Максимо Бенито Сантос (1847–1889) — президент Уругвая с 1 марта 1882 г. по 1 марта 1886 г. и с 24 мая по 18 ноября 1886 г.

[3] Хосе Мануэль Бальмаседа (1840–1891) — президент Чили в 1886–1891 гг., 19 сентября 1891 г., вскоре после государственного переворота, покончил с собой.

[4] Главный порт Чили, второй по населению город страны (ок. 300 тыс. человек в 2009 г.), административный центр одноимённой провинции, место расположения чилийского парламента.

[5] Мигель Анхель Хуарес Сельман (1744–1909) — президент Аргентины в 1886–1890 гг.

[6] Бартоломе Митре Мартинес (1821–1906) — президент Аргентины в 1862–1868 гг.

[7] Мануэл Деодору да Фонсека (1827–1892) в 1889 г. возглавил военный переворот, свергнувший монархию, стал во главе временного правительства. 26 февраля 1891 г. избран первым президентом Бразилии, занимал эту должность до 23 ноября 1891 г.

[8] Бернардино Кабальеро (1839–1912) — президент Парагвая в 1880–1886 гг.

Площадь Независимости в Монтевидео.

Как дипломата А. С. Ионина прежде всего интересовала оценка политической ситуации в регионе, которой находится место не только в его донесениях в Петербург, но и в путевых заметках, опубликованных впоследствии в книге «По Южной Америке». Примером может служить глава третьего тома этой книги, посвящённая Фолклендским (Мальвинским) островам[1].

В феврале 1889 г. пароход «Менес», на котором Ионин плыл из Монтевидео в Вальпараисо, бросил якорь у единственного в то время населённого пункта островов — посёлка Порт-Стэнли[2]. Есть основания предполагать, что Ионин оказался первым россиянином, посетившим этот архипелаг. Он отмечает выгоды геополитического положения Фолклендов, представляющих «завидную точку опоры», и пишет:

«Та держава, которая имеет её [«точку опоры»] в руках, может быть готовою оберегать серьёзно свои торговые интересы в Южном полушарии даже в случае войны.

...[На островах имеется] множество удобных стоянок для наблюдательно-военной эскадры... [они] ... доминируют над очень важным путём сообщения из Атлантического в Тихий океан».

В традиционном для любой описываемой им территории историческом экскурсе Ионин называет историю Фолклендских островов «курьёзной»: споров за острова было много, но «... все они ничем не кончились, и никакой европейский народ не может, в сущности, предъявить на этот архипелаг права». При этом он подчёркивает, что англичанин Дж. Дейвис открыл острова случайно. Подробно описывая историю освоения архипелага, дипломат приходит к выводу, что захват островов англичанами в

Фрагмент карты Фолклендских (Мальвинских) островов. Предположительно XVII в.

[1] Архипелаг в юго-западной части Атлантического океана, предмет территориального спора между фактически его контролирующей Великобританией и Аргентиной, называющей острова Мальвинскими. Население в конце XIX в. 800 человек, ныне около 3 тыс. (2008).

[2] Главный центр Фолклендских (Мальвинских) островов, аргентинское название — Пуэрто-Архентино.

1833 г. стал возможен вследствие конфликта между Аргентиной и США из-за грабительских действий американских китобоев. В качестве третейского судьи для разрешения спора стороны пригласили Англию, корыстным действиям которой Ионин даёт весьма критическую оценку:

«...[Англия] решила дело между соперниками самым оригинальным, но практичным способом — она решила, что острова не принадлежат ни тому, ни другому, а ей, Англии, на том основании, что когда-то на них существовало английское поселение. Английской эскадре поручено было просто занять острова военным образом, и она выгнала оттуда американцев — и северных, и южных.

...Аргентинская республика протестовала против такого бессовестного захвата и до сих пор ежегодно аккуратно протестует, но на протесты её так же аккуратно Англия не отвечает, и право сильного окончательно восторжествовало».

В то же время Ионин как дальновидный дипломат рекомендует морским державам обратить большее внимание на эти протесты, которые «не так уж лишены всякого смысла, как это может казаться на первый взгляд». Трудно поверить, что эти строки написаны более 120 лет назад — настолько актуальны они и сегодня[1].

Ионин уверенно предсказывает большие перспективы для торгово-экономических отношений между Россией и южноамериканскими странами. Он пишет:

«Какое огромное поприще для торговли представляет Южная Америка, несмотря на крайне малое население её. Америка без

➲ *Пшеничные поля в Пампе.*

[1] После неудачной попытки Аргентины вернуть архипелаг военным путём в 1982 г. вопрос о её суверенитете над Фолклендскими (Мальвинскими) островами, а также над Южными Сандвичевыми островами и островом Южная Георгия ежегодно ставится в ООН и Организации американских государств.

Европы решительно дышать не может. Вот, например... статистика... торговли за 1889 г. В 1889 г. Франция продала в Россию [товаров] на 18 млн франков, в Россию, имеющую 110 млн населения, а в Бразилию, где всего с натяжкою... 14 млн [человек], она привезла товару на 63 млн [франков]».

Оригинальные, провидческие выводы о значении для России далёкой и мало кому в то время известной в нашей стране Южной Америки Ионин излагает в письме В. Н. Ламсдорфу:

«...Донесения отсюда, возможно, слишком пространные, расскажут Вам о вещах, которые у нас совершенно не знали, о которых было бы небесполезно знать — это мир, выходящий на мировую арену...»

Пребывание А. С. Ионина в Южной Америке не ограничивалось столицами государств. Он в полной мере пользовался необходимостью совершать поездки в курируемые им по дипломатической службе страны (или в те государства, которые — как, например, Чили — представляли потенциальный интерес для России) для знакомства с природой, населением, экономикой — в общем, всеми аспектами жизни, включая внутренние различия.

В первое своё большое путешествие (ему посвящены тома 1 и 2 книги «По Южной Америке») Ионин отправился в 1886 г. Он отошёл от привычных для европейцев южноамериканских маршрутов (в основном по морю или по рекам), предпочтя им полноценные путешествия по «глубинке» далёкого континента. И это несмотря на предостережения друзей, отговаривавших Ионина даже от не слишком продолжительной поездки по суше из Бразилии в Уругвай.

Кинта (ферма) на берегу Ла-Платы. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

Маяк в городе Колониа-дель-Сакраменто. Уругвай.

«Меня пугали всевозможными лишениями, какие я должен встретить на пути длиною около тысячи верст, в дикой и почти необитаемой пампе, пугали меня разбойническими нравами полудиких гаучосов, а главное тем, что именно в это время, т. е. в марте 1886 г., в республике уругвайской происходила революция, и меня уверяли, что среди вооружённых шаек я никак не буду в состоянии пробраться в Монтевидео».

Тем не менее ему это удаётся: доплыв до Риу-Гранди[1] на пароходе и добравшись оттуда по железной дороге до города Баже[2], Ионин проезжает в дилижансе почти весь Уругвай, вновь пересаживаясь на поезд лишь в городе Флорида[3].

В своих подробнейших путевых заметках (четыре тома книги «По Южной Америке» содержат более 1600 страниц) Ионин не ограничивается тщательным описанием того, что он видит на своём пути. Каждой стране посвящены подробная историческая справка, рассказ о политическом устройстве, экономике, культуре — словом, обо всех аспектах жизни. Автор не просто описывает те или иные события — он рассматривает их в контексте мировой истории, талантливо анализируя имеющиеся в его распоряжении факты. Ионин приводит бесценные сегодня описания уклада жизни южноамериканцев, их одежды, национальной кухни, точные и грамотные наблюдения опытного путешественника относительно климата, рельефа, растительного и животного мира посещаемых им территорий, рассказывает читателю об истории колонизации южноамериканских земель. При этом Ионин часто сравнивает южноамериканские страны и государства Европы. В свой первый приезд на уругвайскую землю такое сходство он подмечает ещё на подступах к столице:

➲ *Водовоз в Пампе. Рисунок Э. Видаля. XIX в.*

[1] Город в штате Риу-Гранди-ду-Сул в Бразилии, порт; население 198 тыс. человек (2011).

[2] Город в штате Риу-Гранди-ду-Сул в Бразилии; население около 100 тыс. человек (2012).

[3] Город в Уругвае, столица одноимённого департамента с населением 34 тыс. человек (2011).

«...От Санта-Лусии[1] до Монтевидео, вёрст 50, поезд идёт населённой местностью, которая заставляет думать, что вы приближаетесь к какому-нибудь Брюсселю или к чему-то вроде этого, а не к Монтевидео.

...По обеим сторонам дороги видны хорошенькие и уже большею частью даже роскошные дачи... городских богачей, и вы, совсем уже забыв о пампе, въезжаете под обширный стеклянный свод станции столичного города Уругвайской республики».

Погуляв по городским улицам, Ионин вновь находит подтверждение своим оценкам, уточняя при этом, что определяющее влияние на архитектуру Монтевидео оказали итальянцы. Вот что он пишет:

«...[Столица] имеет очень веселый, приятный и опрятный вид, но в главных своих улицах представляет совершенно новый европейский город. Много домов с хорошею, часто затейливою архитектурою, но уже почти ничего нет испанского; видно, что над ним трудились, главным образом, итальянские зодчие».

Завершая описание города, путешественник резюмирует:

«...Внешний вид Монтевидео совершенно напоминает Европу, даже Европу слишком, может быть, новую... Путешественник, приехавший сюда на пароходе из Генуи, Бордо или Лиссабона, может даже не поверить, что он очутился в Америке: и климат, и люди, и дома — всё те же, что и в Европе, только более, что называется, с иголочки. Торговля произведениями пампы и европейская эмиграция сделали Уругвай таким... Несколько лет мира... сделают, вероятно, Уругвайскую республику самою привлекательною страною для европейских эмигрантов, тем более что... иностранцы устраиваются здесь, более чем где-либо, полновластными господами, совершенно как у себя дома».

С европейскими столицами сравнивает Ионин и Буэнос-Айрес:

«Буэнос-Айрес во всём уже напоминает большие города Европы, построенные заново, с преднамеренною пышностью, как будто напоказ... [Город] представляет собой столицу в самом новейшем вкусе... но столицу, которая ещё строится и далеко не окончена».

Поражает доброжелательность оценок Ионина. Несмотря на то что у молодых южноамериканских государств хватало проблем, для каждого из них у путешественника находятся добрые слова. Так, Бра-

Чилийский всадник и прачка. Рисунок И. Ругендаса. XIX в.

[1] Название железнодорожной станции в Уругвае, в прошлом место отдыха, ныне город с населением 16 тыс. человек

Крепость Буэнос-Айрес. Рисунок Э. Видаля. XIX в.

➲ *Чилийские шахтеры. Рисунок К. Гая. XIX в.*

зилия — «это страна будущего, завидная страна...». С симпатией пишет он и о Парагвае, незадолго до этого потерпевшем жестокое поражение в войне с Тройственным альянсом[1] и потерявшем в ней почти всё взрослое мужское население.

«...[Парагвай] — очень привлекательная страна. Я рекомендую её любителям далёких, но не трудных путешествий, а особенно любителям красивой природы».

Противоречивых, но в целом лестных оценок удостаивается и парагвайская столица — город Асунсьон[2]:

«...[Этот город] даже и описать трудно: в нём нет ничего замечательного и, странно для Америки, нет ничего нового... потому что страшная война прекратила его деятельное существование в самом начале, и он до сих пор от неё не очнулся... Асунсьон, несмотря на свой крайне скромный вид для его ранга столицы государства, производит... приятное впечатление на всех, кто его посещает».

Вполне уместным представляется сопоставление увиденного с хорошо знакомыми Ионину российскими реалиями: «Здешние дела мне часто напоминали другой, восточный новый мир — Россию». Он гордится тем, что даже на таком расстоянии от нашей страны заметны её культурное влияние («в Буэнос-Айресе, как и везде, Толстой и Достоевский играли главную роль в удовольствиях читающей публики...») и военное присутствие («прибывши в Вальпараисо, я был приятно удивлён, встретив в его порту русское военное судно, клипер «Крейсер» под командой г. Безобразова[3]»).

[1] Так называемая война Тройственного альянса, или Парагвайская война (1864–1870 гг.), в которой участвовали Парагвай и сражавшиеся с ним государства этого альянса — Бразилия, Аргентина и Уругвай. Закончилась полным поражением Парагвая, потерявшего почти половину территории и до 90% взрослого мужского населения.

[2] Столица Парагвая, крупнейший город страны с населением 562 тыс. человек (2010).

[3] Русский парусно-винтовой клипер, в 1888–1889 гг. совершил поход из Кронштадта во Владивосток вокруг Южной Америки под командованием П. А. Безобразова (1845–1906), впоследствии вице-адмирала.

Есть в заметках Ионина и прямые рекомендации российским предпринимателям по, пользуясь современной терминологией, «налаживанию торгово-экономических отношений». Говоря о Буэнос-Айресе, он пишет, что московские фабриканты серебра и русские коннозаводчики «могли бы извлечь большую выгоду на этом новом рынке, растущем не по дням, а по часам... приобрести себе обширный круг покупателей».

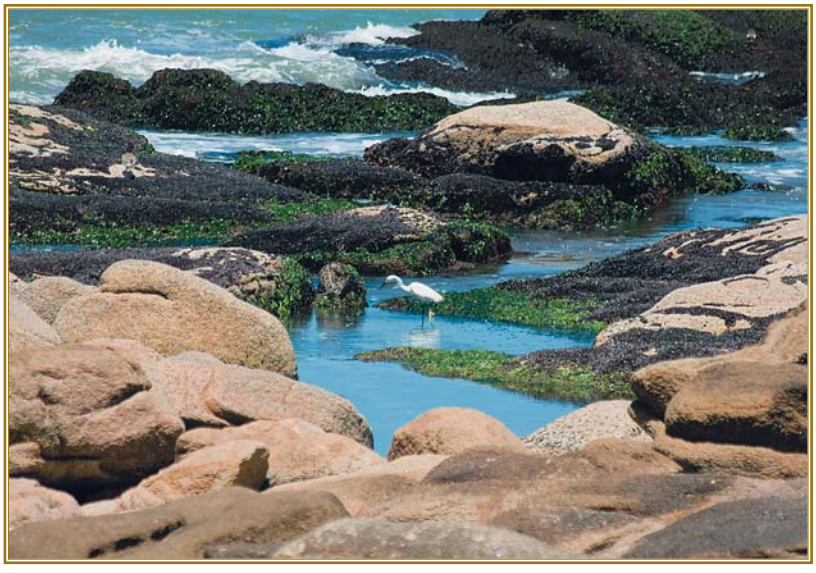
Как русского человека, Ионина не могла не заинтересовать проблема обустройства в далёком регионе иммигрантов из России. В 80-е гг. XIX в. такая миграция ещё не носила массового характера — тем интереснее узнать из книги Ионина о положивших ей начало первых переселенцах. Ими были главным образом немцы-меноните из Поволжья и Екатеринославской губернии, которые, «чтобы не служить в военной службе, предпочли бросить насиженные в продолжение почти столетия места и перебраться в Америку». По предварительной договорённости правительство Бразилии «взялось за это дело и вызвало из России менонитов в количестве до 6000 душ». Однако проект оказался неудачным: в районе Куритибы[1] для них не нашлось пригодных для земледелия земель, и после двух лет мытарств большая часть российских немцев уехала из Бразилии в Аргентину, где иммигранты, по словам Ионина, «нашли гораздо больше земли, несравненно больше удобств и меньше чиновников».

В Парагвае и Чили Ионину представилась возможность лично пообщаться с бывшими соотечественниками, тоже из немцев, но уже не крестьянами. По словам путешественника, он, будучи в Вальпараисо, всегда останавливался у «петербургского немца, господина Гуцкова, который, живя уже лет 15 в Вальпараизо и женившись недавно на молодой и красивой даме, тоже из петербургских немок, сделался в антипо-

На улице чилийского города. Рисунок И. Ругендаса. XIX в.

[1] Столица штата Парана в Бразилии; население в 1890 г. 24,5 тыс. человек, ныне ок. 2 млн (2011).

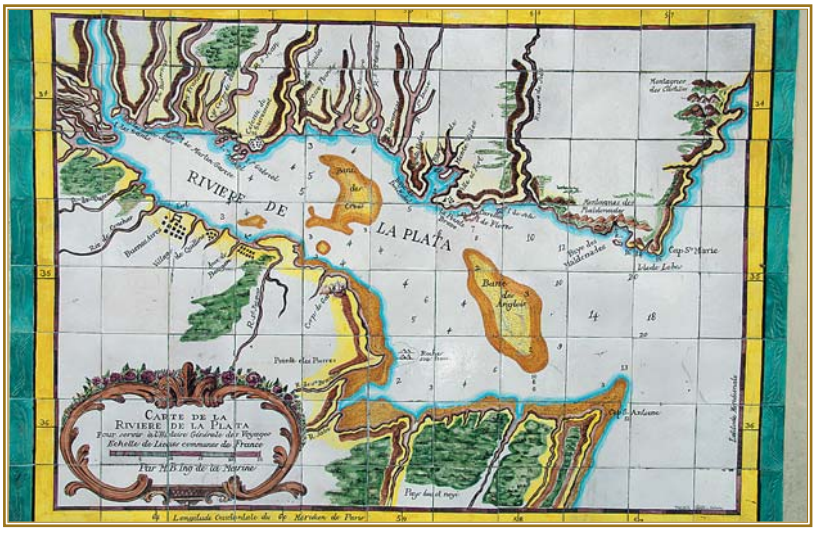
Берег Атлантического океана в Уругвае.

дах ужасно квасным русским патриотом». Гуцков, по словам Ионина «богатевший неукоснительно», торговал вначале финляндскими досками, а когда эта торговля прекратилась, построил лесопильни в провинции Вальдивия[1] и на острове Чилоэ[2] и стал поставлять чилийский лес в Аргентину и даже в Европу. Кроме Гуцковых, гостеприимно принимавших у себя всех русских, будь то моряки, путешественники или иммигранты, Ионин описывает ещё нескольких немцев, приехавших в Чили из русских провинций.

Вполне вероятно, что свой «вклад» в русскую эмиграцию в далёкие южноамериканские страны внёс и сам Ионин. Его путевые записки с весьма лестными оценками южноамериканской действительности, изданные в России большими тиражами, вполне могли повлиять на решение многих россиян переехать на постоянное место жительства именно в Южную Америку.

Своё второе большое южноамериканское путешествие А. С. Ионин предпринял в 1889 г. В ночь с 15 на 16 февраля на рейде Монтевидео он сел на пароход «Менес» гамбургской компании «Космос», который шёл до чилийского порта Вальпараисо. Плыть в Чили можно было с комфортом на большом английском пароходе, который доходил до места назначения всего за 12–13 дней. Но дипломат предпочёл более скромные условия: ведь «Менес», тративший на тот же путь вдвое большее время, делал много остановок.

Показателен эпизод, связанный с посадкой Ионина на борт «Менеса». По не зависевшим от него причинам дипломат опоздал к отходу судна, и ему пришлось догонять пароход, после выхода из порта остановившийся на рейде. Дело осложняла непогода: дождь, ветер и сильный шторм на Ла-Плате[3]. Подавляющее большинство людей в этой ситуации смирились бы со своей участью, отложив поездку либо изменив её маршрут. Не таков Ионин: с помощью агента «Космоса» и

➲ *Карта Ла-Платы на стене дома в Уругвае.*

[1] Провинция в регионе Лос-Риос на юге Чили.

[2] Остров в Тихом океане у южных берегов Чили.

[3] Ла-Плата (исп. «серебряная река») — самый большой в мире (290 км в длину, 220 км в самом широком месте) эстуарий, образованный слиянием рек Парана и Уругвай. По нему проходит водная граница между Аргентиной и Уругваем.

уругвайских знакомых он находит баркас, хозяин которого соглашается выйти вдогонку за «Менесом» в штормовую Ла-Плату, и догоняет его! На этом, впрочем, история не закончилась: штормило настолько сильно, что пристать к борту парохода, который, как отмечает в своих записках Ионин, «качало немилосердно; он точно дикий зверь бился и прыгал, привязанный на двух якорных цепях», баркас не смог. С парохода бросили канат, но Ионин так замёрз, что не смог ухватиться за него окоченевшими пальцами. Тогда путешественник попросил, чтобы его обвязали вокруг пояса и тянули наверх. Но и это ещё не всё: при подъёме Ионин ударился головой о борт, да так, что потерял сознание и очнулся уже в капитанской каюте. Подобных случаев в южноамериканской одиссее Ионина было предостаточно.

Обогнув южную оконечность континента и сделав несколько стоянок по пути, «Менес» в марте 1889 г. бросил якорь в бухте Вальпараисо. Оттуда на поезде[1] дипломат попал в Сантьяго[2]. В почти полностью посвящённом Чили третьем томе книги Ионина содержится обширная информация об истории, культуре, различных особенностях этой страны, её выдающихся деятелях, жизненном укладе. Чили, где путешественник, не ограничившись посещением столицы и главного порта, совершил несколько поездок по «глубинке», в том числе в провинцию Араукания[3], он удостаивает весьма лестной характеристики.

«Это первая и единственная вполне осёдлая испанская страна в Америке, первая культурная страна, встреченная мною на южном материке Нового Света... Европеец чувствует здесь себя сразу, точно у себя дома... [Чили] является самой упорядоченной, самой устроенной и спокойной республикой во всей Америке».

Особенно Ионину понравился город Сантьяго:

«В какой-то прелестной раме поместилась эта счастливая столица... [она] может соперничать по красотам окружающей её природы с видом порта Рио-де-Жанейро... Я не помню, чтобы какой-нибудь большой город производил на меня такое весёлое, смеющееся впечатление, как эта столица Чили».

Вернувшись через Сантьяго в Вальпараисо, Ионин на пароходе добрался до перуанского города Мольендо[4]. По дороге путешественник оставался верен себе и при первой возможности сходил на берег, чтобы подробнее познакомиться с новыми для себя местами. Иногда это было сопряжено с риском. Так, на рейде Антофагасты[5] лодка, в которой Ионин направлялся с парохода к берегу, едва не перевернулась при проходе через риф.

[1] Железная дорога Вальпараисо — Сантьяго протяжённостью 187 км; введена в строй в 1863 г.; пассажирские перевозки прекращены в 1986 г.

[2] Столица Чили, главный город страны; население в 1888 г. 256 тыс. человек, ныне — 5,3 млн (2012).

[3] Административный регион в центральной части Чили, к югу от Сантьяго.

[4] Город в Перу, порт; население в 1889 г. около 3 тыс. человек, ныне — 29 тыс. (оценка).

[5] Город в Чили, порт, административный центр одноимённых региона и провинции. Основан в 1868 г. Боливией для вывоза селитры. В 1879 г. в ходе Второй Тихоокеанской войны захвачен Чили и официально отошёл этой стране по итогам чилийско-боливийского перемирия в 1884 г., в результате которого Боливия лишилась выхода к океану. Население в 1885 г. 7,6 тыс. человек, ныне — 346 тыс. (2012).

Из Мольендо дипломат собирался отправиться в сторону Боливии. Первые впечатления Ионина от Перу, страны, по его оценкам, «обанкротившейся и едва дышащей на ладан», были не из приятных. Ему пришлось задержаться в Мольендо («безынтересной дыре»), над которым «царила... удушливая резкая вонь самого отвратительного свойства», и провести несколько дней в малоприятной перенаселённой гостинице. Но вот побережье остается позади — Ионин на поезде[1] добирается до Арекипы[2], и в его записях вновь появляется присущая путешественнику доброжелательность. «Вторая столица Перу», как он называет этот город, всячески подчёркивая его самобытность и своеобразие, буквально очаровывает дипломата. Каких только эпитетов не удостаивается Арекипа — это и «прелестный и оригинальный уголок земли», и «одна из столиц Нового Света».

«Я не знаю небольшого и непритязательного города, который производил бы с первого взгляда такое приятное впечатление, как Арекипа... Всё, вместе взятое, носит [в Арекипе] особый отпечаток, производит впечатление уютности и солидности, кажется чем-то новым на этом материке... [Арекипа] имеет вид чего-то культурного, оригинального и самобытно выросшего, а не перенесённого целиком из Европы».

Постепенно меняется и подпорченное первыми впечатлениями представление Ионина о Перу в целом. Он отмечает, что в этой стране «...тотчас чувствуешь себя в другом мире, и [там витает] дух другой, старой, почти законченной и замкнутой культуры, ничего не имевшей общего с европейской».

Из Арекипы Ионин поднимается по железной дороге ещё выше — к озеру Титикака[3]. И здесь не обошлось без приключений:

➲ *Ледники в Андах.*

[1] Железная дорога Мольендо — Арекипа пущена в строй в 1871 г.; с открытием участков Арекипа — Пуно и Хулиака — Куско она стала наиболее протяжённой в Перу (940 км). Используется для перевозки пассажиров и грузов.

[2] Второй по людности город Перу, главный центр на юге страны; население в 1876 г. 24 тыс. человек, ныне — 844 тыс. (2012).

[3] Озеро в Андах на границе Перу и Боливии, самое высокогорное в мире из судоходных озёр (урез воды около 3800 м).

поезд, на котором он ехал, сорвался с тормозов и на большой скорости помчался задним ходом вниз с горы. Чудом удалось избежать катастрофы. Потом была непростая адаптация к разреженному воздуху и холодам высокогорья... К сожалению, посвящённый заключительной части второго путешествия Ионина четвёртый том его книги «По Южной Америке» остался недописанным — он обрывается на рассказе об озере Титикака и окружающих ландшафтах. Известно лишь, что далее путешественник побывал в нескольких боливийских и перуанских городах и перебрался в Бразилию, где проделал долгий путь от пограничной Табатинги[1] через Манаус[2] и города северо-востока этой страны в Рио-де-Жанейро.

Заканчивая один из томов своей книги, Ионин признаётся в том, как нелегко быть путешественником:

«Я с любопытством смотрел вперед, но и задумывался тоже перед трудными задачами: климат, заснеженные горы, холод и простуды, жара и лихорадка в лесах, дикие люди и дикие звери — Бог знает, что ещё будет. Знаешь, что оставляешь, — не знаешь наверно никогда, что найдёшь впереди.

...Путешествуя по Южной Америке, исключая разве самые большие центры и избитые дороги, ездишь почти на авось, собирая с трудом и клочками только обрывочные сведения. Огромные расстояния, малолюдство, отчасти и политические распри делают то, что люди здесь друг про друга мало знают...»

Впрочем, все эти тяготы не могли остановить Ионина — ведь путешествия были избраны им самим как образ жизни, о чём свидетельствует звучащая как девиз фраза из его книги «По Южной Америке»:

Долина в перуанских Андах.

[1] Город в штате Амазонас в Бразилии на границе с Колумбией и Перу; население около 50 тыс. человек (2011).

[2] Столица штата Амазонас в Бразилии, порт на реке Риу-Негру; население в 1890 г. 52 тыс. человек, ныне — 1,8 млн (2011).

«...Только в дальних странствиях мы конкретнее ощущаем жизнь».

Сам Ионин, которому всегда была присуща скромность, называл себя «простым путешественником-туристом». В то же время, читая книги Ионина, понимаешь, что этот выдающийся человек был не только дипломатом и путешественником, но и географом, пусть и не принадлежавшим официально к этой профессиональной корпорации. «Географический дух» буквально пронизывает его сочинения. Много интересного для себя найдут в них климатологи и геоморфологи, биогеографы и почвоведы... Те же, кому довелось побывать в странах, по которым путешествовал Ионин, не смогут не согласиться с его утверждениями:

«Для мыслителя очень интересно путешествие по Южной Америке, так как он здесь воочию видит, осязает тотчас же влияние, которое имеет на жизнь человека география: насколько его культура, привычки... манера не только жить, но даже мыслить зависит от условий течения рек, направлений гор, от формы растительности, от количества влаги и жары».

Большое внимание в своей книге А. С. Ионин уделяет вопросам экономической и политической географии. Поразительной точностью отличаются прогнозы, сделанные им в этих областях. Так, в 1889 г. он пишет, что в Южной Америке:

«...Сама география указывает на возможность [создания] двух-трёх независимых друг от друга централизаций... способных, может быть, представлять компактное и сильное целое, спо-

➲ *Боливийские Анды.*

собных, наконец, составить между собой серьёзный союз... По крайней мере на первый взгляд представляются, теоретически, две возможные формации: соединение в одно целое всех земель пампы, тех, которые тяготеют к бассейну Ла-Платы, а с другой стороны — всех стран, тяготеющих к Тихому океану, — весь район Кордильер».

Так и случилось — с образованием Общего рынка Южного конуса (МЕРКОСУР)[1] и Андской группы[2].

Не приходится сомневаться, что отличное знание географии значительно помогало Ионину и в его дипломатической работе. Не случайно выдающийся русский географ А. И. Воейков[3] называл важными составляющими дипломатических успехов А. С. Ионина на службе в Южной Америке незаурядные черты его личности. Ведь, по словам Воейкова, в отличие от Ионина «большинство дипломатов, долго служащих в Европе, не имеют широты и кругозора, необходимых для понимания сложных отношений в Южной Америке».

А. С. Ионин ушёл из жизни в расцвете творческих сил, в 63 года. Он так и не успел описать впечатления о путешествии по Боливии, центральным и северо-восточным районам Перу, бразильской Амазонии, подвести итоги своей работы в Бразилии и подробно рассказать об этой стране. Но и без таких очерков четырёхтомный труд «По Южной Америке» стал первым в России масштабным страноведческим исследованием этого далёкого континента и заслуженно поставил имя А. С. Ионина в ряд географов, занимавшихся его изучением.

Александр Семёнович Ионин

3 (15) марта 1837 — 21 мая (3 июня) 1900

Дипломат, действительный тайный советник.

Александр Ионин родился в Воронежской губернии в небогатой дворянской семье. Его отец, отставной поручик, вскоре умер; воспитанием детей занималась мать. Московская родня и знакомые посодействовали поступлению Александра в Лазаревский институт восточных языков — в то время один из лучших лицеев страны. Дядя Александра, критик и писатель С. А. Маслов, ввёл его в круг московской интеллигенции; сильное влияние на взгляды юноши оказало посещение кружка славяноведа Н. А. Попова.

В 1854 г. как один из наиболее преуспевших выпускников Лазаревского института Александр был зачислен в отделение восточных языков

[1] Ныне Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР). Образован в 1991 г. Аргентиной, Бразилией, Парагваем (членство приостановлено в 2012 г.) и Уругваем; 31 июля 2012 г. присоединилась Венесуэла.

[2] Андское сообщество (до 1997 г. — Андская группа) — старейшее в Латинской Америке интеграционное объединение; создано в 1969 г. Боливией, Колумбией, Перу, Чили (вышла в 1976 г.) и Эквадором.

[3] Об А. И. Воейкове см. главу VI нашей книги.

Азиатского департамента министерства иностранных дел и переехал в Санкт-Петербург. В августе 1856 г. в возрасте 19 лет он получил первое назначение за рубеж на должность драгомана (официального переводчика) и секретаря русской миссии в Константинополе. Позже Александр Ионин работал в консульствах Российской империи в Риме и на Балканах (Янина, Рагуза), был министром-резидентом в Черногории (1878– 1883). Он заслужил высокую оценку директора Азиатского департамента МИД России Н. К. Гирса (с 1882 г. — министр иностранных дел), считавшего, что «никто лучше Ионина не знал Черногорию».

Работая на Балканах, А. С. Ионин был связан со славянскими комитетами в России. За содействие освободительной борьбе балканских народов против турецкого владычества его наградили черногорским орденом.

В «балканский период» Ионин увлёкся путешествиями, этнографией, литературой, печатал очерки в «Русском вестнике», «Дне», «Русском мире», «Известиях Императорского Русского географического общества».

В 1883 г. он получил назначение в Бразилию. Однако отъезд в Рио-де-Жанейро отложил из-за срочной необходимости возглавить русское генеральное консульство в Болгарии. Ионин успешно справился с возложенной на него миссией и в 1884 г. прибыл в качестве российского посланника ко двору бразильского императора Педру II. Сохраняя свою должность в Бразилии, в октябре 1885 г. он был назначен чрезвычайным послом и полномочным министром при Аргентинской республике, а в ноябре 1888 г. — вручил верительные грамоты президенту Уругвая.

Ионин много путешествовал и по государствам, в которых он был аккредитован, и по другим странам Южной Америки. В 1886 г. из Бразилии он отправился в Уругвай, Аргентину и Парагвай, а в 1889 г. посетил Уругвай, Чили, Перу, Боливию и бразильскую Амазонию.

Вскоре после возвращения из второго путешествия Ионин вынужден был покинуть Бразилию (после падения в ноябре 1889 г. монархии она стала «неудобной» для Российской империи страной) и вернуться в Санкт-Петербург, официально продолжая числиться посланником в Рио-де-Жанейро.

В декабре 1892 г. А. С. Ионин ушёл с этого поста в отставку, но его оставили в штате Министерства иностранных дел. Некоторое время он работал в министерстве, был делегатом ряда международных конференций, агентом петербургского банка в Египте, в 1897–1900 гг. представлял Россию при Швейцарском союзе. Незадолго до смерти ему присвоили чин действительного тайного советника.

Ещё находясь в Южной Америке, А. С. Ионин начал публиковать путевые заметки в журнале «Русский вестник» и отдельными брошюрами. Позднее они были изданы в виде четырёхтомного сочинения «По

Южной Америке», за первые три тома которого в 1897 г. Петербургская академия наук присудила Ионину премию имени Митрополита Макария.

Основные печатные труды: «Озеро Титикака» (1895), «По Южной Америке» (1893–1904).

Литература

Ионин А. С. Озеро Титикака. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1895.

Ионин А. С. По Южной Америке (тома 1–4). СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», 1893–1904.

Белов Д. В. Слово дипломату. Александр Ионин // Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео: типография «Мастерграф», 2009.

Казаков В. П. «Этот мир, выходящий на мировую арену...». История Чили в книге А. С. Ионина «По Южной Америке» // Латиноамериканский исторический альманах. М.: ИВИ РАН. 2008. № 8.

Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010.

Сизоненко А. И. А. С. Ионин. Дипломат, путешественник, учёный // Русские открывают Латинскую Америку. М.: ИЛА РАН, 1992.

СССР (Россия) — Аргентина. Страницы истории 1885–1986. М.: Политиздат, 1990.

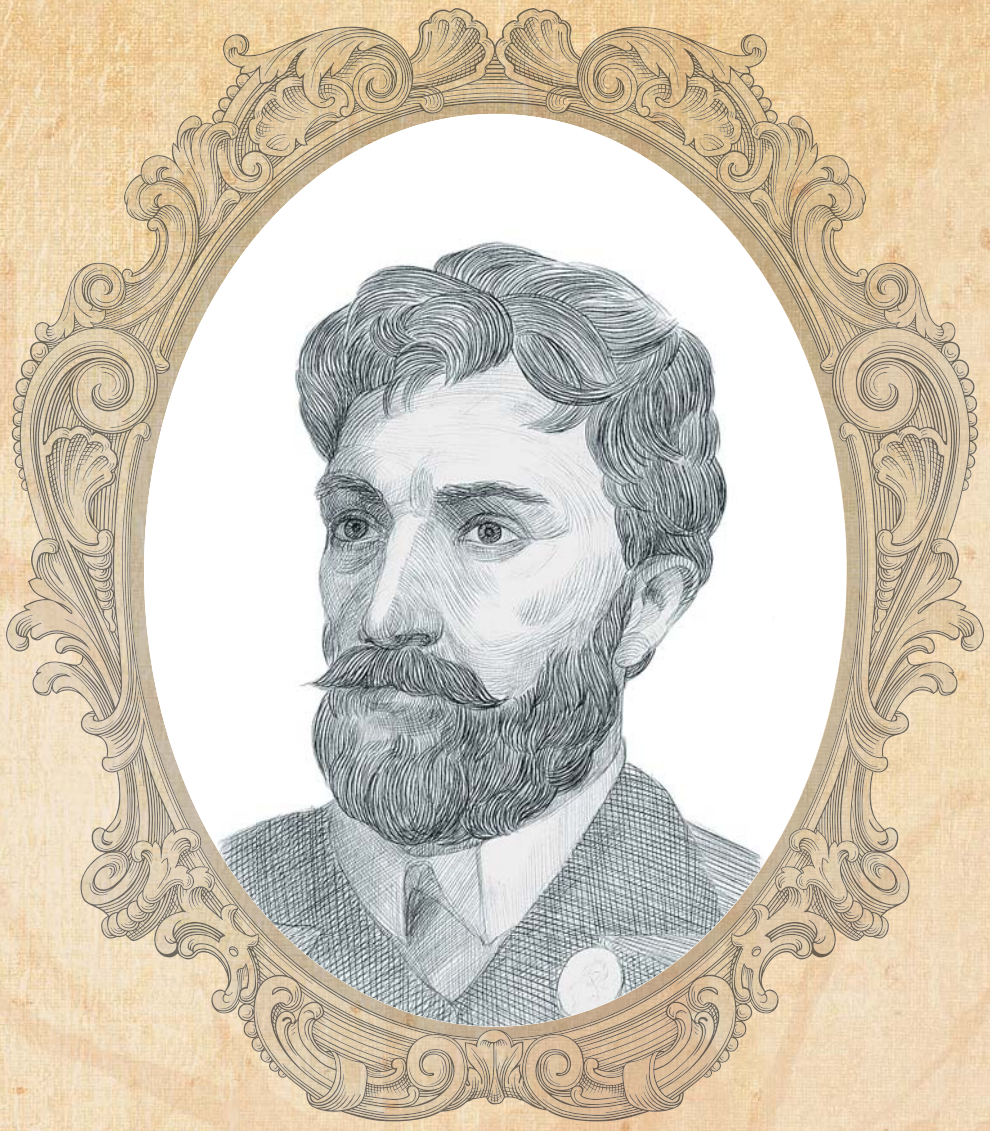
Филимонова Е. В. Российский дипломат А. С. Ионин (1837–1990) //Новая и новейшая история. М., 1991. № 6.

ГЛАВА X

С. К. Патканов: поездка на Юкатан в 1894 г.

Серафим Керопович Патканов (Патканян Серовбе)

28 июля (9 августа) 1861 — 18 мая 1918

Этнограф, действительный член Русского географического общества.

Имя этнографа Серафима Кероповича Патканова обычно связывают с изучением этнографии коренных народов Сибири, оно мало известно в латиноамериканистике. Между тем это был один из первых русских учёных, побывавших на мексиканском полуострове Юкатан и оставивших его подробное описание, которое вышло в 1896 г. на страницах популярного в то время географического журнала «Землеведение»[1]. Путевые заметки С. К. Патканова под названием «По гациендам и руинам Юкатана», публиковавшиеся в нескольких книгах (выпусках) журнала, представляют собой документальную повесть в 10 главах; некоторые её части, где автор совершает воображаемое путешествие во времени в царство майя[2], написаны в жанре научной фантастики.

В 1894 г. Патканов отправился в Центральную Америку для изучения её древних цивилизаций. Вот что он писал о выборе маршрута:

«Располагая сравнительно небольшим запасом времени, я должен был ограничиться какой-нибудь одной из местностей, изобилующих остатками древних архитектурных памятников туземного американского племени. Я остановился на Юкатане[3], стране, представляющей по своей природе и населению край, совершенно отличный от других, отчасти мне знакомых провинций мексиканской республики».

Выбор путешественником мексиканского полуострова Юкатан, где расположены уникальные памятники цивилизации майя, вполне закономерен.

«Быть в Мексике и не посетить элементы развалин индейских городов Uxmal, Palenque и др. почти то же, что, совершивши

Пирамида в Чичен-Ице — городе майя на полуострове Юкатан.

[1] Периодическое издание Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, выходило под редакцией проф. Д. Н. Анучина в Москве с 1894 по 1917 г., а также в более позднее время (после 1920-х гг. в виде сборников статей под тем же названием).

[2] Патканов предлагает читателю перенестись во времени на 400 лет назад, т. е. примерно в 1500 г., когда описываемые им события вряд ли могли происходить. Большинство городов-государств майя достигли пика своего развития в так называемый классический период (250–900 г. н. э.), к приходу конкистадоров цивилизация майя пришла в упадок, их города были заброшены.

[3] Патканов не случайно называет Юкатан «страной»: в 1835–1848 гг. на полуострове существовала фактически независимая от центрального правительства Мексики республика; до 1901 г. федеральным властям не удавалось подавить на полуострове сепаратистские выступления, вошедшие в историю под названием «война рас».

путешествие в Египет, не увидеть его пирамид, обелисков и сфинксов. Но если последние расположены недалеко от столицы государства и требуют для своего осмотра лишь небольшой экскурсии, то мексиканские древности уже исчезли на высоком плоскогорье Анагуак... и уцелели лишь в лесистых и менее доступных местностях южной Мексики, — в штатах: Табаско, Чиапас и Юкатан. Путешествие же туда, при отсутствии железных дорог, далеко не так удобно и сопряжено с большей потерей времени...»[1]

Однако учёного не испугали ни дальность расстояния до Юкатана, ни дорожные трудности, ни «сильная жара» и «климат, нездоровый в течение большей части года, от которого ежегодно умирает много европейцев», ни «изобилие змей и всякого рода летающих, ползающих и прыгающих насекомых». Патканову хотелось не только познать малоизученное и малоизвестное, но и, используя свой опыт этнографических исследований, сравнить жизнь юкатанских майя с бытом и культурой тех сибирских народностей, которые занимали главное место в его научной деятельности.

Немногим более двух недель, с 4 по 19 ноября[2] 1884 г., пробыл Патканов на Юкатане, но за этот короткий срок он успел так много увидеть, узнать и понять, что его очерки выглядят полной и всесторонней картиной истории и быта Юкатана и его народа. Для широкой читательской аудитории «Землеведения» эти очерки стали подлинным открытием далёкого тропического полуострова.

4 ноября Патканов высадился на Юкатане в порту Прогресо[3], куда прибыл из Веракруса на пароходе «Орисаба», принадлежавшем американской компании. Он отмечает быстрый рост Прогресо, всего за 20 лет превратившегося из «индейской деревушки» в оживлённый порт, активно торгующий с США. Здесь Патканов впервые увидел майя, так непохожих внешне на обитателей Северной Мексики.

«Эти первые представители великого племени маясов (mayas), с которыми мне пришлось встретиться, были ниже ростом, хотя стройны и пропорционально сложены, и отличались более светлым, желтоватым, а метисы даже почти белым, цветом кожи».

Впоследствии Патканов ещё напишет о стремлении метисов и мулатов «делать себя белее, чем они есть», «отречься от своих цветных родителей» и будет критиковать мексиканскую статистику за намеренное игнорирование «вопроса о происхождении жителей», крайне важного для него как для учёного-этнографа.

[1] Имеются в виду города майя Ушмаль и Паленке (ныне — историко-архитектурные памятники); «плоскогорье Анагуак» — долина Анагуак на Мексиканском нагорье, где расположен современный город Мехико. Здесь и далее соблюдена авторская орфография (с учётом современного написания).

[2] Здесь и далее даты даны по старому стилю.

[3] Полное название Прогресо-де-Кастро; население города в 1900 г. насчитывало около 5 тыс. человек, в 2010 — 37 тыс.

Из Прогресо Патканов отправился на поезде в Мериду[1]. Наблюдая за пейзажами из окна вагона, он рассуждает об особенностях геологического строения и природы Юкатана:

«Своим происхождением Юкатанский полуостров без сомнения обязан соседнему морю, так как всецело состоит из известковых отложений: даже на дне колодцев находят известковый туф с морскими раковинами. Его поверхность представляет почти гладкую равнину, слегка покатую к Мексиканскому заливу и сравнительно слабо возвышающуюся над уровнем моря, именно в глубине страны до 100 м, а в Мериде всего 8—9 м. Заключая в себе большое число часто весьма обширных и отчасти сообщающихся между собою пустот, пещер и гротов, в которых скопляется вся вода, выпавшая в течение летних дождливых месяцев (июнь — октябрь), Юкатан, в противоположность другим провинциям республики, вовсе лишён проточных вод. Этим и оправдывается туземное название полуострова (маясов): таау-ha, что значит "земля без воды"».

Прибыв в Мериду и поселившись в гостинице, Патканов обходит город пешком и составляет подробное описание этого города: в центре — обычная для мексиканских городов Plaza Mayor (на испанском — «главная площадь») с фонтаном и собором; сквер — место встреч и прогулок. В центральной части города крупные дома в два этажа, почти все они заняты лавками и торговыми заведениями. На окраине, куда путешественник добрался, несмотря на жару, пешком (назад он вернулся, воспользовавшись «конно-железной дорогой») — поля сахарного тростника.

Попугай ара обитает в Центральной и Южной Америке.

[1] Столица мексиканского штата Юкатан и крупнейший город на одноименном полуострове. Население 778 тыс. человек (2010), в 1900 г. — 44 тыс.

Традиционное жилище мексиканских индейцев.

Патканов замечает, что в городе, население которого уже тогда насчитывало почти 50 тыс. человек, нет промышленных предприятий: «Здесь всё привозное, промышленности нет. Продаются лишь гамаки, изготовленные местными индейцами». При этом он порицает местных жителей за их «беспечность, малую предприимчивость и рутинность», за то, что они «ничего не предпринимают для подъёма продуктивных сил страны».

Патканов подробно описывает блюда местной кухни (суп, рис, фасоль, морепродукты) и живописный городской рынок с рядами длинных столов, около которых расположились «индианки и метиски в своих типичных одеждах, продающие всевозможные съестные припасы и готовые кушанья». В своих заметках он пишет:

«Тут целые груды бананов, кокосовых и других орехов, плодов манго, сахарный тростник, нарезанный на куски, масса апельсинов, один сорт которых поражает своими огромными размерами, ввиду чего и продаётся половинками, томаты, варёные початки, юкка, длинный мучнистый корень красноватого цвета, по вкусу несколько напоминающий картофель.

...[Продавцы] распределяют в глиняные чашечки и половинки кокосовых орехов какую-то красноватую похлёбку. Её нарасхват берут толпящиеся тут загорелые и худощавые индейцы, с жадностью уплетая её тут же, стоя около стола и закусывая излюбленным хлебом местных индейцев — маисовой tortilla [лепёшкой]».

Патканова поразила образцовая чистота рынка, начиная от белых одежд продавцов и торговок и заканчивая столами, чинность и сдержанность продавцов:

➲ *Мексиканские женщины, выпекающие лепёшки — тортильяс. Рисунок К. Небеля. XIX в.*

«Здесь никто не зазывает покупателей и не навязывает своего товара, не раздаются шум, крики и брань... и покупка и продажа совершаются столь же спокойно и чинно, как в солидных магазинах».

Особый интерес вызвало у этнографа местное население. По наблюдениям Патканова, «туземное метисное и индейское население живёт своей собственной беспечной жизнью, не нарушенной вторжением чужестранцев». Он предположил, что отсутствие в Мериде «кипучей деятельности, которой отличаются американские города», возможно, объясняется жарким климатом здешних краёв и «племенными особенностями местных жителей».

Патканов разделил жителей Юкатана на два противоположных наиболее деятельных «класса» — европейцев и индейцев. «Первые приехали в Юкатан, чтобы составить себе капитал; вторые принуждены работать... ввиду их большой бедности». Среднее положение между ними занимают метисы, которые «в качестве прямых потомков испанцев-завоевателей... составляют своего рода местную аристократию, которой принадлежит большая часть земельной собственности... и большая часть капиталов края».

Интересны замечания Патканова об особенностях религии коренных жителей Юкатана:

«В умах индейцев господствует невообразимый хаос религиозных понятий: остатки языческого мировоззрения, унаследованные от предков, смешались у них с отдельными, своеобразно истолкованными понятиями из христианского учения и пополнились верою в бесчисленных святых католической церкви, имена которых теперь отчасти носят их прежние языческие божества»[1].

Барельеф на стене пирамиды майя в Чичен-Ице.

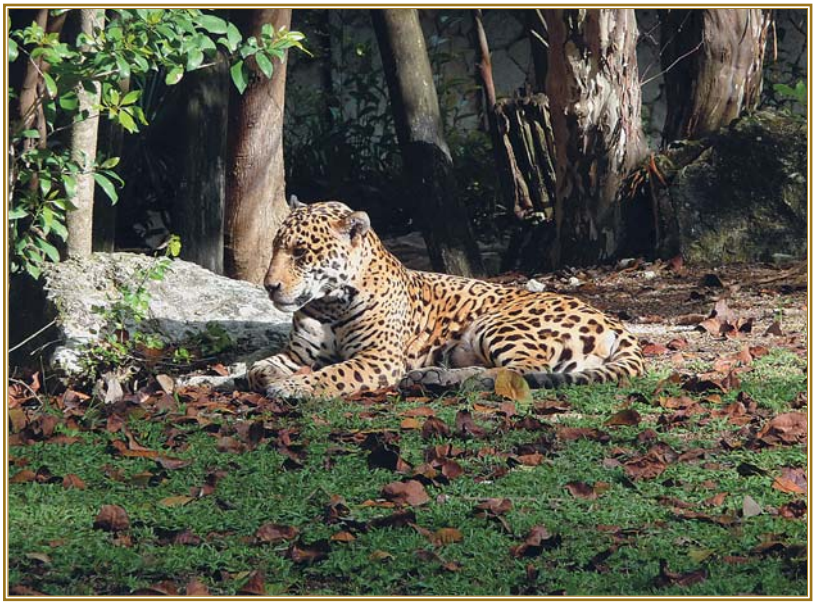
[1] Эта особенность религиозных верований индейского населения Мексики и других стран Латинской Америки сохранилась и в наше время; христианских святых зачастую отождествляют с языческими божествами, и языческие обряды проводятся даже на ступенях католических церквей.

Патканов встречает в Мериде и иностранцев, в их числе — «варшавского немца сеньора Шахта», археолога-любителя, который занимается продажей дешёвого шампанского «варшавского производства». В связи с этим Патканов высказал предположение о том, что на Юкатане и вообще в Центральной Америке могли бы найти «недурной сбыт» различные виды вин и настоек из России.

Шахт познакомил российского путешественника с бывшим австрийским полковником Т. Малером — археологом-любителем, который помог Патканову составить маршрут экскурсии по Юкатану и снабдил его рекомендательным письмом к управляющему имением, на территории которого находились руины двух городов майя. Первой остановкой на этом маршруте был городок Тикуль[1], куда Патканов ехал из Мериды по узкоколейке мимо бесконечных агавовых плантаций и групп «жердяных домиков с травяной крышей, окружённых садиками из... акаций, мимоз», вблизи которых были видны «небольшие поля маиса, бобов и бананов».

Когда стемнело, путешественник наблюдал «огненный дождь» из летающих светлячков, «с красотой которого не может сравниться никакой фейерверк». «Выясняется, — пишет Патканов, — что есть и более крупные жуки-светляки, которых местные модницы зашивают в кисею и образуют из них колье вокруг шеи и на голове на вечерних балах».

В Тикуль Патканов прибыл поздно вечером и остановился у управляющего одним из тамошних поместий, который помог ему нанять двухколёсный фургончик для поездки к руинам Ушмаля — одного из крупнейших городов майя[2]. Этот фургончик впоследствии служил ему транспортом целую неделю.

➲ *Ягуар обитает в лесах Северной и Южной Америки.*

[1] Город в мексиканском штате Юкатан с населением 36 тыс. человек (2010).

[2] Руины крупного города майя в 68 км южнее города Мерида; сохранившиеся постройки относятся к 700–1000 гг. н. э.

По пути в Ушмаль Патканов наблюдал местную лесную растительность, которую нашёл «неизменно более бедною, чем можно было ожидать», и почвы «из чистого известняка и покрыты лишь тонким слоем гумуса... часто красно-коричневого цвета», бедностью которых он и объясняет «отсутствие лесных великанов».

Особое внимание путешественника привлекли «гациенды» (т. е. гасиенды — поместья), в которых выращивается хенекен (агава)[1] — главная товарная сельскохозяйственная культура Юкатана.

«Разбросанные по всей стране, вдали от центров, гациенды в случае нужды должны рассчитывать лишь на свои силы, ввиду чего более богатые haciendados Мексики всегда заботились о прочности постройки зданий и обносили все службы и внутренние дворы массивными оградами, в которые в случае волнения в стране загоняли скот. Конечно, для большей части республики эти смутные времена прошли, но нельзя ручаться за то, что они не повторятся в будущем при той неприязни, которою во многих местах белые пользуются у индейцев, в особенности здесь на Юкатане, где ещё лет 20 назад маясы из своей независимой территории делали опустошительные набеги в испанизированный мирный Юкатан».

Осмотрев в одной из гасиенд небольшую фабрику по производству волокна из листьев агавы, он подробно описал технологию выращивания и переработки этого растения и пришёл к выводу, что «...всё настоящее процветание страны зиждется исключительно на этом волокне, которое, вероятно, и в будущем будет играть такую же важную в экономическом отношении роль».

Пирамида в городе майя Ушмаль, Юкатан.

[1] Происходящий из Мексики вид травянистых растений из рода агава семейства Агавовые. Выращивается для получения грубого волокна, служащего для изготовления бумаги, верёвок и мешковины.

Адемариус дарийский (Adhemarius dariensis Rothschild).

«Пирамида волшебника» в Ушмале.

Сделать такой вывод Патканову позволил анализ статистических данных о вывозе хенекена, произведённого на Юкатане: в 1878 г. — 40 тыс. т, в 1889 г. — уже 60 тыс.[1]. Рассчитав приблизительные размеры прибыли от этого бизнеса, он отмечает, что вырученные за год от продажи хенекена 2–2,5 млн мексиканских долларов «почти всецело переходят в карманы богатых haciendados (владельцев гасиенд) и крупных коммерсантов, сравнительно мало способствуя улучшению экономического положения главной массы населения». Таким образом, в путешествии по Юкатану Патканов не ограничивался рамками этнографии, а обращал внимание на многие социальные, экономические и политические стороны жизни полуострова.

К руинам Ушмаля путешественник добрался к вечеру. На него произвели большое впечатление Дом монахов, Дворец правителя, Дом черепах, Голубиный дом и другие постройки майя, которые, несмотря на разрушения, причинённые временем, «настолько обширны, что отчасти сохранились и наглядно доказывают собою, что порабощённые, обездоленные ныне индейцы, эти парии Юкатана, были когда-то носителями своеобразной и довольно развитой культуры». Созерцая с вершины одной из пирамид живописные окрестности Ушмаля, Патканов мысленно переносится в далёкое прошлое:

«Картины из древнемексиканской жизни продолжали сменяться одна за другою в моём воображении. Видел я и кровопролитную битву, в которой храбрые воины маясов хотели отстоять свою столицу от каких-то невиданных белолицых и бородатых врагов, завоевавших и опустошивших уже много соседних городов. Несмотря на отчаянную храбрость, маясы не устояли против горсти пришельцев, в распоряжении которых имелись гром и молния, а союзниками были какие-то чудесные животные, на

«Женский монастырь» в Ушмале.

[1] Ныне в Мексике производится около 26 тыс. т хенекена в год. Она значительно уступает Бразилии, ежегодно собирающей более 200 тыс. т родственного хенекену растения семейства агавовых — сизаля.

спине которых они догоняли самых быстроногих воинов, производя в их рядах ужасное опустошение.

...Чужестранное воинство с развевающимися знамёнами и предшествуемое конницей в стройном порядке вступает в город, по опустевшим улицам направляется к одному из лучших дворцов, отведённому королём в его распоряжение. В сознании своего могущества пришельцы вскоре начали расправу над несчастным городом. Они согнали жрецов с теокалли[1], причём убили сопротивляющихся, и, низвергнув вниз при рёве и вое смущённых граждан их бога войны, они безнаказанно водрузили на его месте крест. При виде такого святотатства смирившееся было маясы в ненависти к чужестранцам почерпнули вновь мужество, а вместе с тем и надежду освободиться от тяжёлого и постыдного ига, но не было вождя, который бы взялся руководить восстанием. Чужестранцы, впрочем, скоро ушли, отобрав у жителей все их золотые украшения и другие ценные вещи и уведя в качестве заложников короля и 10 знатнейших жителей, чтобы вновь вернуться через некоторое время и навсегда остаться во владении страной».

Заглядывая в прошлое, учёный сравнивает завоевание русскими Сибири и завоевание испанцами Америки, проходившие практически одновременно в XVI в.:

«В первой победители поступили сравнительно гуманно с покорёнными племенами, народ остался свободным.

...[В Америке] завоевание страны сопровождалось большой жестокостью и почти всегда полным истреблением многих племён индейцев. Уцелевшие от резни индейцы были порабощены ог-

[1] Пирамида.

Барельеф на стене храмового комплекса в Ушмале.

нём и мечом, а затем обращены в рабочий скот, весь век принуждённый работать на своих же собственных землях, отобранных от них и поделенных между немногими победителями».

После посещения Ушмаля Патканов вернулся в Тикуль, откуда на следующий день выехал в гасиенду Санта-Ана, чтобы оттуда отправиться к руинам городов майя Сайиль[1] и Кабах[2]. Несмотря на то что эти архитектурные памятники расположены всего в нескольких километрах от Тикуля, добраться до них было непросто.

«Ехали мы вследствие узкости дороги гуськом, причём кожухи, прикреплённые к переднему краю сёдел и направленные назад, прекрасно предохраняли ноги от ударов ветвей, то и дело преграждавших нам путь.

...Дорога туда настолько заросла и свешивающиеся ветви так немилосердно били и царапали наш экипаж, что мы могли продвигаться вперёд лишь шагом, причём индеец, шедший впереди, при помощи своего machete расчищал путь».

Во время осмотра руин путешественник по неосторожности потревожил осиное гнездо и был искусан рассерженными насекомыми. Досаждали насекомые, особенно мелкие муравьи, и вечером, когда Патканов остановился на ночлег в «индейской деревеньке» и пытался делать записи в дневнике при свете «фотографического фонаря».

Орхидея из экопарка Катун-Чи в Мексике.

[1] Город, существовавший в конце так называемого классического периода цивилизации майя (VI–XIX вв.).

[2] Город майя, существовавший между VII и XI вв.; где расположен всемирно известный Дворец масок.

Игуана — растительноядная ящерица. Полуостров Юкатан.

«Но и это писание плохо клеилось: четвероногие и насекомые, обитавшие в комнате и вне её, составили как заговор против меня».

После осмотра архитектурных памятников майя Патканов вернулся по железной дороге из Тикаля в Мериду, где сел на отплывавший в Нью-Йорк пароход «Хумури».

Делясь впечатлениями от путешествия в Мексику и приводя в своих заметках подробные описания и фотографии руин других городов майя из статьи Малера в журнале «Глобус» за 1895 г., Патканов пишет о необходимости взять их под охрану государства и сохранить для человечества как уникальные историко-культурные памятники. Увы, пройдёт ещё более полувека до того, как на Юкатане начнётся реставрация руин городов майя, и лишь в 1990-е гг. Ушмаль будет внесён в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Серафим Керопович Патканов (Патканян Серовбе)

28 июля (9 августа) 1861 — 18 мая 1918

Этнограф, действительный член Императорского Русского географического общества.

Серафим Патканов родился в семье адъюнкта (впоследствии — профессора) кафедры армянской словесности и истории Санкт-

Петербургского университета, уроженца Нихичевани-на-Дону. Серафим учился в Академии монашеского католического ордена армян-мхитаристов в Венеции.

Вернувшись в Россию, он открыл в Тифлисе первую армянскую школу, затем преподавал в армянском училище в Астрахани.

В 1885 г. Серафим Патканов окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в Министерство государственных имуществ. В 1886 г. его направили в Западную Сибирь для изучения быта сельских жителей в должности помощника производителя работ по составлению, предъявлению и выдаче государственным крестьянам владенных записей (эта работа предполагала определение границ землевладений так называемых государственных крестьян).

На протяжении многих лет С. К. Патканов изучал этнографию Сибири. На основе материалов переписи населения 1897 г. он собрал и систематизировал подробные данные по географии населения и этнографии Амурской, Енисейской, Забайкальской, Иркутской, Приморской, Тобольской, Томской губерний и Сахалина, внёс большой вклад в составление этнографической карты России. По словам академика А. Е. Ферсмана, без трудов Патканова «совершенно невозможны были бы наши работы, особенно по племенной карте Сибири».

С. К. Паткановым написаны многочисленные работы, посвящённые языкам и фольклору коренных сибирских народов, и 4 из 22 томов «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири».

В 1891 г. он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества, за труды по этнографии Сибири награжден ИРГО малой золотой медалью (1891) и большой золотой медалью отделения этнографии и статистики (1905).

В 1894 г. Патканов совершил путешествие в Мексику с целью изучения населяющих её народов и ознакомления с природой, хозяйством, памятниками древней архитектуры; два года спустя он опубликовал свои путевые заметки в журнале «Землеведение».

Основные печатные труды: «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям» (1891); «По гациендам и руинам Юкатана» (1896); «Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года» (1905); «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников» (1906); «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев», в 3 томах (1911–1912); «О приросте инородческого населения Сибири» (1909). Последняя работа С. К. Патканова «Список народностей Сибири» была опубликована после его смерти в «Тру-

дах комиссии по изучению племенного состава населения России» (1917–1930). В 1999 г. издано собрание сочинений С. К. Патканова в 2 томах, в 2007 г. — в 5 томах.

Литература

Патканов С. К. По гациендам и руинам Юкатана. (Путевые наброски) // Землеведение, 1896, т. III. кн. I (с. 79–110), кн. II (93–130), кн. III–IV (с. 111–142).

Сизоненко А. И. Серафим Патканов: «По гациендам и руинам Юкатана» // Русские в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН, 2005.

ГЛАВА XI

С. В. Гейман, Г. Г. Манизер, И. Д. Стрельников, Н. П. Танасийчук, Ф. А. Фиельструп: экспедиция в Южную Америку в 1914–1915 гг.

Николай Парфеньевич (Парфентьевич) Танасийчук

22 ноября (5 декабря) 1890 — 1 января 1960

Биолог, ихтиолог, крупнейший знаток ихтиофауны Каспийского моря.

Фёдор (Теодор) Артурович Фиельструп

19 января (1 февраля) 1889 — 7 декабря 1933

Этнограф, географ, тюрколог.

Генрих Генрихович Манизер

21 сентября (3 октября) 1889 — 21 июня (4 июля) 1917

Этнограф, лингвист.

Иван Дмитриевич Стрельников

11(23) июля 1887—17 декабря 1981

Научный работник и преподаватель. Зоолог, исследователь Южной Америки. Действительный член Географического общества СССР.

Сергей Вениаминович Гейман

5 июля 1887 — август 1975

Участник экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.

18 ноября 1916 г. действительный член Русского географического общества Л. Я. Штернберг[1] написал такой отзыв «О трудах Г. Г. Манизера, И. Д. Стрельникова и Ф. А. Фиельструпа»:

«Студенты Г. Г. Манизер, И. Д. Стрельников и Ф. А. Фиельструп в начале 1914 г. по собственному почину и частью на свои средства, при нравственном и материальном содействии музеев и [императорской] Академии наук, предприняли научную экскурсию в Южную Америку, пробыли там около 1 1/2 лет. За это время, несмотря на крайне неблагоприятные материальные условия, несмотря на большие лишения и опасности, усердно занимались изучением природы и туземного населения Аргентины и Бразилии. Ими собраны очень интересные этнографические и естественно-исторические коллекции и материалы по быту и языку. Этнографические собрания ныне переданы ими в музей Антропологии и этнографии имени Петра В[еликого], так же как и материалы по языку и музыке ботокудов (Г. Г. Манизер). Собранные коллекции и др. материалы ныне обрабатываются и частью приготовлены к печати. 13 мая 1916 г. гг. Манизером, Стрельниковым и Фиельструпом прочитаны интересные доклады в Отделении этнографии о разных народностях Юж. Америки, а 30 марта г. Стрельниковым сделано сообщение в Общем собрании Г[еографического] о[бщества] «Год жизни натуралиста в лесах Юж. Америки». Судя по всему ими собранному и сообщенному, можно рассчитывать, что в их лице русская этнография найдет в будущем ревностных и серьезных исследователей, и потому полагал бы справедливым поощрить их первые

Ж.-Б. Дебре. Семья ботокудов на охоте. Литография. XIX в.

[1] Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) — этнограф, антрополог, старший этнограф и помощник директора Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (1912–1917), член-корреспондент Академии наук.

➲ *Карта маршрутов Г.Г. Манизера, И.Д. Стрельникова, Ф.А. Фиельструпа, Н.П. Танасийчука, С.В. Геймана.*

шаги, наградив гг. Манизера, Стрельникова и Фиельструпа за их доклады в Отделении этнографии серебряными медалями».

Кто же такие эти студенты, экспедиция которых представляется учёному достойной столь высокой оценки?

В феврале 1914 г. у молодых учёных, собиравшихся по вечерам в Биологической лаборатории имени Лесгафта в Петербурге — студента-антрополога Генриха Генриховича Манизера и ассистента лаборатории Лесгафта Ивана Дмитриевича Стрельникова, возникла мысль совершить путешествие в Венесуэлу, к берегам реки Ориноко. Но после тщательного обсуждения этого замысла планы изменились. Был разработан проект экспедиции, рассчитанной на семь-восемь месяцев, согласно которому основным районом исследований избиралась долина реки Пилькомайо[1] в Чако[2] на границе Аргентины и Парагвая. К Манизеру и Стрельникову также присоединились ещё один студент-антрополог — Фёдор Артурович Фиельструп, студент естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета Николай

[1] Река длиной около 1600 км, стекающая с боливийских Анд и образующая границу между Парагваем и Аргентиной; правый приток реки Парагвай.

[2] Физико-географическая область с жарким, засушливым климатом во внутренней части Южной Америки, разделена между Боливией, Парагваем и Аргентиной.

➲ *Ствол пальмы, оплетенный корнями фикуса. Фотография 1914 г.*

Парфеньевич Танасийчук и студент Психоневрологического института, этнограф-любитель Сергей Вениаминович Гейман.

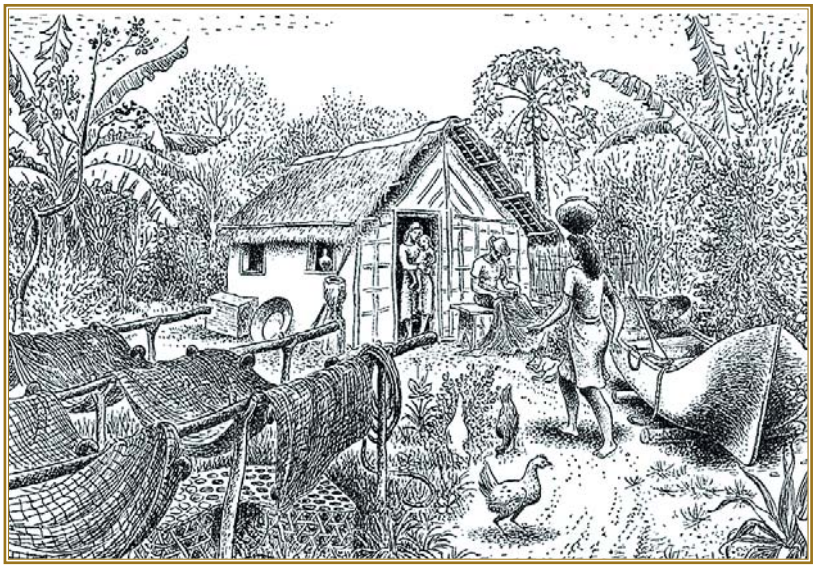
8 апреля 1914 г.[1] участники экспедиции выехали из Петербурга. Молодые учёные располагали приблизительно тремя тысячами рублей, в основном предоставленными Музеем антропологии и этнографии, Зоологическим музеем Академии наук, Петербургской биологической лабораторией и другими научными учреждениями. В конце апреля они прибыли в Англию и вскоре отплыли из Саутгемптона в Аргентину на лайнере «Арланса».

9 мая, спустя месяц после того, как экспедиция покинула Петербург, путешественники выгрузились в порту Буэнос-Айреса. Для экономии средств они поселились в так называемом Эмигрантском доме, где прибывшим в Аргентину переселенцам бесплатно предоставлялись ночлег и еда. Почти месяц прошёл в окончательной подготовке к экспедиции, были осмотрены музеи, состоялось знакомство с аргентинскими учёными. Живое участие в организации экспедиции «русских студентов» приняли этнографы Х. Б. Амбросетти[2] и Р. Леман-Нитше[3], зоолог А. Гальярдо[4] и директор Музея естественных наук, археолог и лингвист С. Лафоне-Кеведо[5]. Они посоветовали молодым путешественникам изменить маршрут экспедиции и отправиться не в Чако, к тому времени достаточно изученное, а в Бразилию, в штат Мату-Гроссу, где ещё сохранились мало ассимилированные индейские племена, да и фауна была гораздо богаче.

16 июня 1914 г. на пароходе «Монтевидео» экспедиция отправилась из Буэнос-Айреса вверх по реке Парана и по её притоку Парагваю и прибыла в парагвайскую столицу. В Асунсьоне участники экспедиции ненадолго остановились, а потом на маленьком пароходике отправи-

Н.П. Танасийчук и Р.А. Риттер. Асунсьон. 1914 г.

Хижина бразильского рыбака. Рисунок, середина XX в.

[1] Даты даны по старому стилю.

[2] Хуан Баутиста Амбросетти (1865–1917) — аргентинский этнограф, археолог, фольклорист; директор Этнографического музея факультета философии и филологии Университета Буэнос-Айреса.

[3] Роберто Леман-Нитше (1872–1938) — аргентинский антрополог, заведующий кафедрой антропологии, возглавлял кафедру антропологии на факультете философии и филологии Университета Буэнос-Айреса.

[4] Анхель Гальярдо (1867–1934) — президент Аргентинского научного общества (1896), профессор факультета медицинских наук Университета Буэнос-Айреса; впоследствии — директор Музея естественной истории в Буэнос-Айресе и ректор Университета Буэнос-Айреса.

[5] Самуэль Лафоне-Кеведо (1835–1920) — аргентинский лингвист, археолог и историк, директор Музея города Ла-Платы.

Н.П. Танасийчук в Мато-Гроссо. Фотография 1915 г.

лись дальше — в Бразилию. Путешественники воспользовались гостеприимством бывшего соотечественника — Р. А. Риттера, жившего и работавшего в Парагвае, который впоследствии ещё не раз оказывал им помощь.

В конце июня все члены экспедиции прибыли в бразильский город Корумба, расположенный на реке Парагвай на границе с Боливией и всего в нескольких десятках километров от территории Парагвая. Ещё не испытавшие лишений экспедиционной жизни, путешественники воспринимали окружающую их действительность, как и подобает молодыми людям. Вот что писал в своём дневнике Танасийчук о Корумбе:

«Население чрезвычайно пёстрое; представители самых отдалённейших уголков земного шара, самых разнообразных профессий, часто не по своему желанию покинувшие родину, живут бок о бок. Европейцы, негры, индейцы, китайцы, бразильцы, парагвайцы, люди всевозможных цветов и оттенков, авантюристы, скупщики драгоценных камней и каучука, охотники за перьями цапель, лесопромышленники, плантаторы, торговцы — вот население Корумбы, придающее городу космополитический вид...»

Для зоологов здесь было раздолье: им предстояло заниматься изучением фауны Пантанала[1] — огромного района заболоченных низменностей. Впоследствии Стрельников и Танасийчук вспоминали:

«Наша работа как натуралистов началась в начале июля 1914 г., когда мы высадились в городке Corumba на р. Парагвай в штате Matto Grosso (Brasil). Corumba была нашей базой; сами мы жили в лесах у невысоких гор Sao Domingo и ши-

[1] Обширная заболоченная низменность в тектонической впадине на территории Бразилии, Парагвая, частично — Боливии.

И.Д. Стрельников у водопада Игуасу.

Водопад Игуасу.

рочайшего болота Pantanal do Jacadigo в 50—60 км от Corumba. Жили охотой и занимались исключительно сбором зоологических материалов как для собственных работ, так и для Зоологического музея Академии наук и Биологической лаборатории Лесгафта. В Sao Domingo прожили 2½ месяца; в середине сентября переехали в провинцию Chiquitos (Bolivia), где продолжали ознакомление с фауной громадных болот — Bahia de Caceres близ Puerto Suarez, единственного поселения (700—800 жителей) в пров. Chiquitos и административного центра всей восточной Боливии».

Для этнографов же этот район не представлял интереса: поблизости не было «диких» племён, местные индейцы работали на плантациях и даже почти не говорили на родных языках. Поэтому вскоре Манизер, Фиельструп и Гейман перебрались на сотню с лишним километров вниз по реке и, сойдя с парохода в городке Барранку-Бранку, отправились в бассейн реки Набилеки, где начали изучение индейцев племени кадиувео-гуайкуру. Гейман вскоре уехал в Парагвай, осмотрел водопад Игуасу и по Паране возвратился в Буэнос-Айрес. Затем в ноябре 1914 г. он направился в Монтевидео, откуда предпринял несколько поездок по территории Уругвая.

Фиельструп и Манизер прожили среди кадиувео более двух месяцев и собрали большую этнографическую коллекцию, включавшую одежду, украшения, оружие и другие предметы быта индейцев. Манизер уделял особое внимание изучению индейских языков и их фольклора. От реки Набилеки этнографы совершили пеший переход через горы Серра-да-Бодокена и достигли городка Миранда, откуда 15 октября поездом по открывшейся всего за месяц до этого железной дороге доехали до станции Акидауана. Поблизости

Ф.А. Фиельструп. Фотография 20-х гг.

В парагвайском Чако. Женщины мнут маис, мужчины растянули шкуру оленя. Позади всех — Н. Танасийчук.

Старуха подвязала верёвкой губу. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

от этой станции они встретили племена индейцев терено и шавантов (файя), пополнили свою коллекцию ценными экспонатами, записали несколько индейских легенд и сказок, составили словарь с грамматическими примечаниями. Вернувшись к реке Парагвай, Манизер и Фиельструп решили не дожидаться парохода и 18 октября 1914 г. отправились из порта Порту-Эсперанса вниз по течению на двух лодках-однодеревках. На третий день лодки были опрокинуты шквалом во время бури, и чудом оставшиеся в живых этнографы лишились большей части собранных ими коллекций и записей.

С трудом добравшись по берегу до парагвайского поста Баия-Негра, через три дня путешественники на пароходе доплыли до порта Барранку-Бранку, откуда начинался их маршрут к каудивео. За три дня, снова посетив индейцев терено и одну из групп каудивео, они смогли восстановить часть утраченной коллекции, после чего поднялись вверх по реке до Пуэрто-Эсперанса и сели на поезд, идущий на восток.

На этот раз целью этнографов было индейское племя каинганг, или короадо, проживавшее на западе штата Сан-Паулу, недалеко от городка Арасатуба, что в тысяче с лишним километров от прежнего места работ экспедиции. Вскоре жребий решил, кому из них оставаться для продолжения работы у каингангов, а кому — возвращаться в Буэнос-Айрес для подготовки уже собранных материалов к отправке в Россию. Уехал Фиельструп, а Манизер ещё около восьми недель изучал быт и обычаи каингангов — «племени, всего только за 2 года перед тем вступившего в первые сношения с европейцами и представляющего поэтому великолепный «сырой» материал». За это время он записал около 800 слов и выражений языка каингангов, составив словарь. Затем, по пути к Сан-Паулу, Манизер побывал у индейцев-гуарани поблизости от железнодорожной станции Бауру. В Сан-Паулу он осмотрел ботанический сад, библиотеку и коллекции Муниципального музея, познакомившись с его директором г. Иерингом, а в феврале 1915 г. приехал в Рио-де-Жанейро.

О том, чем Манизер занимался в Рио-де-Жанейро весь февраль 1915 г., красноречиво свидетельствуют строки из письма российского посланника в Бразилии П. В. Максимова:

«...Пребывание здесь г. Манизера, всё время фанатично усердно работавшего в библиотеках и музеях... при полном отсутствии малейшей рекламы и самохвальства со стороны нашего донельзя скромного молодого учёного, проживавшего здесь, за скудостью средства, чуть ли не в ночлежных домах и питавшегося впроголодь чем Бог послал».

Охотничья хижина индейцев ботокудов. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

Посланник обращался в этом письме к Академии наук с просьбой выделить средства на продолжение экспедиции, труды которой он весьма высоко оценивал:

«Не могу не выразить своего истинного удивления и чувства глубокого уважения по адресу незаурядной Русской экспедиции, сумевшей при самых ничтожных для здешних стран средствах достичь ценой истинного самопожертвования результатов, кои Императорская Академия Наук будет иметь возможность оценить не без чувства вполне обоснованного удовлетворения».

Примечательно, что в Рио-де-Жанейро Манизеру удалось встретиться с легендарным К. Рондоном[1] — основателем и руководителем Национальной службы защиты индейцев Бразилии.

В конце февраля, воспользовавшись предоставленными посланником Максимовым из его личных средств деньгами, Манизер купил билет на пароход, идущий в Виторию, откуда он по железной дороге доехал до станции Колатина на реке Доси, а затем добрался до района Серра-дус-Айморис на границе штатов Эспириту-Санту и Минас-Жерайс, населённого индейцами ботокудо. На посту Службы защиты индейцев Панкас Манизер прожил пять месяцев среди ботокудов, а в сентябре вернулся в Рио-де-Жанейро. Уже в день отправления в Европу на судне «Дана» 20 сентября 1915 г. он получил письмо о том, что Музей антропологии и этнографии собирается выслать ему 1000 рублей на продолжение этнографических исследований в Бразилии. К сожалению, было уже поздно.

Вернёмся к рассказу о зоологах. После работы в Пантанале Стрельников и Танасийчук в октябре 1914 г. возвратились в Асунсьон. При

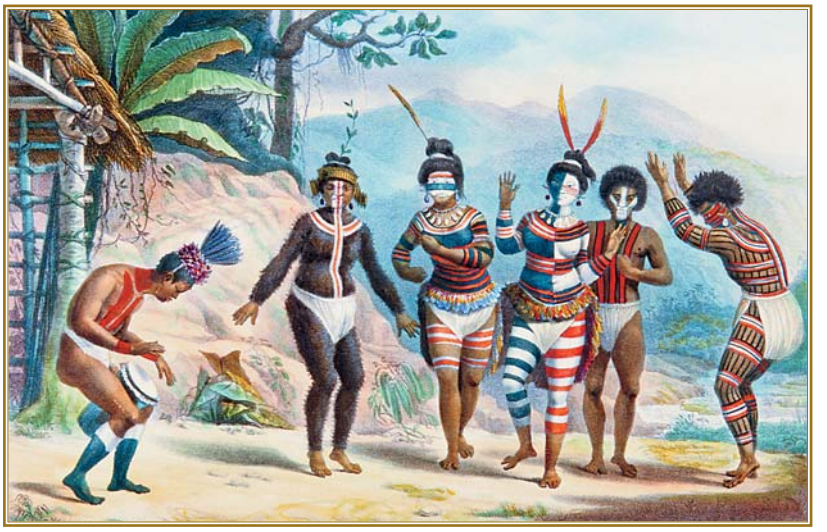

[1] Кандиду Мариану да Силва Рондон (1865–1958) — бразильский военный, маршал, исследователь Амазонии, основатель Службы защиты индейцев.

Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

Индейцы. Фото Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

➲ *Ж.-Б. Дебре. Танцы дикарей. Литография. XIX в.*

содействии Р. А. Риттера путешественников принял военно-морской министр Парагвая М. Гондра[1], благодаря которому они получили возможность бесплатного проезда на поезде и пароходе. Вскоре зоологи по железной дороге выехали из Асунсьона сначала в Энкарнасьон, центр департамента Итапуа, а затем — вверх по реке Парана в посёлок Пуэрто-Бертони. Здесь, в парагвайском департаменте Альто-Парана их приютил глава небольшой сельскохозяйственной колонии, швейцарец по происхождению доктор М. С. Бертони[2], ботаник и этнограф. Четыре месяца провели русские натуралисты в окрестных лесах, собирая зоологические материалы.

Жизнь в экспедиции не была лёгкой. Изорвалась одежда, износилась обувь, заканчивались деньги, что вынуждало зоологов питаться плодами леса, дичью и рыбой. В конце января 1914 г. Стрельников сообщает в Петроград:

«Истратили двое за время жизни на Альто-Парана 8 рублей на наши деньги. Дешево? Купили сапоги, уже износившиеся, мыло и спички. Спичек нет, огонь добываем с помощью лупы. Сейчас здесь время ананасов; их много на плантациях Бертони, немало и в лесу, хоть и не такие большие, как культивированные, зато очень сладкие. Всё время бананы; эти фрукты никогда не надоедают».

Но материальные трудности, к которым добавились страдания от укусов насекомых, в том числе песчаных блох и оводов-уру, которые откладывают свои личинки под кожу человеку, не могли остановить молодых учёных. Их чувство долга достойно самой высокой оценки. Вот что пишет Стрельников в Петроград директору Биологической лаборатории имени П. Ф. Лесгафта С. И. Метальникову[3]:

[1] Мануэль Гондра Перес (1871–1927) — парагвайский политик, президент Парагвая в ноябре 1910 — январе 1917 г. и в августе 1920 — октябре 1921 г.

[2] Моисес Сантьяго Бретони (1857–1929) — биолог, швейцарец по происхождению. Окончив Женевский университет, по совету своих друзей Э. Реклю и П. А. Кропоткина в 1884 г. уехал в Аргентину, чтобы создать там сельскохозяйственную социалистическую колонию. Позднее поселился с семьёй в Парагвае, где основал на берегу реки Параны заповедник имени В. Телля. Собрал богатые этнографические и ботанические коллекции, издал ряд трудов по ботанике, этнографии и антропологии.

[3] Сергей Иванович Метальников (1870–1946) —учёный-зоолог, иммунолог, эволюционист; директор Биологической лаборатории имени П. Ф. Лесгафта.

«...Думал быть дома в октябре, буду в январе 1915 года. Медленность наших работ — главная причина тому. Мы не хотим ехать, не собрав столько, чтобы заполнить ту посуду, которую имеем с собой, и не удовлетворив Академию наук, Биологическую лабораторию и университет... Слишком много было сил и денег затрачено на путешествие сюда, чтобы не пробыть здесь месяц-другой более предполагавшегося».

Совершили из Пуэрто-Бертони пешую экскурсию к водопадам Игуасу и поход на лодке по притоку Параны к индейцам монда-ы[1], в июне 1916 г. завершили свою работу. Стрельников написал об этом так:

«После этого путешествия мы не смогли уже ничего предпринять: не было больше никаких средств для зоологической работы — все истратились; не было обуви, одежды, чтобы идти к другим живущим близко племенам».

В конце июля они добрались до Буэнос-Айреса, где Амбросетти и профессор Гальярдо предлагали им, оставшись по крайней мере до конца Мировой войны в Аргентине, поступить в штат Национального музея Аргентины и принять участие в создании национального парка Игуасу. Но Стрельников и Танасийчук не согласились и отправились домой. На трансатлантическом лайнере «Амазон» они доплыли до Англии, где вынуждены были провести несколько недель из-за прервавшегося на время пароходного сообщения с материковой Европой. В это время они работали в библиотеках Лондона, систематизировали свои записи, готовили научные статьи. В начале октября транспорт «Цесаревич Алексей» доставил зоологов и их груз из Ливерпуля в Архангельск. Они рапортовали Штернбергу:

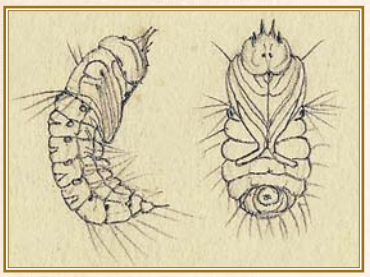
И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук с индейцами каа-ы-ва. Фотография 1915 г.

Белая личинка и шмель. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

[1] Племя, относящееся к языковой группе гуарани.

[1] Мирмекофильные растения (различные виды цекропий и акациевых) существуют в симбиозе с селящимися на них муравьями.

«Куколка» насекомого. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

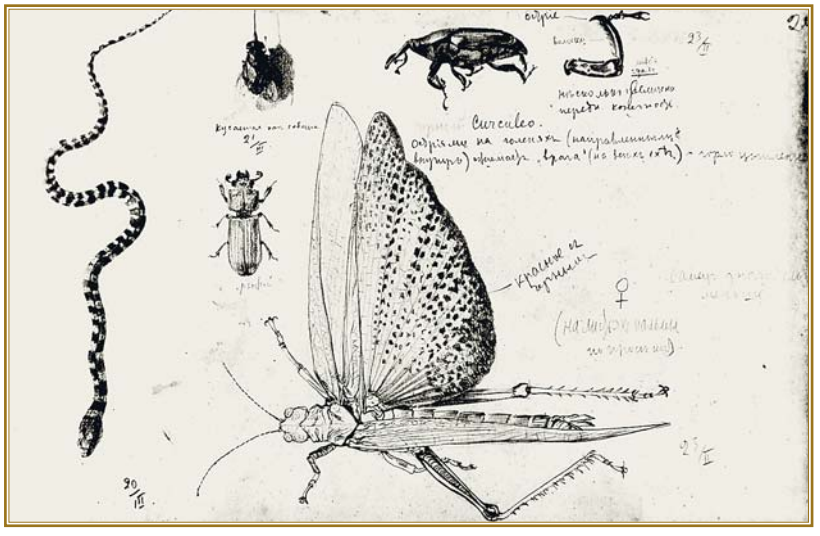
«Всего мы привезли 16 ящиков коллекций (43 пуда) по зоологии, этнографии, ботанике. Крупный спиртовой материал в 13 металлических жестянках вместимостью в 50 литров и в 190 стеклянных банках; было приготовлено 180 птичьих шкурок (около 30 погибло), 20 млекопитающих. Коллекция насекомых — в 16 ящиках — не менее 15 000 экземпляров. Привезены гнезда термитов, некоторых птиц, муравьёв; коллекция осиных гнёзд погибла в Парагвае. По ботанике привезены образцы некоторых медицинских растений, лиан, мирмекофильных[1] растений и проч.».

Чем же занимались в это время остальные члены экспедиции?

Гейман, вернувшийся в Буэнос-Айрес в декабре 1914 г., находился в длительном одиночном маршруте. Сначала он доставил в аргентинскую столицу собранные ко времени его отъезда из района индейцев каудивео этнографические материалы и на время передал их профессору Амбросетти для экспозиции местного музея. В самом конце 1914 г. на поезде Гейман отправился в Мендосу, а оттуда — с караваном мулов через Анды — в Чили. Сначала он побывал в Темуко, откуда совершил несколько экскурсий в поселения араукан. Затем Гейман перебрался ещё дальше на юг, в город Пуэрто-Монт, а оттуда на пароходе «Чилоэ» — в город Пунта-Аренас на берегу Магелланова пролива. Здесь, на Огненной Земле Гейман приобрёл у местных коллекционеров ценные этнографические предметы, принадлежавшие индейцам она и ягана.

Вот выдержки из письма Геймана Штернбергу об этой поездке:

«1. Разнообразие природы, ее исключительные, почти уникальные особенности от бразильских тропических джунглей до полярной Огненной Земли. ...Жемчужина Юж[ной] Амер[ики] — это чи-

Насекомые и змея. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

С.В. Гейман спит на борту парохода. Парагвай. 1914 г.

лийские фиорды. Они так же захватывают первопришельца, как наш Великий Кавказ. Флора и фауна суши и морского дна, судя по музейным коллекциям г. Мексико и New York'a, — истинный рай для натуралиста. Слово принадл[ежит] И. Д. Стрельникову на эту тему. Я только созерцатель, а он «Землекопатель»! 2. О туземцах «краснокожих» мои «впечатления» Вам известны; о цивилизованных латинцах — можно одно сказать: по своему гостеприимству, дружеской верности, бескорыстию, сентиментальности, романтизму, музыкальной чуткости и мечтательности они могут сравниться только с русским народом».

По возвращении в Аргентину Гейман задумал посетить индейские племена матако и тоба в провинции Жужуй, после чего перебраться в Боливию и Перу. В составлении плана исследований в этих странах он рассчитывал на помощь боливийского этнографа А. Познанского[1].

Фиельструп, вновь оказавшись в Буэнос-Айресе, принял предложение Х. Амбросетти и 10 февраля 1915 г. на аргентинском военно-учебном судне «Президенте Сармьенто» отправился в долгое путешествие вокруг Южной Америки. В окрестностях городов Баия-Бланка, Пуэрто-Мадрин и других селений побережья Патагонии, а также в Ушуае на Огненной Земле, куда заходил корабль, он производил наблюдения и собирал коллекции. Уже в пути был уточнен маршрут морской экспедиции. Пройдя вдоль берегов Южной и Центральной Америки, «Президенте Сармьенто» должен был зайти в Сан-Франциско, затем повернуть на юг и через Панамский канал прибыть в Гавану; далее предполагалось посетить Чарлстон, Норфолк, Сан-Мигель на Азорских островах и Мадейру. Во время этого путешествия Фиельструп вел подробный дневник, который хранится в настоящее вре-

[1] Артур Познанский (1873–1946) — уроженец Австро-Венгрии, боливийский палеонтолог, археолог, историк, военный, писатель, кинематографист; известный исследователь цивилизации Тиуанако.

Ж.-Б. Дебре. Индейская женщина с венком из тропических цветов. Литография. XIX в.

Колибри.
Раскрашенная гравюра.

мя в архиве Института этнографии Академии наук. Из этих записей видно, что, несмотря на столь интересный маршрут, ему не терпелось вернуться к основному предмету исследований — индейцам Южной Америки:

«После посещения о. Кубы я бы с охотой возвратился в Аргентину, так как следующие за ним пункты сравнительно мало интересны для меня. Вообще все это путешествие интересно для туриста скорее, чем для аспиранта-этнографа, но и такое поверхностное знакомство с берегами Южной Америки поучительно и доставляет мне удовольствие».

Более всего в одном из писем в Петроград этнограф сожалел по поводу невозможности проведения исследований во время коротких остановок судна:

«В конце концов, я всюду убеждался, что будь в моем распоряжении неделя, с гораздо большим успехом можно было бы поработать дальше от берега, вглубь».

Вернувшись наконец в Буэнос-Айрес, Фиельструп занялся подготовкой к отправке в Россию этнографических материалов. Упаковав их в 34 ящика, 10 ноября 1915 г. он сел на борт английского корабля, через 25 дней прибыл в Европу и по железной дороге через нейтральные страны доставил коллекции в Петроград.

К началу 1916 г. четверо членов экспедиции, кроме Геймана, собрались в Петрограде. Гейман, переслав в Петроград свои коллекции и путевые дневники, продолжал путешествовать. О своих планах он сообщал:

Арауканы на похоронах вождя. Фотография С.В. Геймана.

Поселение в Бразилии. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914-1915 гг.

«Теперь, вследствие неопределенности продолжения мировой войны, я решил ознакомиться с Боливией, Перу, Мексикой и Северной Америкой. Покамест у меня в наличности всего 20 песо и один фунт стерлингов».

Позднее, в августе 1916 г. он писал в Петроград старшему этнографу Музея антропологии и этнографии Л. Я. Штернбергу уже из Нью-Йорка:

«Целый ряд благоприятных обстоятельств складывается у меня для того, чтобы совершить ещё одну поездку в Южную Америку. На этот раз в Колумбию и частично в Венецуэлу, с единственной целью — этнографической.

Местный музей по этнографии и Географич.[еское] о-во[общество] проявляют полнейшую готовность всячески содействовать моей поездке, но под условием передачи им всех моих собраний этнограф.[ических] предметов.

Я же предпочитаю передать американцам лишь дубликаты, а оригиналы вывезти в Россию для наших музеев».

Девушка в арауканской одежде и украшениях. Фотография 1914—1915 гг.

Подведём итоги этой экспедиции. Собранные пятью молодыми учёными материалы по этнографии, зоологии и ботанике были переданы в Музей антропологии и этнографии Академии наук, Зоологический музей Академии наук, в Педагогический музей Военно-учебных заведений, а также в музеи Московского университета и Ботанического сада в Петрограде. Участники экспедиции подготовили к печати и опубликовали часть своих рукописей.

Особенно много статей по этнографии индейцев Бразилии успел выпустить Манизер. Среди них — уникальные работы о племенах, которые уже тогда находились на грани исчезновения, а вскоре были

полностью ассимилированы: чамакоко, чикитано, киникинау, терено, каудивео, шавантах, каингангах, гуарани, ботокудах. Эти работы полны гуманистического, сострадательного отношения к коренным жителям Южной Америки, вот пример:

«Прошлое ботокудов — мартиролог... Начиная с охот за рабами в XVII в. и до последних годов XIX в. все средства борьбы были хороши. Индейцев отравляли, заражали нарочно болезнями, издевались над женщинами и детьми, торговали ими».

Работы Манизера отличает оригинальная методология, основанная не только на изучении материальной культуры, но и лингвистики. Например, в рукописи «Материалы о языках четырёх племён Бразилии» он критикует выделение языковой группы индейских племён «же», считая недостаточно обоснованной распространённую в то время лингвистическую классификацию:

«Все эти разговоры следует считать праздными, ввиду сомнительности подбора признаков «народа же», куда, чего добро, угодили бы и готтентоты, если бы их язык был так же мало известен, как южноамериканские».

К сожалению, судьба этого талантливого молодого учёного вскоре сложилась трагически: отправившись добровольцем на фронт, он умер в июне 1917 г. от сыпного тифа.

Отдельно следует сказать о книге, которую он всё же успел написать. Она посвящена первой русской экспедиции в Бразилию, которой руководил академик Г. И. Лангсдорф. Об этой экспедиции Манизер узнал случайно в Рио-де-Жанейро, а по возвращении в Петроград он разыскал материалы Лангсдорфа в Музее антропологии и этнографии и занялся их обработкой одновременно с подготовкой статей по результатам своих изысканий. Работу над рукописью этой книги он закончил незадолго до отправления на фронт. Написанное Манизером введение заканчивается так: «Напечатание её [книги о Лангсдорфе] — запоздалый долг Академии забытому её члену». Именно эту рукопись обнару-

Ботокуды — мать с ребенком. Фотография, сделанная одним из членов экспедиции 1914—1915 гг.

Посёлок Налике. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

Дилижанс до Кочура. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

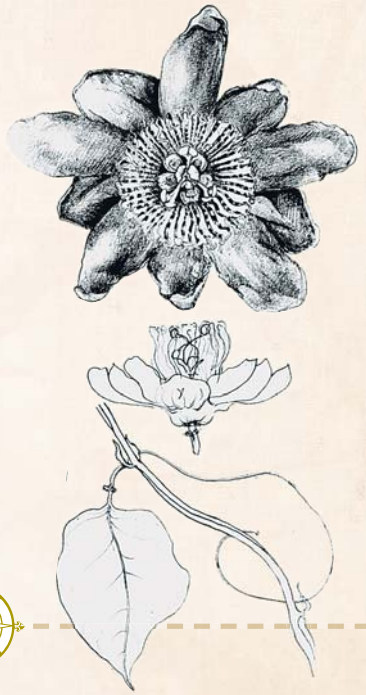
жил в 1932 г. Н. И. Вавилов и распорядился её издать, но опубликована она была только в 1948 г.

После приезда в Петербург четверо вернувшихся из Южной Америки членов экспедиции стали выступать с лекциями и докладами, собиравшими большую аудиторию. В декабре 1915 г. Манизер выступил в Антропологическом обществе при Петроградском университете с докладами о каингангах Сан-Паулу и о ботокудах; Стрельников 30 марта 1916 г. прочел в Русском географическом обществе лекцию «Год жизни натуралиста в лесах Южной Америки», 19 апреля он выступал в Петроградском биологическом обществе. Танасийчук сделал доклады в Петербургском университете и 26 апреля — в Петроградском обществе натуралистов-любителей.

Наконец, 13 мая в Императорском Русском географическом обществе прошло специальное заседание, посвященное этнографическим работам экспедиции, на котором выступали Манизер, Стрельников и Фиельструп. Аудитория была многочисленной — присутствовали сотрудники Музея антропологии и этнографии, Зоологического музея, языковеды, географы; председательствовал вице-президент Географического общества Ю. М. Шокальский.

Выступление в Географическом обществе стало триумфом членов экспедиции. Впечатляющими были и её «материальные» результаты — только в Музей антропологии и этнографии поступило почти восемьсот предметов, собранных у индейцев, а в Музей антропологии Московского университета — более двухсот. При этом собраны они были у племён, зачастую слабо изученных, вещей которых не было не только в русских, но и в иностранных, даже южноамериканских музеях. Манизеру, Стрельникову и Фиельструпу были присуждены малые серебряные медали Императорского Русского географического обще-

Маракуйя. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

Осиное гнездо. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

ства. К сожалению, не удостоились этой награды Гейман и Танасийчук, поскольку первый в это время находился в Америке, а второй был на Кавказе, в противосаранчовой экспедиции и не принимал участия в триумфальном заседании Географического общества.

В заключение добавим, что из сравнения дневников и писем всех пятерых путешественников видно, что самые большие трудности в экспедиции пришлись на долю зоологов. Манизер и Фиельструп жили за свой счёт только первый период экспедиции, позднее Манизер обитал на постах Службы защиты индейцев, тратя деньги только на проезд и на этнографические материалы, а Фиельструп плавал на «Президенте Сармьенто» на средства Национального музея Буэнос-Айреса. Гейман нашёл возможность оплачивать свои путешествия за счёт чтения платных лекций. Зоологи же бедствовали не только потому, что большую часть своих странствий могли полагаться только на себя. Дело в том, что в начале экспедиции не предполагалось, что они попадут к индейцам, и денег, специально предназначенных на этнографические сборы, у них не было.

Рассказ об этой экспедиции, которую ввиду молодости её участников иногда принято называть «студенческой», был бы неполным без упоминания о едва не состоявшемся её продолжении.

После революции, в начале 1919 г. учёный секретарь Научного института имени Лесгафта И. Д. Стрельников и заведующий Петроградским зоосадом Н. П. Танасийчук занялись планированием новой экспедиции в Южную Америку. По их замыслу, экспедиция из шести отрядов должна была работать в Южной Америке и на Антиль-

Н.П. Танасийчук (справа) с гаучо, пьющими мате. Фотография 1914 г.

Четырехэтажное гнездо птиц-печников. Фотография 1914 г.

ских островах в течение двух лет. Наркомпрос выделил для доставки экспедиции в Южную Америку бывшую царскую яхту «Зарница». В мае 1919 г. в Академии наук была образована Тропическая комиссия, которая занималась рассмотрением планов этой экспедиции. Эту комиссию возглавил известный ботаник И. П. Бородин[1], его заместителем стал президент Географического общества Ю. М. Шокальский. Гражданская война и разруха не дали этим планам осуществиться.

Материалы членов экспедиции 1914–1915 гг., которую по праву можно назвать выдающимся событием в истории русских путешествий в Латинской Америке, — дневники, рукописи неизданных работ, — хранятся в различных архивах Санкт-Петербурга — в архиве Русского географического общества, Петербургском филиале архива Академии наук, в частных собраниях. До сих пор их видели только единицы исследователей; они, безусловно, заслуживают более глубокого изучения и опубликования.

[1] Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) — ботаник, популяризатор науки, зачинатель российского природоохранного движения, ординарный академик Петербургской академии наук (1902), Российской академии наук (1917), Академии наук СССР (1925).

Ариканга. Рисунок Г.Г. Манизера. 1914—1915 гг.

Генрих Генрихович Манизер

21 сентября (3 октября) 1889 — 21 июня 6 (4 июля) 1917

Этнограф, лингвист.

Генрих Манизер родился в Петербурге в семье известного художника Генриха Матвеевича Манизера. Генрих — брат известного скульптора, классика социалистического реализма Матвея Генриховича Манизера (1891–1966).

В десятилетнем возрасте вместе с братом Генрих поступил в школу рисования Штиглица. В 1907 г. он стал студентом Петербургского университета, где учился одновременно на историко-филологическом и на физико-математическом факультетах (на последнем — на естественном отделении).

В 1912 г. после сдачи государственного экзамена Генрих приступил к подготовке дипломной работы по антропологии гиляков под руководством профессора Л. Я. Штернберга и стал сотрудничать с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого Петербургской академии наук.

Он занимался в биологическом кружке при Институте имени П. Ф. Лесгафта и вместе с товарищами по этому кружку в 1914–1915 гг. организовал экспедицию в Южную Америку, где собирал этнографические и лингвистические материалы среди индейских племён, а также коллекции для этнографических музеев.

Большую ценность представляют составленные Манизером словари четырёх индейских языков, описание жизни ботокудов и другие этнографические работы.

По возвращении из Бразилии Генрих Манизер издал ряд научных статей и подготовил книгу об экспедиции в Бразилию академика Г. И. Лангсдорфа в 20-е гг. XIX в.

За доклад об экспедиции в Южную Америку он был награждён малой серебряной медалью Императорского Русского географического общества.

В 1916 г. Г. Г. Манизер поступил добровольцем в армию и отправился на Румынский фронт, где умер от тифа.

Основные печатные труды: «Ботокуды (борун) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.» (1916); «Из путешествия по Южной Америке в 1914–15 годах» (1917); «Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии» (1918); «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)» (1948).

Иван Дмитриевич Стрельников

11(23) июля 1887–17 декабря 1981

Научный работник и преподаватель. Зоолог, исследователь Южной Америки. Действительный член Географического общества СССР.

Иван Стрельников родился в бедной крестьянской семье Тамбовской губернии. В возрасте 11 лет он переехал к отцу, работавшему лесным сторожем монастырских лесов Троице-Сергиевой лавры, а затем —

в Смоленск, где в 1904 г. окончил церковно-учительскую школу. Затем работал сельским учителем в Тамбовской губернии. За организацию учительского союза в 1905 г. его арестовали и посадили в тюрьму. Через 7 месяцев Ивана освободили по амнистии, и он уехал в Петербург.

В Петербурге в 1906 г. Иван поступил в Высшую вольную школу П. Ф. Лесгафта. После закрытия школы он продолжал посещать лекции профессора П. Ф. Лесгафта по анатомии человека, а также лекции профессоров Горного института и Петербургского университета.

В 1910 г. Иван Стрельников начал научную деятельность под руководством С. И. Метальникова. Сам Иван Дмитриевич считал себя учеником П. Ф. Лесгафта в области анатомии и педагогики, а С. И. Метальникова — по зоологии и микробиологии. В 1910 г. С. И. Метальников направил Стрельникова на русскую зоологическую станцию на Средиземном море (Виллафранка, Франция) для изучения морских животных. С осени 1910 г. начинается педагогическая деятельность Стрельникова сначала как ассистента С. И. Метальникова, а с февраля 1911 г. — в качестве ассистента по зоологическому отделению Биологической лаборатории Лесгафта. В 1913 г. Стрельников уезжает в Париж в Институт Пастера в лабораторию И. И. Мечникова для изучения проблемы иммунитета.

С 1910 по 1919 г. Стрельников заведовал Коломенскими курсами для рабочих при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта, где преподавал естествознание и географию. Работал он почти безвозмездно, так как большую часть зарплаты отдавал на содержание курсов.

В 1914–1915 гг. Стрельников участвовал в экспедиции в Южную Америку, где вместе с коллегами занимался биологическими и этнографическими исследованиями. За доклад об этой экспедиции он был награждён малой серебряной медалью Императорского Русского географического общества.

После революции 1917 г. Стрельников заведовал музеем сравнительной анатомии при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (впоследствии —Научный институт имени П. Ф. Лесгафта), там он создал лабораторию экологической морфологии. С 1934 г. он работал в Зоологическом институте АН СССР, где организовал кафедру экологии.

Во время Великой Отечественной войны Стрельников до марта 1942 г. оставался в блокадном Ленинграде, спасал коллекции Музея Лесгафта, охранял дома от зажигательных бомб и продолжал работать. В эвакуации он работал в сельскохозяйственном институте в городе Молотов (Пермь), создал там биологическое общество.

После 1957 г., когда был закрыт Научный институт имени П. Ф. Лесгафта, а часть коллекций музея передали в Зоологический институт АН СССР, Стрельников создал в последнем лабораторию экологии.

И. Д. Стрельников участвовал во многих экспедициях в различные районы СССР — на Кольский полуостров и в район Белого моря,

в пустыню Кара-Кум, на Эльбрус, на Урал, в Крым. Он организовал практику по зоологии и зоогеографии для студентов Ленинградского университета на стационаре в Саблино. В 1928–1929 гг. он побывал в командировке в США, где участвовал в Международном научном этнографическом конгрессе и работал в Гарвардском университете. В 1931 г. Стрельников посетил Германию и Францию для знакомства с организацией физического воспитания детей.

По свидетельствам тех, кому довелось у него учиться, И. Д. Стрельников был выдающимся педагогом. Он читал лекции и вёл занятия в Институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта (1923–1930), на географическом (1918–1933) и биологическом (1934–1946) факультетах Ленинградского государственного университета. В 1938 г. Стрельников создал кафедру зоологии в Ленинградском сельскохозяйственном институте и заведовал ею до 1966 г. Энциклопедическая образованность и большой жизненный опыт, простое и понятное изложение академических дисциплин способствовали огромному успеху его лекций. Студенты называли Стрельникова «последним из могикан».

Автор фундаментального труда «Анатомо-физиологические основы видообразования позвоночных» (1970) и более 100 других научных работ по различным вопросам зоологии, экологии, географии, этнографии и педагогики.

Фёдор (Теодор) Артурович Фиельструп

19 января (1 февраля) 1889 — 7 декабря 1933

Этнограф, географ, тюрколог.

Фёдор Фиельструп родился в Петербурге, в семье инженера-электрика. Его отец был датчанин (в молодости он приехал жить в Россию), а мать — англичанка. После смерти отца мать Фёдора была вынуждена зарабатывать уроками английского языка; среди её учеников были Пётр Капица, впоследствии выдающийся учёный-физик, и его брат Леонид, ставший известным советским военным инженером.

Фёдор окончил гимназию и коммерческое училище. В 1908 г. он поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, но затем в том же году перешёл на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Фёдор Фиельструп слушал лекции Л. Я. Штернберга по антропологии и этнографии в географическом кружке при Петербургском университете.

В 1912–1913 гг. он совершил два путешествия с американскими учёными: на Кавказ с ботаником Миллером, изучавшим масличные

растения с целью разведения их в Америке, и в Монголию с антропологом Национального музея в Вашингтоне А. Хрдличкой.

В 1914–1915 гг. Ф. Фиельструп принимал участие в экспедиции в Южную Америку, где он совместно с Г. Г. Манизером и С. В. Гейманом изучал индейские племена кадиувео, терена, шаванте и кайнгангов. В 1915 г. по предложению аргентинских учёных он принял участие в плавании на военно-учебном судне вокруг Южной Америки с заходами в порты США, Панамы и островов Карибского моря. Во время плавания Фиельструп провёл раскопки на развалинах городов инков Кахамаркилья и Пачакамак в Перу.

За доклад об экспедиции в Южную Америку Ф. А. Фиельструп был награждён малой серебряной медалью Императорского Русского географического общества.

После окончания университета в 1916 г. он стал сотрудником Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, где с 1918 г. принимал участие в работах по составлению карт этнического состава Приуралья и Томской области.

В 1920 г. Фиельструп переехал в Томск, там он читал курс географии в Томском университете и организовал для студентов Минусинско-Абаканскую экспедицию. Собранные в ходе этой экспедиции этнографические материалы были впоследствии опубликованы Фиельструпом в работах о свадебных жилищах и молочных продуктах тюркских народов.

В Томске он был мобилизован в армию Колчака, где служил переводчиком находившегося при ставке французского генерала.

В 1921 г., вернувшись в Петроград, Фиельструп стал сотрудником этнографического отдела Русского музея и вошёл в состав комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии наук. Как выяснилось впоследствии, половину своего жалованья в эти годы он отдавал семье арестованного друга и коллеги Н. П. Анциферова.

Ф. А. Фиельструп участвовал во многих этнографических экспедициях по различным районам СССР. В 1923 г. во время экспедиции в Крым он занимался раскопками и собирал предметы быта крымских татар. В 1924–1925 гг. совершил экспедицию в Киргизию, на Тянь-Шань и в Ферганскую долину, где собрал обширный материал по этнографии киргизов; в 1933 г. участвовал в экспедиции на Кавказ.

В ноябре 1933 г. Фиельструп был арестован по делу так называемой Российской национальной партии за «принадлежность к контрреволюционной фашистской организации» и умер в тюрьме во время следствия. Реабилитирован в 1958 г. Некоторые научные работы Ф. А. Фиельструпа были впервые опубликованы только в XXI в.

Основные печатные труды: «Этнический состав населения Приуралья» (1926); «Исследования среди кара-киргиз: этнографические экспедиции 1924–1925 гг.» (1926); «Свадебные жилища турецких народностей» (1926); «Скотоводство и кочевание в части степей Западного

Казахстана» (1927); «К изучению турецких абаканских наречий» 1928, в соавторстве); «Молочные продукты турков-кочевников» (1930); «Из обрядовой жизни киргизов начала XX в.» (2002); «Кадиувео» (2005).

Николай Парфеньевич (Парфентьевич) Танасийчук

22 ноября (5 декабря) 1890 — 1 января 1960

Биолог, ихтиолог, крупнейший знаток ихтиофауны Каспийского моря.

Николай Танасийчук родился в Санкт-Петербурге в семье унтер-офицера сверхсрочной службы, впоследствии — егеря одного из великих князей, а с 1917 г. — швейцара Государственной Думы.

В 1900–1908 гг. Танасийчук учился в Петербургском коммерческом училище, в 1908–1911 гг. работал в частной страховой конторе. В 1911 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, специализировался в лаборатории проф. В. А. Догеля по зоологии беспозвоночных. В 1914–1915 гг. он участвовал в экспедиции в Южную Америку.

Университет Николай Танасийчук окончил в 1918 г. В 1918–1924 гг. был заведующим Петроградским зоосадом, работал старшим ассистентом кафедры зоологии и сравнительной анатомии Научного института имени П. Ф. Лесгафта. В это же время в Зоологическом музее Академии наук он обрабатывал материалы экспедиции в Южную Америку по рыбам и птицам.

С 1924 по 1928 г. Н. П. Танасийчук работал старшим зоологом и заведующим биологическим отделом Мурманской биологической станции, а с 1928 г. — помощником (заместителем директора) этой станции. Он изучал морфологию и физиологию светящихся беспозвоночных, затем исследовал биологию промысловых рыб Баренцева моря и вел их промысловую разведку. С 1925 по 1932 г. Н. П. Танасийчук участвовал в 14 научных рейсах, в частности регулярных по 38-му меридиану до кромки постоянных льдов. До 1933 г. он опубликовал ряд научных и научно-популярных статей, посвященных ихтиофауне, природе Баренцева моря и работе Мурманской станции.

В марте 1933 г. после появления в газете «Ленинградская правда» клеветнической статьи «Осиное гнездо» о сотрудниках Мурманской станции, в которой Танасийчук был назван «бывшим офицером», он и около пятнадцати сотрудников станции были арестованы. Следствие длилось четыре месяца, в итоге все задержанные были освобождены. Но в августе того же года, после посещения Мурманской станции Ста-

линым, Кировым и Ворошиловым Танасийчук вместе с директором и рядом сотрудников станции, приезжими учёными из МГУ, а также командным составом научно-исследовательских судов «Персей» и «Николай Книпович» был вновь арестован по ложному обвинению.

Н. П. Танасийчук был осуждён на три года исправительно-трудовых лагерей и этапирован в Астрахань, а затем в Прорвлаг, расположенный на острове Прорва у северо-восточного берега Каспийского моря. Здесь нашлось применение его знаниям по ихтиологии, поскольку лагерь специализировался на рыбном промысле в Северном Каспии и дельте Волги. Он работал в рыбопромысловой разведке и получил возможность изучать биологию промысловых рыб Каспия.

В ноябре 1935 г. Танасийчука досрочно освободили из лагеря, как «ударника», но он остался в Астрахани, поскольку большие города были для него закрыты. Он поступил на работу в службу научно-промысловой разведки Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), после реорганизации которой был переведён на Волго-Каспийскую рыбохозяйственную станцию ВНИРО, где работал заведующим лабораторией.

В 1941 г. Н. П. Танасийчук защитил кандидатскую диссертацию в Мосрыбвтузе, но через несколько месяцев после начала войны, как ранее судимый, он был вместе с семьёй отправлен на спецпоселение в посёлок Джурун Актюбинской области Казахстана. Благодаря вмешательству коллег и, по-видимому, министра рыбного хозяйства А. А. Ишкова в марте 1942 г. Танасийчуку было позволено переехать в Гурьев, где он стал заведующим Гурьевской ихтиологической лабораторией.

В 1943 г. Н. П. Танасийчук был награждён медалью «За трудовую доблесть», это позволило снять судимость и вернуться в Астрахань, где он до конца жизни работал заведующим лабораторией на станции ВНИРО, участвовал в экспедициях по Каспийскому морю и дельте Волги и преподавал в Астраханском рыбвтузе.

Опубликовал несколько десятков научных и популярных статей. Основной печатный труд: «Промысловые рыбы Волго-Каспия» (1951).

Сергей Вениаминович Гейман

5 июля 1887 — август 1975

Участник экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.

Биографические сведения о Сергее Вениаминовиче Геймане обрывочны, поскольку он не вернулся в Россию после экспедиции в Южную Америку и большую часть жизни прожил за границей.

О нём известно лишь то, что он учился в Санкт-Петербурге в Психоневрологическом институте (впоследствии — 2-й Ленинградский медицинский институт, Медицинская академия имени Мечникова, ныне — Северо-Западный институт имени Мечникова), интересовался этнографией и в 1911 г. совершил путешествие в Египет, Индию, на Яву, в Японию и Китай.

Гейман последним присоединился к группе энтузиастов, которые планировали в 1914 г. отправиться в экспедицию в Южную Америку, и первым покинул своих коллег по экспедиции, предприняв затем несколько самостоятельных путешествий по странам этого континента. В декабре 1914 г. он передал музею в Буэнос-Айресе этнографические коллекции, собранные им вместе с Г. Г. Манизером и Ф. А. Фиельструпом в бразильском штате Мату-Гросу, и отправился из Буэнос-Айреса в Мендосу, а оттуда — в Чили. Он побывал в южных районах Чили и на Огненной Земле, откуда вернулся в Буэнос-Айрес. Затем Гейман собирался отправиться в Боливию и Перу, а в 1916 г. планировал путешествие в Венесуэлу и Колумбию.

В 1916 г. Гейман оказался в США, в Калифорнии, где он был оставлен при российском посольстве и занимался на одном из заводов приёмкой артиллерийских снарядов, предназначавшихся для отправки в Россию. Он также читал научно-популярные лекции русским иммигрантам.

После 1932 г. Гейман жил во Франции, в Ницце; был активным членом Общества франко-советской дружбы. Известно, что он занимался научными исследованиями в области биологии.

В 1960-е гг. Гейман трижды приезжал в СССР. Во время одного из приездов он передал Институту этнографии АН СССР свои путевые дневники 1914–1915 гг.

Согласно непроверенным данным, последние годы жизни Гейман провёл в Нью-Йорке, где и умер.

Литература

Лукин Б. В. К вопросу об истории русских исследований в Латинской Америке // Известия Всесоюзного географического общества. 1965. т. 97.

Лукин Б. В. Из материалов русской научной экспедиции в Южную Америку // Латинская Америка. № 1. 1977.

Лукин Б. В., Черников А. М. Проект советской академической экспедиции в Южную Америку (К истории советско-латиноамериканских научных связей) // Вестник АН СССР. 1963. № 7.

Лукин Б. В. К 50-летию русской научной экспедиции в Латинскую Америку // Вестник АН СССР. 1964. № 6.

Манизер Г. Г. Ботокуды (борун) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. // Ежегодник Русского антропологического общества. Пг. 1916.

Манизер Г. Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–15 годах // Природа. 1917, май—июнь.

Манизер Г. Г. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии // Сб. Музея антрополог и этногр. Т. V. Пг., 1918.

Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828). М.: Географгиз, 1948.

Русские путешественники в Южной Америке // Землеведение. Кн. I–II. М., 1915.

Русские путешественники в Южной Америке // Землеведение. Кн. III–IV. М., 1916.

Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003.

Танасийчук Н. П. В Южной Америке. Очерки путешествия по Бразилии, Боливии и Парагваю // Природа и люди. Пг., 1917. №18–20, 26, 35–36, 41–42, 45–46, 47, 49–50, 51–52.

Танасийчук Н. Маршрут путешествия 1914–1915 гг. в Бразилию, Боливию и Парагвай И. Д. Стрельникова и Н. П. Танасийчука // Изв. Геогр. инст., вып. 3. Пг., 1922.

Шпринцин Н. Г. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН СССР и в Институте этнографии // Советская этнография. 1947. № 2.

ГЛАВА XII

Б. Ф. Добрынин: поездка в Мексику в 1925 г.

Борис Фёдорович Добрынин

14 (26) мая 1885 — 4 сентября 1951

Физикогеограф, геоморфолог, страновед. Профессор,
доктор географических наук (1935). Исследователь стран европейского
Средиземноморья, Мексики, Русской равнины, Крыма и Кавказа.
Действительный член Географического общества СССР.

Борис Фёдорович Добрынин — один из основателей кафедры физической географии зарубежных стран Московского университета, а потом и её заведующий (с 1938 по 1941 г.). К моменту своего путешествия в Америку он был уже сложившимся сорокалетним географом-исследователем университетской школы. К этому времени профессиональный багаж Добрынина включал опыт путешествий по родной стране и по Западной Европе, где он побывал в студенческие годы, звание приват-доцента, полученное в 1916 г., и многочисленные опубликованные работы по физической географии Советского Союза.

Во второй половине лета 1925 г. Б. Ф. Добрынин при содействии Государственного географического общества СССР на пароходе, шедшем из Гамбурга, за три недели добрался до порта Веракрус[1] на восточном побережье Мексики. Началось путешествие, о котором сам Б. Ф. Добрынин писал:

«В Мексике я имел возможность пробыть менее двух месяцев, что, конечно, очень немного для такой сложной и интереснейшей страны, у нас почти неизвестной. Был в Мексике я вторую половину августа, сентябрь и начало октября. Недостаток времени и средств, а также крайне дождливая осень этого года затруднили устройство серьёзных маршрутов по стране».

Наиболее подходящим средством передвижения в глубь страны в то время была железная дорога, связывавшая атлантические ворота Мексики — порт Веракрус и столицу Мехико. Наблюдения, проведённые во время поездки (протяженность маршрута составляла около 500 км), позволили Добрынину увидеть географическое разнообразие ландшафтов восточного склона Мексиканского нагорья, познакомиться с особенностями национального состава коренного индейского на-

[1] Столица одноимённого штата Мексики, население 552 тыс. человек (2010).

Мангровые заросли у побережья Мексики.

Мексиканская черепаха, или черепаха Табаско, обитает в водоемах юго-восточной Мексики, Белиза, Гватемалы и Гондураса.

селения и получить яркие впечатления, послужившие основанием для собственных географических выводов.

Не случайно работа, опубликованная им после возвращения на родину в 1926 г. и написанная на основании этой поездки, названа «Мексика. Географический этюд». Сравнение научного исследования с коротким художественным произведением в данном случае как нельзя кстати. Как художник, пишущий этюд, Добрынин при описании географии Мексики руководствовался первыми, самыми сильными и, как правило, верными впечатлениями от увиденного.

Описание маршрута автор не случайно делит на две части. Первая — от Веракруса до Орисабы[1], вторая — Мексиканское нагорье. Уже сама эта авторская рубрикация имеет характер географического районирования и точно характеризует главные пространственные различия восточной и центральной частей Мексики.

В начале поездки по железной дороге Добрынин наблюдает проплывающие за окном вагона пейзажи примыкающей к морю зоны прибрежной полосы:

«...[Эта полоса]... покрыта песчаными дюнами, поросшими Ipomaea pes-caprea и другими псаммофитами; местами — при устьях рек и в лагунах развиты мангровые ассоциации с Ryizophora mangle, Conocarpus arecta и др.[2]). Множество птиц (ибисов, пеликанов и др.) обитает на лагунах и низовьях рек, где водятся также аллигаторы. От Пасо-дель-Мачо и речки Атояк (станция Атояк 86 км, абс. выс. 400 м) ландшафт резко меняется. Мы входим тут в зону предгорных хребтов Восточной Сьерра-Мадре[3], сложенных меловыми известняками и вулканическими выходами. Живописные холмы и склоны покрыты ко-

Великолепный фрегат в биосферном заповеднике Сиан-Каан в Мексике.

[1] Иное название — Ауилизапан; город в мексиканском штате Веракрус с населением 121 тыс. человек (2010).

[2] Ботанические названия видов мангровой растительности.

[3] Горная система на северо-востоке Мексики, расположенная на восточном краю Мексиканского нагорья. Максимальная высота — 4054 м (гора Пенья-Невада).

фейными и банановыми плантациями, глубокие долинки шумных горных речек поросли тропическим лесом».

Особенно ярки и образны описания рельефа Мексики. Не случайно в современных энциклопедиях Б. Ф. Добрынин характеризуется как российский физикогеограф, страновед и геоморфолог. Его точные характеристики геоморфологического строения восточного макросклона Мексиканского нагорья основаны на глубоком понимании геологического и тектонического строения территории:

«Город Орисаба лежит на абсолютной высоте 1228 м (в 133 км от Веракруса), на обширной плоской площади, живописно обставленной высокими лесистыми хребтами. Последние сложены среднемеловыми известняками и залегающими в контакте с ними (по сбросовой линии) нижнемеловыми сланцами. Над этими сильно разломанными меловыми хребтами подымается с северо-запада высочайший вулканический пик Мексики — Орисаба или Ситлалтепетль (5550 м абс. выс.). Он расположен как раз по линии обрывистого верхнего восточного края Центральной Мезы, несомненно, на важной тектонической линии разлома».

Железная дорога в этом месте проложена по крутому борту долины реки Рио-Бланко «...и вскоре вступает в долину Мальтрата; затем идёт очень крутой подъём. Железная дорога описывает огромную петлю, поезд движется с помощью электрического локомотива. Подъём этот необычайно смел и живописен».

Увиденное от Веракруса до Орисабы позволило Добрынину сделать два важных вывода о географии Мексики. Во-первых, он заметил и обобщил картину смены ландшафтов с высотой (высотную поясность

Побережье Карибского моря в заповеднике Сиан-Каан в Мексике.

гор) и выделил 7 вертикальных зон: от господствующих дубовых лесов на высотах 1200–1800 м до зоны типичных альпийских приземистых трав на осыпях и скалах на высотах 4000–4500 м над уровнем моря. Во-вторых, он провёл геоморфологическое районирование Мексики, которое даёт представление о главных закономерностях пространственного разнообразия рельефа, не потерявших значение и для сегодняшних исследователей. На «схематической карте геоморфологических районов Мексики», составленной Б. Ф. Добрыниным, показаны девять главных территориальных разновидностей рельефа, не только удивительно точно отражающих строение внешних особенностей рельефа — его морфологии, но и включающих геолого-тектонические свойства регионов, что во многом роднит его идеи с так называемым морфоструктурным подходом, широко применяемым геоморфологами с 70-х гг. XX в.

Следует отметить, что в первой половине XX в. знания о главных закономерностях строения и эволюции Земли имели свои известные ограничения. К этому времени геология ещё не получила фактических материалов о значительных горизонтальных движениях участков земной коры, не были известны события далёких геологических этапов, которые привели к возникновению океанов и новых континентов в результате глобальных процессов, известных ныне под общим названием теории глобальной тектоники литосферных плит[1]. Представления Добрынина о развитии рельефа Мексики и соседней с ней восточной части бассейна Карибского моря основывались на господствовавших в то время идеях преобладания вертикальных и горизонтальных движений земной коры. Он пишет:

«По нашему мнению, эта общая геологическая картина объясняется так. Основное ядро Мексики — обломки древней суши, продолжавшейся ранее к западу (или юго-западу) в область нынеш-

[1] Геологическая теория о движении литосферы, согласно которой земная кора состоит из блоков — плит, которые находятся в постоянном движении; объясняет возникновение землетрясений, вулканическую деятельность и процессы горообразования, приуроченные к границам плит. Впервые идея о «дрейфе материков» была высказана А. Вегенером в 1920-х гг., но тогда она была отвергнута. Возрождение идей «мобилизма» произошло в 1960-х гг., когда в результате исследований рельефа и геологии океанического дна были получены данные, свидетельствующие о процессах расширения (спрединга) океанической коры и пододвигания одних частей коры под другие (субдукции), и современная теория тектоники литосферных плит стала общепринятой.

➲ *Центральное нагорье в Мексике.*

него Великого океана, а на востоке соединявшейся с нынешними Антиллами. Большая часть этой суши, раскалываясь, погрузилась глубоко на дно моря, но между Тихоокеанской и Антильской площадями опусканий образовалась промежуточная зона вертикальных и сводовых поднятий (Мексика и Центральная Америка), сопровождаемая сбросами и колоссальными вулканическими излияниями. Последний цикл этих грандиозных процессов, создавший современный абрис суши и морских бассейнов, несомненно, крайне юн и продолжается ещё в настоящее время».

В национальном парке Анза-Боррего на границе США и Мексики.

Несмотря на очевидную для современного исследователя ограниченность такой трактовки тектонических и геоморфологических событий, увиденное и прокомментированное Добрыниным в его путешествии отличается удивительной ясностью представлений и созвучностью с современными выводами по истории формирования рельефа Карибского региона. Современная наука утверждает, что, действительно, значительные районы Мексиканского залива и Карибского моря представляют собой участки шельфа, то есть погруженные в океан континентальные окраины. Позднее наукой было доказано, что современный рельеф этого участка поверхности Земли действительно был создан сравнительно недавно, в последние 40–30 млн лет, и его формирование находится в активной фазе в результате взаимодействия различных участков континентальной и океанической земной коры.

Во второй части своего «географического этюда» Добрынин коснулся темы чрезвычайной контрастности климата и ландшафтов Мексики, связывая эти особенности со строением рельефа, и сделал

Кокосовая пальма в заповеднике Сиан-Каан.

Головной убор мексиканского индейца.

вывод о полном соответствии ландшафтных областей выделенным им геоморфологическим районам. Важным итогом проведённых исследований явилось представление Добрынина о тесной взаимосвязи природных условий и видов природопользования Мексики. Например, говоря о физико-географических областях, он отмечает, что «область Центрального нагорья... замечательна по своим вулканическим ландшафтам. Стройные и грандиозные конусы действующих вулканов чередуются тут с более древними, разнообразно размытыми и разрушенными; немало вулканических хребтов и гребней. Между ними простираются иногда совершенно плоские равнины, покрытые вулканическим пеплом и аллювиальными отложениями; для них характерны обширные мелкие озёра, частью уже осушенные (спущенные) работой речной эрозии или сооружениями человека (как озёра Мехико и Хочимилько, отчасти и Тескоко[1]). Равнины эти отличаются плодородными почвами и служат главным средоточием земледелия и человеческого населения в Мексике, чему благоприятствует и отмеченный нами выше умеренный мягкий климат, обязанный большой высоте нагорья».

Иная характеристика дана «области Северного нагорья». Она «отличается сухим климатом и ландшафтами, в общем пустынного типа. Население редкое, занимающееся экстенсивным скотоводством и, реже, земледелием. Сколько-нибудь заметные центры населения приурочены к небольшим районам горного дела и поливного хозяйства, иногда с интенсивными культурами (хлопчатник и др.)».

Полученные в ходе путешествия наблюдения позволили Добрынину сформулировать и интереснейшие выводы в отношении этнографии

[1] Частично пересохшие озёра в южной части Мексиканского нагорья, на которых располагалась столица ацтеков — город Теночтитлан и на месте которых стоит современный город Мехико.

Индейская хижина в Мексике.

Мексики — страны, в которой и в наше время около трети населения составляют представители коренных народов. Материалы, касающиеся коренного индейского населения и эволюции народов Мексики, едва ли не самая содержательная часть «географического этюда», занимающая почти треть его объёма. Добрынин пишет:

«...У нас очень мало известно то, насколько Мексика — индейская страна и насколько хорошо сохранились тут индейские народности со своими языками, расовыми признаками и многими формами быта. Из 15 миллионов жителей белые составляют менее 1 миллиона, тогда как чистокровные индейцы — около 9 миллионов; остальные 5 миллионов — метисы, но более приближающиеся к индейским расам, чем к белой. Число негров и мулатов в Мексике ничтожно, незначительно также и количество иммигрантов из Китая и Японии. Вообще, иммиграция в Мексику очень невелика и почти уравновешивается эмиграцией».

Результатом проведённого Добрыниным исследования стали карта плотности населения и составленная на основе различных публикаций схема «главных народностей Центральной и Южной Мексики и путей (влиянии) тольтекской культуры[1]».

О результатах своего путешествия Добрынин пишет: «...опираясь на литературные источники, но, кроме того, на собственные наблюдения и сбор материалов во время моего путешествия, я позволю себе высказать здесь, в чисто предположительном порядке, некоторые соображения об основных расовых элементах Мексики». В качестве таких элементов он называет несколько расовых групп: среднеамериканскую, сонорскую и другие.

Руины построек майя на побережье Карибского моря в Мексике.

[1] Народ юто-ацтекской языковой семьи, вторгшийся в VIII в. н. э. с севера в Центральную Мексику и создавший здесь в IX в. государство, в которое входили центральные и северные районы современной Мексики. Столица этого государства располагалась в городе Тула (находится к северу от Мехико).

➲ *Барельеф на руинах в Чичен-Ице — культурном центре индейцев майя на севере полуострова Юкатан.*

Выводы Добрынина в отношении этнографии Мексики во многом опередили появившиеся позднее представления о главных путях миграции народов и позволили ему поддержать идеи исследователей о близости культур Мексики и Полинезии, а также о возможности существования древних связей между культурами Старого и Нового Света:

«...Несколькими приведёнными данными я хотел показать, насколько сложной и уходящей в глубь веков она нам теперь представляется. Лучше известные нам культуры ацтеков и майя оказываются эпигонами, развившимися довольно изолированно друг от друга на основе более древней, давно разрушенной тольтекской цивилизации, которую, по справедливости, можно назвать классической для Средней Америки. Многие элементы её указывают на доисторические связи со Средиземьем Старого Света, а также и с древним Малайско-Полинезийским миром. В последнее время накапливается всё больше данных в пользу действительного существования таких связей».

Большой интерес представляют размышления учёного о происхождении тольтеков-ольмеков[1] и значении этой культуры в истории Центральной Америки в качестве базовой для дальнейшего ацтекского периода[2].

Небольшие материальные возможности не позволили Б. Ф. Добрынину провести широкие региональные географические исследования Мексики. В течение двух месяцев он совершал лишь короткие поездки и небольшие пешие экскурсии и в основном работал в столице в библиотеке Мексиканского географического общества, в Национальном музее археологии и этнографии, в Мексиканском геологическом институте, в Дирекции географических (картографических) и метеоро-

[1] Ольмеки — название народа, упоминающееся в ацтекских исторических хрониках. Считается условным; вряд ли правомерно применять его для обозначения цивилизации, существовавшей на несколько столетий раньше.

[2] Ацтеки (астеки) — народ численностью свыше 1,5 млн человек, создавший в Центральной Мексике в XIV–XVI вв. государство, столицей которого был город Теночтитлан, располагавшийся на месте современного Мехико.

Носуха (коати) — млекопитающее семейства Енотовых, обитающее в Северной и Южной Америке.

логических исследований, в Антропологическом департаменте при министерстве народного просвещения.

Жители Мексики, в которой после революции 1910–1917 гг. у власти находились «революционные каудильо» (вожди), крайне благожелательно относились к другой стране победившей революции — СССР. Мексика была первой страной Америки, установившей с СССР дипломатические отношения[1]. Поэтому отношение местных академических кругов и общественности к первому советскому учёному, приехавшему в Мексику, — Б. Ф. Добрынину было весьма благожелательным. Ему оказывали содействие в получении научных сведений и материалов, а Мексиканское общество географии и статистики приняло географа из далёкой Советской России в действительные члены.

Вернувшись на родину, учёный опубликовал свой «географический этюд» в журнале «Землеведение», а 10 марта 1926 г. рассказал о своей поездке на вечере в Московском доме учёных, где, кроме него, выступали посол Мексики в СССР Б. Вадильо и недавно вернувшийся из этой страны В. В. Маяковский.

Познакомившись с виртуозно написанным этюдом Б. Ф. Добрынина на тему географии Мексики, остаётся только сожалеть, что его путешествие было коротким. Оно не охватило всю эту страну и не позволило автору этюда создать «эпическое полотно», в котором Добрынин со свойственным ему географическим мастерством наверняка смог бы раскрыть все особенности многообразной природы и пёстрого в этническом отношении населения Мексики.

Барельеф на руинах в Чичен-Ице — культурном центре индейцев майя на севере полуострова Юкатан.

[1] Дипломатические отношения между СССР и Мексикой были установлены в 1924 г., в 1926 г. в Мексику отправилась первый советский посол — А. М. Коллонтай.

Кактусы на Мексиканском нагорье.

Борис Фёдорович Добрынин

14 (26) мая 1885 — 4 сентября 1951

Физикогеограф, геоморфолог, страновед. Профессор, доктор географических наук (1935). Исследователь стран европейского Средиземноморья, Мексики, Русской равнины, Крыма и Кавказа.

Борис Добрынин родился в Минске. После обучения в гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1911 г. с дипломом 1-й степени по секции «география» и был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Научным руководителем Добрынина стал крупнейший российский географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин — основатель первой в России кафедры антропологии и географии. Именно ему Добрынин обязан системностью своих знаний и комплексным подходом к географическим исследованиям.

Будучи студентом, Добрынин совершил в 1908–1911 гг. несколько поездок в Италию, Францию, Испанию и Швейцарию. Их итогом стали опубликованные в журнале «Землеведение» очерки «Андалузские Кордильеры» и «Апеннинская Италия». В этих ранних работах Добрынина обозначились его выдающиеся способности давать крайне ёмкие и содержательные, к тому же переданные красочным языком маршрутные географические описания. Примером могут служить характеристики пейзажей Сьерра-Невады, описание восхождения на пик Велета и похода по горам Серрания-де-Ронда в Испании.

В 1916 г., защитив магистерскую диссертацию, Добрынин был утверждён в должности приват-доцента Московского университета. В 1931 г. его избрали профессором Московского университета, а в 1935 г. он защитил докторскую диссертацию и в 1938 г. создал в МГУ кафедру физической географии зарубежных стран и стал её заведующим. В те же годы Добрынин преподавал на Московских высших женских курсах, во 2-м МГУ (впоследствии Московский педагогический институт имени В. И. Ленина), а также являлся старшим научным сотрудником, а в 1934–1939 гг. — заведующим отделом Института географии АН СССР.

В 1925 г. Б. Ф. Добрынин стал первым советским учёным, посетившим Мексику.

В начале Великой Отечественной войны Добрынин, находясь в эвакуации, преподавал в Горьковском (ныне Нижегородском) университете. С 1942 по 1950 г. он заведовал кафедрой физического страноведения Тбилисского университета. Осенью 1950 г. по совету врачей Добрынин переехал в Киев, где в Киевском государственном универси-

тете имени Т. Г. Шевченко до конца жизни заведовал кафедрой физической географии.

Основные полевые исследования профессор Добрынин проводил в Крыму и на Кавказе, которым он посвятил более 20 научных очерков, статей, глав в университетских учебниках. Он знал несколько европейских языков и был хорошо знаком с зарубежной научной географической литературой, что позволило ему написать замечательные учебники для высшей школы по физической географии зарубежной Европы и Азии.

Б. Ф. Добрынин был не только высококвалифицированным учёным и оригинальным мыслителем, но и популяризатором науки. В одной из первых своих книг — «Потонувшие материки» (1922) он развивает гипотезу исчезновения материков вследствие глобальных геологических катаклизмов.

Основные печатные труды: «Потонувшие материки» (1922); «Мексика. Географический этюд» (1926); «География Дагестанской Советской Социалистической Республики» (1926); «Геоморфологические и почвенные районы Юго-Восточной части Московской области» (совместно с И. З. Имщенецким, 1931); «Был ли всемирный потоп» (1937); «Физическая география СССР. Европейская часть и Кавказ» (1948); «Физическая география Западной Европы» (1941, 2-е издание — 1948); «Зарубежная Азия» (в соавторстве, 1956).

Литература

Добрынин Б. Ф. Мексика. Географический этюд. Землеведение, 1926. Том XXVIII. Вып. I–II; III–IV.

Сизоненко А. И. Первый советский учёный в Мексике // Русские в Латинской Америке (очерки). М.: ИЛА РАН, 2005.

ГЛАВА XIII

С. М. Букасов, Ю. Н. Воронов: ботанические экспедиции в Мексику, Центральную и Южную Америку в 1925–1929 гг.

Сергей Михайлович Букасов

13 (25) сентября 1891 — 17 июля 1983

Ботаник, селекционер, ученик и соратник Н. И. Вавилова; специалист в области картофелеводства. Доктор биологических и сельскохозяйственных наук, профессор, академик ВАСХНИЛ, член Географического общества СССР.

Юрий Николаевич Воронов

1(13) июня 1874—10 декабря 1931

Биолог, биогеограф, систематик растений. Член Русского географического общества.

В архиве Русского географического общества хранится рабочая переписка Николая Иванович Вавилова, выдающегося биолога и географа, президента Государственного географического общества СССР в 1931–1940 гг. Одно из писем датировано 2 августа 1925 г. Вавилов, в то время — директор Всесоюзного института прикладной ботаники и селекции новых культур[1] в Ленинграде, пишет своему сотруднику С. М. Букасову:

«Пишу последнюю инструкцию, не надеясь увидеть Вас. В кабинете у меня вывесьте карту с Вашим провизорным маршрутом и регулярно, даже в моё отсутствие, посылайте на моё имя сведения о маршруте и о том, как идут Ваши дела. Помните, что Вашей поездке с Юрием Николаевичем[2] мы придаём исключительное значение, и надо в отношении культурных растений, чтобы Южная Америка была известна нам так, как Афганистан и Монголия[3]».

Обращаясь к Букасову, Вавилов перечисляет представляющие наибольший интерес — как с точки зрения теоретических исследований, так и для практического развития земледелия в СССР — сельскохозяйственные культуры: хлопчатник, кукурузу, подсолнечник, «к которому мы имеем особенно большой интерес и которым собираемся заниматься на Кубани и в Воронеже», виноград и плодовые деревья, картофель. Вавилов призывает Букасова собирать «статистические сведения о культурах», а также сведения «по истории древнего земледелия» и «типах примитивного земледелия». Он диктует секретарю:

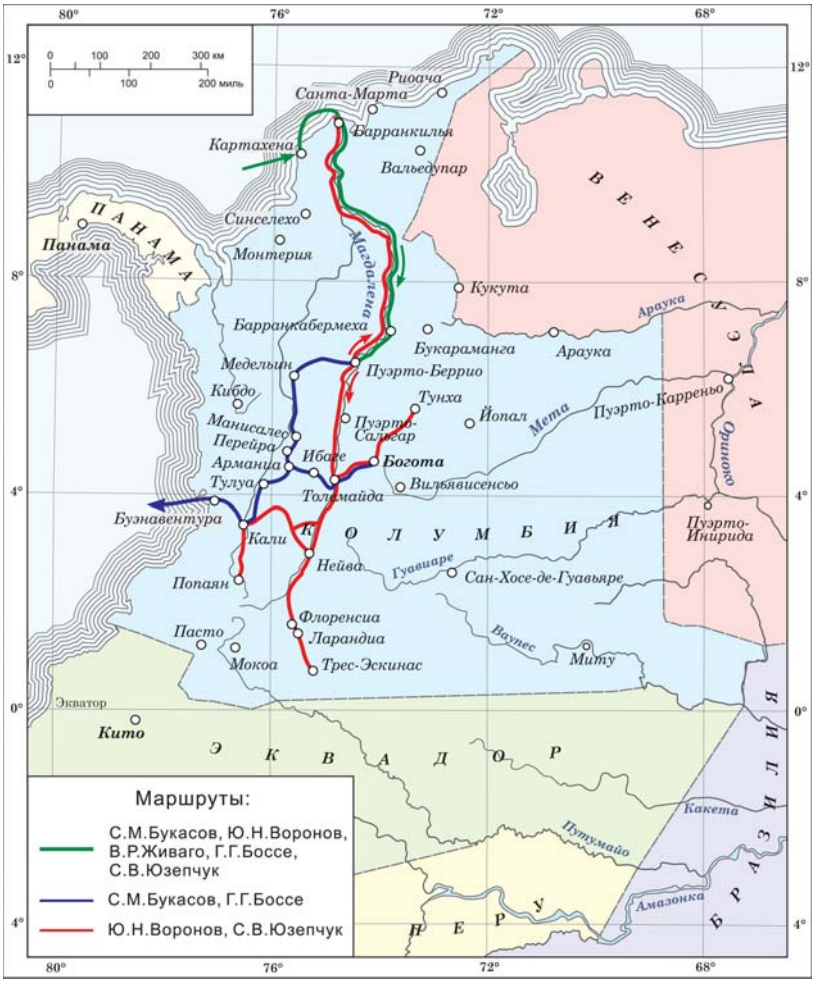

Н.И. Вавилов советовал С.М. Букасову и Ю.Н. Воронову особое внимание обратить на южноамериканские сорта подсолнечника.

[1] Этот институт был образован на основе Отдела прикладной ботаники и селекции, существовавшего с 1921 г. Современное название — Всероссийский институт растениеводства имени Н. И. Вавилова.

[2] Ю. Н. Воронов, о нём будет сказано далее.

[3] Н. И. Вавилов имеет в виду свою экспедицию 1924 г. в Афганистан и экспедицию сотрудников Отдела прикладной ботаники и селекции в Монголию.

➲ *Карта маршрутов С.М. Букасова, Ю.Н. Воронова, В.Р. Живаго, Г.Г. Боссе и С.В. Юзепчука.*

«Хотелось бы, чтобы Вы поняли динамику происхождения южноамериканских растений под углом, которого (в тексте ошибка в падеже. — А.Н.) мы в настоящее время подходим к вопросу происхождения культурных растений, учитывая географизм, учитывая сорняки, связь с народностями, экологические моменты».

Специальные рекомендации посвящены фотографии. Вавилов советует Букасову приобрести фотоаппарат такого же образца, как у него самого, и непременно — с «герцевским объективом “Tenax”» и даёт задание «сделать по меньшей мере тысячу фотографий, а то и две».

Заканчивается письмо такими словами:

«Если заболеете, не бросайте экспедицию; переждите; паники не чините. Если схватите малярию, отправляйтесь в горы, и это быстро поставит Вас на ноги... [...] Повторяю, первый раз за тридцать лет существования Отдел прикладной ботаники

С.В. Юзепчук на «конкурсе фото» в отеле Изабель. Мехико. 1925 г.

имеет возможность осуществить такого рода интереснейшую экспедицию...»

О работе Н. И. Вавилова по выявлению мировых центров происхождения культурных растений ещё будет сказано в нашей книге. Сам Николай Иванович сможет впервые попасть в Латинскую Америку только в 1930 г., пятью годами позже, чем его сотрудники, а пока он ставит задачи перед отправляющейся в столь интересный для него регион экспедицией и — очевидно — завидует её участникам.

Следующее письмо Вавилова от 1 сентября 1925 г. адресовано в Берлин, где Букасов делает остановку по пути в Мексику, завершая подготовку к экспедиции. Вавилов обращает его внимание на необходимость изучения «горных границ» культурных растений и советует «путешествовать с анероидом[1]», а также сообщает о выделении на экспедицию дополнительных средств.

Через два месяца, 2 ноября Вавилов пишет новое письмо, на этот раз — уже в Мексику. В нём он обращает внимание Букасова на публикацию в одном из зарубежных журналов важной статьи по культурной флоре Перу[2] и укоряет его за то, что не получает от него отчётов:

«Неужели за 2 месяца Вы видели так мало, что кроме полстраничного письма ничего не могли сообщить нам. Когда Вы выезжали, мы условились, что письма Ваши в известной степени будут и отчётами. Даже Ю. Н. Воронов пишет нам больше, чем Вы. Чем больше Вы заинтересуете нас, тем больше с нашей стороны будет активности оказывать и Вам всемерное содействие...

[1] Прибор для измерения атмосферного давления, тип барометра. Может использоваться для измерения высоты.

[2] Cook O. F. Peru as a Center of Domestication. // Journal of Heredity, 1925, Part I № 16 (2), part II № 16 (3).

Билет С.М. Букасова из Гамбурга до мексиканского порта Веракрус.

Лавочка с сувенирами в Мехико.

[...] Ждём Вашего описания Мексики и того, что Вы там нашли не на 1/2, а на 20 страницах».

Проходит ещё два месяца, и вновь Вавилов напоминает Букасову о том, что тот редко пишет, в то время как от Ю. Н. Воронова пришло уже «полдюжины больших писем». Вавилов пишет: «Мексика для нас страна большой земледельческой культуры, состав культурных растений, состав кукурузы, табака, паслёновых, фасоли, тыквы для нас неизвестен. Что же в самом деле они представляют; что Вы видите на базарах по городам? Фотографируете ли? Всё это мы не знаем.... Как-то Вы ведёте дневники. Надо превратиться в писателя и заставить нас интересоваться Вашей поездкой. По получении этого письма садитесь и пишите на 10 страницах отчёт. Нас интересуют эндемичные[1] сорта Америки. Пришлите хоть фотографии, открытки с видами Мексики».

Наконец, в письмах от 5 и 9 февраля 1926 г. Вавилов сообщает, что от Букасова получено восемь посылок с семенами, и информирует, что для присылаемого материала заводится специальный регистрационный журнал, а для фотографий Букасова и Воронова — отдельный альбом. Вавилов пишет, что присланные из Мексики фасоль и кукуруза будут вскоре посеяны в опытном хозяйстве на Кубани. Искренне радуясь ценным результатам своего сотрудника, Вавилов настаивает на продолжении экспедиции и рекомендует новые маршруты:

«Самые любопытные районы в Америке, насколько я понимаю, БОЛИВИЯ, ПЕРУ и ЧИЛИ (выделено Вавиловым. — А. Н.), и Вам всенепременно (подчеркнуто Вавиловым. — А. Н.) мы поручаем там быть.

[1] Распространённые только на определённой местности.

Перец и кукуруза на мексиканском рынке.

...Когда будете составлять отчёт по поездке в Мексику (я не сомневаюсь, что он выйдет очень хорошим и интересным), мы сами будем Вас тормошить и поставим Вам вопросы. Я не сомневаюсь, что Вы знаете насквозь сельскохозяйственную Мексику; вы изучили испанский язык; вижу, даже пишете на нём статьи...»

И вот, наконец, письмо Вавилова, адресованное Букасову уже в Колумбию. В нём он сообщает, что к Букасову готов присоединиться Ю. Н. Воронов:

«...не быть в ПЕРУ и ЧИЛИ (выделено Вавиловым. — А.Н.), родине картофеля и проч., конечно, Вы не можете, и возвращаться Вам из Колумбии к нам, не видавши Перу, Чили и Боливии, никоим образом нельзя... <...> Собираемый Вами материал стал приходить хорошо. Получено до 100 посылок... Литература приходит особенно исправно...»

Как же проходила эта экспедиция, которой фактически руководил — пусть только заочно, по переписке — Н. И. Вавилов? В её состав входило пятеро сотрудников Отдела прикладной ботаники — С. М. Букасов, Ю. Н. Воронов, В. Р. Живаго, Г. Г. Боссе и С. В. Юзепчук[1]. Экспедиция начала работу в Мексике осенью 1925 г., после чего её члены побывали в Гватемале, Панаме, Колумбии, Венесуэле, на острове Тринидад и на Кубе.

Руководил экспедицией профессор Юрий Николаевич Воронов, который вместе с Георгием Густавовичем Боссе[2], помимо сбора образцов культурной флоры по заданию Вавилова, выполнял работы для Резинотреста[3]: изучал каучуконосные растения Америки с целью воз-

Мясник в Боготе. Рисунок А. Делара. XIX в.

[1] В название главы вынесены лишь двое из членов этой экспедиции — Ю. Н. Воронов и С. М. Букасов. Воронов — начальник экспедиции и автор книги об одном из её этапов, Букасов — член Географического общества СССР, автор рукописи книги об экспедиции, которая хранится в Архиве РГО.

[2] Георгий Густавович Боссе (Георгий Густав Адольф Мария де Боссэ) (1887–1964) — доктор биологических наук, профессор. Окончил Московский университет, где впоследствии заведовал секцией Института ботаники. Образцы семян растений, привезённые им из Южной Америки, хранятся в коллекции гербария МГУ. Был репрессирован; после освобождения уволен из МГУ, создал и возглавлял кафедру ботаники в Орехово-Зуевском педагогическом институте. Считал, что человек не должен опираться на химию при получении необходимых для жизни продуктов, поскольку их можно получить из растительного мира. Рукопись написанной им на эту тему книги была изъята при аресте и опубликована в СССР под чужим именем; впоследствии книга Боссе была издана за рубежом.

[3] Государственное хозрасчётное объединение химической промышленности в СССР в годы нэпа.

можного их внедрения в СССР. Работы Сергея Михайловича Букасова были связаны с изучением кукурузы и её дикорастущего сородича теосинте, фасоли, картофеля, хлопчатника, плодовых культур. Сергей Васильевич Юзепчук[1] специализировался в основном на изучении местных разновидностей картофеля; после того как основной состав экспедиции закончил в 1926 г. работу в Колумбии и Венесуэле, он продолжил путешествие и побывал в Боливии, Перу, Чили, а по некоторым сведениям, и в Бразилии, вернувшись в Ленинград только к 1929 г. В Мексике к биологам присоединились двое советских студентов — Алексей Князев и Илья Фрейдберг, которые, путешествуя вокруг света на велосипедах[2], остались без денег и были наняты в экспедицию сезонными рабочими.

О том, как проходило путешествие С. М. Букасова и его спутников, мы можем судить по «Отчёту о расходовании сумм, выданных С. М. Букасову на экспедицию в Южную Америку» и другим документам, которые хранятся в Архиве РГО, а также по переписке с Н. И. Вавиловым.

13 сентября 1925 г. Букасов сел в Гамбурге на пароход, отправлявшийся в Мексику. 30 сентября, сделав по пути короткие остановки в испанских портах Ла-Корунья и Виго, пароход прибыл в Гавану, где Букасов, в распоряжении которого было всего два дня, успел посетить Ботанический сад, Агрономический институт и министерство земледелия Кубы. 3 октября он уже сошёл на берег в мексиканском порту Веракрус, откуда на следующий день отбыл на поезде в Мехико.

Несколько дней, проведённых в мексиканской столице, ушли на посещение консульств южноамериканских стран, которые Букасов собирался посетить после Мексики (требовалось получить визы), и со-

➲ *Поля сельскохозяйственных культур в межгорной долине. Бразилия.*

[1] Сергей Васильевич Юзепчук (1893–1959) — доктор биологических наук, профессор, сотрудник Ботанического института АН СССР имени В. Л. Комарова в Ленинграде. Лауреат Сталинской премии за ботанические исследования, опубликованные в издании «Флора СССР» (1952). Примечательно, что в 1947 г. С. В. Юзепчук вновь принял участие в экспедиции в Южную Америку. Эта экспедиция направлялась в Бразилию для наблюдения редкого по своей продолжительности — 5 минут — солнечного затмения 20 мая 1947 г. и состояла в основном из астрономов. К ним были присоединены четыре ботаника под руководством директора Ботанического института, члена-корреспондента Академии наук СССР Б. К. Шишкина; в состав этой группы входил и С. В. Юзепчук. Целью биологов был сбор гербария и живых тропических растений для восстановления оранжерей ботанического сада в Ленинграде, разрушенных во время войны. Один из участников экспедиции — Л. Е. Родин опубликовал о ней книгу «Пять недель в Южной Америке. Впечатления натуралиста» (1952).

[2] Любопытно, что одной из целей этого кругосветного путешествия, длившегося с июля 1924 по март 1927 г., была реклама продукции Харьковского велосипедного завода, а также шин производства Резинотреста.

ветского полпредства, а также департамента земледелия мексиканского министерства сельского хозяйства, расположенного в пригороде Мехико Сан-Хасинто.

Затем Букасов в течение двух недель несколько раз ездил на автомобиле в городок Чапинго, где располагалась Национальная сельскохозяйственная школа Мексики[1], и дважды — в другой пригород столицы — Хочимилько, известный своими плавучими огородами — чинампами, которые существовали ещё со времен ацтеков; здесь он приобретал у крестьян семена различных растений для отправки в Ленинград.

25 октября Букасов выехал на поезде из Мехико на север, в город Сан-Луис-Потоси[2], а затем направился ещё дальше — в город Матеуала[3], откуда совершил поездки по радиальным маршрутам на автомобиле в Седраль и другие окрестные городки и посёлки, где познакомился с земледелием предгорных районов Восточной Сьерра-Мадре.

Из Матеуалы его дальнейший путь лежал на север, до города Сальтильо[4], который на несколько дней стал новой базой для экскурсий по изучению местного сельского хозяйства. 4 ноября из Сальтильо Букасов перебирался в Торреон[5], где, как и в других городах, приобрёл на рынке у крестьян семена различных сельскохозяйственных культур для отправки в Отдел прикладной ботаники. После Торреона, уже на обратном пути в Мехико, последовала двухдневная остановка в городке Педрисенья, откуда Букасов вновь совершил полевые экскурсии. Наконец, 11 ноября он возвратился в Мехико.

Из Мехико Букасов несколько раз выезжал в разные стороны от города — на запад, в окрестности города Толука, на юг — в город Ку-

Билет И. Фрейдберга на пароход, принадлежащий американской банановой компании «Юнайтед Фрут Компани».

[1] Ныне Автономный университет Чапинго.

[2] Город с населением 1,2 млн человек (в агломерации, 2010), столица одноимённого штата Мексики.

[3] Город в мексиканском штате Сан-Луис-Потоси с населением 91,5 тыс. человек (2010).

[4] Город с населением 823 тыс. человек (в агломерации, 2010), столица мексиканского штата Коауила.

[5] Город в мексиканском штате Коауила с населением 1,2 млн человек (в агломерации, 2010).

Прилавок на сельском рынке в Мексике.

TARJETA DE IDENTIFICACION

HAPAG

COMPAÑIA HAMBURGUESA AMERICANA

(HAMBURG-AMERIKA LINIE)

1 16

PASAJEROS DE TRANSITO DEL VAPOR Holsatia.

Puerto de Embarque Hamburg Puerto de Destino Vera Cruz

Nombres: Sr. Sergius Bujnasoff

Habana 29. SEP. 1925 Comisario

Карточка пассажира, выданная С.М. Букасову на время плавания из Гамбурга до мексиканского порта Веракрус. 1925 г.

эрнавака, на юго-восток — в Чалко, на восток — в Чапинго, на север — в Сан-Хуан Теотиуакан. Во всех этих городах он посетил сельскохозяйственные рынки, покупая у крестьян семена.

19 декабря Букасов получил в посольстве Гватемалы визу, необходимую для посещения этой страны; начинался следующий этап его путешествия: из Мехико в Веракрус, оттуда — в городок Тапачула на гватемальской границе. Переправившись через пограничную реку и добравшись до ближайшей железнодорожной станции на автомобиле, он направился в столицу Гватемалы, куда прибыл 28 декабря. Несмотря на новогодние праздники, Букасов в течение пяти дней обследовал центральную — горную — часть Гватемалы, а 5 января 1926 г. он уже покинул эту страну и возвратился в Мехико. Здесь, впрочем, он не задержался и вскоре вновь отправился по железной дороге на юг страны, откуда на автомобиле проследовал в город Тустла-Гутьеррес[1], столицу самого южного в Мексике штата Чьяпас. Здесь Букасов и Юзепчук встретились с Ю. Н. Вороновым и остальными членами экспедиции. Из расположенного неподалёку в горах городка Чьяпа они все вместе отправились в почти трёхнедельную поездку на мулах, а затем на лодке к равнинам на побережье Мексиканского залива. Здесь в порту Вилья-Эрмоса[2] советские путешественники взяли билеты на пароход и направились сначала в порт Фронтера[3], а затем — в Веракрус, откуда 24 февраля выехали на поезде в Мехико.

Последние дни февраля и первую декаду марта Букасов вместе с остальными членами экспедиции провёл в хлопотах, отправляя Вавилову в Ленинград бандероли с книгами, семенами и образцами культурных растений. Среди отправленных книг были и публикации Общества географии и статистики Мексики, которое 4 февраля 1926 г. избрало Букасова своим членом-корреспондентом.

15 марта Букасов покинул Мексику и отплыл из порта Вераркус на Кубу. Прибыв в Гавану, Букасов уже через день отправился на восток острова, в город Сантьяго-де-Куба, где пробыл три дня, посетил знаме-

Ягоды кофейного дерева.

[1] Город с населением 553 тыс. человек (2010), столица мексиканского штата Чьяпас.

[2] Город в мексиканском штате Табаско с населением 558 тыс. человек (2010).

[3] Город в мексиканском штате Табаско с населением 22,8 тыс. человек (2010).

нитый ботанический сад[1] и — как обычно — крестьянский рынок. На обратном пути в Гавану он сделал короткие остановки в городах Гинчос и Матансас, а 21 марта отплыл на пароходе из Гаваны в Панаму, где 28 марта высадился в порту Колон[2]. Пробыв всего три дня в Панаме, Букасов успел съездить по железной дороге из Колона в столицу страны и обратно, а также посетить ботанический сад «Саммит»[3].

31 марта Букасов и другие члены советской экспедиции сели на пароход, отплывающий в Колумбию. Один день советские учёные провели в колумбийском порту Картахена, совершили экскурсию на автомобиле в городок Турбана[4] и окончательно сошли на берег в недавно построенном порту Пуэрто-Коломбия[5] вблизи города Барранкилья[6]. Проведя в Барранкилье десять дней и ознакомившись с её окрестностями, а также посетив хлопковую фабрику, 12 апреля путешественники сели на пароход, идущий вверх по реке Магдалене[7]. 28 апреля, пройдя вверх по этой реке около 800 км, они прибыли в порт Пуэрто-Беррио[8], где маршруты членов экспедиции вновь разошлись.

Воронов с Живаго и Юзепчуком отправились дальше вверх по реке в направлении столицы страны Боготы, а Букасов с Боссе поехали по железной дороге на запад, во второй по численности населения город страны Медельин[9]. Через два дня они отправились на мулах в город Манисалес[10] в Центральной Кордильере. Путь до Манисалеса занял у них четыре дня, затем ещё неделя ушла на обследование так называемого колумбийского «кофейного пояса»[11], расположенного между Манисалесом и Перейрой[12]. Затем последовал спуск верхом на мулах по восточному склону Центральной Кордильеры в долину реки Магдалена, и 10 мая Букасов со спутником прибыли по железной дороге из города Хирардот[13] в Боготу.

Почти на месяц Богота, расположенная в Восточной Кордильере в высокогорном поясе тьерра-фриа[14], стала базой экспедиции для изучения земледелия в колумбийских департаментах Кундинамарка и Бояка. На поезде и на автобусе Букасов и его коллеги путешествовали

[1] Ботанический сад в Сьенфуэгосе существует с 1901 г..

[2] Порт на побережье Карибского моря у входа в Панамский канал, город с населением 220 тыс. человек (2012).

[3] Этот ботанический сад был создан в 1923 г.

[4] Город на севере Колумбии в департаменте Боливар, население 13,5 тыс. человек (2012).

[5] Порт на побережье Карибского моря.

[6] Город на севере Колумбии, столица департамента Атлантико. Население 1,8 млн человек (2012); в 1935 г. — 150 тыс.

[7] Главная река Колумбии, протяжённость — 1540 км.

[8] Город в колумбийском департаменте Антьокия, речной порт; население около 40 тыс. человек (2012).

[9] Второй по людности город Колумбии, столица департамента Антьокия; население 2,4 млн человек (2012), в 1928 г. — 120 тыс.

[10] Столица колумбийского департамента Кальдас; население 420 тыс. человек (2012), в 1928 г. — 120 тыс.

[11] Основной район кофейных плантаций в Колумбии; расположен на склонах андийских кордильер.

[12] Столица колумбийского департамента Рисаральда; население около 490 тыс. человек (2012).

[13] Город на реке Магдалена в колумбийском департаменте Кундинамарка; население 132 тыс. человек (2012).

[14] От испанского «холодная земля»; верхний лесной пояс в горах Центральной и Южной Америке и на высотах от 1700–2000 м до 3000–3500 м.

Советские учёные в Колумбии.

по так называемой саванне Боготы[1], в то время уже бывшей районом товарного пригородного сельского хозяйства, и по горным районам департамента Бояка. Эта территория, где и поныне преобладает мелкокрестьянское земледелие, отличается крайне широким спектром возделываемых культур, многие сорта и разновидности которых восходят к доколумбовым временам.

2 июня Букасов вновь спустился с высокогорья в долину Магдалены, пересек её с караваном мулов и спустился в долину реки Каука[2], расположенную по другую сторону хребта Центральной Кордильеры. Здесь он посетил Кали[3] — главный город «сахарного» района долины Кауки, откуда совершил выезды к порту Буэнавентура[4] на побережье Тихого океана и в окрестности города Попаян[5], расположенного в горах на юге страны, где познакомился с хлопковыми плантациями.

14 июня Букасов возвратился в Кали и оттуда отправился в Буэнавентуру, где через пять дней сел на пароход, идущий в Панаму. После панамского порта Колон 1 июля последовала остановка на острове Кюрасао[6], в порту Виллемстад[7]. Затем — Венесуэла, порт Пуэрто-Кабельо[8] и столица Каракас[9], вновь выход в море и прибытие 5 июля в Порт-оф-Спейн[10] на острове Тринидад. Здесь Букасов провёл почти целый месяц, посетил ботанический сад и Императорский колледж тропического земледелия. Следующая после Тринидада стоянка парохода произошла 8 августа на острове Барбадос[11]. После непродолжительного пребывания в Бриджтауне[12], главном городе этого острова, и поездок по его окрестностям Букасов наконец отправился в Европу и 22 августа прибыл в Амстердам. Там он сел на поезд в Берлин, а затем, также по железной дороге через Ригу и Ревель[13] возвратился в Ленинград.

Как мы видим, программа экспедиции была крайне насыщенной: за редким исключением Букасов не провёл на одном месте больше двух-трёх дней. При каждой возможности он писал Вавилову короткие письма-рапорты. Например, 1 ноября 1925 г.:

«Пока от Юрия Николаевича [Воронова] нет сведений о дальнейшем маршруте и времени отъезда в Юж. Америку. По-видимому, ещё недели две-три пробудем в Мексике. В ближайшие дни предполагаем посетить Torreon и центр хлопчатника. До сих пор проезжали tierra fria с очень скудной культурной флорой, почти исключительно кукуруза. Teosinte нигде нет».

18 ноября:

«Северная поездка моя не дала желаемых результатов в отношении ряда культур. По хлопчатнику — на севере нет мексиканских сортов, а лишь американские. Мексиканские же сорта

[1] Высокогорное плато в Восточной Кордильере Анд в Колумбии.

[2] Приток реки Магдалена, длина 1350 км.

[3] Столица колумбийского департамента Валье-дель-Каука; население 2,3 млн человек (в агломерации, 2012), в 1911 г. — 28 тыс.

[4] Город в колумбийском департаменте Валье-дель-Каука, порт на побережье Тихого океана; население около 360 тыс. человек (2012).

[5] Столица колумбийского департамента Каука; население около 270 тыс. человек (2012).

[6] Островная страна в Карибском море, бывшая колония Нидерландов. После распада в 2010 г. Нидерландских Антил стала самоуправляемым государством в составе Нидерландов.

[7] Столица Кюрасао, население около 140 тыс. человек (2010).

[8] Город в венесуэльском штате Карабобо, население 283 тыс. человек (2012).

[9] Полное название Сантьяго-де-Леон-де-Каракас, столица Венесуэлы. Население 5 млн человек (в агломерации, 2011), в 1935 г. — 136 тыс.

[10] Столица государства Тринидад и Тобаго, население 65 тыс. человек (в агломерации, 2012).

[11] Государство на одноимённом острове в Карибском море.

[12] Столица государства Барбадос, население 96 тыс. человек (2010).

[13] Русское название города Таллин до 1918 г.

нужно искать на тихоокеанском берегу Мексики, в местах, куда нет быстрого сообщения».

24 ноября:

«По-видимому, мне удалось найти естественного гибрида кукурузы и теосинте. Видел его и Юрий Николаевич!»

Наконец, одно из последних писем Букасова из Мексики, написанное 28 ноября 1925 г.:

«По-видимому, можно будет приступить в скором времени к настоящей экспедиционной работе. Получены здесь визы во все южноамериканские страны (Колумбию, Перу, Боливию, Эквадор, Чили, Бразилию) и, кроме того, в Панаму, и Кубу, и Гватемалу».

Плантация хлопчатника.

Таким образом, Букасов не предполагал в Южной Америке ограничиваться изучением Колумбии и Венесуэлы, но его планы, к сожалению, не осуществились в полной мере.

В октябре 1925 г., когда Букасов путешествовал по Центральной Месе[1] Мексиканского нагорья в поисках теосинте и местных сортов кукурузы, фасоли и хлопчатника, Ю. Н. Воронов ездил по пустынным северным районам страны, где его интересовали в основном образцы каучуконосных растений. Эти поездки описаны Г. Г. Боссе в 1926 г. в отчёте «Латиноамериканская экспедиция Резинотреста», а также в различных статьях Воронова и Боссе, значительная часть которых посвящена главному мексиканскому каучуконосу — гваюле[2].

[1] Южная часть Мексиканского нагорья.

[2] Кустарник семейства астровых, произрастающий в Северной Америке, каучуконос.

Каучуконос гваюла. Рисунок из атласа растений. XIX в.

Сбор сока гевеи для производства каучука.

➲ *Перевозка грузов на мулах в Колумбии. Фотография С.М. Букасова.*

24 декабря 1925 г. Воронов, к группе которого присоединились в качестве рабочих Князев и Фрейдберг (свои велосипеды они на время оставили в Мехико), отправился на юг Мексики, в штат Чьяпас. Эта часть экспедиции подробно описана в книге А. Князева и И. Фрейдберга «Вокруг света на велосипеде».

Сначала Воронов и его спутники прибыли в Тапачулу — город на границе с Гватемалой, откуда они отправились к каучуковым плантациям на побережье Тихого океана; посетили и прибрежные острова. Поездка не была лёгкой, Князев и Фрейдберг пишут:

«Первую часть пути нужно было проехать на волах. Индейцы запрягли волов в огромную колымагу с высокими колёсами больше двух метров в диаметре. Дорога шла по просеке тропического леса. Просека была проложена очень давно. Во многих местах поперёк дороги лежали огромные поваленные деревья. С колесами меньшего размера совершенно невозможно проехать через них. Просека временами была так узка, что ветки деревьев во многих местах соединялись, переплетённые лианами. Лианы низко спускались, и сидеть на возах было совершенно невозможно. Ветки хлестали нас по голове, сшибали шапки, царапали лица. Особенно неприятно было при этом то, что после каждого удара на нас сыпались целые груды насекомых, которые тут же начинали нас кусать».

Участникам экспедиции, которые занимались сбором образцов растений для гербария в тропическом лесу, угрожали не только насекомые:

«Мы по совету индейцев надели высокие кожаные гетры, чтобы предохранить себя от укусов змей. Вооружённые мачетами и револьверами, с огромными фляжками за поясом, мы имели довольно воинственный вид».

4 января 1926 г. экспедиционный отряд Воронова добрался до линии железной дороги, доехал до станции Халиско, откуда на автомобилях выехал в город Тустла-Гутьеррес, столицу штата Чьяпас. Здесь им предстояло сесть на мулов и вновь углубиться в тропическую сельву, на этот раз — горную.

«Наш караван должен был состоять из семи верховых и одиннадцати грузовых мулов, нескольких погонщиков и двух или трёх индейцев-носильщиков для переноски некоторых, боящихся тряски, аппаратов и материалов.

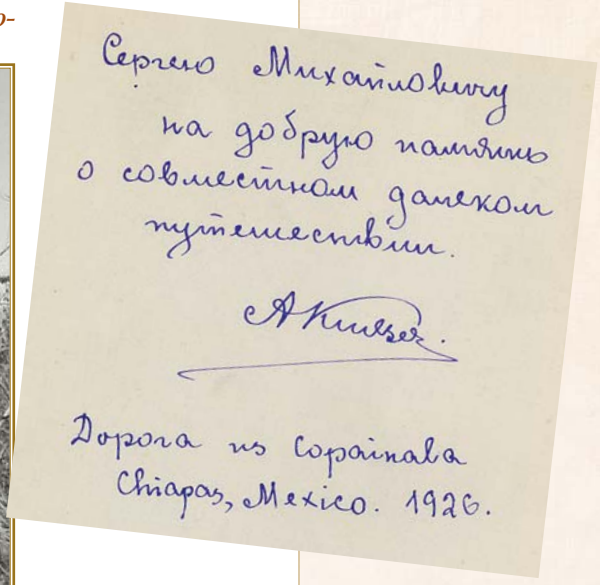
...Через несколько дней такой езды мы подъехали к берегу довольно большой реки. Багаж был быстро перегружен на длинные, сделанные из целых деревьев лодки и переправлен на другую сторону. Вслед за ним прямо в реку погнали всех мулов, пугавшихся довольно быстрого течения и не хотевших заходить в воду».

К середине января путешественники добрались до местечка Копайнала в горах на северо-западе штата Чьяпас, где в их честь был устроен праздник:

«Очень скоро появилась маримба[1], вытребованная председателем местного муниципального совета. В продолжение всего вечера играла музыка в честь экспедиции... <...> После ужина мексиканцы притащили с собой текиля (текиль — алкогольный напиток, напоминающий русскую водку) и устроили настоящее пиршество... Праздно-

[1] Музыкальный инструмент, род ксилофона.

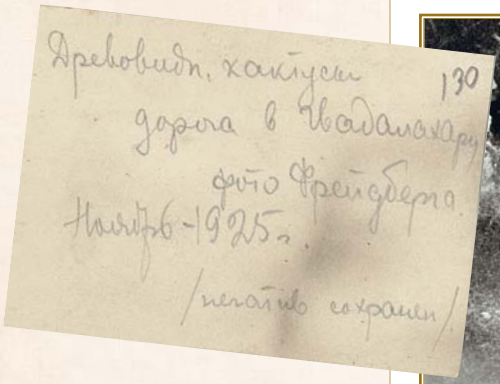
Фотография участника экспедиции А. Князева с дарственной надписью С.М. Букасову. Мексика. 1926 г.

вание было очень несложным. Все дружно пили текилу без всякой закуски и рассказывали о разных случаях из жизни, об оружии, об охоте и пр. Маримба играла непрерывно, мексиканцы танцевали свой национальный танец топатийю и всякими способами выражали нам своё расположение».

На следующее утро караван с членами экспедиции начал подниматься на перевал. Тропа была крутой и извилистой, «мулы задыхались, часто останавливались и потом тяжело шли вперёд». После перевала начался длинный и крутой спуск к океану. Князев и Фрейдберг потом вспоминали:

«В эти дни мы проехали самую опасную часть дороги, за свои особые качества называемую чёртовым хвостом. Во многих местах эта часть тропинки была завалена круглыми скользкими камнями, залитыми почти доверху жидкой грязью. С одной стороны тянулся обрыв, с другой — на такую же высоту поднималась отвесная стена горы, совершенно заросшая старыми, покрытыми мхами деревьями. Во многих местах этой стены вода расчистила себе дорогу от деревьев и обнажила громадные голые скалы, уходящие далеко вверх. Здесь во всякую погоду было мокро, сыро и, благодаря нависшим лианам и веткам, не пропускающим ни одного солнечного луча, сурово и загадочно».

Наконец, 21 января путешественники, спустившись на равнину, добрались до городка Пичукалько, откуда по реке Грихальва на лодках сплавились до города Вильяэрмоса. Вернувшись в Мехико через Веракрус, связанный с Вильяэрмосой пароходным сообщением, биологи на-

➲ *Кругосветное путешествие А. Князева и И. Фрейдберга на велосипедах. Мексика.*

чали готовиться к новому — южноамериканскому этапу экспедиции, а велосипедисты расстались с ними, чтобы продолжить своё кругосветное путешествие.

О том, как происходила следующая, едва ли не самая интересная часть экспедиции, известно из книги Ю. Н. Воронова «Полгода в Колумбии. Впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г.». Эта книга написана в документальном жанре, но отличается настолько живым языком, что она воспринимается как приключенческая повесть. Текст этой книги изобилует красочными и вместе с тем профессиональными описаниями природы; автор подробно рассказывает о многочисленных приключениях, сопровождавших путешествие по стране, в которой участники экспедиции оказались первыми советскими гражданами. Это обстоятельство чуть было не поставило под угрозу план проведения экспедиции: местные полицейские отнеслись к путешественникам из СССР с подозрением и не сразу оформили необходимые документы, а в дальнейшем пристраивали к ним соглядатаев. Как пишет Воронов, «от каждого был взят отпечаток большого пальца руки и измерен рост».

Ананас. Рисунок из атласа растений. XIX в.

Следуя наставлениям Вавилова, в Барранкилье биологи посетили сельскохозяйственный рынок, где Воронова привлекла не только продукция местного земледелия, но и этнографические особенности населения:

«Здесь особенно чувствуется местный колорит, и окружающая нас толпа выглядит по-колумбийски: на босых ногах «альпаргаты», бумажные туфли на подошве из растительного волокна, на голове «суаса», или «сапатока», — шляпа-панама, на плечах неизменная «руана» — короткий плащ в виде четырёхугольного

Жизнь животных в среднем течении реки Ориноко. Рисунок с натуры А. Геринга. Из книги «Южная и Средняя Америка» В. Сиверса. 1896 г.

Плантации сахарного тростника.

куска материи с прорезом для головы посередине.

...Лица смуглые, волосы чёрные, большинство метисы или просто «цивилизованные» индейцы, довольно много негров и мулатов».

На пароходе «Сиснерос» экспедиция отправилась вверх по реке Магдалене. Хотя календарный сезон дождей уже наступил, река была недостаточно полноводна из-за засухи и мелела с каждым днём.

«В нижней части своего течения река Магдалена достигает 2 км ширины. Воды её, сейчас мутные, несут на себе крупные пузыри желтоватой пены, а также массу растения, у нас в оранжереях известного под названием «водяного гиацинта». Оно растёт в тихих заводях и заливчиках огромными зарослями и во время подъёма воды выносится в реку, образуя на ней целые плавучие островки.

...Первые дни мы плывём в плоских берегах, с монотонным пейзажем. Огромные ровные пространства заняты пастбищами с пасущимся крупным и мелким рогатым скотом. И там и сям поля маиса, плантации сахарного тростника, бананов и горделивые рощи кокосовой пальмы.

...Население редкое, крупных селений мало, чаще небольшие группы редких хижин из бамбука, крытых пальмовыми листьями, — обиталище негров и индейцев».

С этими жалкими селениями контрастировал Пуэрто-Вильчес — «залитый электричеством городок американской нефтепромышленной компании “Троко”».

Продвигаясь дальше вверх по реке, пароход оказывался в гуще тро-

Советские биологи С.В. Юзепчук и С.М. Букасов с мексиканскими коллегами. Мексика. 1925 г.

Сейба — лесной гигант тропиков Южной Америки.

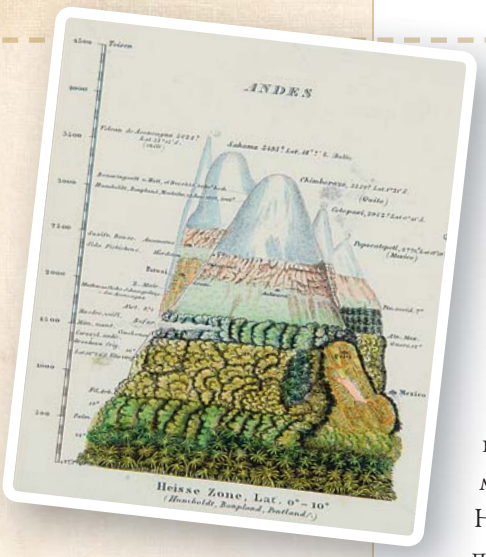
пического леса:

«Уходят перед нами берега Магдалены, уже поросшие тропическим лесом. Чарующий пейзаж многоярусного леса, с серебристой зеленью колючей «чингале», перистолистной пальмы, из которой туземцы изготавливают искусно красивые циновки. Спутанные лианами стволы гигантов, уходящих на 40—50 метров в высоту своими гладкими стволами, у земли часто снабжены досковидными подпорками. Верхние ветви окутаны зелёным войлоком эпифитов — папоротников, орхидей, бромелий, стремящихся к свету из сырого полумрака леса. На опушках грациозные геликонии со своими огненными соцветиями, изящный издали, но непроходимый благодаря крепким шипам вблизи, бамбук, серебрящийся нижнею поверхностью своих лапчатых листьев цекропии, в полых стеблях которых живут злые, больно кусающиеся муравьи... <...> Много, слишком много зелени, но очень мало ярких красок, совершенно противно сложившемуся мнению о красочности тропического леса».

Орхидеи. Рисунок Э. Геккеля. XIX в.

Члены экспедиции использовали короткие остановки для сбора гербария и энтомологической коллекции. Неожиданно у них появилась возможность совершить несколько экскурсий в глубь прибрежных лесов: на двенадцатый день плавания пароход сел на мель и смог продолжить движение только после того, как в горах начались дожди и вода стала прибывать. Но часть пути всё же пришлось проделать по железной дороге, чтобы обойти пороги на Магдалене. Подводя итог путешествию по реке, закончившемуся в городке Хирардот, Воронов пишет:

Высотная поясность в Андах (по рисунку А. Гумбольдта. 1839 г.).

«Итак, на покрытие пути в одну тысячу километров нам потребовалось 40 с лишним дней. Может показаться странным, что единственная магистраль, связывающая побережье приатлантической Колумбии с её столицею, находится в таком печальном состоянии, а богатая республика не принимает никаких мер к улучшению сообщения».

Из Хирардота Воронов и оставшиеся с ним трое членов экспедиции (Букасов и Боссе сошли с парохода несколькими днями раньше в Пуэрто-Беррио) отправились в столицу Колумбии. Несмотря на то что расстояние до неё составляло всего 120 км, подъём из долины Магдалены с высоты 330 м над уровнем моря до 2800 м — высоты Боготы — занял 8 часов. Эта поездка дала возможность Воронову наблюдать за характерной для Анд в Колумбии контрастной сменой высотных поясов растительности:

«В течение восьми часов из раскалённой атмосферы сухой саванны, со средней температурою в 28°, вы постепенно поднимаетесь сначала к кофейным плантациям Эсперансы, затем минуете пояс восковой пальмы и древовидных папоротников. Уже в Эсперансе, вокзал которой красочно завален массою цветов и тропических плодов — бананов, ананасов, аннон, папайи и др., на высоте 1800 м, начинает чувствоваться приятная горная прохлада... Скоро мы въезжаем в полосу тумана и дождей, минуем её и быстро мчимся по равнине».

Из Боготы члены экспедиции выехали к водопаду Текендама и к

Девственный лес в нижнем течении Амазонки. Рисунок с натуры А. Геринга. Из книги «Южная и Средняя Америка» В. Сиверса.

Пальмовый лес, затопленный в сезон дождей.

озеру Гуатавита — месту, которому приписывают возникновение мифа об Эльдорадо — «стране золота». Они познакомились с университетом, где, «несмотря на то что богатство страны — в сельском хозяйстве и горных богатствах, нет ни сельскохозяйственного, ни горного высшего учебного заведения» и отмечается «полное равнодушие к вопросам естествознания». Зато католический лицей «Instituto La Salle»[1], где интересовались естественными науками и имелся «недурной музей флоры и фауны», удостоился высокой оценки советских учёных.

Наконец Воронов и Юзепчук отправились дальше: их путь лежал в Амазонию. 25 июня путешественники прибыли в Хирардот, откуда им предстояло подняться почти до самых верховий Магдалены и, перевалив через Восточную Кордильеру, спуститься в бассейн Амазонки. Лишь небольшую часть этого маршрута они проделали по Толимской железной дороге, мечтая, что когда-нибудь этот путь будет достроен и свяжет бассейны Магдалены и Амазонки (увы, этого не случилось до сих пор). На автобусе они добрались до в города Натагайма[2].

Раздобыв мулов, на следующий день Воронов, Юзепчук, погонщик мулов «арръеро» и двое рабочих-пеонов отправились в путь. Неожиданно к ним присоединился ещё один спутник — то ли журналист, то ли полицейский соглядатай. Три дня путешественники ехали верхом на мулах до Нейвы[3]. Вот как Воронов описывает этот путь:

«Часами наш караван движется саваннами, поросшими мелкими кустарниками или перелесками, то почти пустынями, однообразие которых нарушается лишь канделябровидными кактусами... Пустыни сменяются необозримыми ровными пространствами, поросшими злаками, — это т. наз. «льяно», по

[1] Ныне одноимённый университет.

[2] Город в колумбийском департаменте Толима, население около 27 тыс. человек (2012).

[3] Столица колумбийского департамента Уила; население 337 тыс. человек (2012).

Золотолобая обезьяна обитает в Амазонии. Гравюра из книги «Южная и Средняя Америка» В. Сиверса.

которым уныло бродит в поисках пищи, воды и защиты от зноя рогатый скот.

...Равнина чередуется с подъёмами и спусками в овраги и балки; приходится часто делать громадные обходы под неумолимо жгучим солнцем, небольшую защиту от которого изредка получаешь в глубоких ущельях, где ещё не пересохли речки.

...С восходом солнца мы уже трогаемся в дальнейший путь по ещё более безотрадной пустыне, то покрытой редкою саванною, то усеянною крупными кактусами, то, наконец, совершенно голою, с разбросанными камнями песчаника самых причудливых форм выветривания — в виде шаров, дисков, караваев и т. п. Местами дорога, проходящая по окаменелому пласту песчаника, превращается в узкий, выбитый ногами мулов, коридорчик, и нужно следить, чтобы не ущемить свою ногу в стремени о стенку этого коридорчика».

Наконец начался подъём на Кордильеру Анд.

«Пустыня, степь и необозримые льяно магдаленской долины остаются далеко позади нас, и мы постепенно вступаем в область горного леса, который чем выше, тем становится пышнее. На склонах появляется изящная «ирака»; спокойная густая зелень другой низкорослой пальмы — «тагуа», из твёрдых семян которой, известных под именем «растительной слоновой кости», на европейских фабриках изготовляют дамские пуговицы; высоко на деревья поднимается цепкий бамбук, превращая свои

➲ *Тропическая растительность.*

Заснеженная вершина вулкана Невадо-дель-Уила. Колумбия.

подпорки в зелёно-ажурные колонны. На опушках цветут яркие геликонии с листьями банана».

По пути к перевалу биологи проехали через урочище «Ля-Ресина», где добывали воск дикорастущей пальмы. С высоты 2200 м им открылась панорама в обе стороны от горного хребта:

«Через час мы уже на перевале, откуда в хорошую погоду открывается великолепная панорама — с одной стороны на блестящую своими снегами вершину Уила[1] над р. Магдаленою, по другую — на беспредельное зелёное море лесов амазонской системы, носящих название «vegas», где и сейчас ещё далеко не везде в первобытную их чащу проник культурный человек и сохранились в первобытной чистоте своего жизненного уклада дикие племена индейцев, среди них и каннибалы».

С индейцами члены экспедиции познакомились во время поездки на реку Какета[2]. Спустившись с гор, они сначала попали в городок Сукре, откуда, заручившись содействием комиссара округа Какета[3] и рекомендательными письмами главы миссионерской организации, монаха-капуцина к приходским священникам, отправились в другой городок — Флоренсия[4], откуда сплавлялись на лодке по реке Ортегуаса, притоку Какеты. В этой местности, в тяжёлом, удушливо жарком влажном климате свирепствовала малярия.

[1] Высочайшая вершина Центральной Кордильеры Колумбии, вулкан, полное название — Невадо-дель-Уила; высота 5750 м.

[2] Левый приток Амазонки, река в Колумбии и Бразилии, где она называется Жапура; длина около 2000 км.

[3] Ныне один из 32 департаментов Колумбии.

[4] Столица колумбийского департамента Какета; население 163 тыс. человек (2012).

Основание ствола тропического дерева.

Здесь члены экспедиции познакомились с индейцами племен уитото и корехагуа-хетуча. В книге Воронова подробно описаны их быт, одежда, пища. Описывается и техника земледелия:

«Земледелие, конечно, стоит на очень низком уровне. Культура растений распределяется между женщинами и мужчинами... По религиозным воззрениям индейцев, растения так же одарены душою, как и животные, и, вдобавок, одни из них имеют «мужскую душу», другие — «женскую». При возделывании растений, поэтому, на долю мужчины выпадает подготовка почвы под плантацию — вырубка леса и его сжигание, самый же уход за культурами ведётся женщинами для растений с «женскою» душою (как, напр., банан), а на мужчин — всех остальных, к которым, между прочим, относятся и разводимые ими наркотические растения как кока, яхе[1] и др.».

Индейцы, по словам Воронова, — «великолепные ботаники», которые «знают каждое дерево, каждую травинку не только по имени, но и по полезным или вредным свойствам»; они помогают советским биологам изучать и описывать лесные растения, среди которых встречаются палисандр и другие ценные породы деревьев.

У индейцев Воронову удалось приобрести ожерелье из зубов ягуара, погремушки и разные предметы обихода, которые по возвращении в Ленинград он передал в Музей антропологии и этнографии Академии наук (Кунсткамеру).

Вернувшись во Флоренсию, Воронов и Юзепчук разделились. Юзеп-

[1] Яхе (яге) лиана, на основе которой индейцы приготовляют галлюциногенный настой.

Кокаиновый куст, или кока. Рисунок из атласа растений. XIX в.

Плантации гевеи, из сока которой получают натуральный каучук.

Плантация бананов.

чук остался заканчивать свои исследования каучуконосов поблизости от этого города, а Воронов отправился для сбора образцов каучука и черенков каучукового дерева в департамент Толима в Центральной Кордильере.

Большой интерес представляют выводы, сделанные Вороновым во время поездки верхом по верхней части долины Магдалены. Они касаются рукотворного происхождения местных пустынных ландшафтов:

«Уже при описании нашего пути вверх по долине р. Магдалены приходилось говорить о царящем в ней пустынном или саванном ландшафте. Крупные, ныне сухие русла прежних рек, глубоко эродированные «баранки», остатки лесных элементов в благоприятствуемых влагою условиях, наконец, словесные традиции и писанные истории, — всё говорит о том, что облесение верхне-магдаленской долины было более широким и что своим современным пустынным ландшафтом она обязана человеку».

И далее:

«Наше пересечение предгорий Центральной Кордильеры... убедило нас в том, что грозный процесс лесоистребления идёт прогрессирующим темпом и оставляет после себя бесплодную саванну или пустыню. Рациональное более или менее земледелие, — культура сахарного тростника, кофейные плантации и т. п., — лишь мелкие бледные пятна на общем фоне стихийной оргии истребления лесов».

Перевалив через Центральную Кордильеру, Воронов спустился в

Банан. Рисунок из атласа растений. XIX в.

➲ *Кафедральный собор на центральной площади Боготы.*

долину реки Кауки, где в окрестностях города Сан-Луис познакомился с плантациями сахарного тростника. Затем, вновь поднявшись в горы, он продолжил изучать каучуконосные породы деревьев. Наконец, пересев из седла в лодку на Магдалене, а из лодки — на автобус и, в конце концов, на поезд, после шестимесячного скитания он возвратился в Боготу. Затем он спустился на пароходе по Магдалене и покинул Колумбию, отправившись в соседнюю Венесуэлу.

Подводя итог путешествию по Колумбии, Воронов дал этой стране очень ёмкую и критическую характеристику:

«Колумбия — богатейшая по естественным своим ресурсам страна, владеющая платиною и золотом, изумрудовыми копями знаменитого Мусо[1], огромными запасами нефти, и трудолюбивое её население достойно лучшей участи, чем нищета физическая и убогость духовная, которые одинаково царят по всему проделанному нами пути во всю длину страны и на половину её ширины».

По мнению Воронова, одна из главных проблем, тормозящих развитие Колумбии, — слабая развитость дорожной сети:

«Страна почти не имеет сколько-нибудь порядочных путей сообщения, ибо те дороги, по которым приходилось путешествовать нам, не лучше дорог колониального периода, а местами существуют в том виде, как их застали испанские конквистадоры».

Хищническое отношение к природным богатствам в Колумбии заставляет Воронова сделать неутешительный экологический прогноз:

[1] Крупнейший в мире район добычи изумрудов в западной части колумбийского департамента Бояка.

«Сама страна, благодаря хищнической эксплуатации культуры, идёт быстрыми шагами к обезлесению, что при существующем климатическом режиме грозит ей в будущем многочисленными неприятными сюрпризами вроде обмеления рек, быстрого обеспложивания почвы, превращения целых районов в бесплодные пустыни».

Подведём итоги первой советской экспедиции в Латинскую Америку. Объём выполненных работ, протяжённость и сложность маршрутов, значительная часть которых проходила по труднодоступным и малоосвоенным районам, сопоставимы разве что с экспедицией Г. И. Лангсдорфа первой половины XIX в. Впоследствии столь масштабных советских и российских экспедиций не было. Ленинградские биологи собрали несколько тысяч образцов культурных растений, которые стали основой для селекционной работы в СССР. Как отмечал Н. И. Вавилов, высоко оценивший работу своих сотрудников, открытые ими виды культурного и дикорастущего картофеля были успешно использованы при выведении новых сортов, отличающихся ценными свойствами — холодостойкостью, устойчивостью к болезням, высоким содержанием белка и крахмала. За труды по селекции картофеля один из участников экспедиции — С. М. Букасов в 1948 г. был удостоен Сталинской премии в области науки. Важными — по крайней мере на первых порах, до вытеснения натурального каучука искусственным, — были и результаты по изучению американских каучуконосных растений, хотя распространить их в СССР не удалось.

Юрий Николаевич Воронов

1(13) июня 1874—10 декабря 1931

Биолог, биогеограф, систематик растений.

Юрий Воронов родился в Тифлисе, куда его отец — Н. И. Воронов был выслан в 1862 г. за участие в организации «Земля и воля». На Кавказе Н. И. Воронов занимался изучением этнографии, был редактором и издателем газеты «Кавказ» и возглавлял Кавказское отделение Русского географического общества.

С 1881 г. семья Вороновых проживала на территории Абхазии в горном селе Цебельда, в окрестностях которого Юрий Воронов подростком начал собирать гербарий местной флоры. Первоначально он получил домашнее образование, а в 1885 г. был принят на пансион в Кутаисскую гимназию, которую окончил на 2 года позже срока из-за

болезни, но с золотой медалью.

В 1894 г. Ю. Н. Воронов поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе, со специализацией по зоологии. В летние сезоны 1895 и 1896 гг. он собирал гербарий в Абхазии, а в 1896 г. перевёлся в Московский сельскохозяйственный институт; также посещал занятия в Московском университете, а с января 1897 г. продолжил образование во Франции, в Сельскохозяйственном колледже в Монпелье, где прослушал полный курс. Учёба во Франции и научная работа под руководством известного систематика растений Ш. Флао оказали на Воронова большое влияние. Он мечтал о внедрении в России достижений европейской агрономической науки, задумывал создание в российском Закавказье и Средней Азии передовых кооперативных хозяйств и опытных сельскохозяйственных станций.

Вернувшись в Россию в 1898 г., Воронов устроился на работу садовником в сухумское имение тифлисского губернатора князя Шервашидзе и принял активное участие в создании Сухумского общества сельского хозяйства.

В 1899 г. Воронов стал студентом Лесного института в Петербурге, где большое влияние на формирование его научных взглядов оказал выдающийся биолог, основатель природоохранного движения в России академик И. П. Бородин. В 1901 г. Воронов поступил в Петербургский университет, где проучился около года. Одновременно он занимался изучением низших водорослей в биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта.

В эти годы все летние месяцы Воронов посвящал сбору гербариев кавказской флоры — в Абхазии, Дагестане, Батумском и Артвинском округах. Дубликаты гербарных образцов он отсылал своим профессорам в Одессу, Петербург и Монпелье.

В 1902—1903 гг. Воронов работал в Петербургском ботаническом саду. В мае—сентябре 1903 г. он принимал участие в экспедиции Русского географического общества в Саяны и Западную Монголию.

В 1903—1905 гг. Воронов работал ассистентом Сухумского ботанического сада и избирался председателем Сухумского общества сельского хозяйства.

В 1905 г. он вновь уехал в Петербург, где в течение года работал в Ботаническом музее Академии наук.

Вернувшись в 1906 г. на Кавказ, он до 1914 г. работал консерватором Тифлисского ботанического сада. В этом же году Воронова избирали действительным членом Русского географического общества. Он вел обширную экспедиционную деятельность в Абхазии, Артвинском округе, Черноморской, Елисаветпольской и Эриванской губерниях, Карской области, долине Аракса, Ордубае, Южном Азербайджане, Колхиде, Черкессии, Осетии; занимался систематикой собранных об-

разцов флоры. Воронов также принимал участие в решении практических вопросов развития земледелия на Кавказе: работал микологом в Кавказском филоксерном комитете (1909), старшим специалистом при департаменте земледелия, агрономом Черноморского переселенческого района (1913), входил в состав Научно-технической комиссии по исследованию дубильных веществ (1916).

В годы работы на Кавказе Ю. Н. Воронов принимал активное участие в работе Кавказского отдела Русского географического общества: входил в его редакционный комитет (1910), в состав комиссии по статистическому исследованию Кавказского края, в состав комиссии по охране памятников природы (1911).

В 1914 г. Воронов стал хранителем, а затем и директором Кавказского музея в Тифлисе. С 1919 по 1924 г. он заведовал отделом кавказских растений в Тифлисском ботаническом саду. В 1923–1924 гг. Воронов преподавал в Тифлисском государственном политехническом институте.

В 1924 г. Воронов окончательно переехал в Ленинград, где работал хранителем Главного ботанического сада РСФСР, одновременно являясь сотрудником Института прикладной ботаники и новых культур (ИПБ) и главным ботаником опытных полей Резинотреста на Кавказе.

В 1925–1926 гг. Воронов возглавил первую советскую научную экспедицию в Америку, где в основном изучал каучуконосные растения в Мексике, на Кубе, в Панаме, Колумбии и Венесуэле. В ходе этой экспедиции были также собраны ценные коллекции предметов быта индейцев, поступившие в Музей этнографии Академии наук. В 1926–1931 гг. Воронов работал заведующим сектором субтропиков ИПБ (впоследствии ВИР) и заведующим Кавказским гербарием в Главном ботаническом саду в Ленинграде.

В 1929–1931 гг. Ю. Н. Воронов вновь проводил экспедиционные работы на Кавказе и начал готовить к публикации фундаментальный труд «Флора Абхазии», но в 1931 г. он скончался от инсульта. Рукопись книги «Флора Абхазии» так и не была опубликована, хранилась у его жены — О. П. Вороновой и была утрачена с её гибелью во время блокады Ленинграда в 1942 г.

Всего Ю. Н. Воронов опубликовал более 200 научных работ, основная часть которых посвящена описанию и систематике флоры Кавказа и Закавказья. Он считается первооткрывателем более 150 растительных видов и нескольких видов фауны; имя Воронова носят 38 видов и один род растений.

Основные печатные труды: «Мексиканский каучуковый куст гваюла» (1928); «Черноморское побережье и субтропические культуры» (1929); «Американские каучуконосы и возможность натурализации их в СССР» (1929); «Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет»

(1929); «Новые виды кавказской флоры» (1932); «Дикорастущие съедобные растения Кавказа» (1937); «Культура каучуконосов в СССР» (1948).

Сергей Михайлович Букасов

13 (25) сентября 1891 — 17 июля 1983

Ботаник, селекционер, ученик и соратник Н. И. Вавилова; специалист в области картофелеводства. Доктор биологических и сельскохозяйственных наук, профессор, академик ВАСХНИЛ. Член-корреспондент Мексиканского географического обществ и Мексиканской академии наук, иностранный член Линнеевского общества в Лондоне. Действительный член Географического общества СССР. Лауреат Сталинской премии за труд «Селекция картофеля». Герой Социалистического Труда.

Сергей Букасов родился в селе Нижняя Пена Обоянского уезда Курской губернии в семье служащего. В 1909 г. он окончил гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, которое окончил в 1913 г.

В 1914–1918 гг. преподавал естественные науки в одном из реальных училищ Санкт-Петербурга.

С 1918 г. был сотрудником Бюро прикладной ботаники, в 1931 г. преобразованного во Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства (ВИР). В этом институте он работал до 1983 г. на должностях научного руководителя группы овощных и бахчевых культур, заведующего отделом клубнеплодов, научного консультанта.

В начале своей научной деятельности Букасов занимался селекцией на Павловской опытной станции и на полях Пушкинской лаборатории ВИР. В процессе этой работы выяснилось, что все сорта картофеля, выращиваемые в России, происходили от нескольких исходных форм.

Чтобы расширить возможности селекционной работы, по заданию академика Н. И. Вавилова в 1925 г. С. М. Букасов отправился в экспедицию в Латинскую Америку для изучения и сбора мирового фонда культурных растений. Во время этой экспедиции он посетил Мексику, Гватемалу, Панаму, Кубу, Колумбию и Венесуэлу.

По результатам экспедиции с участием Букасова в Мексике были открыты центры происхождения кукурузы, фасоли, тыквенных растений, томатов, перца, хлопчатника; в Колумбии найдены новые виды культурного картофеля, ранее неизвестные науке.

Всего Букасовым и его коллегами было собрано во время экспедиции в Латинскую Америку 1925–1926 гг. около 5 тыс. образцов и семян картофеля, кукурузы, хлопчатника, фасоли, перца, тыквы и других

сельскохозяйственных культур. Особо выдающиеся результаты были получены при изучении картофеля, открыто 20 его новых культурных видов. Была собрана обширная коллекция его дикорастущих и культурных форм и отобран перспективный исходный материал для выведения высокопродуктивных сортов, устойчивых к различным болезням и вредителям.

Букасов первым предложил метод межвидовой гибридизации в селекции картофеля, благодаря которому были созданы высокоурожайные сорта, устойчивые к раку, фитофторозу и нематоде, а также сорта с повышенным содержанием крахмала и белка. Разработанная им система видов картофеля получила мировую известность.

С. М. Букасов — автор более 150 научных и научно-популярных работ.

Основные печатные труды: «Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии» (1930); «Картофели Южной Америки и их селекционное использование» (1933); «Селекция картофеля» (в соавторстве с А. Я. Камераз, 1948).

Литература

Боссэ Г. Г. Латино-американская экспедиция Резинотреста: Инф. бюлл. Резинотреста, 11 ЛХ. — 1926.

Воронов Ю. Н. Полгода в Колумбии. Впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г. // Природа и люди. Л.: Изд-во П. П. Сойкин. 1929. Кн. 5.

Воронов Ю. Н. Американские каучуконосы и возможность натурализации их в СССР // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции 1929. Т. 21. Вып. 5.

Князев А., Фрейдберг И. Вокруг света на велосипеде. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929.

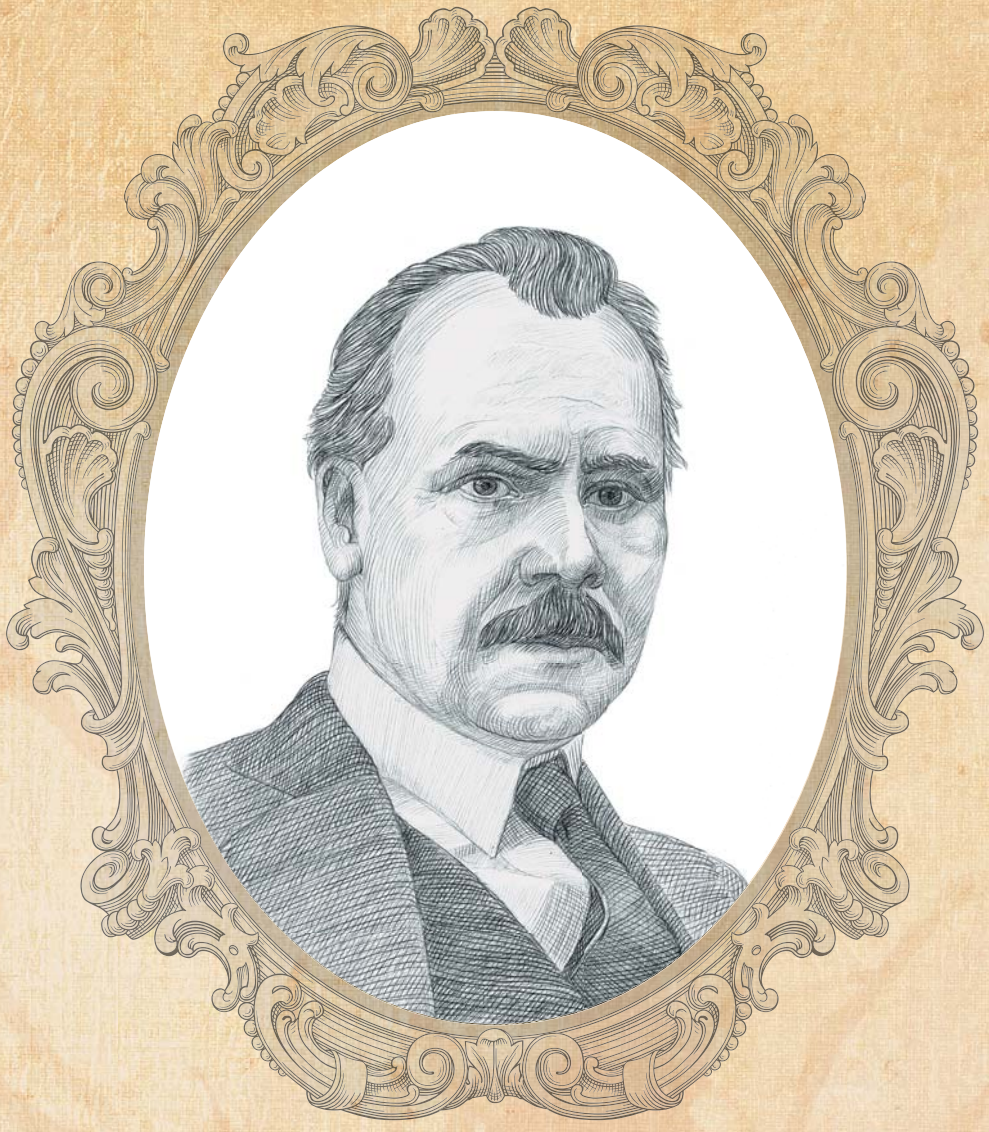
Сизоненко А. И. По Магдалене на «Сиснеросе». Русские в Южной Америке. М.: ИЛА РАН, 2005.

FUNCHO
PIMENTA SIRIA
PIMENTA ERVANCA
PAPRIKA PIMENTE
AZEITE DE DENDÊ
ALECRIM
AÇAFRÃO
CANELA EM PÓ

ГЛАВА XIV

Н. И. Вавилов: поездки по Латинской Америке в 1930 и 1932–1933 гг.

Николай Иванович Вавилов

13 (25) ноября 1887 — 26 января 1943

Генетик, ботаник, фитопатолог, географ. Член Академии наук СССР и Академии наук УССР, президент (1929–1935) и вице-президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (1935–1940), президент Государственного географического общества, с 1938 г. — Географического общества СССР (1931–1940).

Николай Иванович Вавилов был путешественником поистине планетарного масштаба. Не случайно он собирался озаглавить книгу о своих экспедициях «Пять континентов»[1]. Особое место среди поездок Вавилова занимала Латинская Америка, где он побывал дважды: в 1930 г. и в 1932–1933 гг. Обе поездки были связаны с работами по локализации мировых центров происхождения культурных растений и по сбору семян сельскохозяйственных культур для пополнения семенного фонда и селекционной работы в СССР.

Латинская Америка заинтересовала Н. И. Вавилова ещё в начале его деятельности на посту руководителя Отдела прикладной ботаники и селекции новых культур, впоследствии преобразованного в одноименный институт в Ленинграде. В 1925 г., после установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Мексикой в СССР впервые побывали мексиканские учёные-аграрники и представители министерства земледелия и продовольствия этой страны. Мексиканская делегация, которую возглавлял Х. Бальестерос — директор Национальной сельскохозяйственной школы[2], посетила Ленинград и встретилась с Вавиловым. Вскоре по инициативе Н. И. Вавилова были организованы экспедиции по изучению сельскохозяйственных районов Мексики, Колумбии и других латиноамериканских стран[3].

Результаты этих экспедиций, состоявшихся в 1925–1926 гг., Вавилов оценил высоко, он ещё больше заинтересовался далёкой Латинской Америкой. Изучение этого региона представлялось ему важным как для теоретических изысканий, так и с практической точки зрения. По мнению Вавилова, для развития сельского хозяйства в СССР были необходимы сведения о земледелии стран, из которых вышли многие выращиваемые в нашей стране культуры, где имелись сходные в при-

Земледелие в речной долине вблизи города Арекипа. Перу.

Н.И. Вавилов на сельскохозяйственном рынке в Андах. 1932 г.

[1] К сожалению, эта книга так и не была дописана. До нас дошли и были опубликованы только её подробное оглавление, введение и некоторые главы. Остальные разделы Н. И. Вавилов не успел написать, либо они были уничтожены после его ареста. К сожалению, на «пятом континенте» — в Австралии Вавилову так и не удалось побывать.

[2] Под таким названием существовало первое в Мексике высшее учебное заведение сельскохозяйственного профиля, которое с 1923 г. находилось в пригороде мексиканской столицы Чапинго. Преобразовано в Автономный университет Чапинго.

[3] Путешествиям сподвижников Н. И. Вавилова посвящён особый раздел книги.

➲ *Карта маршрутов Н.И. Вавилова в Латинской Америке.*

родном отношении сельскохозяйственные районы. Особенно важным он считал изучение опыта выращивания каучуконосов, хинного дерева, хлопчатника, зерновых и, конечно, картофеля.

Поездкам Н. И. Вавилова в Латинскую Америку предшествовала тщательная и всесторонняя подготовка. По опубликованным впоследствии рассказам очевидцев, его неоднократно встречали в библиотеке Международного аграрного института[1] в Москве, при котором в 1929 г. была создана Латиноамериканская ассоциация. Это обстоятельство впоследствии могло послужить поводом для подозрений о связях Вавилова с Коминтерном, который организовывал революционное движение в латиноамериканских странах. Вавилова даже дважды арестовывали (к счастью, оба раза на короткий срок) — во время путешествия в Мексике и в Чили[2].

О том, насколько серьёзно Вавилов относился к подготовке своих экспедиций в Латинскую Америку, свидетельствуют и такие факты. Осенью 1930 г., во время затянувшегося ожидания разрешения на въезд в Мексику в городе Туксон на территории Соединенных Штатов, он принялся изучать испанский язык. И за короткое время овладел

[1] Международный аграрный институт был создан в 1925 г. при Крестьянском интернационале (Крестинтерне) — международном объединении крестьянских организаций, примыкавшем к Коминтерну, и просуществовал до 1940 г.

[2] Реакционные круги Мексики ещё во время экспедиции сотрудников Всероссийского института прикладной ботаники 1925 г. обвинили советских учёных в расхищении национальных богатств. Возможно, особую роль в этом сыграла одна из компаний США, занимавшаяся производством каучука из гваюлы и опасавшаяся конкуренции.

Cuadro al óleo simbolizando la visita a Cuba, del Dr. N. I. Vavilov, en 1932, y su encuentro con los botánicos cubanos Dr. J. T. Roig y el Hermano Leon. Este cuadro está en exhibición en el Museo Histórico de las Ciencias "Carlos J. Finlay" en la HABANA, Desde 1973.

Foto dedicada al académico S. Bukasov, primer científico soviético que visitara a Cuba, en 1925, por el Director del Museo, Francisco Díaz Barreiro.

La Habana, 6-5-1975.

Копия аллегорической картины кубинского художника, на которой Н.И. Вавилов изображён с кубинскими ботаниками Х. Ройгом и И. Соже («братом Леоном»). Оригинал картины находится в Музее истории наук «Карлос Финлей» в Гаване.

им так, что, путешествуя двумя годами позже по латиноамериканским странам на аэроплане, по его собственным словам, не привлекал к себе внимания, поскольку знал испанский язык настолько, что не выделялся среди местных пассажиров. Среди материалов Н. И. Вавилова, хранящихся в архиве Русского географического общества, есть карты, по которым он планировал свои маршруты. Нельзя не отметить и техническую сторону подготовки к экспедициям: Вавилов прекрасно фотографировал и уделял большое внимание фотографической технике.

Особо следует сказать о контактах с зарубежными учёными, без помощи которых экспедиции Вавилова вряд ли были бы успешными. Ещё в 1920-х гг. его работы по генетике и селекции приобрели широкую известность за рубежом, в том числе в США и в странах Латинской Америки. Это впоследствии сделало Николая Ивановича желанным гостем в университетах и на опытных станциях многих стран. При личном знакомстве с Вавиловым зарубежных коллег поражали его широчайший научный кругозор и потрясающая работоспособность, заражала бьющая ключом энергия, направленная на решение казавшихся фантастическими по масштабу замыслов научных задач. Ему просто невозможно было отказать в помощи и совете. В свою очередь, Вавилов охотно делился собственными идеями, дарил книги, которые привозил с собой, несмотря на ограничения веса багажа, приглашал в свой институт в Ленинграде. Трудно переоценить вклад Н. И. Вавилова в формирование за рубежом положительного образа СССР — страны, которую он представлял и в которой позднее так несправедливо жестоко с ним обошлись.

Первая командировка Н. И. Вавилова в Америку, во время которой он посетил США, Мексику, Гватемалу и Гондурас, началась 30 октября (по другим данным — 2 ноября) 1930 г. Вавилов считал, что эта по-

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(Демидов переулок, д. № 6-а)
организует в 1938 году для педагогов, студентов и всех интересующихся географией, цикл общедоступных лекций по страноведению нашей родины и зарубежных стран.
ЛЕКЦИИ БУДУТ ПРОЧТЕНЫ УЧАСТНИКАМИ ЭКСПЕДИЦИЙ
1-я ЛЕКЦИЯ 4-го МАЯ:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МЕКСИКЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ
(через ФЛОРИДУ на остров КУБУ, ЮКАТАН, МЕКСИКА)
прочтет академик Н. И. ВАВИЛОВ
Лекции будут иллюстрироваться диапозитивами.
Начало лекций в 7 часов в Большом зале ГГО.
Плата за вход 1 рубль
Трамваи: 2, 4, 5, 8, 12, 13, 14, 21, 24, 29, 39.
Автобусы: 1, 2, 4, 6, 8, 13, 15, 18.

Афиша лекции Н.И. Вавилова «Путешествие по Мексике и Центральной Америке», прочитанной 4 мая 1938 г. в Государственном географическом обществе.

ездка стала важным продолжением организованных по его инициативе экспедиций в латиноамериканские страны в 1925–1926 гг. В отчёте Наркомзему[1], выделившему средства на эту командировку, он писал, что подробно познакомился с состоянием субтропического земледелия, посетил Мексику, Гватемалу и Гондурас для сбора семян сельскохозяйственных культур, представлявших интерес для Советского Союза. Особенно его интересовала гваюла[2] и другие, в том числе дикорастущие каучуконосы, которые можно было бы выращивать в Советском Союзе, поскольку в то время ещё не было налажено производство синтетического каучука. Судя по тому, что в плане рукописи книги «Пять континентов» есть раздел «В гостях у доктора Папеноэ»[3], в Гондурасе Вавилов побывал в Ланцетильо[4], где посетил старейшую опытную сельскохозяйственную станцию американской компании «Юнайтед Фрут», в то время владевшей плантациями в этой «банановой республике».

Спустя несколько месяцев после возвращения на родину Вавилов в марте 1931 г. выступил на сессии Академии наук СССР с большим докладом «Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света». Этот доклад стал не только отчётом о поездке, но и одной из фундаментальных научных работ Вавилова. Эта работа показывает, что Вавилов не только был выдающимся биологом, но и прекрасно знал географию, глубоко разбирался в вопросах истории, культуры и этнографии. Он смог применить к общественным наукам свои естественнонаучные открытия, связанные с закономерностями географического распределения генов культурных растений и особенностями их наследственной изменчивости.

В своём докладе Н. И. Вавилов сделал ряд выводов, существенных для понимания важных моментов в истории древних народов Латин-

В амазонской сельве.

[1] Народный комиссариат земледелия СССР, членом коллегии которого был Н. И. Вавилов.

[2] Кустарник семейства астровых, произрастающий в Северной Америке, каучуконос.

[3] Фредерик Вильсон Попеное (1872–1975) — американский ботаник и агроном, исследователь Центральной и Южной Америки, основатель опытной станции в Ланцетильо (1925) и первый директор Сельскохозяйственной школы «Эль-Заморано» в Гондурасе.

[4] В настоящее время Панамериканская сельскохозяйственная школа (университет) «Эль Заморано» в 30 км к востоку от города Тегусигальпа, столицы Гондураса.

ской Америки. Главнейшим из них явился ответ на вопрос о географии доколумбовых цивилизаций. Вавилов показал, что ареалы развития цивилизаций майя, ацтеков, сапотеков, тольтеков можно определить, исходя из локализации происхождения культурных растений. Как показали его ботанико-географические изыскания, величайшие человеческие культуры древности сформировались именно в тех районах Америки, где были введены в культуру основные сельскохозяйственные растения Нового Света.

В Мексике Вавилов знакомился не только с флорой и сельским хозяйством, но также с большим интересом изучал древнюю культуру этой страны, её историю, проявив себя здесь и внимательным наблюдателем, и тонким знатоком. Он отмечал, что современные исследователи открывают по развалинам замечательные памятники искусства:

«Перед нами встают из руин замечательные сооружения, астрономические обсерватории, необыкновенное знание календаря, оригинальная письменность майя... Знойный Юкатан ныне привлекает внимание археологов всего мира и каждый год вскрывает новые следы гения первобытных обитателей Мексики и Центральной Америки».

В своих путешествиях Н. И. Вавилов всегда старался увидеть как можно больше и, не зная отдыха, всё время находился в пути. Так, в 1930 г. всего за месяц с небольшим он проехал по Мексике несколько тысяч километров, дважды пересёк страну по разным маршрутам от северных до южных границ, побывал в соседних Гватемале, Гондурасе и, по-видимому, в Британском Гондурасе[1].

Может сложиться обманчивое впечатление, что это путешествие далось Вавилову легко. Нет, он просто старался не замечать трудностей и, превозмогая усталость, недомогание, дискомфорт, упорно двигался

Выпас скота в предгорьях Анд в Перу.

[1] Название британской колонии в 1862–1981 гг.; ныне территория Белиза. О том, что Вавилов там побывал, может свидетельствовать упоминание им Британского Гондураса в плане рукописи книги «Пять континентов».

по намеченному маршруту и только в письмах жене иногда давал волю чувствам.

21 ноября 1930 г. Вавилов пишет домой:

«Сегодня, dear [дорогая], направляюсь в Гватемалу. Мексику кончил. Заболел было, да и сейчас не вполне на ногах. Обычная история, простуда и ревматизм, как после Афганистана и Памира...

...Еду через силу. Вагоны тут неудобные, и вообще мне Мексика поднадоела. Только ради философии надо всё видеть самому».

Плоды пальмового дерева.

Но вскоре, 3 декабря, он уже забывает о лишениях и рапортует об успешном завершении экспедиции:

«Дорог.[ая] Кончаю Гватемалу. Сделал разрез через всю страну. Тропики постиг».

Вторая поездка Н. И. Вавилова в Латинскую Америку оказалась более продолжительной — чуть дольше трёх месяцев. В августе 1932 г. Вавилов прибыл в США для участия в VI Международном конгрессе генетики в городе Итака (штат Нью-Йорк), вице-президентом которого он был избран. После посещения ряда научных учреждений в штатах Вашингтон, Колорадо, Монтана, Флорида, Нью-Йорк и ознакомления с работами в области селекции и земледелия в Канаде Вавилов решил отправиться в поездку по Центральной и Южной Америке.

Препятствием для этой поездки могла стать необходимость получения множества въездных виз, добиться которых оказалось совсем непросто, несмотря на ходатайство видных учёных США и латиноамериканских стран, принимавших участие в конгрессе. В

Кофейная плантация в Бразилии.

письме, отправленном 12 октября 1932 г. М. О. Шаповалову[1], Вавилов сокрушался:

«Моя поездка в Ю. Америку зависела в наибольшей степени от виз, которые добывать не так просто. Во многих странах война, низвержение правительств, etc. И каждого россиянина рассматривают здесь как антихриста, etc... Никто толком не знает, нужны ли советскому гражданину визы для Эквадора, Колумбии, Панамы, для ночной остановки при перелёте аэропланом».

Аэроплан упомянут Вавиловым не случайно: ему подсказали, что при транзитном перелёте через страны Латинской Америки получение виз не требуется. Такой «сквозной» билет с правом прервать полёт в каждом пункте остановки по маршруту Николай Иванович и купил у французской компании «Аэропосталь»[2]. Решение оказалось верным. Вавилову не только удалось побывать в столицах и крупнейших городах почти двух десятков стран и зависимых территорий, но и совершить поездки по территории некоторых из них, посетить научные центры, природные заповедники, опытные станции и, конечно же, сельскохозяйственные предприятия с их фермами, плантациями, полями и пастбищами.

Вот какие задачи первоначально ставил перед собой Вавилов, собираясь в это путешествие — одно из самых продолжительных и точно первое по общей дальности маршрута среди множества его экспедиций (из письма Шаповалову):

«На этот раз имею тьму дел: ирригация хлебов, иммунитет, к которому возвращаюсь, новые культуры[3], хинное дерево, пальмовый куст [Pacaya][4], теория происхождения культурных растений, философия тропиков, мировые ресурсы земледелия».

Крестьяне в Гондурасе. Фотография Н.И. Вавилова.

[1] Фитопатолог, сотрудник Департамента сельского хозяйства США. В 1936 г. по приглашению Вавилова посещал ВИР. В протоколе допроса от 22 августа 1940 г. упоминается первым среди тех, в связях с кем обвинялся Вавилов.

[2] Французская авиакомпания, созданная в 1918 г. для перевозки почты на дальние расстояния; под названием «Аэропосталь» известна с 1927 г., после 1932 г. слилась с авиакомпанией «Эр Франс».

[3] В других письмах Вавилова упоминаются также представлявшие для него интерес фасоль, кокаиновый куст, высокогорный злак кинуа (Вавилов называет его «кван-ява»).

[4] Род низкорослых пальм, распространённых в диком состоянии и в культуре в Мексике и Центральной Америке; мякоть побегов употребляется в пищу.

К сожалению, полностью восстановить детали второй поездки Вавилова по странам Латинской Америки невозможно. За исключением раздела «Путешествие по Бразилии» он так и не успел написать остальные части книги «Пять континентов»[1]. Но уже по подробному плану рукописи видно, сколь насыщенной была программа путешествия, которое началось в октябре 1932 г. в Майами, откуда Вавилов вылетел на Кубу, и там же окончилось в январе 1933 г. Поражает широта эрудиции великого — под стать энциклопедистам эпохи Ренессанса — учёного, который со вниманием относился не только к основному предмету своих изысканий — культурным растениям, но и к ландшафтам, городам, людям, хозяйственным объектам. Сельское хозяйство рассматривалось Вавиловым в широком контексте развития цивилизации.

Вот перечень разделов так и не увидевшей свет в законченном виде книги «Пять континентов», которые посвящены Латинской Америке. Во введении, написанном в марте 1939 г., Вавилов пояснял, что «...и в интересах читателя, и освоения итогов, и знакомства со странами» он не всегда собирался придерживаться обычного для рассказа путешественника хронологического принципа в изложении и предполагал объединить рассказ о путешествиях 1930 и 1932–1933 гг.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МЕКСИКУ

На родине майя. Организация экспедиции за гваюлой. Философия Мексики. Родина кукурузы. Краткий географический очерк. Остатки цивилизации майя. Сборы гваюлы.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЛУОСТРОВ ЮКАТАН

Чичен-Ица. Задержка в Мериде. Развалины. Флора. Фауна.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГВАТЕМАЛУ

Страна вулканов. Карта Гватемалы. Остатки великой культуры. Граница Мексики и Гватемалы. Самый большой фонтан в мире. Германское влияние.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОНДУРАС

Английский Гондурас. Родина плодовых. В гостях у доктора Папенойе. Царство бананов. Тропический лес. Белый флот.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕСПУБЛИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ (Сальвадор, Коста-Рика, Никарагуа, Панама)

Борьба с малярией. История Панамского канала. Тропические леса. Интродукционные сады.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АЭРОПЛАНЕ ВОКРУГ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Маршрут. Остановки. Условия путешествия. Наилучший маршрут путешествия. Типы аэропланов.

ПЕРУ И БОЛИВИЯ

Лима, столица Перу. Мегалитическая культура. Археологический музей. В поисках хинного дерева. Гуан. Озеро Титикака. Эльдорадо ар-

[1] Или же они были уничтожены НКВД после его ареста.

хеологов. Эндемы Боливии и Перу. Куск. Ламы и альпаки. Арекипа. Пустыня Атакама. Родина картофеля.

ЧИЛИ

Антофагаста. Демонстрация студентов.Внимание к советскому путешественнику. Путешествие на юг. Залежи чилийской селитры. Остров Чилоэ. Сантьяго. Перелёт из Сантьяго в Аргентину.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АРГЕНТИНЕ

Пампасы. Механизация земледелия. Земледельческие ресурсы Аргентины. Кризис аргентинского сельского хозяйства. Производство пшеницы. Бойни. Спутники в путешествии. Буэнос-Айрес.

РЕСПУБЛИКА УРУГВАЙ

Доктор Бергер. Древние обычаи Уругвая. История пшеницы. На автомобиле. Уругвайский чай.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БРАЗИЛИИ

Южная Бразилия. Мега-гигатропики. Влияние немцев. Тропическая растительность и её особенности. Пернамбуку. Животный мир. Рио-де-Жанейро. Исследования Уоллеса. Ботанический сад. Царство какао. Королевские пальмы. Долина реки Амазонки. Плантации сахарного тростника и бананов. Путешествие по Амазонке. Ресурсы хлопководства. Страна аллигаторов. Доктор Франко. Званый обед и его меню. Кофейное царство и его трагедия. История плантаций Форда. Штат Сан-Паулу. Перелёт через Французскую, Английскую и Голландскую Гвианы. Состав культур. Кофейная монополия.

ОСТРОВ ТРИНИДАД

В гостях у доктора Харланда. Остановка на острове Сент-Винсент. Мир тропиков.

ОСТРОВ КУБА И ЕГО ТРАГЕДИЯ

Нищие профессора. Сьенфуэгос. Иезуиты. Остров Пуэрто-Рико. Гаванские сигары. Интродукционные питомники. Страна агавы. Философия острова. История сахарного тростника. Перелёт в Майами. Интродукционный сад.

Краснозёмные почвы. Штат Парана. Бразилия.

В отчёте о работах действительных членов АН СССР за 1933 г. о путешествии Вавилова сказано:

«С августа 1932 г. по февраль 1933 г. был в командировке в Северной и Южной Америке... Был в длительной экспедиции в Мексику, Центральную и Южную Америку в целях изучения современного состояния земледелия в этих странах и главным образом для изучения сбора растительных ресурсов, интересующих Советский Союз (хинное дерево, картофель, кукуруза и др.). Во время экспедиции продолжал работу по основной разрабатываемой теме о происхождении культурных растений, собрав новый обширный материал. Проводил исследования в Мексике (главным образом район Чи-чи-ни-дзы[1]), Сальвадоре, Коста-Рике, Панаме, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии, о. Тринидад, о. Порто-Рико[2] и на о. Куба. В результате удалось собрать большой материал по интересующим Советский Союз культурам: новый стандартный материал по полевым культурам Аргентины; открыты 4 новых культурных вида картофеля, описываемые ныне С. М. Букасовым. Собран большой материал по дикому картофелю, в особенности в Боливии и в Перу; в значительной мере выяснил проблему генезиса кукурузы, собрал материал по хинному дереву, а также по хлопчатнику. В Южной Америке, так же как и в Соединённых Штатах, прочитал ряд лекций о современном состоянии сельского хозяйства и науки в СССР».

Дополнить сведения о маршрутах поездок Н. И. Вавилова 1930 и 1932–1933 гг., полученные из оглавления книги «Пять континентов» и опубликованных в различное время отчётов, воспоминаний современников, писем, позволили исследования авторов данного текста. А. И. Сизоненко провёл большую работу на Кубе, в Аргентине, Уругвае и некоторых других странах, где ему удалось разыскать «следы» Вавилова. Во время поездок по странам Латинской Америки он посещал научные учреждения, в которых бывал Вавилов, беседовал с потомками тех, кто с ним встречался, в России — опрашивал сотрудников Всесоюзного института растениеводства, которые лично знали Н. И. Вавилова.

А. С. Наумов изучал материалы Фонда Н. И. Вавилова в архиве Русского географического общества, где хранятся аккуратно подписанные самим Николаем Ивановичем негативы множества фотоснимков, сделанных во время путешествий. Эти подписи позволили дополнить сведения о маршруте латиноамериканских экспедиций Вавилова. На фотографиях, сделанных в Мексике, подписаны виды столицы, которую Вавилов называет «Мексико», Теотиуакан[3], Хико[4], «плавучие сады и огороды около Мексико (Chinampas)»[5], Чичен-Ица, Оахака[6] (Митла[7]),

Сахарный тростник. Рисунок из атласа растений. XIX в.

[1] Так в оригинале отчёта, опубликованном в 1934 г., именуется Чичен-Ица — один из главных археологических памятников культуры майя VI–XII вв. н. э. на севере полуострова Юкатан, в 120 км от города Мерида.

[2] Здесь и далее в цитатах географические названия приводятся по первоисточникам.

[3] Археологический памятник доацтекского периода в 50 км к северо-востоку от Мехико.

[4] Полное название Сан-Мигель-Шико. Город в Мексике, в штате Мехико.

[5] Имеются в виду чинампы — исторический тип землепользования по берегам озёр в центральной части Мексики.

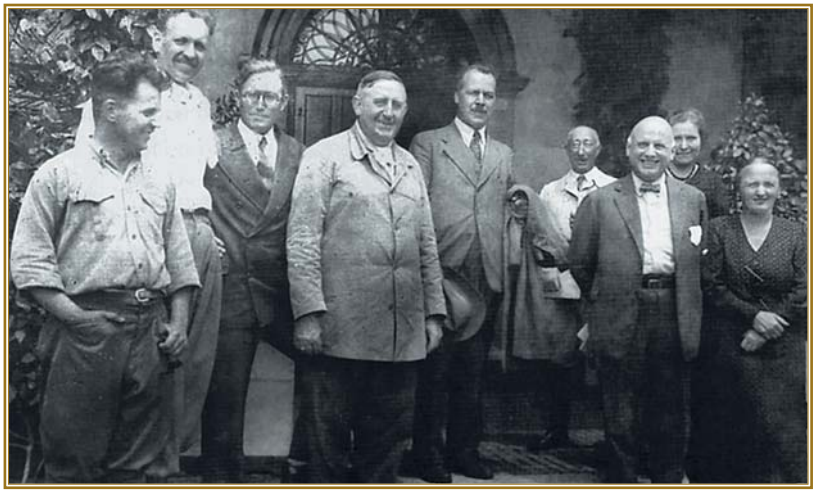
[6] Штат на юге Мексики.

[7] Археологический памятник культуры сапотеков (V–XIII вв. н. э.) в 44 км от города Оахака.

«северная граница», Мерида[1]. В Центральной Америке на фотографиях Вавилова запечатлены город Антигуа[2] в Гватемале, виды сельской местности и типажи жителей Гондураса, Сальвадора, Панамы. На южноамериканских фотографиях подписаны города Лима[3], Куско, Арекипа и Пуно в Перу, Ла-Пас[4] и Санта-Роза[5] в Боливии, Пуэрто-Монт (Angelmo)[6] в Чили, Буэнос-Айрес[7], Росарио, Пергамино в Аргентине, Флорида[8] и Колониа[9] в Уругвае, Рио-де-Жанейро[10], Белен[11], Сан-Паулу[12], Кампинас[13] в Бразилии. Вавилов много фотографировал различные природные и сельскохозяйственные ландшафты: на фотографиях рукой Вавилова подписаны «орошаемая террасная культура около Арекипы», высокогорное пастбище в Перу, заросли хинного дерева и боливийские yungas[14], пустыня Атакама, кофейные плантации и «тропический заповедник Альто-да-Серра» в бразильском штате Сан-Паулу, саванны-кампос внутренних районов Бразилии.

Вторая латиноамериканская экспедиция Н. И. Вавилова началась с Кубы, которую он называл «сахарной страной». Он прилетел в Гавану из Майами на гидроплане 14 октября 1932 г. По прибытии Вавилов заявил корреспонденту газеты «Эль Мундо», расспрашивавшего его о целях поездки, что он является профессором ботаники Ленинградского университета, пробудет на Кубе три дня и собирается посетить ботанические сады. Заметки о прибытии Вавилова на Кубу опубликовали и другие местные газеты — «Эль Паис» и «Диарио де ла Марина».

Почему Вавилов так скромно представился? Ведь к тому времени он был академиком, директором сразу двух институтов АН СССР — Всесоюзного института растениеводства и Института генетики, президентом Географического общества и президентом Академии сельскохозяйственных наук. Как предполагает кубинский исследователь Ф. Диас Баррейро, Вавилов не хотел привлекать к себе особого внимания, поскольку правивший тогда на Кубе диктатор Мачадо был настроен крайне антисоветски.

Н.И. Вавилов с сотрудниками опытной сельскохозяйственной станции «Ла-Эстансуэла», Уругвай, 1932 г.

[1] Столица штата Юкатан в Мексике.

[2] Город в Гватемале.

[3] Столица Перу.

[4] Второй по людности город в Боливии и её фактическая столица.

[5] Поселение в департаменте Санта-Крус в Боливии.

[6] Город в Чили. Анхельмо — название бухты.

[7] Столица Аргентины.

[8] Город в Уругвае.

[9] Город в Уругвае.

[10] Второй по людности город в Бразилии и её столица с 1763 по 1960 г.

[11] Город у устья Амазонки, столица штата Пара в Бразилии.

[12] Крупнейший город Бразилии, столица одноимённого штата.

[13] Город в Бразилии в штате Сан-Паулу.

[14] Юнгас — название физико-географического района на восточном склоне Анд в Перу и Боливии, где преобладают горная сельва и андийские леса; мировой центр происхождения хинного дерева.

Перед поездкой Н. И. Вавилов заручился рекомендательным письмом В. Г. Феннела — директора сада интродукции растений во Флориде. Это письмо было адресовано видному ботанику, известному под именем брат Леон[1], который работал в католической школе «Колехио Ла Саль»[2] в Гаване. Феннел писал: «Брату Леону, Колехио Ла Саль, Гавана. Дорогой брат Леон! Этим письмом представляю тебе доктора Н. И. Вавилова из России, директора Института растениеводства, человека исключительно интересного. Его интересуют главным образом растения, связанные с экономикой, — табак и сахар Кубы. Я буду благодарен за любую услугу, которую вы ему окажете».

Брат Леон очень внимательно отнёсся к советскому гостю; показал ему прекрасный гербарий, собранный главным образом им самим и насчитывавший более 13 тыс. растений. Затем он передал Вавилову рекомендательное письмо на имя доктора Х. Ройга[3] — заведующего ботаническим отделом экспериментальной агрономической станции в Сантьяго-де-лас-Вегас[4]. Вот строки из этого письма: «Мой дорогой друг, имею честь представить Вам профессора Н. И. Вавилова, члена Академии наук и директора Института растениеводства в Ленинграде. Его в первую очередь интересуют хозяйственные растения, особенно табак и сахарный тростник[5]. Хотя он гостит на Кубе всего три или четыре дня, он очень хотел бы посетить агрономическую станцию и особенно руководимый Вами отдел. Я особенно рекомендую его как учёного и выдающегося коллегу. С глубоким уважением, брат Леон».

После встречи с братом Леоном Вавилов составил программу своего пребывания на Кубе: субботу и воскресенье — 15 и 16 октября он решил посвятить поездке в Сьенфуэгос[6] для ознакомления с находящимся близ него ботаническим садом, затем вернуться в Гавану, а в понедельник 17 октября посетить экспериментальную агрономическую станцию в Сантьяго-де-лас-Вегас

➲ *Кафедральный собор Святого Христофора в Гаване.*

[1] Настоящее имя Иозеф Сильвестр Соже (1877–1955). Французский биолог, преподаватель, религиозный деятель, более 50 лет проработавший на Кубе. Собранные им образцы положили начало крупнейшему на Кубе гербарию.

[2] В 1960 г. это учебное заведение было преобразовано в Технологический институт имени Пабло де ла Торрьенте Брау.

[3] Хуан Томас Ройг Меса (1877–1971) — кубинский ботаник, автор трудов «Флора Кубы» и «Ботанический словарь общеупотребительных названий на Кубе».

[4] Город на Кубе в провинции Гавана с населением около 20 тыс. человек (2000), вблизи которого расположен международный аэропорт им. Хосе Марти; в прошлом в его окрестностях было развито табаководство.

[5] Интерес Вавилова к этим культурам понятен: в южных районах СССР было развито табаководство, а в Средней Азии в то время предпринимались попытки создания плантаций сахарного тростника.

[6] Город на Кубе в 245 км к юго-востоку от Гаваны с населением 170 тыс. человек (2009), административный центр одноимённой провинции.

(в пригороде Гаваны) и вечером того же дня покинуть Кубу на гидросамолете[1]. Типичная для Н. И. Вавилова напряжённая, сверхуплотнённая программа работы, когда даже воскресенье было рабочим днём.

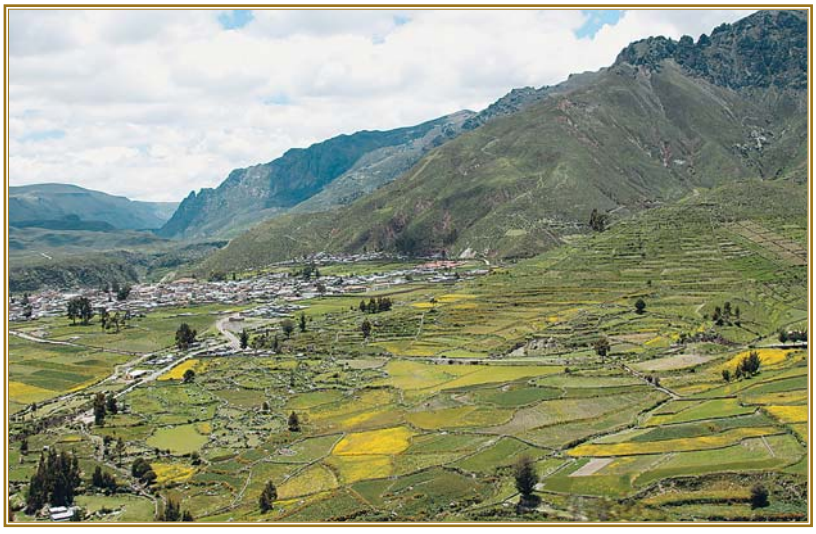
Ботанический сад в Сьенфуэгосе[2] был выбран Н. И. Вавиловым для посещения не случайно: он пользовался международной известностью. Скорее всего Вавилова интересовали проводившиеся здесь с 1901 г. работы по гибридизации сахарного тростника. К моменту его визита территория ботанического сада составляла 26 га, к ней примыкали также опытные участки. Упоминание о посещении Вавиловым Сьенфуэгоса сохранилось в письме сотрудника сельскохозяйственного отдела бюро растениеводства в Вашингтоне К. А. Рейерсона. 27 января 1933 г., после того как поездка Вавилова по Латинской Америке завершилась и он находился в США, готовясь к отъезду на родину, Рейерсон писал на Кубу руководству сада в Сьенфуэгосе: «Доктор Вавилов, который сейчас здесь, восхищён садом. Там он провёл время очень приятно и находится под большим впечатлением от коллекции растений и информации, которую Вы ему смогли дать».

Н.И. Вавилов в зарослях хинного дерева. Боливия, 1932 г.

Из Сьенфуэгоса Вавилов вернулся вечером 16 октября, а утром следующего дня он направился на опытную агрономическую станцию в Сантьяго-де-лас-Вегас. Эта опытная станция была создана в 1904 г. в 18 км к югу от Гаваны. Она пользовалась международной известностью, знали о проводимых здесь работах и в ВИРе.

Доктор Ройг принял Вавилова весьма любезно, познакомил его с деятельностью отделов и лабораторий, провёл по опытным участкам. Ройг рассказал о выведении новых сортов сахарного тростника. К сожалению, эта работа была тогда прекращена из-за падения спроса на

Поля в долине горной реки Колка, Перу.

[1] Среди подписей к фотографиям Вавилова, хранящимся в архиве РГО, есть и такая: «Матансас». К сожалению, нам неизвестно, когда он успел посетить этот город в 100 км к востоку от Гаваны.

[2] Ботанический сад в Сьенфуэгосе был создан на основе существовавшей там с 1901 г. Ботанической станции Гарвардского университета с целью изучения тропиков и сахарного тростника.

В ботаническом саду Рио-де-Жанейро.

сахар вследствие мирового экономического кризиса и отсутствия финансирования со стороны кубинского правительства. Н. И. Вавилов осмотрел библиотеку станции и расписался в книге посетителей. В годовом отчёте местный библиотекарь отметил, что советскому гостю были подарены научные бюллетени станции.

Дальнейший маршрут Вавилова лежал через полуостров Юкатан в Мексике и Центральную Америку в Эквадор, Перу, Боливию, Чили, Аргентину, Уругвай, Бразилию, Тринидад и Пуэрто-Рико. Как всегда, Н. И. Вавилов работал во время этой командировки с полной отдачей, не обращая внимания ни на какие трудности. Об этом свидетельствует его письмо от 7 ноября 1932 г. из города Куско сотрудникам ВИРа Н. В. Ковалеву, В. Е. Писареву и С. М. Букасову:

«Дорогие друзья, пишу оптом, ибо на этот раз нет времени для писем, хотя писать можно без конца. До черта тут замечательного и интересного. Пример — картофель. Всё, что мы знаем о нём, надо удесятерить... Оторвался на 3 месяца от всего мира. Пока идёт ничего. Был на Юкатане, постиг теперь немного всю Центральную Америку. С аэроплана перешёл на землю. Она, конечно, в тысячу раз интереснее. Собираю всё.

Худы дела финансовые. Кроме суточных, сведённых к минимуму, ничего не имею и покупаю и посылаю семена за весьма убогий личный бюджет... Советской стране всего нужно. Она должна знать всё, чтобы мир и себя на дорогу вывести. Выведем...»

Во время остановок Вавилов старался использовать для дела все дни пребывания в каждой стране, он считал, что надо «вобрать максимум»,

Кораблик на Амазонке.

и работал действительно «по максимуму», отдавая работе все силы, многократно рискуя здоровьем, а то и жизнью. В Андах, чтобы добраться до хинных деревьев и получить их семена, Вавилов карабкался по крутым склонам, пробирался через тропические заросли, поднимался на высоту до 3000 м. Впрочем, как он потом рассказывал при посеве семян хинного дерева на Сухумской опытной станции, все трудности отступали перед мечтой обеспечить свою страну лучшим на то время средством против малярии — хинином. Это лекарство производилось из коры хинного дерева, его приходилось закупать за валюту за рубежом.

Продавец картофеля и чуньо на деревенском рынке в Перу.

Почти весь ноябрь 1932 г. Вавилов провёл в Перу и Боливии, «картофельных странах», по его меткому выражению, где он занимался поисками образцов дикого картофеля и его местных окультуренных разновидностей для селекционной работы и внедрения в Советском Союзе. Как видно из подписей к фотографиям, Вавилова заинтересовал народный способ консервации картофеля, который издревле практиковали в высокогорьях Анд. Клубни особых сортов выкладывали на плоские каменные крыши домов. Днём клубни высушивало солнце, ночью они промерзали. Так получался популярный у местных жителей продукт, который можно было хранить до следующего урожая и использовать, разваривая в воде, — «чуньо».

В Перу большое впечатление на Вавилова произвела не только величественная природа Анд, но и памятники доколумбовых цивилизаций — развалины городов, рукотворные террасы на горных склонах, созданные для земледелия. Он называл эту страну «Эльдорадо археологов».

Сельскохозяйственная продукция перуанских крестьян: чуньо, киноа, бобы, фасоль, зелень.

Затем Вавилов вылетел в Чили, где он не только посетил столицу — Сантьяго, но и добрался до юга страны, до острова Чилое, который тогда считали «родиной» культурного картофеля[1].

В конце ноября 1932 г. Вавилов перебрался в Аргентину, которая отличалась тогда наиболее высоким уровнем развития сельскохозяйственного производства в Латинской Америке, была одним из крупнейших в мире экспортёров зерна и поэтому представляла для него особенно большой интерес. Он побывал в университете Буэнос-Айреса и научных центрах, выезжал в Пампу — главный зерновой район Аргентины, где посетил опытную сельскохозяйственную станцию в Пергамино[2], познакомился с аргентинскими учёными. Особенно он сблизился с Л. Пароди[3], с которым впоследствии поддерживал переписку.

После Аргентины, в декабре 1932 г., Вавилов провёл 10 дней в Уругвае. Главной целью его поездки было посещение опытной сельскохозяйственной станции «Эстансуэла»[4], куда Вавилов прибыл по приглашению её руководителя — доктора А. Бергера[5]. Задолго до встречи с Вавиловым Бергер был хорошо знаком с его научными трудами и ссылался на них в своих публикациях; весной 1932 г. в ВИРе у Вавилова побывал сотрудник Бергера Т. Хенри. Поэтому неудивительно, что в «Эстансуэле» Вавилова встречали как старого знакомого.

За короткое время пребывания в Уругвае Н. И. Вавилов успел многое. Он познакомился с работами своих коллег по селекции зерновых культур, встретился со специалистами министерства сельского хозяйства, провёл переговоры о начале советско-уругвайского научного сотрудничества. В августе 1934 г. в статье «Начальные шаги генетики применительно к сельскохозяйственному производству на Рио-Плате», опубликованной в выходившем в Монтевидео журнале Ассоциации

➲ *Сельскохозяйственный ландшафт в штате Парана, Бразилия.*

[1] В 2005 г. Д. Спунером было установлено, что все культурные разновидности картофеля происходят из перуанских Анд.

[2] Старейшая опытная сельскохозяйственная станция на севере аргентинской Пампы, основана в 1912 г. С 1956 г. — подразделение Национального института сельскохозяйственных исследований Аргентины. Здесь Вавилов сфотографировался с бывшим соотечественником — инженером Чёрным.

[3] Лоренцо Р. Пароди (1895–1966) — аргентинский биолог и агроном, профессор Буэнос-Айресского университета, автор трехтомной «Аргентинской энциклопедии полеводства и садоводства» (1953).

[4] Старейшая опытная сельскохозяйственная станция Уругвая, основана в 1904 г. Расположена в 176 км к западу от Монтевидео, вблизи г. Колония-дель-Сакраменто. До 1961 г. здесь размещался Национальный институт фитотехники и семеноводства, впоследствии — Центр сельскохозяйственных исследований имени А. Бергера.

[5] Альберто (Альберт) Бергер (1881–1957) — уроженец Германии, биолог и селекционер, с 1911 г. работал в Уругвае. Руководитель опытной сельскохозяйственной станции «Ла-Эстансуэла» (с 1914 г.), директор Национального института фитотехники и семеноводства Уругвая (1919–1957).

инженеров-агрономов, сотрудник «Эстансуэлы» Фишер писал о Вавилове: «Генетик высокого полёта, неутомимый путешественник, завоевавший всеобщую симпатию, он по его возвращении с конгресса в Итаке, где советская делегация выступила с таким блеском, посетил также «Эстансуэлу». Молодой руководитель генетической прикладной школы России, поддерживаемый армией превосходных специалистов, поставил свою организацию на первый план среди подобных учреждений всего мира».

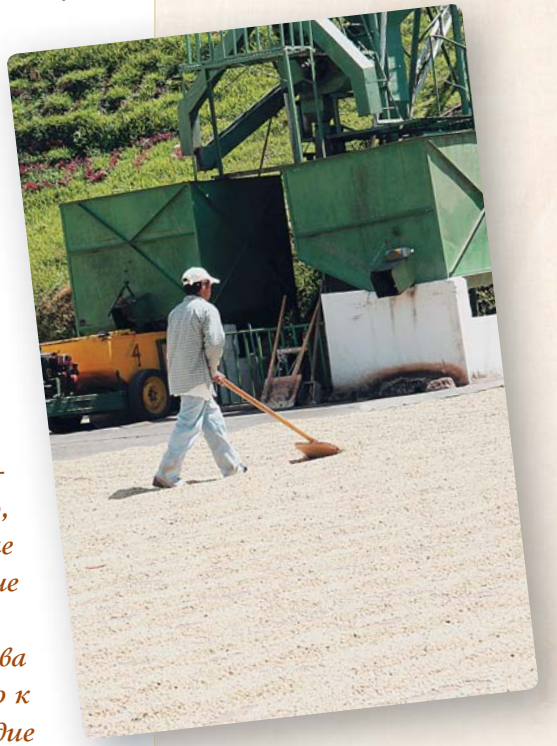
А. И. Сизоненко удалось получить фотографии, сделанные в 1932 г. в «Эстансуэле», на которых с Вавиловым запечатлены Бергер, Фишер и другие сотрудники опытной станции. На двух снимках надписи, сделанные рукой Хенри: «Вавилов выглядит явным оптимистом» и «Вавилов: согласуется ли это с теорией?».

Следующей на пути Вавилова была крупнейшая страна Латинской Америки — Бразилия, где он находился большую часть декабря 1932 и первую половину января 1933 г. Вавилов путешествовал по Бразилии на четырёх видах транспорта: самолёте, поезде, автомобиле, речном пароходе. Его маршрут проходил через следующие штаты и города: Риу-Гранди-ду-Сул (город Порту-Алегри) — Парана (город Параногуа) — Сан-Паулу (города Сантус и Сан-Паулу) — Мату-Гросу — столицу страны Рио-де-Жанейро — Байя (город Салвадор) — штат Пернамбуку — Пара (город Белен). Вавилов пишет о городах, людях, яркой природе тропиков и вместе с тем подробно отчитывается о научной работе, встречах и беседах с коллегами-учёными[1]. Вот лишь несколько выдержек из главы, показывающих, насколько хорошо он владел искусством географического описания территории:

«Сан-Паулу — прекрасный современный город, крупнейший центр производства кофе, откуда этот продукт сотнями и тысячами тонн направляется к порту Сантус для экспорта. Дорога к Сан-Паулу совершенно изумительная. От океана начинается подъём до 2000 м, постепенно меняется ландшафт за ландшафтом. Зона культуры сахарного тростника сменяется зоной плодовых. Вдали виднеются нетронутые леса с буйной растительностью. С яркой зеленью, обвитые лианами. И вот начинаются бесконечные плантации, целые леса кофейного дерева, занимающие до 2 млн га.

...Пересекая на автомобиле большие пространства горных районов штата Сан-Паулу, по направлению к Мату-Гросу, можно видеть изумительное плодородие бразильских тропических и субтропических почв — ти-

[1] Один из них — упомянутый в плане рукописи книги «Пять континентов» «доктор Франко», по-видимому, Франко Армендартс — бразильский специалист по борьбе с вредителями хлопчатника.

Сушка кофе в Сальвадоре.

пичные латериты, глубокие краснозёмы. По выемкам шоссейных дорог можно видеть, что эти краснозёмы уходят на много метров вглубь. Здесь от 1,5 до 2 тыс. мм осадков, возможна неполивная культура риса. В сущности все промышленные тропические и субтропические культуры могут с успехом идти без применения удобрений.

...Климат представляет собой идеал для тропической страны. Приподнятость на высоту 500 и 1000 м создаёт весьма благоприятные условия... Как выяснили почвоведы, по типу почв, по климату значительная часть Сан-Паулу напоминает самые заселённые в мире районы тропической Юго-Восточной Азии, где сосредоточилось около миллиарда населения — половина населения земного шара. По существу Бразилия до сих пор остаётся почти незанятой страной. Население ютится около береговой полосы, будучи сгущённым около центра кофейных плантаций Сан-Паулу.

...Огромная внутренняя территория Бразилии представляет собой несколько приподнятую местность, хорошо дренированную и являющую резкий контраст с тропическими лесами. Это в значительной мере аридные земли, где нередко господствует засуха, периодически в течение нескольких месяцев нет дождя, высыхает растительность.

...Столица Бразилии Рио-де-Жанейро — это один из самых красивых городов мира. Он расположен в замечательной бухте, обрамлённой двумя пиками — «Сахарной головой» и «Корковадо». Невдалеке видны Органовые горы, в фантастическом облике которых выделяются «пять пальцев бога». За этим горным рельефом открывается панорама внутренней части страны с

➲ *Панорама Рио-де-Жанейро.*

Влажный (дождевой) лес южноамериканских тропиков — сельва.

пышной тропической растительностью, её меняющимися тонами и окрасками».

Внимание Вавилова привлекают, казалось бы, далёкие от его научной работы проблемы: он рассуждает о катастрофическом влиянии на Бразилию мирового экономического кризиса, пишет о политических последствиях краха её монокультурной экономики, построенной на экспорте кофе.

«Тупик противоречий приводит к безумным событиям. Штат Сан-Паулу, который фактически определял бюджет всей страны, питал финансы всех остальных штатов, фактически содержал всю администрацию страны в переживаемых экономических трудностях, поднимает вопрос об отделении в самостоятельное государство. Происходят волнения, начинается междуштатная война, которая кончается разгромом восставших саннаулистов».

И всё же Вавилов настроен оптимистически и провидчески предрекает крупнейшей стране Латинской Америке успешное будущее:

«Беседуя с корреспондентами и отвечая на их вопросы, каково наше впечатление о Бразилии, мы в шутку говорили им, что вся Бразилия в будущем».

В качестве одного из путей решения проблем, вызванных кризисом, Н. И. Вавилов предлагает наладить взаимовыгодный обмен с Со-

Сладкий картофель (батат) — съедобный клубнеплод, происходящий из Анд Южной Америки. Рисунок из атласа растений. XIX в.

ветским Союзом, в частности, поставлять туда бензин и нефть, в которых Бразилия остро нуждалась. Смелая идея, особенно если учесть, что дипломатические отношения между Бразилией и СССР тогда ещё не были установлены!

Другой путь выхода из кризиса — отказ от монокультуры, диверсификация земледелия, в частности развитие хлопководства.

«Для развития культуры хлопчатника нет другой страны в мире, которая представляла бы такие колоссальные возможности в смысле площадей, пригодности почв, климата. По грубым подсчётам, до 80 млн га без орошения и с орошением могут быть использованы в Бразилии под хлопководство, т. е. здесь при надлежащей организации хозяйства и увеличении населения может быть создана площадь, в два раза превышающая всю современную площадь посевов хлопчатника».

И всё же прежде всего Вавилов был натуралистом, естествоиспытателем. Об этом свидетельствуют строки, написанные после посещения 25 декабря 1932 г. заповедного участка горного тропического леса в 100 км западнее Сан-Паулу.

«Мы направились в глубь тропического леса. Пришлось запастись дождевиками и зонтами... Натуралист чувствует себя в тропиках как в большой лаборатории. Поражающее изобилие форм, видов, сложные взаимоотношения позволяют здесь, как нигде, изучать многообразие выявления жизни, эволюцию форм, эволюцию видов. Со времени первых великих натуралистов — Гумбольдта, Уоллеса, Дарвина — влажные тропики влекут исследователей, невзирая ни на какие трудности. Они необъятны и труднодоступны. Нужно обязательно надевать сетку, перчатки, закрывать себя почти герметически, защищаясь от нападений невероятного количества всевозможных клещей, от укусов муравьёв и ядовитого действия листьев. Нужно быть осторожным, чтобы не завязнуть в болоте, не попасть в трясину. Но каждый натуралист должен побывать в тропиках, чтобы хоть один раз ощутить все буйное развитие жизни, всю гамму красок животного и растительного мира, все сложные переходы от живого к неживому, от эпифитов к паразитам, чтобы почувствовать созидательную силу жизни».

После Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро Вавилов побывал на северо-востоке Бразилии. Сначала он ненадолго остановился в Салвадоре, столице штата Байя, где посетил Институт по изучению какао[1]. К его удивлению, директором этого научного центра оказался русский человек по

[1] Ныне этот институт не существует.

фамилии Бондарь[1], по словам Вавилова, «изучивший культуру какао, селекцию, борьбу с болезнями и фактически являющийся руководителем промышленных плантаций».

Новый, 1933 г. Вавилов встретил в гидроплане, когда летел «к заветной цели» — Амазонке. По пути была короткая остановка в городе Ресифи, столице штата Пернамбуку, где прямо на борт самолёта Вавилову доставили приветственную телеграмму от местных агрономов. Директор опытной станции «Баррейрос», который перевёл на португальский язык несколько работ Вавилова, сожалел, что не успевает прибыть на аэродром, поскольку поздно узнал о его приезде[2]. Он писал, что был бы крайне рад лично познакомиться с Вавиловым, чтобы приобрести хотя бы часть тех научных знаний, которыми тот располагает.

Из Ресифи гидроплан направился в Белен — крупнейший город у устья Амазонки. Из иллюминатора Вавилов наблюдает гигантский массив амазонских лесов и крупнейшую реку мира.

«Мы снова в пути. К берегу вплотную подходит тропический лес. Гидроплан летит над лесным морем. Отдельные вершины выделяются на общем фоне пёстрого тропического леса. Когда гидроплан снижается, можно в бинокль разобрать контуры знакомых тропических деревьев. Совершенно ненаселённые огромные территории. Сотни километров гидроплан летит над безлюдными пространствами. Здесь ещё много мест, где не ступала нога человека. Вдали виднеется гигантская река, по справедливости называемая Амазонским морем. Устье её достигает 300 км ширины. На протяжении 10 000 км в реку свободно входят крупные океанические суда. Нет в мире реки, которая могла бы по мощности сравниться с Амазонкой».

Петляющее русло реки. Бразильская Амазония.

[1] Григорий Григорьевич Бондарь (1881–1959), энтомолог, агроном; переехал в Бразилию в 1910 г. Вавилов ошибочно называет его Мироном Филипповичем.

[2] Ныне Федеральная агротехническая школа Баррейрас; неудивительно, что директор станции не успел встретиться с Вавиловым: расстояние от неё до Ресифи более 100 км.

Бразильская гевея. Рисунок из атласа растений. XIX в.

В Белене Вавилов нанёс визит губернатору штата Пара, встречался с бывшими соотечественниками, лесопромышленниками, коммерсантами, занимавшимися производством натурального каучука, посетил зоологический сад и музей[1]. Но особенно ему хотелось проникнуть в глубь Амазонии. Такая возможность представилась благодаря помощи руководства японской концессии на Амазонке и представительства компании автомобильного магната Генри Форда. Она основала в 600 км вверх по течению от Белена поселение и собиралась насадить вокруг него плантации каучуконосного дерева гевеи[2]. Японская компания предоставила паровой катер, компания Форда — снаряжение и продовольствие. Катер поднялся от устья Амазонки вверх по её южному рукаву. Высадка состоялась в посёлке японской концессии, где Вавилов и его спутники по экскурсии ознакомились с посевами на расчищенных от тропического леса участках риса, какао, ванили и даже чая. Особенно Вавилова интересовала добыча дикорастущего каучука, которая, как он заметил, велась «хищнически и уже не приносила прежних выгод». По дороге, проложенной японцами, Вавилову удалось проникнуть в глубь амазонской сельвы, где он наблюдал дикорастущее дерево какао и гигантское дерево капок (сейбу).

Вернувшись в Белен, Вавилов тщательно упаковал образцы плодов и семян амазонских растений и отправил их посылками в Ленинград. Ему устроили прощальный обед. Обычно не придававший большого значения гастрономии, Вавилов подробно описывает его экзотическое меню: варёный аллигатор, жареная обезьяна, красная змея, жареные попугаи и самые разнообразные тропические плоды. На следующий день рано утром он был уже на аэродроме, чтобы продолжить путешествие. На этот раз перелёт оказался опасным:

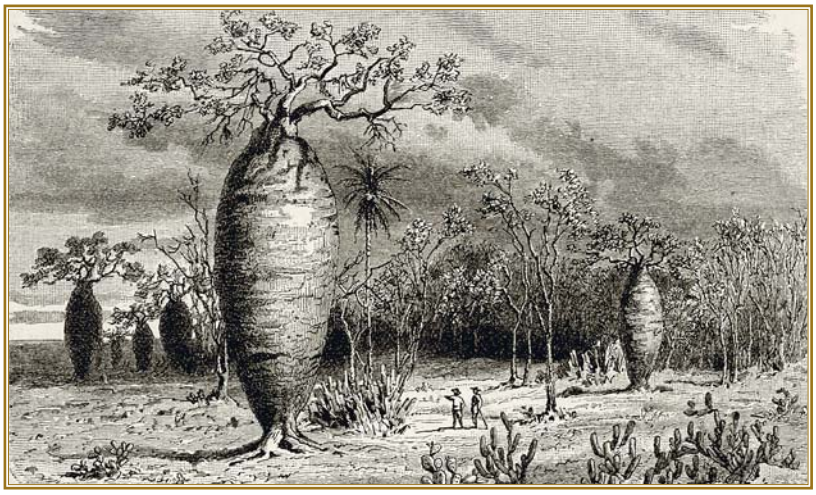
«Погода была пасмурная, шёл дождь. Путь шёл по крайнему северу Бразилии, а затем через Гвиану, над необъятными про-

На поверхности воды в тропической реке плавают огромные листья виктории регии.

[1] Старейший музей естественной истории и этнографии в Белене (с 1866 г.) носит имя его основателя Эмилио Гоэлди. Неясно, о каком музее пишет Вавилов, поскольку он упоминает о встрече с основателем музея «французским натуралистом Кэно».

[2] Этому проекту не суждено было успешное будущее. В монокультуре гевея оказалась подвержена заболеваниям, плантации вокруг построенного на средства Форда города Амазонии — Фордландии вскоре пришли в упадок и заросли сельвой.

Каатинга — лес в Северной Бразилии. Гравюра из книги «Южная и Средняя Америка» В. Сиверса.

сторами тропических лесов. Бушевала буря. Гидроплан бросало в воздушные пропасти. Поздно к вечеру, после пятнадцатичасового перелёта, гидроплан долетел до острова Тринидад».

Вавилов остановился на Тринидаде, чтобы ознакомиться с новыми методами селекции хлопчатника, воспользовавшись приглашением работавшего там С. Харланда[1] — одного из ведущих специалистов по генетике этой культуры. С Харландом у Вавилова завязались тёплые дружеские отношения, и впоследствии он посетил по приглашению Николая Ивановича Советский Союз. По просьбе Вавилова Харланд распорядился отослать в ВИР лучшие сорта хлопчатника тринидадской селекции, ставшие потом основным сортовым материалом для плантаций в Юго-Западной Туркмении и Азербайджане.

Тринидад был одним из последних пунктов путешествия Н. И. Вавилова по Центральной и Южной Америке. Сделав ещё короткие остановки на острове Сент-Винсент[2] и в Пуэрто-Рико[3], Вавилов закончил свой маршрут там же, где и начал, — в Майами. Из США он на пароходе отплыл в Европу и в феврале 1933 г. вернулся в Советский Союз.

Поездки Н. И. Вавилова по Латинской Америке имели большое практическое значение для развития земледелия в СССР. Повсюду — в ботанических садах, на опытных станциях, в полях и на плантациях, на сельских рынках он стремился приобрести, в основном на личные средства, как можно больше семян сельскохозяйственных растений для отправки в СССР. В письме из Монтевидео 14 декабря 1932 г. в контору «Южамторга»[4] он просил закупить у фирмы «Энрике Кляйн» семена различных зерновых и писал: «Заказ этот представляет исключительный интерес для сельского хозяйства СССР, и поэтому Наркомзём СССР просит уделить ему особое внимание». По договоренности с Вавиловым сбором семян различных культур для ВИРа занимались учёные в разных странах. В статье по итогам поездки, опубликованной

[1] Сидней Кросс Харланд (1891–1982) — английский биолог, специалист по заболеваниям тропических плодовых культур и селекции хлопчатника. Работал в Вест-Индии и Бразилии. Профессор Императорского колледжа тропического земледелия на острове Тринидад (1921–1935), директор института генетики хлопчатника в Перу (1939–1950), глава Ботанического отделения Манчестерского университета (1950–1958).

[2] До 1979 г. британская колония, ныне — часть независимого государства Сент-Винсент и Гренадины.

[3] Ассоциированное государство в составе США на одноимённом острове.

[4] Торговое общество «Южамторг» было открыто Советским Союзом в 1927 г. в г. Буэнос-Айрес.

➲ *Невадо де Хуаскан (6710 м) в Северном Перу. Гравюра из книги «Южная и Средняя Америка» В. Сиверса.*

29 марта 1933 г. в газете «Известия», Вавилов писал, что в Аргентине им приобретён полный набор селекционных сортов зерновых культур, все лучшие селекционные сорта льна, кукурузы, пшеницы, выведенные за последние годы. Уже в 1933 г. часть этого материала, отмечал Вавилов, будет широко использована в опытах государственного сортоиспытания. Были собраны семена хинного дерева, культурного и дикого хлопчатника, в том числе ранее не культивировавшихся в СССР длинноволокнистых сортов, получен набор устойчивых к заболеваниям сортов хлебных злаков. Собранные Вавиловым в Перу и Эквадоре образцы картофеля дополнили коллекции, привезённые из экспедиций сотрудниками его института в 1920-е гг. Вавилов первым завёз в СССР семена стевии[1] — натурального заменителя сахара.

Основным научным результатом экспедиций Н. И. Вавилова в Латинскую Америку стал сделанный им вывод о возникновении в Новом Свете двух независимых очагов земледельческой культуры — перуанско-боливийского, родины инкской и более ранних цивилизаций, и центральноамериканского, где возникли цивилизации майя, тольтеков и ацтеков. До Вавилова считалось, что вся земледельческая культура Америки вышла из андийского очага. Для этого крайне важно было побывать на месте, самому всё увидеть. Вот как азартно писал Николай Иванович о своих открытиях в письме из Мексики 10 ноября 1930 г., дружески критикуя своих сотрудников — С. М. Букасова и С. В. Юзепчука:

«...Тут тьма интересного... Наши camrad'ы (экспедиция) мало что поняли... — всё-таки мировой кругозор нужен. Надо тут денег в 3 раза больше, чем у меня, и времени в 10 раз больше. Но для философии бытия, дорогая, надо тут быть и мир надо видеть. Осталось немного. Сегодня понял за день больше, чем из всех книг читаных».

[1] Многолетнее растение семейства астровых, ныне выращивается во многих странах.

Поездка по странам Латинской Америки позволила Н. И. Вавилову установить множество полезных для развития советской сельскохозяйственной науки профессиональных контактов. По его собственным словам, во всех странах, где ему пришлось быть, Вавилов встречал содействие со стороны учёных и агрономов, чиновников из министерств сельского хозяйства. Его знакомили с результатами исследований, дарили публикации, предоставляли транспорт для научных экскурсий. Вавилов не оставался в долгу. В Рио-де-Жанейро он прочитал лекцию сотрудникам министерства земледелия о развитии ботаники и агрономической науки в СССР, сообщение об этом опубликовали местные газеты. В чилийской газете была опубликована статья Вавилова «Наука и сельское хозяйство СССР». Он прочитал лекцию в Монтевидео, выступил с докладом на Тринидаде.

Со времени экспедиций Вавилова прошло уже много лет, но в странах Латинской Америки о нём не забыли. В университете Буэнос-Айреса действует лаборатория генетики растений имени Н. И. Вавилова, где вход украшает барельеф с его портретом. Совсем недавно, в ноябре 2011 г., на опытной сельскохозяйственной станции «Эстансуэла» в так называемом немецком доме, где Вавилов встречался с директором и сотрудниками этого научного центра, была установлена мемориальная доска Русского географического общества в память об этом выдающемся учёном и путешественнике.

В завершение нельзя не рассказать о некоторых обстоятельствах, связанных с работой Н. И. Вавилова на посту президента Географического общества и имеющих непосредственное отношение к изучению Латинской Америки. По свидетельству П. П. Померанцева[1], решение о рекомендации его к избранию на пост президента было принято

[1] Павел Петрович Померанцев (1899–1979) — советский географ и картограф.

Побережье на северо-востоке Бразилии.

➲ *Мемориальную доску Русского географического общества в память о Н.И. Вавилове открывают посол РФ С.Н. Кошкин (справа) и А.С. Наумов. Эстансуэла, Уругвай. 22 ноября 2011 г.*

Ю. М. Шокальским[1], в то время действующим президентом общества, как раз в 1930 г., когда Н. И. Вавилов первый раз путешествовал по Америке. Главными аргументами в пользу нового кандидата на этот пост были возраст (45 лет Вавилову исполнилось только во время второй латиноамериканской экспедиции), энергичность, уникальный опыт путешествий, огромный авторитет, в том числе за границей, и, главное, то, что «он — человек дела и долга». 2 октября 1931 г. Николай Иванович, уже будучи президентом Географического общества, сделал для его членов сообщение о своём путешествии в Мексику, Гватемалу и Гондурас. Вскоре после возвращения из второй экспедиции 20 марта 1933 г. выступил в Географическом обществе с докладом «Путешествие по Центральной и Южной Америке».

Будучи в 1932 г. в Бразилии, Н. И. Вавилов обратил внимание на хранившиеся в Национальном музее в Рио-де-Жанейро экспонаты, собранные в 1821–1829 гг. экспедицией Г. И. Лангсдорфа[2]. Особое впечатление на него произвели акварельные рисунки художников экспедиции. Узнав, что в Архив академии наук в 1930 г. поступили из Ботанического музея АН СССР материалы этой экспедиции, он ознакомился с ними и решил добиваться опубликования[3]. Вавилов считал, что крайне важно показать вклад России в изучение Латинской Америки ещё в начале XIX в. Он сам отвёз часть особо заинтересовавших его рисунков в Москву для выяснения возможности их издания в красках. К сожалению, вопрос об издании этих материалов в то время не был решён положительно. Когда Н. И. Вавилову сообщили, что в академическом архиве хранится рукопись книги Г. Г. Манизера[4] о путешествии Лангсдорфа, написанная в 1917 г., Вавилов загорелся идеей опубликовать и эту работу. Когда ему сообщили, что в архиве сохранились материалы экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг., одним из участников которой был Манизер, он полушутя пожелал, чтобы эти ма-

[1] Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) — русский географ, океанограф, картограф, в 1917–1931 гг. президент Русского географического общества (Географического общества СССР).

[2] Об экспедиции Г. И. Лангсдорфа см. в особом разделе нашей книги.

[3] Об этом сообщает архивист М. А. Черников, который в 1931–1940 гг. работал инспектором Архива АН СССР в Ленинграде, а затем был учёным секретарём Отделения истории географических знаний Географического общества СССР.

[4] Г. Г. Манизеру посвящён особый раздел нашей книги.

териалы не постигла судьба коллекций Лангсдорфа и они не пролежали в неизвестности более века[1].

Рассказ об интересе Н. И. Вавилова ко всему, что связано с географией Латинской Америки, был бы неполным без такого штриха. По свидетельству историка А. М. Черникова, весной или летом 1939 г. Вавилов спросил: «А что вы, архивные деятели, знаете о проекте первой советской академической экспедиции в Южную Америку?» К удивлению впервые услышавших об этом работников архива, Вавилов показал переданный ему Ю. М. Шокальским подробный план экспедиции в Бразилию, датированный июнем 1919 г. В воспоминаниях А. М. Черникова приведены такие слова Николая Ивановича: «Это удивительный документ. Разутая, раздетая, голодающая Россия мечтает об изучении тропиков, предлагает Америке сотрудничество своих учёных!»

[1] Книга Г. Г. Манизера «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)» была опубликована только в 1948 г.

Николай Иванович Вавилов

13 (25) ноября 1887 — 26 января 1943

Генетик, ботаник, фитопатолог, географ. Член Академии наук СССР и Академии наук УССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), президент (1929–1935) и вице-президент ВАСХНИЛ (1935–1940), президент Государственного географического общества, с 1938 г. — Географического общества СССР (1931–1940), член многих зарубежных академий. Не состоял в партии, но занимал важные государственные посты: в 1926–1935 гг. был членом ЦИК СССР, в 1927–1929 гг. — членом ВЦИК СССР, с 1929 г. — членом Коллегии Наркомзема СССР.

Николай Вавилов родился в Москве в семье директора мануфактурной компании. В семье было семеро детей, трое умерли в детстве, остальные связали свою жизнь с наукой. Брат Николая Ивановича Сергей (1891–1951) — физик, в 1945–1951 гг. был президентом АН СССР; сестра Александра (1886–1940) — врач; сестра Лидия (1891–1914) — микробиолог, умерла в экспедиции от чёрной оспы.

Николай Вавилов с детства интересовался естественными науками, чему способствовала обширная семейная библиотека. В 1906 г. он окончил Московское коммерческое училище и поступил в Московский сельскохозяйственный институт на агрономический факультет. В 1908 г. студентом Николай Вавилов участвовал в экспедиции по Северному Кавказу и Закавказью. После окончания института его оставили на кафедре частного земледелия. В 1911–1912 гг. он стажировался в Бюро прикладной ботаники и в лаборатории микологии и фитопато-

логии в Санкт-Петербурге, а в 1913–1914 гг. — в ведущих семеноводческих центрах и генетических лабораториях Франции, Германии и Великобритании.

Во время Первой мировой войны из-за дефекта зрения Вавилов был освобождён от военной службы, но привлекался консультантом для борьбы с массовым заболеванием русских солдат в Персии и выяснил причину заболевания, определив, что местная мука содержала примеси, заражённые токсичным грибком. Провизию стали завозить из России, и распространение болезни прекратилось. Военные разрешили Вавилову провести на территории Ирана экспедицию для сбора семян злаков. Результаты этой экспедиции позволили сделать вывод о закономерности в изменчивости родственных видов.

В 1917 г. Вавилов возглавил кафедру генетики, селекции и частного земледелия Высших сельскохозяйственных курсов в Саратове, работал профессором агрономического факультета Саратовского университета. В 1921 г. он стал заведующим Отделом прикладной ботаники и селекции в Петрограде, в 1924 г. — директором образованного на его основе Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г. Всесоюзный институт растениеводства, которым Вавилов руководил до августа 1940 г.). С 1923 по 1939 г. Вавилов также был директором Государственного института опытной агрономии, а с 1934 по 1940 г. — директором Института генетики АН СССР.

В 1924–1939 гг. Вавилов организовал многочисленные научные экспедиции в различные районы СССР и зарубежных стран, в ходе которых были выявлены мировые очаги происхождения культурных растений и собрана уникальная коллекция их семян (около 250 тыс. образцов). Эта коллекция, сохранявшаяся во Всесоюзном институте растениеводства, стала первым в мире банком генов, на её основе выведено свыше 450 сортов сельскохозяйственных растений. Сам Вавилов побывал за это время более чем в 40 странах; его поездки были порой трудны и опасны и по праву считаются выдающимися путешествиями. Так, в 1925 г., во время экспедиции в Афганистан, Вавилов и его спутник Д. Д. Букинич были первыми европейцами, проникшими в труднодоступную область Нуристан. После этой экспедиции в 1925 г. Вавилов был награжден Русским географическим обществом серебряной медалью имени Н. М. Пржевальского с формулировкой «за географический подвиг».

В 1920-х гг. Вавилов был инициатором и организатором первых крупных советских экспедиций в Латинскую Америку и сам дважды — в 1930 и в 1932–1933 гг. совершил продолжительные путешествия по странам этого региона.

Вавилов вёл большую научно-организационную деятельность. Под его руководством в СССР была создана система государственных испы-

таний сортов полевых культур и организованы многочисленные научно-исследовательские институты аграрного профиля. Н. И. Вавиловым были сформулированы крупные научные обобщения в области генетики и эволюционного учения. Его основными научными достижениями считаются учение об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям, закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, теория о происхождении культурных растений из нескольких мировых центров. За труд «Центры происхождения культурных растений» в 1926 г. удостоен высшей научной награды СССР — Ленинской премии.

Вавилов обладал огромным авторитетом в мировом научном сообществе, избирался иностранным членом Английского королевского общества, Аргентинской, Германской, Индийской, Чехословацкой, Шотландской академий наук, Лондонского Линнеевского общества, Американского ботанического общества и ряда многих национальных и международных организаций, в том числе Национального географического общества США и Королевского географического общества Великобритании. В 1939 г. Вавилова избрали президентом VII Международного конгресса по генетике, проводившегося в Эдинбурге, но он не получил разрешения на выезд из СССР и не смог принять участия в этом форуме.

С середины 1930-х гг., когда в советской биологии разгорелась острая политическая дискуссия, Вавилову пришлось отстаивать свои научные убеждения от лженаучных нападок. Известен его мужественный ответ оппонентам: «Пойдём на костёр, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся».

В августе 1940 г. Н. И. Вавилов был арестован во время экспедиции по Западной Украине и 9 июля 1941 г. приговорён к расстрелу (впоследствии заменённому на 20 лет заключения) по ложным обвинениям в создании антисоветской организации — «Трудовой крестьянской партии», деятельность которой якобы была направлена «на подрыв и ликвидацию колхозного строя и на развал и упадок социалистического земледелия в СССР»; в передаче «заграничным белоэмигрантам сведений, являющихся государственной тайной». В октябре 1941 г. Вавилова этапировали из Москвы в Саратов, где он в 1943 г. умер в тюрьме от истощения и болезней. В тюремной камере Вавилов писал книгу по истории развития мирового земледелия; эту рукопись после его смерти уничтожили.

20 августа 1955 г. Н. И. Вавилов был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

Имя Вавилова носят ледник и горный перевал на Памире, ледник на острове Северная Земля, кратер на Луне, посёлок в Дагестане, где располагалась основанная им опытная сельскохозяйственная станция.

Научное наследие Н. И. Вавилова составляют более 300 научных статей и монографий, опубликованных на различных языках мира.

Основные печатные труды: «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям» (1919, 2-е изд. 1935); «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» (1920, 2-е изд. 1935); «Центры происхождения культурных растений» (1926); «Земледельческий Афганистан» (1929, совместно с Д. Д. Букиничем); «Линнеевский вид как система» (1931); «Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света» (1931); «Растительные ресурсы земли и их использование для социалистического земледелия» (1934); «Научные основы селекции пшеницы» (1935); «Ботанико-географические основы селекции» (1935); «Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения» (1939); «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции» (1957); «Пять континентов» (1987).

Литература

Вавилов Н. И. Пять континентов. М.: Наука, 1987.

Есаков В. Д., Левина Е. С. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. // Научное наследство. Т. 10. М.: Наука, 1987.

Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1987.

Резник С. Е. Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968. («Жизнь замечательных людей»)

Сизоненко А. И. Академик Н. И. Вавилов и Латинская Америка. Русские в Латинской Америке (очерки). М.: ИЛА РАН, 2005.

Сизоненко А. И. Николай Вавилов. Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео: Мастерграф, 2009.

Послесловие

Во время работы над этой книгой в Латинской Америке произошли два знаменательных события. 17 ноября 2011 г. в опытном хозяйстве «Ла-Эстансуэла», что в полутора часах езды к западу от Монтевидео, была установлена мемориальная доска в честь пребывания в 1932 г. в Уругвае выдающегося российского учёного Николая Ивановича Вавилова. 12 октября 2012 г. в чилийском порту Вальпараисо открыли мемориальную доску русским мореплавателям и географам, посетившим в XIX в. Чили и внёсшим большой вклад в изучение берегов и прибрежных вод этой страны. Эти мемориальные доски напоминают о путешествиях и географических исследованиях наших соотечественников в Латинской Америке, их не случайно украшает эмблема Русского географического общества. Те, чью память увековечивают, были его основателями, активными членами и руководителями.

В наших очерках мы старались как можно подробнее рассказать о поездках и экспедициях большинства выдающихся русских географов и путешественников, побывавших в Латинской Америке в XIX — первой половине XX в.

Но представленными на суд читателя очерками хроника путешествий русских географов в эти далёкие земли, безусловно, не исчерпывается. Ещё ждут обработки путевые заметки известного зоолога и географа Леопольда Ивановича Шренка, посетившего Бразилию и Перу во время плавания на фрегате «Аврора» в 1853–1854 гг. Насколько нам известно, ещё не изучались или, во всяком случае, не были предметом публикаций записки о Бразилии и Чили ботаника Карла Ивановича Максимовича — участника кругосветного плавания на фрегате «Диана» в 1853–1857 гг. Эти и другие интереснейшие материалы (например, записки натуралиста Вильгельма Готлиба Тилезиуса, путевые заметки участника первого русского кругосветного плавания, биолога и этнографа Ильи Гавриловича Вознесенского, посетившего Южную Америку по пути на Аляску в 1840 г.) хранятся в Петербургском отделении Архива Академии наук.

За рамками книги остались также наши соотечественники, навсегда покинувшие Россию и занимавшиеся географическими исследованиями, состоя на службе латиноамериканских государств. Среди них было немало выдающихся учёных и государственных деятелей. Один из них — Николай Михайлович Альбов (1866–1897), бывший профессор Новороссийского университета в Одессе, переселившийся в 1895 г. в Аргентину и прославившийся как исследователь природы Патагонии и Огненной Земли. Другой — Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957) — генерал русской армии, который оказался в эмиграции в Парагвае и несколько лет занимался изучением географии и этнографии труднодоступного района Чако-Бореаль. Географические знания, несомненно, помогли генералу Беляеву, в 1933 г. возглавившему генеральный штаб парагвайской армии, выиграть войну с соседней Боливией, поскольку боевые дей-

Участники экспедиции «Русские географы в Южной Америке» (слева направо): Н.В. Добролюбова, В.Р. Битюкова, А.В. Бредихин, А.С. Наумов, В.Н. Холина, С.А. Добролюбов. Перу, 2012 г.

ствия разворачивались в основном на территории Чако.

Наконец, не рассказали мы и о тех побывавших в Латинской Америке наших соотечественниках, кто не был профессионально связан с географией, не состоял в Русском географическом обществе и не оставил путевых заметок географического характера.

Тем не менее мы надеемся, что эта книга поможет составить представление как о самых значительных с точки зрения научных результатов, так и о самых ярких по насыщенности приключениями путешествиях русских географов и мореплавателей в Латинскую Америку. Мы будем рады, если наши очерки заинтересуют читателей самых разных возрастов и профессий, но особенно рассчитываем на тех, кто любит путешествовать и мечтает побывать (а может быть, уже побывал) в Латинской Америке. Надеемся, что опыт выдающихся географов прошлого, описанный в нашей книге, будет полезен современным путешественникам.

Авторы

Сведения об авторах

Алексей Станиславович Наумов

Кандидат географических наук, доцент географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Действительный член Русского географического общества. В 1986 г. провел 10 месяцев в Колумбии на стажировке в университете «Лос-Андес» (Богота), в 1998 г. преподавал в другом университете этой страны – «Дель Валье» (Кали). В 2001—2011 гг. руководил международными исследовательскими проектами в сельскохозяйственных районах Бразилии и Уругвая. Побывал почти во всех странах Латинской Америки (в Карибском бассейне – только на Кубе). Начальник экспедиции РГО «Русские географы в Южной Америке».

Дмитрий Вадимович Белов

Выпускник географического факультета МГУ; в 1987-1988 гг. проходил преддипломную практику в Гаванском университете на Кубе. Кандидат экономических наук. Начальник отдела Аргентины, Парагвая и Уругвая Латиноамериканского департамента МИД России. Работал в посольствах России в Колумбии (1997—2001) и в Уругвае (2006—2011). Побывал почти во всех южноамериканских странах. Читает лекции по российско-латиноамериканским отношениям, экономике, политике и культуре Латинской Америки в ряде российских университетов.

Андрей Владимирович Бредихин

Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой геоморфологии и палеогеографии, заместитель декана географического факультета МГУ. Действительный член Русского географического общества. Член Национальной академии туризма. Путешествовал по Кубе, Мексике, Перу, Чили, Эквадору; был на Огненной Земле и в Антарктиде. Участник экспедиции РГО «Русские географы в Южной Америке».

Сергей Анатольевич Добролюбов

Доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой океанологии, заместитель декана географического факультета МГУ. Член Президиума уче-

ного совета Русского географического общества. Участвовал в научных рейсах в Атлантическом океане; посещал Огненную Землю и Антарктиду. Был в Аргентине, Мексике, Перу, Чили, Коста-Рике, на Кубе и на Ямайке. Участник экспедиции РГО «Русские географы в Южной Америке».

Борис Николаевич Комиссаров

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Действительный член Русского географического общества, председатель комиссии по истории географических знаний РГО. В 1988-2010 гг. неоднократно бывал в Бразилии, где читал лекции, организовывал выставки, участвовал в международных форумах, готовил к изданию книги. Почетный президент Международной ассоциации по изучению Лангсдорфа, член-корреспондент Бразильского института истории и географии, Института истории Петрополиса, Института истории и географии Нитероя, Института культуры Ф.Г. Албукерки, Центра исторических исследований Санта-Крус. Кавалер бразильского Ордена Рио Бранко III степени.

Участники экспедиции «Русские географы в Южной Америке» (слева направо): А.В. Бредихин, В.Р. Битюкова, В.Н. Холина, А.С. Наумов, Н.В. Добролюбова, С.А. Добролюбов. Перу, 2012 г.

Александр Иванович Сизоненко

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. Член Союза журналистов России. Выступал с лекциями в университетах Аргентины, Кубы, Мексики, Никарагуа, Чили. Участвовал в налаживании контактов с соотечественниками, проживающими в странах Латинской Америки, по линии фонда «Русский мир».

Диана Владимировна Соколова

Ведущий инженер географического факультета МГУ. Специалист в области компьютерной картографии.

Виталий Николаевич Танасийчук

Доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Зоологического института РАН. Действительный член Русского географического общества. Энтомолог, палеозоолог, путешественник. Автор научно-популярных книг о животных и документальной повести «Трое на Рио Парагвай» об экспедиции 1914-1915 гг., одним из участников которой был его отец.

Вероника Николаевна Холина

Кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. Действительный член Русского географического общества. Посещала Аргентину, Бразилию, Кубу, Перу, Уругвай, Чили. В 1996 г. в составе официальной делегации России участвовала в мероприятиях по празднованию 150-летия Н.Н. Миклухо-Маклая в Австралии. Участник экспедиции РГО «Русские географы в Южной Америке».

Содержание

Обращение к читателям 5
Предисловие 7

Глава I. Плавания русских моряков к берегам Южной Америки
в первой половине XIX в. (*С. А. Добролюбов*) 17

И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский:
кругосветное плавание 1803–1806 гг. 19

В. М. Головнин: 1807–1809 и 1817–1819 гг. 35

М. П. Лазарев: 1813–1816, 1819–1821, 1822–1825 гг. 59

О. Е. Коцебу: 1815–1818 и 1823–1826 гг. 75

Ф. П. Литке: 1817–1819 и 1826–1829 гг. 91

Глава II. Г. И. Лангсдорф: путешествие по Бразилии
в 1815–1829 гг. (*Б. Н. Комиссаров*) 105

Глава III. П. А. Чихачёв: путешествие по Мексике
и Южной Америке в 1835–1836 гг. (*Б. Н. Комиссаров*) 125

Глава IV. Ф. П. Врангель: путешествие
по Мексике в 1835–1836 гг. (*А. С. Наумов*) 141

Глава V. А. В. Вышеславцев: плавание на «Пластуне»
и «Новике» в 1857–1860 гг. (*Д. В. Белов*) 161

Глава VI. Н. Н. Миклухо-Маклай: посещение
Южной Америки и острова Пасхи в 1871 г. (*В. Н. Холина*) 177

Глава VII. А. И. Воейков: путешествие по Мексике, Центральной
и Южной Америке в 1874—1875 гг. (*А. С. Наумов*) 195

Глава VIII. С. О. Макаров: плавание 1886–1889 гг.
(*С. А. Добролюбов*) 213

Глава IX. А. С. Ионин: путешествия по Южной Америке в 1886 и 1889 гг. (*Д. В. Белов*). 223

Глава X. С. К. Патканов: поездка на Юкатан в 1894 г. (*А. И. Сизоненко, А. С. Наумов*) 245

Глава XI. С. В. Гейман, Г. Г. Манизер, И. Д. Стрельников, Н. П. Танасийчук, Ф. А. Фиельструп: экспедиция в Южную Америку в 1914–1915 гг. (*А. С. Наумов, В. Н. Танасийчук*). 261

Глава XII. Б. Ф. Добрынин: поездка в Мексику в 1925 г. (*А. В. Бредихин*). 289

Глава XIII. С. М. Букасов, Ю. М. Воронов: ботанические экспедиции в Мексику, Центральную и Южную Америку в 1925–1929 гг. (*А. С. Наумов*). 303

Глава XIV. Н. И. Вавилов: поездки по Латинской Америке в 1930 и 1932–1933 гг. (*А. С. Наумов, А. И. Сизоненко*) 335

Послесловие 367

Сведения об авторах 369

THE GREAT RUSSIAN EXPEDITIONS. RUSSIAN GEOGRAPHERS IN LATIN AMERICA: CHRONICLES OF TRAVELS IN THE 19TH — 1ST MID 20TH CENTURIES.

ABSTRACT

The Great Russian Expeditions. Russian Geographers in Latin America: Chronicles of Travels in the 19th — 1st mid 20th Centuries. Edited by Alexey Naumov. — Moscow.: AST, 2014. — 376 p.; illustrated

The book is devoted to the expeditions of Russian geographers to Latin America. It comprises narrations about the prominent travellers who discovered the remote Latin American countries for their country — Russia and made valuable contribution to geographical studies of this region of the world. The chronicles of expeditions start from the first Russian circumnavigations of the Earth, and end with the travels of the famous biologist and geographer Nikolay Vavilov to Latin America in the 1930s. The authors of the chronicles use as sources numerous archival materials, some of which are published for the first time. The book is illustrated with the maps of Russian travellers' routes, copies of documents, drawings and photographs made during expeditions. The book is published with the financial support of The Russian Geographical Society.

LAS GRANDES EXPEDICIONES RUSAS. GEÓGRAFOS RUSOS EN AMÉRICA LATINA: CRÓNICAS DE LOS VIAJES DEL SIGLO XIX Y DE LA PRIMERA MITAD DEL SIGLO XX.

RESUMEN

Las grandes expediciones rusas. Geógrafos rusos en América Latina: crónicas de los viajes del siglo XIX y de la primera mitad del siglo XX. Editado por Alexey Naúmov. — Moscú.: AST, 2014. — 376 p.; ilustrado

El libro esta dedicado a las expediciones de los geógrafos rusos a Latinoamérica. Contiene narraciones sobre los prominentes viajeros, quienes han descubierto los remotos paises latinoamericanos para su país — Rusia y aportaron una contribución valiosa a la ivestigación de la geografía de esta región del mundo. Las crónicas de expediciones comienzan por las primeras circunnavegaciones rusas de la Tierra y terminan con los viajes del famoso biólogo y geógrafo Nikoláy Vavilov a América Latina, realizados en los años 1930. Los autores de las crónicas han utilizado como fuentes numerosos documentos de los archivos, algunos de ellos se publican por primera vez. El libro esta ilustrado con mapas de las rutas de los viajeros rusos, copias de los documentos, dibujos y fotografías, hechas en las expediciones. El libro esta publicado con el apoyo financiero de la Sociedad Geográfica de Rusia.

Научно-популярное издание

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ.
РУССКИЕ ГЕОГРАФЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
хроника путешествий XIX — первой половины XX в.

Авторы: *Д. В. Белов, А. В. Бредихин, С. А. Добролюбов,*
Б. Н. Комиссаров, А. С. Наумов, А. И. Сизоненко,
Д. В. Соколова, В. Н. Танасийчук, В. Н. Холина

Заведующая редакцией «Аванта» *В. Чемякина*
Ответственный редактор *С. Мирнова*
Научный редактор *А. Наумов*
Литературный редактор *С. Курчина*
Макет и оформление *Л. Ковальчук*
Бильдредакторы: *О. Зубкова, О. Лесняк, Е. Сучкова*
Технический редактор *Н. Лисицына*
Компьютерная верстка *Л. Быковой*
Цветоделение *Е. Гвоздевой, А. Копай-Горы*
Художник *В. Гудина*
Карты *Д. Соколовой*
Обложки: *А. Закопайко* (Великие русские экспедиции),
Л. Ковальчук (Русские географы в Латинской Америке)

Фотографии предоставлены: А. В. Бредихиным, С. А. Добролюбовым,
Н. В. Добролюбовой, А. С. Наумовым, В. Н. Холиной, В. В. Горбатовским,
фотобанком Shutterstock

В качестве иллюстраций использованы материалы
из Научного архива РГО и личных собраний авторов

Подписано в печать 10.12.2013. Формат 84x108/16. Гарнитура LazurskiC. Усл. печ. л. 39,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № . (Русские географы в Латинской Америке)
Тираж 1000 экз. Заказ № . (Великие русские экспедиции)

12+

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Адрес в Интернете: www.ast.ru

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

По Латинской Америке путешествовали такие известные отечественные географы, как Ф.П. Литке, Ф.П. Врангель, О.Е. Коцебу, Г.И. Лангсдорф, А.И. Воейков, Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.И. Вавилов, бывали там и другие исследователи. К сожалению, пребывание русских географов в этом регионе освещалось мало, многие сведения об их путешествиях неполны либо утрачены. Книга «Русские географы в Латинской Америке» заполняет эти «белые пятна». Она знакомит читателя с основными экспедициями, совершенными нашими соотечественниками в далекие латиноамериканские страны в XIX — первой половине XX в. В очерках повествуется об ученых, судьбы которых являют яркий пример служения географической науке и Отечеству, как бы далеко от него они ни находились.

ISBN 978-5-17-083909-4